

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

# С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ  
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

5

Сентябрь — Октябрь

1968



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва

ВОЛГОДСКАЯ  
общественная библиотека  
им. Н. Б. Бабушкина

**Редакционная коллегия:**

**Ю. П. Петрова-Аверкиева** (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,  
**Н. А. Баскаков**, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),  
**Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потанов**, **В. К. Соколова**,  
**С. А. Токарев**, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главного редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

**К. В. Чистов**

## **ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ<sup>1</sup>**

Для современного этапа развития этнографии и фольклористики характерно стремление четче определить свой предмет, свои границы и взаимоотношения со смежными или родственными науками. Так, сравнительно недавно обсуждалась проблема взаимоотношения этнографии, истории и социологии. В последние годы неоднократно дебатировались различные аспекты взаимоотношения этнографии и географии населения этнографии и археологии, этнографии и антропологии, этнографии и этнической картографии, этнографии и топонимики и т. д. С другой стороны, продолжается обсуждение роли и места фольклористики в ряду общественных наук<sup>2</sup>; памятна дискуссия, связанная с книгой Б. А. Рыбакова «Древняя Русь», которую можно было бы обозначить «фольклор — история — археология»; общеакадемический научный совет по фольклору планирует в 1968 г. конференции по проблемам «фольклор и литература» и «фольклористика и музыковедение».

Проблема «фольклор и этнография» чрезвычайно обширна и может рассматриваться на разных теоретических и хронологических уровнях. Известно, что этнография интересуется определенными проблемами истории народов земного шара, начиная с первобытности и кончая современностью. Таков же и исторический возраст фольклора. Он возник впервые в процессе формирования человеческой речи. Вместе с тем для многих народов земного шара (даже для большинства из них) фольклор — явление живое и актуальное или, по крайней мере, связанное с самым недавним прошлым. Поэтому мы остановимся в настоящей статье лишь на некоторых вопросах, которые имеют сейчас наибольший практический интерес как для фольклористики, так и для этнографии.

В. Е. Гусев, подчеркивая специфику фольклора как искусства, с одной стороны, коллективного, а с другой — синкретического по своему характеру, т. е. использующего в качестве своего материала не только слово, но и мимику, жест, мелодию, элементы хореографии и т. д., ратовал за фольклористику как самостоятельную науку, которая в своем движении должна избежать как Сциллы литературоведения, так и Харибды этнографии. Я не думаю подвергать сомнению право фольклористики на самостоятельность — у нее, действительно, есть свой достаточно обширный и определенный предмет, и, тем более, я не думаю подвергать сомнению специфику фольклора как явления искусства, однако важно подчеркнуть, что основная особенность фольклористики заключается и должна заключаться как раз в том, что она одновременно является и наукой филологической и этнографической, поскольку каждое

<sup>1</sup> Статья написана на основании доклада, прочитанного на конференции «Фольклор и этнография», состоявшейся 26—29 марта 1968 г. при Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР (см. о ней в этом же номере журнала, стр. 143—149).

<sup>2</sup> Доклад на эту тему читался в 1968 г. В. Е. Гусевым в Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР и Ин-те русской литературы АН СССР. См. также его книгу «Эстетика фольклора», Л., 1967.

фольклорное явление есть всегда и одновременно и факт народного быта, и факт словесного искусства. Иными словами, каждое фольклорное явление есть и бытовое, и эстетическое явление.

Вместе с тем фольклор (особенно если обратиться к прошлому) не просто одно из многих проявлений народного быта; фольклором был пронизан весь народный быт во всех его проявлениях. В фольклорные формы отливался народный опыт и народные знания, народные представления сначала родов и племен, позже — народов о прошлом земли, на которой они обитали или обитают. Фольклор был, как справедливо писал В. Я. Пропп, «интегрирующей частью обрядов»<sup>3</sup>, причем обрядов самых различных — и производственных (охотничьих, рыбачьих, скотоводческих, земледельческих), и семейно-родовых (родильных, инициационных, свадебных, похоронных). В древнейших синкретических формах фольклора исследователи справедливо видят зачатки того, что позже в системе развитых и дифференцированных культур становится наукой, литературой, религией. В своих более поздних формах фольклор был важнейшим видом и формой народной идеологии и народных развлечений, средством воспитания детей и сферой художественной деятельности человечества, весьма существенной частью национальной культуры<sup>4</sup>.

Фольклор не только важнейший элемент народного быта, в нем подчас сохраняются драгоценные свидетельства о социальном строе, общественных институтах, верованиях, социальной психологии и материальной культуре прошлых эпох, не зафиксированные в источниках иного рода — письменных документах или археологических памятниках.

Фольклор — бесспорно, один из важнейших этнографических источников. Однако этой формулой иной раз злоупотребляют или она понимается таким образом, что совершенно затемняется другая сторона проблемы, о которой только что шла речь. Утверждается, что фольклор важен этнографам не сам по себе, не как неотъемлемая часть народного быта и народной культуры, а лишь как источник для изучения других сторон и других элементов быта — социальных отношений и пережитков, одежды, жилища, пищи и т. д.

Это явная аберрация, свидетельство узости взглядов, издержки чрезмерной специализации, которая характерна для нашего времени, потеря представления об этнографии как о комплексной науке, изучающей народный быт и его историю как целостное явление, органической частью которого является и фольклор.

Русская этнография вправе гордиться тем, что фольклорные исследования и фольклорные проблемы всегда занимали важное место в системе этнографических знаний. Не перечисляя всем известных имен и книг, можно напомнить, что в деятельности таких замечательных этнографов, как Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров, фольклор всегда занимал важное место. Фольклорная комиссия Института этнографии в начале 1930-х годов возглавлялась выдающимся советским фольклористом М. К. Азадовским, учившимся этнографии у Л. Я. Штернберга и впоследствии много сделавшим для изучения русского населения Сибири. В 1920—1930-е годы Центральный музей народоведения возглавлял известный фольклорист Б. М. Соколов.

<sup>3</sup> В. Я. Пропп, Специфика фольклора, в кн. «Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова. Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук», Л., 1946, стр. 138, сл.

<sup>4</sup> Подробнее о роли фольклора в процессе развития современной культуры и о задачах фольклористики см.: К. В. Чистов, Фольклористика и современность, «Сов. этнография», 1962, № 3.

Эти традиционные связи фольклористики и этнографии в наши дни получили свое продолжение в деятельности этнографов-сибироведов, африканистов, американистов и востоковедов различных специализаций<sup>5</sup>.

Заметным явлением в этом смысле стали фольклорные разделы томов серии «Народы мира». Впервые в нашей стране были опубликованы сведения о фольклоре большинства народов земного шара. Разделы эти очень различны. К сожалению, некоторые из них коротки и формальны. Однако в своей совокупности они охватили огромный материал, превосходящий имеющиеся в международной фольклористике сводки материалов. Весьма важно и то, что сведения о фольклоре отдельных народов или групп народов являются здесь составной частью общего этнографического описания.

Отметим еще одно характерное заблуждение, отчасти связанное с упоминавшейся формулой «фольклор — этнографический источник». Оно заключается в том, что в фольклористических исследованиях будто бы есть аспекты и темы филологические и этнографические, причем те и другие могут существовать и развиваться отдельно и независимо друг от друга. Это, безусловно, не так.

В этой связи полезно обратиться к некоторым проблемам, которыми была занята наша фольклористика в последние годы, и осветить их с этой точки зрения.

Последние годы можно отчетливо разделить на два весьма различных периода в развитии фольклористики. Второй из них начался с середины 1950-х годов и длится по настоящее время. На рубеже этих двух периодов, особенности которых связаны с общими общественно-политическими процессами, — четырехтомные коллективные «Очерки по истории русского народного поэтического творчества», оказавшие значительное влияние на всю советскую фольклористику. «Очерки» были первой попыткой развернутого исторического рассмотрения русского фольклора. В подготовке этого издания принимали участие видные специалисты-фольклористы — медиевисты и руссисты<sup>6</sup>. Именно поэтому темпераментная дискуссия, которая сопровождала появление четырехтомника, могла иметь в виду не индивидуальные успехи или поражения отдельных авторов, а трактовать положительные или отрицательные качества «Очерков» как достоверные свидетельства состояния науки в целом (особенно русской фольклористики).

Один из крупнейших недостатков «Очерков» заключался в попытке применить к фольклору общеисторическую или общелитературную периодизацию. Выяснилось, что фольклор плохо уместается в рамки подобных членений<sup>7</sup>. Как бы в конечном счете ни зависело его развитие от общих социально-экономических и политических причин, он развивается вместе с тем и по своим специфическим закономерностям. (Кстати

<sup>5</sup> См. В. К. Соколова, Советская фольклористика к 50-летию Октября, «Сов. этнография», 1967, № 5; А. И. Першиц и Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии, там же.

<sup>6</sup> «Русское народное поэтическое творчество», т. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в.», М.—Л., 1953; т. II, кн. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века», М.—Л., 1955; т. II, кн. 2 — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века», М.—Л., 1956; «Очерки русского народного поэтического творчества советской эпохи», М.—Л., 1952.

<sup>7</sup> М. О. Скрипиль, Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVIII веков), «Русский фольклор», вып. 1, М.—Л., 1956; А. Н. Лозанова, Вопросы периодизации русского народного поэтического творчества (от XVIII века до кануна Великого Октября), там же; А. Д. Сойманов, К вопросу о периодизации народного поэтического творчества советской эпохи, там же.

говоря, учесть недостатки этой периодизации важно и для других разделов этнографии. Механическое перенесение общей периодизации на конкретные разделы истории материальной и духовной культуры обычны, и столь же нуждаются в критическом рассмотрении). Дальнейшее изучение и обсуждение этого вопроса фольклористами показали, что необходимо систематическое и тщательное изучение законов развития отдельных жанровых форм, выяснение особенностей отношения каждого жанра к исторической действительности, характера его историзма, типа его связи с другими жанрами, изучение причин продуктивности или непродуктивности жанров в отдельные исторические периоды, природы традиционности и способов передачи по традиции, степени изменчивости текстов и границ этой изменчивости, степени проницаемости отдельных жанров для межэтнических влияний и т. д.

В последующие годы фольклористами, изучающими фольклор различных народов Советского Союза, было создано, как констатировал В. Я. Пропп в одной из своих статей, «учение о жанрах» или теория жанров. Был выдвинут тезис: «жанр — основная категория фольклористики»<sup>8</sup>.

Казалось бы, что все это вопросы сугубо филологические или историко-эстетические. Однако это не так. Жанр в фольклоре — не просто определенный тип сочетания содержания и формы (как это принято писать в общих пособиях по эстетике) и не только тот или иной тип сочетания элементов словесных, мимических, музыкальных и т. д. Жанр — это прежде всего определенная социально-бытовая функция, бытовое назначение<sup>9</sup>.

Уже говорилось, что фольклор — широкая область, которая удовлетворяла (или удовлетворяет) самые различные потребности исполнителей и слушателей, т. е. фольклор полифункционален. Родовое сказание и заговор при свеживании убитого зверя, историческая песня и похоронное причитание, календарно-обрядовая песенка и социально-утопическая легенда, загадка и лирическая баллада отличаются не только тематически и даже не просто как художественные структуры разного характера, но именно своим бытовым назначением, функцией. Последняя определяет и материал (т. е. тип сочетания слова с элементами других искусств), при помощи которого та или иная потребность удовлетворяется, и тип сочетания элементов практического и эстетического характера, и все дальнейшее — поэтику жанра, характер его отношения к действительности, особенности бытования текстов, границы социально-психологической общности, которая считает тот или иной текст своим коллективным достоянием, и все другие особенности жанра или отдельного фольклорного произведения на определенном этапе его развития. Таким образом, кардинальная проблема фольклористики — специфика жанров — может быть решена только при условии рассмотрения каждого жанра одновременно и в филологическом, и в культурно-бытовом, т. е. этнографическом аспекте.

То же самое можно было сказать и о таком казалось бы специфическом филологическом разделе фольклористики, как текстология,

<sup>8</sup> В. Я. Пропп, Фольклор и действительность, «Русская литература», 1963, № 3; его же, Принципы классификации фольклорных жанров, «Сов. этнография», 1964, № 4. Указания на работы по отдельным жанрам см.: М. Я. Мельц, Русский фольклор. Библиографический указатель. 1945—1959 г. Л., 1961; е е же, Русский фольклор. Библиографический указатель, 1960—1965, М., 1967.

<sup>9</sup> Подробнее см. об этом в наших работах: «К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы», М., 1964 и «Проблема категории устной народной прозы несказочного характера», журн. «Fabula», В. 9, Hft. 1—3, S. 13—26.

тоже особенно активно развившемся в последние годы<sup>10</sup>. Фольклористическая текстология исходит в понимании своих задач прежде всего из основного различия между фольклором и литературой (равно письменной или печатной). Оно заключается в следующем. Литературный текст — материализованный посредник между писателем и читателем. Вместе с тем, он обычно разъединяет их хронологически и локально. В фольклоре же устный текст объединяет в едином и одновременном акте творчество (исполнение) и восприятие (исполнителя и слушателя), а каждое новое звучание текста есть не просто прочтение однажды зафиксированного, а воспроизведение, восстановление текста в его звуковых, мимических, музыкальных, хореографических и других формах в соответствующих условиях общения исполнителя и слушателя, т. е. в конечном счете в определенных бытовых условиях. Следовательно, и эта филологическая проблема в конечном счете оказывается одновременно проблемой и филологической, и этнографической.

С другой стороны, этнограф, занимающийся фольклором, или даже просто соприкасающийся с ним, не может каждый раз не учитывать филологической (или, точнее, теоретико-эстетической) стороны дела и прежде всего специфики того фольклорного жанра, к которому он обращается. Проблема усложняется еще тем, что в фольклоре, так же как во многих других видах искусства, отражается, как правило, не историческая действительность, а народное отношение к ней, определенный тип и способ ее понимания и художественной обработки.

Классический пример ошибки, связанной с непониманием этой особенности народной поэзии, — статья С. К. Шамбинаго<sup>11</sup>, который считал, что изображение жилища в былинах полностью соответствует действительности, и поэтому по былинам можно будто бы восстановить не только весьма ценное для нас представление крестьян о старинном жилище, но и само это жилище. Характерно, что при этом он пришел к выводу, что в былинах «описано» жилище не киевской поры, а московского периода. Это не смутило исследователя. Он считал, что былина при своем возникновении отражает действительность прямо и непосредственно и поэтому счел возможным и само возникновение былин отнести к московскому периоду.

С. К. Шамбинаго был приверженцем так называемой «исторической школы» в русской фольклористике, считавшей, что историческая действительность отражается в фольклоре и в деловой письменности (летописи) примерно одинаково. Почему бы и не считать былинку не только историческим документом, но и своеобразным этнографическим очерком? Эта характерная ошибка передалась даже такому крупному ученому, как Б. Д. Греков. Она сказалась в его известной и чрезмерно прямолинейной формуле: «Былины — летопись, написанная самим народом». Впрочем, подобным ошибкам подвержены и фольклористы. Так, например, В. Е. Евсеев видит в «больших полях», которые упоминаются в карельских рунах, не идеализированное представление карельского крестьянина, теснившегося на каменных полосках, а прямое отражение некогда существовавших общинных запашек (существовали ли таковые в действительности — тоже еще нужно доказать!)<sup>12</sup>. Одним словом, смысл и достоверность любого факта, который можно отыскать

<sup>10</sup> См. К. В. Чистов, *Современные проблемы текстологии русского фольклора*, М., 1963; Сб. «Текстологические принципы изучения фольклора», М.—Л., 1965 и др.

<sup>11</sup> С. К. Шамбинаго, *Древнерусское жилище по былинам*, «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», М., 1900.

<sup>12</sup> В. Я. Евсеев, *Исторические основы карело-финского эпоса*, кн. I, М.—Л., 1957, стр. 151—154 и др.

в фольклорном тексте, может быть установлен только при условии ясного понимания художественной системы, в которую он включен, его назначения в системе жанра. Степень достоверности или деформации факта, его реальность или идеализированность, историчность или фантастичность (все эти случаи можно встретить в фольклоре!) зависят и от жанра, и от конкретного соотношения вещей в конкретном произведении.

Эта тема — методика определения достоверности данных, извлекаемых из фольклорного текста, — заслуживает специального и систематического рассмотрения. Приведу только один пример, который мне представляется выразительным. В традиционном севернорусском обряде важное место занимает баня. Ей придавалось не только гигиеническое, но и магическое, обрядовое значение. Вопрос этот рассматривался в свое время Д. К. Зелениным и Е. Г. Кагаровым, а в недавнее время заново и очень обстоятельно исследован в книге финляндского слависта Н. Вахрос<sup>13</sup>.

Как же и чем топились предсвадебная баня? Кроме свидетельств наблюдателей, сохранились так называемые «баенные» причитания, в которых изображаются обрядовые действия, совершавшиеся в процессе топки бани. Однако при внимательном чтении «баенных» причитаний можно обнаружить не только в разных, но даже в одних и тех же текстах (данный пример именно этим и интересен) весьма противоречивые данные. Так, в одном из подобных текстов, записанных Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, изображается, как невесту ведут в баню. Ей говорят о том, что баня топилась наилучшим образом — наилучшими дровами, какие только можно измыслить, и здесь вступает в силу закон идеализации:

И одно дёревче... сахарное,  
И друго дёревче... виноградное,  
И третье дёревче... дубовое<sup>14</sup>.

Известно, что в севернорусских областях дуб не растет, виноград — тем более; «сахарные» деревья не известны вовсе (если не иметь в виду сахарный тростник).

Невеста не верит тетке, топившей баню; она попрекает ее за то, что баню топили не наилучшими, а наоборот, наихудшими дровами:

Она дровцами топила все осиньма  
И лучиной разжигала все сосновой<sup>15</sup>.

Это также неправдоподобно — осиной никто не стал бы на севере топить баню, тем более свадебную.

Когда девушка, наконец, попадает в баню, рисуется третий, и наиболее близкий к действительности вариант:

Дровцама ... сосновьма  
Лучиной ... еловой ...<sup>16</sup>

<sup>13</sup> Dm. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin — Leipzig, 1927, S. 313—314; Е. Г. Кагаров, Состав и происхождение свадебной обрядности, Сб. МАЭ, 1929, т. 8, стр. 152—195; I. Vahros, Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna, Helsinki, 1966.

<sup>14</sup> «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», ч. III, в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1885, вып. III—IV, стр. 101.

<sup>15</sup> Там же, стр. 121.

<sup>16</sup> Там же, стр. 100. Ср. Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Востоочнославянский этнографический сборник», М., 1956, раздел «Топливо», стр. 267—268.



Пример этот показывает, как может меняться изображение в зависимости от эмоциональной и, следовательно, эстетической задачи, возникающей в ходе повествования. Он показывает вместе с тем, что свадебные причитания с равной легкостью допускают и приукрашенное, и ухудшенное, и правдоподобное изображение действительности. Если три подобных случая встретятся рядом в одном и том же тексте, разобраться в них не составит труда. Сложнее, когда перед нами только одно изображение и нам предстоит решить — в какой мере оно достоверно.

Совершенно то же самое мы находим и при изображении фольклором других сторон быта. Так, например, в тех же свадебных причитаниях дом жениха, в котором предстоит жить невесте, изображается тем или иным способом, в зависимости от того, кто произносит причитание и к кому оно обращено. В одном случае рисуются невиданно красивые хоромы с точеными балясинками и резными наличниками, в другом случае — это мрачная курная полуземлянка, в которую «решетом свету nanoшено». В похоронных причитаниях по девушке-невесте обычно описывается приготовленный для нее подвенечный наряд, который остался неиспользованным. Эти описания представляют большую ценность и, к сожалению, на них до сих пор еще не обратили достаточного внимания специалисты по одежде. Однако надо иметь в виду, что в этих описаниях рисуется некий идеал, который весьма редко удавалось реализовать в быту. При этом хочется подчеркнуть, что идеализированность описаний вовсе не обесценивает их — выяснить крестьянское представление об идеальной одежде, в данном случае свадебной, этнографу не менее важно, чем знать, в какой мере оно могло реализоваться. Однако для этого надо ясно представлять себе, в каких случаях мы встречаемся именно с подобными представлениями, а в каких — с изображением реально бытовавших вещей. Сходные примеры можно было бы привести из любого жанра русского фольклора или фольклора какого-либо другого народа. Сказанное касается не только материальной культуры, но и исторических фактов, отражения социальной организации и т. д. Сошлюсь на весьма интересные в этом смысле и вышедшие в последние годы книги Е. М. Мелетинского<sup>17</sup> и посмертно изданную книгу А. М. Золотарева<sup>18</sup>. В этих книгах, так же как и в более ранней книге В. Я. Проппа<sup>19</sup>, содержатся весьма поучительные образцы тактичного использования фольклорного материала при обсуждении этнографических проблем.

Итак, мысль моя заключается в том, что фольклор — явление всегда и везде одновременно и бытовое, и художественное, поэтому и фольклористика должна быть одновременно наукой и филологической, и этнографической, а каждый фольклорный факт, который используется историком или этнографом, должен быть верно оценен в его эстетическом качестве как элемент определенной художественной структуры. С другой стороны, каждый факт, найденный в записанном фольклорном тексте и заинтересовавший этнографа, должен быть оценен с его текстологической стороны, т. е. надо всегда иметь в виду закон вибрации, варьирования фольклорного текста. Сопоставление вариантов одной и той же сказки, эпической песни или баллады показывает, что в традиции было устойчивым и обязательным и что варьировалось и было более или менее случайным. Это не значит, что неустойчивое всегда неинтересно —

<sup>17</sup> Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958; его же, Происхождение эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963.

<sup>18</sup> А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

<sup>19</sup> В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946.

в вариантах может всплыть весьма архаическая лексика, содержащая драгоценные историко-этнографические свидетельства, очень интересное представление, забытое историческое имя, этноним и т. д. Однако все это требует внимательного и осторожного рассмотрения. Недавняя дискуссия об историзме русских былин еще раз показала, что исторические реалии, содержащиеся в былинных текстах, очень различны по своему характеру и степени достоверности. Она еще раз показала, какие опасности подстерегают исследователя, когда он неосмотрительно пользуется фольклорными фактами.

И, наконец, еще один вопрос. В фольклорных разделах серии «Народы мира», так же как и в вышедших томах «Очерков общей этнографии», встречаются случаи, когда сведения о фольклоре какого-либо народа по существу не включены в систему этнографического описания этого народа. Сообщается, что такой-то народ рассказывает (или рассказывал) сказки и предания, поет песни, употребляет пословицы и поговорки и затем даются отсылки на литературу. Это, разумеется, не может удовлетворить, как не могло бы удовлетворить сообщение о том, что этот же народ живет в жилищах (неизвестно каких), одевается в одежды (неизвестно какие) и употребляет пищу (неизвестно какую) или он живет семьями и объединяется в общины (неизвестно какого типа). Фольклор может стать органическим элементом этнографического описания только в том случае, когда выработано представление об его историческом типе, уровне и своеобразии, о характерной структуре его жанрового репертуара, об его этнических связях и т. д. — одним словом, когда существует, так же как в других аспектах культуры этого народа, отработанная историческая и этническая типология. Только в этом случае фольклорный материал может активно использоваться при разработке проблем этногенеза, этнической и культурной истории. Фольклорный материал раскроет содержащиеся в нем этнические проблемы только тогда, когда потребуется объяснить эту типологию и эти связи.

Так, например, фольклор палеоазиатских народов интересен не только сам по себе, но и в его связях с фольклором североамериканских индейцев и, с другой стороны, в свете проблемы так называемого «чукотского клина», рассекающего эти связи. При значительном единстве географических условий (о которых недавно с таким непомерным преувеличением писал Л. Н. Гумилев в своих статьях об «этносе»<sup>20</sup>), хозяйственно-культурного типа и, соответственно, близости материальной культуры фольклор этнических групп, населяющих Карпаты, сохраняет заметные различия (например, наличие у прикарпатских румын эпоса, которого нет ни у венгров, ни у словаков). Или другой случай: наличие эпических песен у карел и русских на Севере, живших многие столетия в весьма близких исторических и социально-экономических условиях, и совершенно разный характер карельского и севернорусского эпоса. Сказания о нартах интересны не только своими великолепными художественными качествами и уникальной архаичностью многих сюжетов, но и своей связью со специфической проблемой матриархата на Северном Кавказе и своим продолжением у абхазов, в этногенезе которых принимали участие этнические группы, родственные северокавказским. Вне этнической истории белорусов не может быть объяснено, почему в белорусском фольклоре сочетаются весьма архаические предания об «асилках» и «волотах» и очень поздняя и развитая социально-бытовая сказка.

<sup>20</sup> Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Этнография, Л., 1967; его же, Этнос как явление, там же.

Подобных примеров можно было бы привести множество. Многие из упомянутых проблем в той или иной степени затрагивались исследователями, другие только поставлены. Решению многих из них могло бы помочь активное участие фольклористов в разработке проблем этногенеза и этнической истории. Эти проблемы будут решены особенно успешно, если наши исследования будут развиваться в историко-сравнительном направлении. Недавно вспоминался замечательный завет Л. Я. Штернберга: «Знать один народ — это значит не знать ни одного». Между тем в силу целого ряда причин, действовавших в недавние годы, наши фольклористы и этнографы очень часто замыкаются в рамках одного народа или группы близкородственных народов, либо обращаются к сравнительному материалу только ради обнаружения сходства. При этом теряются представления об этнических отличиях, о специфическом развитии сходных процессов в разных исторических условиях и разных этнических средах.

Вместе с тем в последнее десятилетие именно советскими фольклористами создан ряд работ историко-сравнительного характера, имеющих важный теоретический смысл для всей этнографии и позволяющих теперь значительно лучше разбираться в сложном механизме возникновения сходных фольклорных явлений разного уровня (сюжеты, поэтика, функции жанров и т. д.), в типологии явлений, возникающих в результате действия законов конвергенции, диффузии, адаптации и т. д. Я имею в виду прежде всего работы В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа и Е. М. Медетинского и в области славистики работы П. Г. Богатырева, Б. Н. Путилова, В. Е. Гусева, В. К. Соколовой, Э. В. Померанцевой.

Очень важно было бы развернуть в Советском Союзе работу по составлению национальных и региональных сюжетных каталогов сказок, преданий, эпических и балладных песен. Подобная работа уже многие годы ведется фольклористами ряда европейских стран<sup>21</sup>. Она помогла бы выявить не только ареалы распространения тех или иных сюжетов, но и исторически сложившиеся сюжетные области с тем, чтобы впоследствии соотнести их с ареалами распространения определенных комплексов материальной культуры, обрядов, этнолингвистическими и этноантропологическими ареалами.

Фольклористы должны принять участие и в других формах этнографического картографирования, тем более, что именно фольклористикой еще второй половины XIX в. накоплен весьма значительный, хотя и очень односторонний опыт. Предстоит создать новую методику фольклористического картографирования, подчинив ее основной этнографической задаче — этнической истории народов. Есть все основания предполагать, что картографирование разных жанров фольклора, особенно обрядов и обрядового фольклора, значительно менее (или менее непосредственно) связанных с социально-экономическими и географическими условиями, могло бы дать не меньший, а может быть даже больший этнологический результат, чем картографирование сельскохозяйственных орудий, жилища и одежды. Действительно, в каком реальном взаимоотношении находятся границы ряда фольклорных явлений и этнические границы малых народов Сибири или ираноязычных и тюркоязыч-

<sup>21</sup> S. Thompson, Fifty years of folktale indexing. «Humanoria», New York, 1960, p. 49—57. Составлены и опубликованы сюжетные каталоги русских, эстонских, латышских и литовских сказок (см. Н. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929; A. Aarne, Estnische Märchen und Sagenvarianten, Helsinki, 1925; O. Loorits. Livische Märchen- und Sagenvarianten, Helsinki, 1926; A. Medne. Latviešu, dzīvnieku pasakas, Rīga, 1940; J. Balis, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, Kaunas, 1936).

ных народов Средней Азии? В каком взаимоотношении находятся, если обращаться к русским примерам, ареалы распространения русских былин или тех или иных видов свадебного обряда, ладовые особенности народной мелодики и диалектические зоны, зоны распространения типов жилища и женской одежды и т. д.? Как здесь сказалась история миграций, взаимоотношения с соседями и история отдельных этнических группировок русского народа? Все это предстоит еще выяснить.

Итак, у фольклористов и этнографов много общих проблем, нуждающихся в обсуждении. Недавняя конференция «Фольклор и этнография», проведенная Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР, явилась новым подтверждением справедливости этого заключения.

#### S U M M A R Y

An important feature of folklore studies is that they are a field of research belonging both to philology and to ethnography; each phenomenon of folklore has its aesthetic and its social aspect. This being so the philological and the ethnographical aspects of folklore studies cannot exist and grow independently of each other. The author examines certain recent problems of folklore studies from this point of view. Some problems concerning the methods of determining the authenticity of data taken from folklore texts are also considered, as well as the possibility of utilizing them in research on the history of material culture, social structure, folk ideology etc. In conclusion, some possibilities are briefly examined of compiling folklore maps as a part of work on ethnographical atlases at present underway.

---

**Э. К. Васильева**

## **ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНИ В 1967 ГОДУ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Социологическое обследование этносоциальной структуры населения городов Татарской АССР было выполнено межинститутской социологической лабораторией Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского. Проводилось оно по широкой программе, позволяющей, в частности, изучить вопросы семейной структуры различных национальных групп населения.

Полученные материалы послужат основой многопланового исследования процессов сближения этнических общностей и социальных групп внутри этнических общностей. В процессе этого исследования намечено выявить наиболее существенные факторы, влияющие на образование социальных групп городского населения, на сближение этнических общностей. Будут также изучены взаимосвязи факторов, приводящих к интеграции социальных групп городского населения и влияние типа поселения на процессы этносоциальной дифференциации и интеграции. Данные опроса городского населения Татарской АССР позволяют рассмотреть и некоторые стороны этнодемографических процессов.

Первичным материалом исследования являются опросные листы, заполненные на жителей трех городов Татарской АССР — Казани, Мензелинска и Альметьевска. Обследование городского населения проводилось методом выборочного наблюдения. Применение гнездовой выборки технически облегчило опрос, хотя при этом ошибка репрезентативности несколько выше, чем при отборе единицами.

Возможны несколько способов организации выборки населения: 1) отбор и опрос производятся по месту работы; 2) отбор — по месту работы, а опрос — по месту жительства; 3) отбор и опрос производятся по месту жительства. Последний способ обеспечивает более представительные данные. Он был применен в Альметьевске. В качестве единицы отбора (гнезда) выступали отдельные домовладения, т. е. жилые дома, в которых опрашивались все работающие. Гнездовой отбор осуществлялся на основе районирования по зонам города: 1) центральная часть города с современной городской застройкой, 2) «поселок нефтяников» — частный сектор новой застройки и 3) «Старое Альметьево» и «Бигашево» — бывшие деревни, на базе которых был создан г. Альметьевск.

В Казани и Мензелинске отбор и опрос проводились по месту работы, что менее трудоемко, чем выборка по месту жительства. Выборка была двухступенчатой. Первоначально отбирались предприятия и учреждения (гнезда), районированные по отраслям народного хозяйства. Затем — вторая ступень — на этих предприятиях и учреждениях (с районированием по укрупненным профессиональным группам) производи-

лась выборка работающих. Такой способ обеспечил пропорциональное представительство работников основных отраслей народного хозяйства и профессиональных групп.

В статье использованы материалы по Казани, где в порядке гнездовой, районированной двухступенчатой выборки было опрошено 3700 человек, что составляет около одного процента всех работающих Казани. Различные отрасли народного хозяйства и разные профессиональные группы представлены среди них в основном в тех же пропорциях, что и по городу в целом. На каждого опрашиваемого заполнялся опросный лист, составленный по детальной программе. Программой предусматривалось получение ряда сведений о самом работающем и о его семье. В частности, были собраны данные обо всех проживающих с ним членах семьи — родственные отношения, возраст, образование, место работы и выполняемая работа, национальность, а также сведения о жилищных условиях, размере дохода на душу населения. Полученные характеристики могут быть отнесены только к семьям, в составе которых есть работающие<sup>1</sup>. Семьи пенсионеров, учащихся, не имеющие ни одного работающего, и некоторые другие категории населения не были учтены. Таким образом, хотя изученная совокупность и представляет подавляющую часть населения города, было бы неверно пренебречь указанной неполнотой учета при использовании результатов разработки. Однако порядок отбора и численность выборки по Казани обеспечивает репрезентативность данных о семейной структуре населения города. Предел ошибки репрезентативности среднего размера семьи составляет (с вероятностью 0,995) 0,06 чел. Таким образом, при среднем размере семьи по выборке 3,9 чел. средний размер семьи по генеральной совокупности находится в пределах от 3,84 до 3,96.

Задача исследования семейного состава населения Казани заключалась прежде всего в том, чтобы выяснить, есть ли существенные различия между семьями в разных этнических группах, проживающих в одном городе и, следовательно, испытывающих влияние одинаковых социально-экономических факторов. В одних и тех же производственных, культурных и экономических условиях возможные различия в семейной структуре жителей обусловлены, в основном, сохранившимися особенностями семейно-бытовых традиций. Выяснение того, в какой степени в рамках современного крупного индустриального города сохраняются особенности семейной структуры населения в разных этнических группах, было одной из задач проведенной нами работы.

Национальный состав семей Казани характеризуется следующими данными:

Семьи	Число семей, % к итогу*
Русские	59
Татарские	31
Смешанного национального состава и иных национальностей:	
русско-татарские	4
русских с иными национальностями (кроме татар)	3
татар с иными национальностями (кроме русских)	1
иных национальностей	2
Всего	100

\* Анализ ведется по 3330 семьям, состоящим из двух и более человек; одиночки не включены в разработку.

<sup>1</sup> Вероятность попадания семьи в выборку была тем выше, чем больше в ее составе работающих членов, поэтому в выборочной совокупности производится пересчет доли семей с разным числом работников.

Подавляющее большинство (90%) составляют однонациональные семьи — русские или татарские. Сравнительно мало смешанных русско-татарских семей. По-видимому, при вступлении в брак национальность будущего супруга не безразлична. Повышенная доля смешанных русских семей (в которых один из супругов — русский) по сравнению с татарскими отчасти обусловлена тем, что в целом в Казани русских значительно больше, чем татар. Анализ семейной структуры проводился в основном по семьям чисто русским и чисто татарским; семьи иных национальностей и смешанного состава представлены в выборке такой малой численностью, при которой трудно получить достаточно надежные выводы, действительные для всех семей этого национального состава.

Основой формирования семей смешанного национального состава являются межнациональные браки. Частота вступления в брак с лицами не своей национальности различна у мужчин и женщин.

Ниже показывается распределение семей (в процентах) в зависимости от национальности мужчин и женщин в семье.

Мужчины	Женщины			Всего
	русские	татары	другие национальн.	
Русские	59,0	1,7	1,1	61,8
Татары	2,3	31,0	0,2	33,5
Другие национальн.-сти	1,9	0,8	2,0	4,7
Всего	63,2	33,5	3,3	100,0

Из этих данных следует, что у русских женщины чаще, чем мужчины, вступают в смешанные браки. У татар и представителей иных национальностей, напротив, среди мужчин более распространены браки с лицами не своей национальности.

В наиболее общем виде различия в семейной структуре населения улавливаются таким показателем, как средний размер семьи. Этот показатель является в известной мере синтетическим, представляющим совокупную обобщенную характеристику различий в уровне детности, сложности состава семьи и др. Семьи разных национальностей Казани по числу членов распределяются следующим образом:

Число членов семьи	Семьи % к итогу			
	русские	татарские	русско-татарские	прочие
2	12	12	5	14
3	32	25	37	29
4	32	32	34	33
5	16	19	12	18
6	5	8	6	4
7 и более	3	4	6	2
Всего	100	100	100	100

Чтобы нагляднее представить различия в размере семьи, можно увеличить интервалы, выделив семьи малого размера, средние и крупные.

Число членов семьи	Семьи, % к итогу			
	русские	татарские	русско- татарские	прочие
2—3	44	37	42	43
4	32	32	34	33
5 и более	24	31	24	24
Всего	100	100	100	100

Доля семей среднего размера одинакова у русских и у татар. Но у татар наблюдается явно выраженное преобладание крупных семей и пониженная по сравнению с русскими доля малых семей; промежуточное положение занимают русско-татарские семьи. Это находит свое выражение и в среднем размере семьи:

Семьи	Средний размер семьи (чел.)
Русские	3,8
Татарские	4,0
Русско-татарские	3,9
Прочие семьи	3,8
В среднем по всем семьям	3,9

В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что нет резких различий в размере семей разных национальностей. Наряду с этим следует отметить, что социально-экономические, профессиональные, культурные и другие факторы обуславливают более резкие различия в размере семей, чем национальные. Это видно, например, из следующей группировки семей по уровню дохода на душу населения.

Средний месячный доход семьи на душу населения, руб.	Средний размер семей
до 50	4,3
50—60	4,0
60 и более	3,5
В среднем по всем семьям	3,9

Это свидетельствует о том, что обнаруженные выше различия среднего размера русских и татарских семей могли быть обусловлены не только собственно национальными особенностями, но и различиями по доходу.

Сопоставление среднего размера семей разных национальностей в зависимости от душевого дохода представлено ниже.

Средний месячный доход семьи на душу населения, руб.	Средний размер семей	
	русских	татарских
до 50	4,2	4,5
50—60	3,8	3,9
60 и более	3,4	3,5
В среднем по всем семьям	3,8	4,0

Таким образом, в пределах одной и той же группы дохода средний размер татарских семей несколько выше, чем русских.



Средний месячный доход на душу населения, руб.	Средний размер татар- ских семей в % к среднему размеру русских семей
до 50	107
50—60	104
60 и более	102

Эти данные позволяют уловить еще одну характерную черту: национальные различия несколько ослабляются по мере перехода к группам с более высоким доходом на душу населения. Видимо, в разных социально-экономических группах населения национальные особенности не одинаковы даже в пределах одного и того же населенного пункта. При общей тенденции сближения демографической структуры населения разных национальностей и формирования единого типа населения города, отдельные социально-экономические группы занимают в этом процессе различное место. Очевидно, выравнивание семейной структуры разных национальностей идет быстрее среди населения, находящегося на более высоком социально-экономическом и культурном уровне. Общеизвестно, что этнографические особенности культуры устойчивее среди сельского населения. Это связано в первую очередь с меньшей динамичностью его общественно-экономического и культурного развития по сравнению с городским населением. Подобные явления можно наблюдать, но, естественно, в меньших масштабах, и при сравнении населения, проживающего в городах разных типов, и даже, как показали данные по Казани, жителей различных социально-экономических групп одного и того же населенного пункта. Специального изучения в связи с этим требует вопрос о влиянии типа города на формирование единой семейной структуры и на степень сохранения национальных различий в семье. Наглядным подтверждением того, что в пределах одной территории нивелируются национальные различия и складывается единый тип семейной структуры населения, могут служить данные о размере семьи в Ленинграде и русской семьи в Казани. Средний размер семьи в Ленинграде, по переписи населения 1959 г., составляет 3,1 чел. В Казани средний размер русских семей — 3,8 чел., а татарских — 4,0. Близки по величине семьи разных национальностей в одном и том же городе. Велики различия между размерами городских семей одной национальности, но в разных зонах страны.

Характеристика размера семьи дает лишь предварительную ориентировку. Чтобы провести более глубокое сопоставление структуры русских и татарских семей, нужно изучить состав семей по поколениям, по характеру родственных отношений, по числу детей и т. д. В обобщенном виде все это может быть учтено при помощи специальных группировок семей.

Вопрос о демографических группировках семей разрабатывался и разрабатывается как в нашей стране<sup>2</sup>, так и за рубежом. При разработке данных по Казани нами была составлена группировка семей, в основе которой лежали следующие признаки: число поколений в семье, возрастная группа семьи, детность, брачность.

Чтобы выяснить, к какому типу отнести семью сложного состава, в ней выделялось одно поколение, принимаемое за основное, и по отношению к нему определялись другие поколения и, наконец, тип всей семьи. За основное принималось то поколение, которое в настоящее время является наиболее перспективным с точки зрения воспроизводства населения и в известной мере определяет лицо семьи в социальном и экономическом отношении. Например, в семье, состоящей из трех поко-

<sup>2</sup> См., например, «Проблемы демографической статистики», М., 1966.

лений — родительской брачной пары, замужней дочери и ее детей, основным будет среднее поколение; дочь со своим мужем и вся семья относится к типу «брачная пара с двумя родителями и детьми». Возрастная группа семьи определялась по возрасту членов основного поколения. Если основное поколение представлено брачной парой, то ее возраст определялся по возрасту жены. Выделялись две возрастные группы: до 35 лет и старше 35 лет<sup>3</sup>.

Если последовательно применять все принципы принятой нами группировки, то полученная схема будет чрезвычайно громоздкой, к тому же большинство групп окажется малочисленным. Поэтому группы, представленные малым числом семей, укрупняются, объединяются с близкими по составу группами. Образованная таким образом группировка представляет следующий перечень типов семей:

I. Семьи одного поколения:

1. Брачная пара возраста до 35 лет.
2. Брачная пара возраста старше 35 лет.
3. Прочие семьи из одного поколения.

II. Семьи из двух поколений:

4. Брачная пара с одним из родителей.
5. Брачная пара с обоими родителями.
6. Брачная пара в возрасте до 35 лет с детьми.
7. Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми.
8. Один из родителей возраста до 35 лет с детьми.
9. Один из родителей возраста старше 35 лет с детьми.
10. Прочие семьи из двух поколений.

III. Семьи из трех поколений:

11. Брачная пара возраста до 35 лет с детьми и одним из родителей.
12. Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми и одним из родителей.
13. Брачная пара с детьми и обоими родителями.
14. Один из супругов возраста до 35 лет с детьми и одним или обоими родителями.
15. Один из супругов возраста старше 35 лет с детьми и одним или обоими родителями.
16. Прочие семьи из трех поколений.

IV. 17. Семьи из четырех поколений.

Такая группировка семей сама по себе является излишне детальной, но это оправдано тем, что на ее основе можно, как будет показано ниже, составить несколько частных группировок, раскрывающих разные стороны семейной структуры населения.

Состав семей по поколениям в Казани характеризуется следующими данными:

Число поколений в семье	Число семей, % к итогу
Одно	6,0
Два	73,0
Три	20,5
Четыре	0,5
Всего	100,0

<sup>3</sup> Принятая возрастная граница несколько занижена, так как не соответствует ни верхней границе активного трудоспособного возраста, ни верхней границе возраста деторождения у женщин, ни верхней границе возраста брачности у мужчин. Но укрупненные возрастные интервалы в исходных данных не позволили применить оптимальные возрастные границы.

Подавляющую часть составляют семьи из двух поколений. Незначительна доля семей из четырех поколений. Среди семей из одного поколения 94% приходится на брачные пары, которые примерно поровну распределяются между семьями младших и старших возрастов. Брачные пары представлены в основном либо молодыми семьями, еще не имеющими детей, либо пожилыми брачными парами, дети которых уже сформировали свою семью и отделились от родителей.

Структура семей из двух поколений следующая:

Тип семьи	Число семей, % к общему числу (3330) семей
4. Брачная пара с одним из родителей	2
5. Брачная пара с обоими родителями	1
6. Брачная пара возраста до 35 лет с детьми	21
7. Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	37
8. Один из родителей возраста до 35 лет с детьми	1
9. Один из родителей возраста старше 35 лет с детьми	8
10. Прочие семьи из двух поколений	3
Всего	73

Наиболее распространены семьи, состоящие из родителей и детей. Неполные семьи, в которых есть только один из родителей с детьми, представлены главным образом старшими возрастными группами. Поэтому очевидно, что основную массу этих семей составляют семьи, где брачная пара распалась вследствие развода или смерти одного из супругов и, видимо, среди них невелика доля семей матерей-одиночек. Сравнительно редко встречаются семьи, состоящие из бездетной брачной пары, проживающей вместе с родителями. Невелика также доля сложных семей из двух поколений (прочие семьи), состоящих, например, из брачной пары, родителей и родственников по боковой линии — братьев или сестер и др.

Семьи из трех поколений встречены следующих типов:

Тип семьи	Число семей, % к общему числу семей
11. Брачная пара возраста до 35 лет с детьми и одним из родителей	6
12. Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми и одним из родителей	6
13. Брачная пара с детьми и обоими родителями	2
14. Один из супругов возраста до 35 лет с детьми и одним или обоими родителями	1
15. Один из супругов возраста старше 35 лет с детьми и одним или обоими родителями	1
16. Прочие семьи из трех поколений	4,5
Всего	20,5

Большая часть данной группы представлена семьями, состоящими из брачной пары с детьми и родителями. Сравнительно велика доля «прочих семей из трех поколений», сложных по своей структуре. В них, помимо прямых родственников (дети, родители), входят боковые родственники (тети, дяди, племянники и др.).

Такова структура семей населения города. Чтобы выявить национальные различия в семье, их влияние на ее размер и структуру, соп-

ставим татарские и русские семьи. Итоги характеризуются следующими данными:

Тип семьи	Число семей, % к итогу	
	русские	татарские
Семьи из одного поколения (типы 1,2,3)	6	7
Брачная пара возраста до 35 лет с детьми (тип 6)	21	20
Брачная пара возраста 35 и старше лет с детьми (тип 7)	36	39
Брачная пара с одним или обоими родителями (типы 4,5)	3	2
Брачная пара с детьми и одним или обоими родителями (типы 11,12,13)	14	11
Один из родителей с детьми (типы 8, 9)	10	11
Один из супругов с детьми и одним или обоими родителями (типы 14,15)	2	1
Прочие семьи из двух поколений (тип 10)	2	4
Прочие семьи из трех и семьи из четырех поколений (типы 16,17)	6	5
Всего	100	100

Приведенные сведения раскрывают основные особенности демографической структуры русских и татарских семей. Характерно, что систематически, в разных группах семей, наблюдается следующее явление: среди русских несколько чаще встречаются семьи, в которых представители старшего поколения продолжают жить вместе со своими детьми, уже сформировавшими собственные семьи. После перегруппировки данных по всем типам семей выделяются две категории — семьи, где поколение, сформировавшее собственную семью, продолжает жить вместе с родителями, и семьи, где такое поколение отделилось от родителей.

Категории семей	Из общего числа семей, %	
	русские	татарские
Семьи, в которых поколение, сформировавшее собственную семью, продолжает жить вместе с родителями (типы 4, 5, 11, 12, 13, 14, 15)	19	14
Семьи, в которых поколение, имеющее собственную семью, отделилось от родителей (типы 1, 2, 6, 7, 8, 9)	73	76

Таким образом, связь поколений оказывается более устойчивой в русских семьях. Обусловлено это главным образом тем, что среди русского населения Казани больше лиц старшего возраста, чем среди татар.

Наблюдаются различия в уровне детности в семьях разной национальности. Бездетных брачных пар несколько больше среди русских семей. Главное же различие состоит в том, что во всех типах семей имеет место превышение среднего размера детных татарских семей над средним размером соответствующих типов детных русских семей.

Обобщая все сказанное, можно отметить, что наблюдаются устойчивые различия в составе русских и татарских семей. Для русских семей характерно более длительное сохранение тесных семейных связей разных поколений — чаще дети, уже имеющие собственную семью, продолжают жить совместно с родителями. За счет этого средний размер русских семей при прочих равных условиях должен быть выше, чем татарских. С другой стороны, татарские семьи отличаются более высокой детностью. Это находит свое выражение как в большей доле детных семей среди татар, так и в большем числе детей, приходящихся на каждую детную татарскую семью. Этот фактор приводит к тому, что татарские семьи за счет более высокой детности при прочих равных условиях крупнее, чем русские. Таким образом, различия в составе русских и

татарских семей обусловлены главным образом двумя факторами — летностью и совместным проживанием представителей разных поколений. Это удалось обнаружить при рассмотрении внутренней структуры русских и татарских семей. С помощью же такого показателя, как средний размер семьи, различия в структуре русских и татарских семей улавливаются слабо, так как факторы, влияющие на изменение состава семей, действуют в противоположных направлениях и частично взаимополагаются при вычислении среднего размера семьи.

Анализ структуры смешанных в национальном отношении семей и семей иных национальностей в Казани затрудняется тем, что численность таких семей невелика и при малой заполненности групп не удастся выявить типичные особенности их состава.

Возвращаясь к вопросу о методах изучения семейной структуры населения, необходимо отметить, что, как показал наш анализ, данные о среднем размере семьи представляют собой лишь первую, наиболее общую характеристику, которая не способна раскрыть сложную внутреннюю структуру семьи. Эта задача решается с помощью группировок семей, в которых выделяются типы, наиболее характерные по демографическому составу (как было показано в анализе данных по Казани). Подобная группировка позволяет выявить наличие и распространенность отдельных демографических типов семей, сопоставить семейную структуру различных социально-экономических или этнических групп населения (мы проводили такое сопоставление между семьями разной национальности — русскими и татарскими).

Но нередко в распоряжении исследователя нет достаточных для подобного анализа материалов. Нет, например, сведений о родственных отношениях (отец, дочь, сестра и т. д.) всех членов семьи, об их возрастном составе. В условиях ограниченности данных о демографическом составе семьи почти всегда имеются сведения о размере семьи (число человек в семье), представляющие собой лишь простейшую ее характеристику. Эти сведения могут иметь более широкое применение, чем кажется на первый взгляд. Кроме оценки собственно размера семьи, они могут быть использованы для косвенной характеристики демографического состава семей. Такая характеристика сравнительно точна, так как существуют весьма устойчивые соотношения между составом и размером семьи. Для каждого размера семьи характерно ограниченное число типов, которые являются для него преобладающими. Следовательно, зная размер семей, можно более или менее точно определить, какими демографическими типами представлена большая часть этих семей. Приведенные ниже данные могут подтвердить сказанное.

Число человек в семье	Всего семей, %	В том числе наиболее распространенные типы, %	
2	100	Брачная пара	52
		Один из супругов с детьми возраста старше 35 лет	31
3	100	Брачная пара с детьми	78
4	100	Брачная пара с детьми	73
		Брачная пара с детьми и одним из родителей	9
5	100	Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	42
		Брачная пара с детьми и одним из родителей	31
6	100	Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	34
		Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми и одним из родителей	14
		Брачная пара с детьми и двумя родителями	16
7 и более	100	Прочие семьи трех поколений	19
		Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	30
		Прочие семьи трех поколений	39

Таким образом, для каждого размера существует свое особое распределение по типам. В каждом размере преобладают несколько основных для этого размера типов, а остальные типы представлены небольшой долей семей. Это подтвердилось и при сопоставлении типов и размеров раздельно по русским и татарским семьям.

Мы располагаем также сведениями по такому крупному русскому городу, как Ленинград, где социальные последствия урбанизации выражены резче, чем в Казани. Была проанализирована зависимость между размером и типом семьи в Ленинграде на основе выборочных данных по одной из групп населения города. Население Ленинграда характеризуется иной структурой, средний размер семьи значительно ниже, чем в Казани, преобладают в основном семьи малого размера, в большей степени сохранились нарушения нормальной семейной структуры, вызванные войной. Для оценки степени устойчивости демографической структуры семей одного и того же размера были сопоставлены данные по Казани и Ленинграду.

Число чл.ов семьи	Всего семей, %	В том числе наиболее распространенные типы, %	Казань	Ленинград
2	100	Брачная пара Один из супругов возраста старше 35 лет с детьми	52 31	44 40
3	100	Брачная пара с детьми	78	72
4	100	Брачная пара с детьми	73	53
		Брачная пара с детьми и одним из родителей	9	15
5	100	Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	42	12
		Брачная пара с детьми и одним из родителей	31	30
6	100	Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	34	5
		Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми и одним из родителей	14	6
		Брачная пара с детьми и двумя родителями	16	6
		Прочие семьи из трех поколений	19	60
7 и более	100	Брачная пара возраста старше 35 лет с детьми	30	5
		Семьи из трех поколений	39	8

Несмотря на большие различия в структуре населения этих двух городов, внутри каждого размера преобладают два-три определенных типа семей. Надо отметить, что доля основных типов семей внутри каждого размера, особенно в крупных семьях, оказывается различной в Казани и в Ленинграде. Это объясняется тем, что в Ленинграде крупные семьи чаще складываются не за счет высокой детности, как в Казани, а вследствие совместного проживания нескольких простых семей родственников (т. е. формируются сложные семьи) <sup>4</sup>.

Данные о взаимозависимости среднего размера семьи и демографического типа семьи позволяют сделать следующие выводы: 1) каждый размер семьи соответствует ограниченному числу типов; 2) нельзя распространять данные о соотношении типов и размеров семей, относящиеся к одной территории, к одному типу населенных пунктов, на население других территорий с иной семейной структурой. Но в пределах одного типа населенных пунктов, где структура населения примерно одинакова, можно с достаточным основанием распространять установленные про-

<sup>4</sup> Сложной является, например, семья из двух замужних сестер, она как бы состоит из двух простых семей.

порции между типом и размером семьи на данные о размере семей, полученные при других исследованиях.

Рассмотренные приемы изучения семейной структуры населения сводятся в основном к тому, что семьи распределяются на группы по какому-либо признаку, например, по размеру, по национальности, по демографическому составу. Можно было бы сгруппировать семьи по социальному составу, по отраслевой и профессиональной принадлежности, по экономическим характеристикам и т. д. Такой анализ позволяет изучить фактический состав семей. Но он недостаточен, так как остаются нераскрытыми многие стороны их внутренней структуры. Не выявлены взаимосвязи и взаимодействие разных факторов, определяющих состав семей. Эти задачи помогают решить комбинационные группировки, т. е. распределение семей одновременно по нескольким признакам.

Примером комбинационной группировки может служить анализ зависимости между размером и типом семей. Но размер семьи связан не только с типом семьи, но и с рядом других характеристик. Существует взаимозависимость между размером семьи и величиной душевого дохода. Поэтому следует, не ограничиваясь только анализом связи между типом и размером семьи, ввести еще один признак — доход на душу населения. Это расширяет границы анализа состава семьи, уточняет выводы. Но возможности увеличения числа признаков, по которым одновременно распределяются семьи, весьма ограничены по ряду причин. При введении каждого нового признака очень быстро возрастает число групп, на которые подразделяются семьи. Из-за этого материал становится трудно обозримым, его анализ затрудняется. Еще серьезнее другая трудность — увеличение числа групп сопровождается уменьшением их заполненности, в каждую группу попадает такое малое число семей, что не может проявиться закономерность, превалируют случайные, частные тенденции. Таким образом, возникает противоречие — с одной стороны, углубление анализа требует комплексного рассмотрения ряда признаков, но в то же время ограниченная дробимость материала препятствует этому.

Существует так называемый метод стандартизации, позволяющий учесть влияние дополнительного признака и одновременно исключаящий необходимость дальнейшего дробления материала. В чем смысл этого приема? Нужно показать, например, как складывается средний размер русских и татарских семей в зависимости от типа семьи. Фактический характер взаимосвязей может оказаться искаженным из-за того, что остается неясной роль дохода на душу населения, тоже связанного со средним размером семьи. Можно было бы проследить связь национальности, типа и размера по группам семей с одинаковым доходом. Но при этом, как было отмечено выше, увеличится число групп до таких размеров, что нельзя будет уловить типичные, общие тенденции. Чтобы избежать этого, проводится стандартизация.

Рассмотрим технику стандартизации на примере одного из типов семей (тип 14). Средний размер русских семей составляет 4,4 чел., а татарских — 5,2 чел. Однако здесь сказались различия не только национальные, но и по доходу. Чтобы элиминировать влияние дохода, нужно вычислить средний размер русских и татарских семей, который был бы при условии одинакового уровня душевого дохода. Для этого производится расчет по следующей схеме:

Националь- ность	Группа семей по доходу	Средний фактический размер семьи	Семьи с данным уровнем дохо- да (% ко всем семьям)	
Русские	I	5,0	} 4,4	×
	II	4,6		
	III	3,3		
Татары	I	5,3	} 5,2	×
	II	4,5		
	III	5,2		
Всего	I	×		50,0
	II			20,0
	III			30,0

Средний размер русских семей при среднеуравновешенном доходе составит:

$$\frac{5,0 \times 50,0 + 4,6 \times 20,0 + 3,3 \times 30,0}{100} = 4,4 \text{ чел.}$$

Средний размер татарских семей при элиминировании влияния дохода составит:

$$\frac{5,3 \times 50,0 + 4,5 \times 20,0 + 5,2 \times 30,0}{100} = 5,0 \text{ чел.}$$

Если первоначально размер татарских семей 14 типа был на 18% больше русских семей (5,2 : 4,4), то после того как было исключено влияние разной структуры семей по доходу, разрыв между размером русских и татарских семей оказался меньшим: размер татарских семей больше семей русских лишь на 14% (5,0 : 4,4). Это и есть действительная величина чисто национальных различий. Такой обработке последовательно подвергаются все типы семей.

Исследование семейной структуры населения далеко не исчерпывается теми этническими и этносоциальными характеристиками, которые были рассмотрены выше. В этой работе сделана лишь попытка дать пример неизвестного в отечественной литературе сочетания этнического и демографического исследования структуры семей.

#### SUMMARY

The joint Sociological Laboratory of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography and the Vosnessensky Institute of Finance and Economics in Leningrad has carried out a sample study of the urban population of the Tatar Autonomous Republic on a broad program. The data were used for studying the differences in family patterns of the Russian and Tatar population of Kazan city. For this purpose families were studied in detail according to their composition — number of children, of married couples, of generations, etc. In order to get a generalized picture, families were grouped by demographic types. Analysis showed that Tatar families, as compared with Russian families, are characterized by a larger proportion of children, but a smaller number of composite families containing several elementary families. The problem of correlation between various characteristics is examined (such as distribution of families according to size and according to demographic type). An attempt is made to eliminate the influence of social-economic factors over differences of family composition.



### 3. П. Соколова

#### ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ, КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ ОБСКИХ УГРОВ

Обские угры (ханты и манси) — одна из самых многочисленных групп малых народов Севера. По численности ханты занимают третье место после ненцев и эвенков (их более 19 тыс. чел., манси — более 6 тыс. чел.). Они широко расселились по Оби и ее притокам.

Обские угры живут в двух национальных округах (Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком) Тюменской области, в Томской и Свердловской областях.

Около 90% хантов живет в Тюменской области, из них около трети — в Ямало-Ненецком национальном округе, чуть более двух третей — в Ханты-Мансийском национальном округе. Около 4% хантов проживает в Томской области, остальные — в разных областях Советского Союза. В Ямало-Ненецком национальном округе более 60% хантов живет в Шурышкарском районе. В Ханты-Мансийском национальном округе около трети хантов живет в Сургутском районе, около четверти хантов округа населяет Березовский район, остальные расселились в Нижне-Вартовском, Октябрьском, Ханты-Мансийском (б. Самаровском) и Кондинском районах.

В Томской области ханты живут в Александровском и Кургаском районах.

Более 95% манси населяет Ханты-Мансийский национальный округ, остальные живут в Свердловской и других областях страны. В Ханты-Мансийском национальном округе они живут в Березовском (около 50%), Кондинском (менее половины) и в Октябрьском районах.

За годы Советской власти обские угры прошли большой и сложный путь развития. Дореволюционное состояние экономики и культуры этих народов характеризуется отсталостью и примитивностью. Сейчас ханты и манси являются социалистическими народностями, успешно развивающими свою экономику и культуру.

Характер географической среды во многом способствовал комплексности хозяйства древних предков обских угров, которая в значительной степени сохранилась вплоть до начала XX в. Во II тыс. н. э. обские угры освоили оленеводство. В комплексе хозяйства выделялись основные отрасли — рыболовство, охота и оленеводство. Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926—1927 г.<sup>1</sup> зафиксировала состояние экономики народов Севера, характерное для конца XIX — начала XX в. Ее данные показали, что в то время у хантов и манси Тобольского округа было менее 4% (138) кочевых хозяйств, 113 из них кочевали на территории теперешнего Ямало-Ненецкого национального округа (Обдорский район), остальные группировались в Березовском (Казым, Вогулка, Сосьва, Ляпин), Сургутском и Нижне-Вартовском (верховья Агана, Пима, Тром-Югана, Ваха) районах теперешнего Ханты-Мансийского национального округа. 95% этих хозяйств имели оленей, 92% — охотничий,

<sup>1</sup> «Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года», ЦСУ СССР, М., 1929.

56% — рыболовный и 1,4% — сельскохозяйственный инвентарь<sup>2</sup>. Оленеводство в основном удовлетворяло потребности в пище, одежде, транспорте, жилище, но почти все оленеводы занимались охотой, а некоторые — и рыболовством, имевшем вспомогательный характер.

Остальные хозяйства (3910) хантов и манси были оседлыми. Из них 30% имело оленей, 90% — охотничий, 84% — рыболовный, 60% — сельскохозяйственный инвентарь<sup>3</sup>. Хотя оседлые хозяйства вели комплексное хозяйство, не у всех групп обских угров в этом комплексе главные отрасли хозяйства были одни и те же. Поэтому среди оседлого населения можно выделить три группы<sup>4</sup>. Одна из этих групп — оседлые рыболовы Оби, Иртыша и низовий их крупных притоков. В этой группе рыболовство играло основную роль, подсобными были сельское хозяйство, извоз, лесные промыслы, у некоторых — охота, транспортное оленеводство. Другую группу составляли хозяйства верховий и некоторых средних течений обских и иртышских притоков, бедных рыбой, где основным занятием была добыча промысловой пушнины. Подсобное значение здесь имело рыболовство, лесные промыслы, транспортное оленеводство. Третья группа была переходной, промежуточной между ними. К ней относились хозяйства средних течений большинства притоков Оби и Иртыша, где охота и рыболовство имели почти равное значение. Подсобными здесь были оленеводство, лесные промыслы, извоз.

Советское строительство на Обском Севере началось в 1920-х годах. В районах были созданы советы, организована государственная и кооперативная торговля, создана сеть культурных, просветительных и медицинских учреждений. Большую роль сыграло создание в 1931 г. Ханты-Мансийского (Остяко-Вогульского) и Ямало-Ненецкого национальных округов, на территории которых живет большинство обских угров. Важное значение имела просветительная, организационная и культурная работа культбаз, созданных Комитетом Севера на Казыме (1931 г.) и на Сосьве (1934 г.).

В первые десятилетия Советской власти на Севере главной задачей было оказание помощи в кооперировании мелких и бедных единоличных хозяйств. Сначала были созданы простейшие производственные артели (ППО), затем — смешанные промысловые артели (СПА)<sup>5</sup>. В 1935 г. в Ханты-Мансийском национальном округе было 107 ППО, 150 СПА, в Ямало-Ненецком национальном округе — 48 ППО и 5 СПА<sup>6</sup>. В 1929 г. в Ханты-Мансийском национальном округе был создан первый колхоз, в 1932 г. их было уже 172<sup>7</sup>, а с 1937 г. начали создаваться и рыболовческие артели, начался переход ППО на устав сельскохозяйственной артели. К 1940 г. кооперирование населения в Ханты-Мансийском национальном округе, Томской области и в Ямало-Ненецком национальном округе в основном было закончено. В Ханты-Мансийском национальном округе в 1940 г. было 134 рыболовческих и 151 сельскохозяйственная артель и 62 ППО, в которые вошли 93,8% всего населения округа<sup>8</sup>. Со-

<sup>2</sup> «Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года», табл. 1, стр. 2—13.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> З. П. Соколова, К вопросу о развитии обско-угорской землянки, «Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея», 1959, вып. 1.

<sup>5</sup> М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, «Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия», т. XXVII, М.—Л., 1955.

<sup>6</sup> Л. Киселев, От патриархальщины к социализму, газ. «Красный север», 4 мая 1967, № 89 (7239).

<sup>7</sup> Газ. «Ленинская правда», 28 февраля 1967, № 44 (9750).

<sup>8</sup> Л. Киселев, От патриархальщины к социализму, газ. «Ленинская правда» за 7 марта 1967, № 49 (9755).

здание колхозов сопровождалось строительством их опорных баз — центральных усадеб. Война прервала эту работу. Ханты и манси вместе со всем советским народом защищали Родину и самоотверженно трудились в тылу.

В послевоенное время перед советскими и партийными организациями и учреждениями встала задача укрепления экономики колхозов. Это было достигнуто путем укрупнения и объединения многочисленных мелких, экономически слабых колхозов. Укрупнение было проведено несколькими этапами. Например, в Н. Вартовском районе Ханты-Мансийского национального округа до 1940-х годов было около 40 артелей и НПО, к 1951—1952 гг. они были объединены в 27, а к 1956 г. — в 11 сельскохозяйственных и рыболовецких артелей. Этот процесс проходил и в всему Обскому Северу. К 1958 г. 347 созданных перед Отечественной войной артелей и НПО Ханты-Мансийского национального округа были преобразованы в 125 артелей<sup>9</sup>. В Томской области в 1958 г. в Александровском и Васюганском районах ханты были объединены в пять рыболовецких артелей.

В 1961 г. все колхозы Ямало-Ненецкого и значительная часть их в Ханты-Мансийском национальном округе (всего 94) были преобразованы в совхозы, промохототделения коопзверпромхозов и рыбоучастки рыбозаводов и рыбокомбинатов. Было создано 24 совхоза, укрупнено 7 промохототделений; хозяйства артелей с населением в 12 тысяч человек перешли в рыбную промышленность<sup>10</sup>.

В течение 1960-х годов произошли дальнейшие преобразования хозяйств в Тюменской и Томской областях. Трудовая деятельность коренного населения Ханты-Мансийского национального округа протекает в 16 совхозах, находящихся в ведении Министерства сельского хозяйства, 8 совхозах ведомственного подчинения, 12 рыболовецких артелях, 4 коопзверпромхозах с 11 отделениями, 3 государственных охотничьих хозяйствах (ГОХ)<sup>11</sup>, 9 рыбоучастках трех рыбокомбинатов и трех рыбозаводов. Таким образом, с последней реорганизацией хозяйств число их форм сократилось здесь почти вдвое. В Ямало-Ненецком национальном округе основные формы хозяйств — совхозы и рыбоучастки, имеется одно промохототделение. В Шурышкарском районе, где больше всего хантов, на базе 6 рыболовецких, 3 сельскохозяйственных артелей, 4 рыбоучастков создано 2 совхоза и 5 рыбоучастков Кушеватского рыбозавода<sup>12</sup>. Ханты Томской области работают в одном из коопзверпромхозов Каргасокского района, в совхозе и в нескольких рыболовецких артелях Александровского района<sup>13</sup>.

Не везде эти преобразования проходили гладко и без ошибок. В ряде случаев объединения не были оправданы, иногда вместо хозяйственных центров и производственных участков бывших колхозов создавались новые поселки на неудачно выбранных местах, оторванные от промысловых угодий, отдельные отрасли хозяйства захирели, а часть населения оказалась нетрудоустроенной.

Тем не менее в ходе реорганизации были созданы более крупные и экономически сильные хозяйства. Положительной стороной этого мероприятия было также то, что хозяйства стали более специализирован-

<sup>9</sup> З. П. Соколова, Полевые материалы, 1958.

<sup>10</sup> А. М. Чемакин, Развитие экономики и культуры народов Обского Севера в 1956—1965 гг., Автореферат канд. диссертации, Москва — Ханты-Мансийск, 1967, стр. 19.

<sup>11</sup> З. П. Соколова, Полевые материалы, 1966.

<sup>12</sup> Там же, 1962—1963 гг.

<sup>13</sup> Газ. «Северная правда», 13 мая 1967, № 58 (24730).

ными. Рыбоучастки рыбозаводов и рыболовецкие артели, расположенные по Оби и Иртышу, дали возможность населению заниматься главным образом рыбодобычей; промохототделения, созданные в глухих таежных районах, в берховьях мелких речек, стимулировали занятия охотой, сбором ягод, грибов, орехов, а также рыболовством и звероводством; северные совхозы развивали оленеводство, обско-иртышские совхозы и сельскохозяйственные артели — сельское хозяйство. Кроме того усилилась внутрихозяйственная специализация. В первые послевоенные годы в связи с развитием новых отраслей хозяйства — звероводства, животноводства и полеводства — все без исключения совхозы, колхозы и артели становились многоотраслевыми, занимаясь охотой, рыболовством, звероводством, сельским хозяйством, извозом, заготовкой пиломатериалов, а во многих случаях — и оленеводством, причем почти всем отраслям хозяйства придавалось равное значение. Однако нехватка квалифицированных кадров, рабочих рук, неблагоприятные природные условия в ряде мест препятствовали развитию сельского хозяйства и обусловили нерентабельность некоторых отраслей хозяйства. Более выгодными оказались хозяйства, имевшие определенные направления: оленеводческое, мясо-молочное, зверо-олeneводческое или звероводческое, рыболовецкое или сельскохозяйственное<sup>14</sup>. Такие хозяйства тоже ведут комплексное хозяйство, но этот комплекс отраслей в них уже и лучше использует традиционные навыки местного населения.

Сейчас на Обском Севере бурно развивается нефтегазовая промышленность, дальнейшее развитие получили лесная и пищевая промышленности. Тем не менее не теряет своего значения и местное промысловое хозяйство. Особенно велика его роль в жизни коренного населения, благосостояние которого пока что зависит от успехов его развития.

Различные отрасли хозяйства обских угров за годы Советской власти претерпели большие изменения. Чрезвычайно быстро возросла их техническая оснащенность, что особенно характерно для рыбной промышленности, сельского хозяйства, развития средств сообщения.

Одним из главных занятий обских угров является рыболовство. Последнее приобрело в настоящее время промышленный характер и развивается главным образом предприятиями рыбной промышленности. Ханты и манси составляют около половины всех рыбаков, работают на рыбоучастках трех рыбокомбинатов и трех рыбозаводов Ханты-Мансийского национального округа, одного рыбокомбината и одного рыбозавода Ямало-Ненецкого национального округа, двух рыбокомбинатов Томской области<sup>15</sup>. Многие занимаются рыбодобычей в рыболовецких артелях, совхозах. Так, в Ханты-Мансийском национальном округе в 1965 г. из 1764 рыбаков 978 работало в составе рыбоучастков, 315 — в рыболовецких артелях, 152 — в совхозах, 207 — в промохототделениях, 42 — в сельскохозяйственных артелях, 64 — в ГОХ'ах; в Ямало-Ненецком национальном округе в 1966 г. из 2852 рыбаков 2211 работали на рыбоучастках.

Если в 1926—1927 гг. у обских угров не было ни одного моторного судна, лишь дощатые и долбленые лодки, то сейчас рыбаки обеспечены моторными лодками; рыбозаводы и рыбокомбинаты имеют современный флот, оснащены холодильниками, практикуют сбор рыбы рефрижераторными судами. Бригады рыбаков обеспечены новейшими орудиями лова (капроновыми сетями, большими неводами и т. п.). Практикуется весьма

<sup>14</sup> «Профиль колхоза — рыбацкий», газ. «Тюменская правда», 1 июня 1967, № 127 (6372).

<sup>15</sup> До революции только на Нижней Оби была одна сезонная рыбоконсервная фабрика. «Тюменская правда», 1 июля 1967, № 153 (6398).

эффективный на мелких речках котцовый лов. В последние годы в округах стали осваиваться таежные озера, очень богатые рыбой. Однако освоение их идет медленно, так как оно возможно лишь с помощью авиатранспорта, которого пока не хватает. Ежегодно ханты и манси вместе с рыбаками других национальностей (русские, ненцы, коми, селькупы и др.) вылавливают более 300 тыс. *ц* рыбы. Рыбоконсервные предприятия сейчас ежегодно дают государству 25—30 млн. туб консервов, часть которых идет на экспорт, а кроме того в последние десятилетия рыбокомбинаты наладили производство мороженой, копченой рыбы, балыков, спецпосолов, икры.

Значительно увеличилась (в 1,5—2 раза) за последние годы заработная плата рыбаков. По Ямало-Ненецкому округу, например, в 1966 г. среднемесячная зарплата рыбака составила 122 рубля. Предприятия рыбной промышленности снабжают рыбаков бесплатной спецодеждой, палатками, брезентом, на промысловых угодьях для рыбаков сооружаются дома и т. п. Среди рыбаков хантов и манси немало передовиков, награжденных орденами и медалями. Ежегодно перевыполняют план знатные рыбаки ханты Ф. С. Терешкин (за годы семилетки он выловил более 3 тыс. *ц* рыбы), С. П. Молданов, А. Д. Миляхова и многие другие.

В развитии рыбной промышленности, рыболовства как отрасли хозяйства совхозов, промохототделений, рыболовецких артелей есть немало проблем, требующих решения в ближайшие годы. Большая работа предстоит по дальнейшей механизации труда рыбаков, который еще очень тяжел; еще слаба холодильная база рыбоприемных пунктов; не хватает быстроходного транспорта для освоения отдаленных угодий, нужно создать рыбопроизводные хозяйства, необходимо форсировать работу по улучшению быта рыбаков на промыслах и т. д.

Оленеводство развивают совхозы Ямало-Ненецкого национального округа и два совхоза Ханты-Мансийского национального округа (Казымский и Саранпаульский). Некоторые другие хозяйства имеют транспортные оленей. За годы Советской власти поголовье оленей выросло в Тюменской области более чем на 20%. Если в 1926—1927 гг. в Тобольском округе было более 340 тысяч оленей<sup>16</sup>, то в 1966 г. в обоих округах их насчитывалось более 430 тысяч (в Ямало-Ненецком национальном округе — свыше 360 тысяч). За семилетку поголовье оленей Ямало-Ненецкого национального округа выросло на 20 тысяч голов<sup>17</sup>. В 1966 г. совхозы Ямало-Ненецкого национального округа получили полмиллиона чистой прибыли от оленеводства<sup>18</sup>. Казымский совхоз, имеющий 20 тысяч оленей, продал государству в 1966 г. 1700 *ц* оленьего мяса, получил от оленеводства 165 тыс. руб. дохода<sup>19</sup>. Больших успехов добились оленеводы, награжденные орденами и медалями: хант А. М. Молданов, коми С. П. Попов, Г. Г. Канев и др.

В оленеводстве произошли значительные изменения: вырос уровень зооветеринарного обслуживания стад<sup>20</sup>, оленеводы получили современную технику, меняется быт пастухов: их обслуживают разъездные медицинские отряды и агитбригады, на дальние угодья пастухов забрасывают на самолетах и вертолетах, авиатранспорт доставляет и продукты,

<sup>16</sup> Без теперешнего Н. Вартовского района («Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года», табл. 11), в котором оленей очень немного (около двух тысяч голов).

<sup>17</sup> Газ. «Красный север», 1 марта 1967, № 45 (7195).

<sup>18</sup> Газ. «Тюменская правда», 1 июля 1967, № 153 (6398).

<sup>19</sup> Газ. «Тюменская правда», 17 июня 1967, № 141 (6386).

<sup>20</sup> Главный бич оленей — гнус и волки. Сейчас практикуется опрыскивание оленей гексахлораном; на волков охотятся с вертолетов.

в чуме пастуха нередко можно увидеть транзистор, радию, свежие газеты и журналы. Во многих хозяйствах выросла среднемесячная заработная плата пастухов, например, в Казымском совхозе среднемесячные заработки оленеводов превысили 200 рублей<sup>21</sup>.



Рис. 1. Семья бывшего оленевода В. А. Сайнахова

Тем не менее имеется еще много нерешенных вопросов, связанных с ведением оленеводства и кочевым образом жизни оленеводов. Оленеводство может быть более рентабельным. Велики еще потери оленей: например, в 1966 г. совхозы Ямало-Ненецкого национального округа продали государству более 20 тыс. оленей, а потери составили более 24 тыс. голов<sup>22</sup>. Много оленей травят волки, или они просто теряются, не всегда сохраняется молодняк. Большие убытки в оленеводстве вызываются поздним убоем оленей из-за отсутствия убойных площадок в местах их выпаса. Техническое оснащение оленеводческих бригад еще недостаточно. Быт пастухов нуждается в улучшении, труд их чрезвычайно тяжел; в отличие от рыбаков и охотников, они круглый год кочуют и живут в чумах. В связи с этим молодежь не хочет идти в пастухи, а поэтому оленеводов не хватает, нагрузка на каждого пастуха возрастает, что в свою очередь ведет к потерям оленей. Настоятельно необходимы меры, которые обеспечили бы развитие этой отрасли хозяйства и улучшение быта оленеводов. Организация их труда имеет первостепенное значение<sup>23</sup>. Возможно, в некоторых местах следует переходить на сменный выпас оленей, как это делается в Ненецком национальном округе<sup>24</sup>.

Особого внимания советских и партийных организаций требует и вопрос о личном оленеводстве. Темпы его развития гораздо медленнее, чем общественного. В Ямало-Ненецком национальном округе в среднем на хозяйство приходится 36 оленей, в Ханты-Мансийском — в три раза меньше<sup>25</sup>. Растет число безоленных хозяйств, особенно в Ханты-Ман-

<sup>21</sup> Газ. «Ленинская правда», 28 февраля 1967, № 44 (9750).

<sup>22</sup> Газ. «Красный север», 1 июля 1967, № 45 (7195).

<sup>23</sup> Весьма правильно и ярко эти проблемы показаны В. Клепиковым в очерке «Кочевников на Казыме нет...», «Сибирские огни», № 4, 1967.

<sup>24</sup> В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера, «Сов. этнография», 1966, № 3.

<sup>25</sup> В 1926—1927 гг. на каждое хозяйство хантов и манси, имеющих оленей, приходилось в среднем по 34 оленя.

сийском национальном округе и Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого национального округа. Рост числа безоленных хозяйств, слабый рост поголовья личных оленей объясняются целым рядом причин. Одна из них (и главная) состоит в том, что многие семьи переселились в крупные поселки, и, работая в других отраслях хозяйства, сами оленеводством не занимаются. Личные олени в состав общественного стада не принимаются и выпас их затруднен.

Как и оленеводство, охотничий промысел за эти годы претерпел гораздо меньше изменений, чем рыболовство. Способы охоты остались в общем те же, хотя техническое оснащение охотников улучшилось. Охотники снабжены современным оружием и боеприпасами, палатками, доставка их на дальние угодья производится на самолетах и вертолетах. За годы Советской власти в округах были проведены мероприятия по обогащению фауны, выпущены и акклиматизированы ондатра, норка, баргузинский соболь. Большое значение имела деятельность Кондо-Сосьвинского боброво-соболиного заповедника. Охотничий промысел развивается в основном в промохототделениях и госпромхозах обоих округов и в Томской области, а также в северных совхозах. Ежегодно эти хозяйства сдают государству много ценнейшей пушнины — «мягкого золота». В 1966 г. оба округа сдали промысловой пушнины более чем на миллион рублей. Особенно славится западносибирская голубая белка. В 1962 г., например, оба округа сдали государству более 300 тыс. шкурок белки, более 120 тыс. шкурок ондатры, около 5 тыс. шкурок соболя и много другой ценной пушнины. В 1967 г. только промохототделения Тюменской области сдали государству более 88 тыс. шкурок белки, около 65 тыс. шкурок ондатры, более 3 тыс. шкурок соболя, около 4 тыс. шкурок горностая и колонка. Многие охотники ханты и манси награждены орденами и медалями за свои трудовые успехи. Среди них А. К. Лякшина, А. Е. Молданова, А. А. Казымкин, В. К. Прасин, М. А. Вагатов, М. Н. Пыгатова, А. В. Кунин и др.

В развитии охотничьего промысла имеются сложные проблемы. Основной вопрос — сокращение числа кадровых охотников. По Обскому Северу, например, число их сократилось вдвое<sup>26</sup>. Это обусловлено целым рядом причин. Резко сократилось число охотников в совхозах и колхозах, занимающихся сельским хозяйством, и в предприятиях рыбной промышленности. Не привлекает труд охотников-промысловиков и местную молодежь, которая после окончания школы либо идет учиться лальше, либо работает в новых отраслях хозяйства, на транспорте. Труд охотника, как и сленевода, очень тяжелый, а быт промысловика еще в значительной степени не устроен, это отпугивает молодежь от тайги. Кроме того, заработки охотников значительно меньше, чем у оленеводов, рыбаков, звероводов<sup>27</sup>. В связи с этим местным организациям предстоит еще большая работа по развитию охотничьего промысла и улучшению быта промысловиков. Для этого необходимо расширить строительство охотничьих баз, где охотник мог бы сдать пушнину, получить снаряжение и боеприпасы, отдохнуть. Для освоения дальних угодий нужно улучшить снабжение охотников транспортом (как оленным, так и авиатранспортом) и рациями.

<sup>26</sup> М. Шаргаев, Дары Севера — людям, газ. «Тюменская правда», 7 июля 1963, № 159.

<sup>27</sup> Значительная часть отчислений от заработной платы охотников идет на оплату транспортных оленей, поскольку, как мы уже отметили выше, личное оленеводство падает. Отсутствие личных оленей снижает мобильность охотников, и многие дальние угодья, богатые зверем, остаются неосвоенными.

В годы Советской власти на Обском Севере стала интенсивно развиваться новая отрасль хозяйства — звероводство. Клеточное звероводство начало практиковаться в Ямало-Ненецком национальном округе в 1935 г., а в Ханты-Мансийском — в 1936 г., когда были созданы две первые небольшие зверофермы черно-бурых лисиц. Более широкое развитие в обоих округах и в Томской области звероводство получило в 1950—1960-х годах. Почти в каждом колхозе создавались небольшие зверофермы с целью вовлечения женщин в общественный труд. С укрупнением хозяйств мелкие убыточные зверофермы были частью ликвидированы, частью слиты в крупные хозяйства. Это оказалось более рентабельным. Сейчас звероводством занимаются главным образом промхототделения, госпромхозы, опытные станции, некоторые специализированные совхозы и отдельные рыболовецкие и сельскохозяйственные артели и рыбоучастки. В 1966 г. 38 звероферм обоих округов имели более 24,5 тыс. голов зверей, среди них более 13,5 тыс. лисиц (лисица наиболее выгодна в условиях Ханты-Мансийского национального округа), более 6 тыс. песцов (в основном в Ямало-Ненецком национальном округе), около 5 тыс. норок. Хозяйства, где имеются дешевые корма и квалифицированные специалисты, дают большие прибыли. В 1963 г. 9 совхозов Ханты-Мансийского национального округа от реализации клеточной пушнины имели 250 тыс. рублей чистой прибыли, сельскохозяйственные артели — 34 тыс. рублей. Общий доход совхозов и колхозов округа в 1963 г. превысил миллион, а в 1964 г. — 1,5 млн. рублей. В 1966 г. колхозы и совхозы округа получили более полумиллиона рублей прибыли от звероводства. Совхоз Казымский, сдавший 1857 шкурок высокого качества, получил около 2,5 тыс. рублей премиальных<sup>28</sup>.

Если раньше звероводство дополняло охотничий промысел, то теперь клеточная пушнина составляет  $\frac{5}{6}$  всей пушнины, добываемой в округах. В 1965 г. Ханты-Мансийский национальный округ сдал государству 12,5 тыс. шкурок лисиц, 1,6 тыс. шкурок песца, 2,8 тыс. шкурок норки. В 1966 г. оба округа сдали клеточной пушнины более чем на 5 млн. руб.

Некоторые звероводы добились высоких показателей. В совхозе «Россия» Ямало-Ненецкого национального округа в 1966 г. получено по 10,1 щенка на самку песца, что соответствует результатам лучших звероферм Министерства сельского хозяйства РСФСР, и по 4,8 щенка на самку лисицы (лучший результат по Тюменской области)<sup>29</sup>. Лучшие звероводы — Л. Филатов, Р. Езынги, Н. Сэротэтто, ханты Е. Д. Салтыкова, Н. С. и О. Ф. Сургучевы, Е. Н. Тарлина и др.

Заработки звероводов как правило от 80—90 до 100—120 и более рублей в месяц.

Клеточное звероводство — перспективная отрасль в хозяйствах, где много рыбных и прочих отходов. Однако уровень развития этой отрасли в некоторых хозяйствах еще примитивен. Не везде решен вопрос с кормами. Остро не хватает квалифицированных кадров, что вызывает падение зверей, низкое качество шкурок, низкий деловой выход щенят, слабая механизация на фермах, что делает труд звероводов чрезвычайно тяжелым.

До революции лишь немногие ханты и манси занимались животноводством и земледелием. В 1926—1927 гг. из 3536 хозяйств всех хантов и манси лишь у 284 хозяйств были пашни. Зерновых было посеяно 36 га, картофеля — 19 га. Только в 111 хозяйствах были сохи и плуги,

<sup>28</sup> Газ. «Ленинская правда», 26 мая 1967, № 104 (9810); газ. «Тюменская правда», 6 мая 1967, № 106 (6352).

<sup>29</sup> Газ. «Красный север», 14 января 1967, № 11 (7161).



в 68 хозяйствах — бороны<sup>30</sup>, этим ограничивалась вся сельскохозяйственная техника. Сейчас посевная площадь в обоих округах превышает 4,7 тыс. га из них более тысячи гектаров занято под картофель. Посевы зерновых и овощеводство развивают главным образом обско-иртышские колхозы и совхозы Ханты-Мансийского национального округа. Они снабжены современной сельскохозяйственной техникой<sup>31</sup>.

В 1926—1927 гг. во всем Тобольском округе было 17,5 тыс. голов крупного рогатого скота (преимущественно в личном пользовании), а в 1965 г. только в Ханты-Мансийском национальном округе имелось более 26 тыс. голов общественного стада и около 20 тыс. голов индивидуального стада. В 1966 г. совхозы и колхозы обоих округов продали государству более 55 тыс. ц мяса и около 150 тыс. ц молока<sup>32</sup>. Созданная в г. Ханты-Мансийске птицефабрика в начале 1967 г. дала первые 15 тыс. яиц. На очереди строительство птицефабрик в городах Сургут и Урай<sup>33</sup>.

В целом можно отметить, что отрасли промыслового хозяйства могли бы развиваться более быстрыми темпами. Для этого необходимо уделять им больше внимания, увязать промышленное освоение конкретных районов с всемерным развитием промыслового хозяйства и его технической реконструкцией, ликвидировать имеющийся на местах чисто потребительский подход к нему, выражающийся в том, что на общественные хозяйства коренного населения возлагается в качестве основной задачи обслуживание пришлого населения.

Значительная часть хантов и манси имеет приусадебные участки, где растет картофель и овощи; многие имеют коров, а на Оби и Иртыше — лошадей, овец, свиней, кур. Граница распространения приусадебных участков и хозяйств с домашним скотом передвинулась в глухие в прошлом уголки — на Казым, Вах.

Развитие хозяйства, повышение жизненного уровня населения, межнациональные связи вызвали изменения в материальной и духовной культуре обских угров. В материальной культуре наблюдается сочетание традиционных элементов с элементами русской культуры сельского или городского типа, а также взаимопроникновение культур.

С развитием сельского хозяйства, появлением приусадебных участков меняется пищевой рацион хантов и манси. Помимо мяса и рыбы ягод и орехов в него вошли молоко, картофель, овощи, а также привозные продукты — крупы, кондитерские изделия, масло, овощные, фруктовые и прочие консервы. Женщины готовят не только традиционную пищу из мяса и рыбы, но научились готовить и новые для них блюда (супы, каши, жаренную в масле рыбу и т. п.), печь пироги, делать пельмени. Для приготовления пищи используется покупная посуда, кое-где еще употребляется берестяная и деревянная посуда, но делать ее умеют лишь немногие люди старшего поколения.

Традиционные типы построек (чумы, берестяные постройки, амбары) сохраняются на промысловых угодьях, в поселках строятся дома русского сельского типа.

С переселением в новые дома изменился образ жизни и быт многих семей. Взрослые члены таких семей живут и работают в поселках — на

<sup>30</sup> «Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР», табл. 1, 11, стр. 11, 37.

<sup>31</sup> Г. М. Пуртов, Сельское хозяйство на подъеме. Сб. «Ханты-Мансийскому национальному округу 30 лет», Ханты-Мансийск, 1960, стр. 77.

<sup>32</sup> Газ. «Тюменская правда», 17 июня 1967, № 141 (6386); газ. «Красный север» 29 января 1967, № 22 (7172).

<sup>33</sup> Газ. «Тюменская правда», 1 марта 1967, № 5 (6297).

фермах, в обслуживающем и административном аппарате, в сельском хозяйстве и т. п., а дети учатся в школах и живут в интернатах, находятся в яслях. На отдаленные угодья охотники, рыбаки, оленеводы уезжают звеньями, бригадами, без семей, живут там на базах и в промысловых избушках.

Современные поселки, центральные усадьбы совхозов, колхозов и других форм хозяйств благоустроены, электрифицированы и радиофицированы. В Ханты-Мансийском национальном округе, где коренного

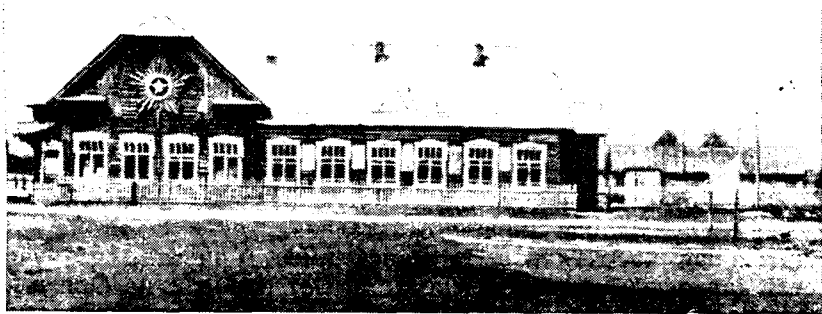


Рис. 2. Сельский дом культуры

населения более 19 тыс. чел., было построено более 1,7 тыс. новых домов, 70 бань, десятки медпунктов, радиоузлов, клубов и красных уголков, более 100 магазинов и хлебопекарен, детских учреждений и т. п.<sup>34</sup>

В новых домах изменился интерьер, появилась современная мебель, исчезла утварь и мебель, характерная для старого быта (низкие столики, шкуры на полу, нары, мешки для одежды и прочих вещей домашнего обихода и т. п.). Интерьер таких домов не отличается от интерьера домов местного русского населения (современная мебель, занавески на окнах, цветы, дорожки на полу, ковры, репродукции на стенах, радиоприемники и репродукторы, музыкальные инструменты, на стенах — стенды с семейными фотографиями). В домах, которые были выстроены однокамерными, появились перегородки, отделяющие кухню от жилого помещения, разделяющегося нередко на несколько комнат для взрослых членов семьи. Многие научились и привыкли штукатурить и белить стены, красить полы. В Ямало-Ненецком национальном округе уже более 3 тысяч семей получили газ<sup>35</sup>.

Большая работа по внедрению и привитию новых навыков была проделана женсоветами, созданными при сельских советах и колхозах, в их составе были как русские женщины, так и представительницы коренного населения, своим примером убеждавшие в преимуществах нового быта своих односельчан. Женсоветы проводят большую культурно-просветительную работу, обучают грамоте, помогают клубам в органи-

<sup>34</sup> «Ханты-Мансийскому национальному округу 30 лет», Ханты-Мансийск, 1960, стр. 8.

<sup>35</sup> Газ. «Красный север», 12 марта 1967, № 53 (7203).

зации культурно-массовой работы, организуют различные кружки для женщин, учат их шить, вышивать, стирать, готовить пищу.

Не всегда, однако, эти процессы проходят гладко. Бывают случаи, когда вся семья по-прежнему ездит с главой семьи на промыслы; иногда семьи живут в чумах и шалашах, которые ставят возле новых домов (особенно летом, когда, по их мнению, в срубном доме жарко); в ряде случаев обстановка традиционного жилища перенесена в новый дом.



Рис. 3. Новый дом в поселке

Здесь сказываются еще имеющиеся недостатки жилищного строительства, когда дома, удобные для зимних условий, оказываются непригодными для лета (без террас, сеней). Переезды на промыслы всей семьи объясняются подчас отсутствием занятий для членов семьи, остающихся в поселках, недостаточно развитой сетью детских учреждений и т. п.

Несмотря на бурное развитие промышленности в крае, влияние ее на быт коренного населения, на улучшение темпов и качество жилищного и культурно-бытового строительства, качество бытового обслуживания населения, работу торговых учреждений, еще крайне слабо. Промышленное развитие края и проблема развития культуры и быта коренного населения должны быть взаимосвязаны.

Пожалуй, больше всего сохраняется традиционных элементов в одежде, особенно в женской и зимней мужской. Зимняя меховая одежда (малица, совик, шуба — сах) и обувь сохранились в тех местах, где есть олени<sup>36</sup>. Она теплая и удобная, особенно в дороге. Летняя одежда мужчин везде покупная или шитая по русским образцам (брюки, рубашки). Женская летняя одежда во многих районах (Березовском, Сургутском, Н. Вартовском), изготовляемая из фабричных тканей, сохраняет традиционные формы: вышитые платья и халаты, суكونные халаты типа пальто, большие цветастые платки с бахромой. Для их изготовления женщины используют не только сатин и ситец, но и другие ткани, выходные платья шьют из шелковых тканей, нередко использова-

<sup>36</sup> Недостаток или отсутствие личных оленей особенно отрицательно сказываются на возможностях изготовления теплой и практичной зимней одежды и обуви, развитии декоративного шитья по меху.

ние набивных тканей, ранее для этих целей не употреблявшихся. Сохраняются старинные бисерные украшения, их носят по праздникам, многие девушки и молодые женщины пользуются покупными украшениями. Летняя обувь чаще всего покупная. Лишь в оленеводческих районах ее делают из ровдуги по традиционным фасонам. Она высоко ценится как промысловая, так как практична, легка, быстро высыхает, предохраняет от укусов комаров и мошки. Праздничной одеждой служит красиво украшенная национальным орнаментом традиционная или нарядная покупная одежда.

В районах, где ханты и манси живут вместе с коми, наблюдается проникновение в их среду покровов одежды, свойственных коми. На Сыне, например, женщины стали шить двухцветные платья на кокетке, своеобразно копирующие сарафан и блузку коми; на Ляпине, где раньше манси имели свой покрой обуви и малицы, теперь распространен покрой, заимствованный у коми, и т. п.

Традиционные средства транспорта (оленный и собачий транспорт, лыжи, долбленные лодки) применяются чаще всего на промыслах. Широко распространены также современные моторные лодки и катера, авиация, вездеходы и т. д.

В духовной культуре обских угров, живущих в отдаленных пунктах (как правило, это относится к лицам старшего поколения), еще сохраняются традиционные религиозные представления, некоторые обычаи. Традиционные обряды и обычаи наиболее полно представлены в погребальном обряде, запретах тотемического характера, почитании некоторых священных мест, проведении «медвежьего праздника». Правда, последний в значительной степени уже утратил религиозные черты и бытует как развлекательное зрелище. Традиционные элементы сохранились также в свадебной обрядности, в некоторых женских поверьях и запретах, связанных с беременностью и родами, с отношением женщин к мужской родне мужа и т. д.

За годы Советской власти большая работа была проведена по повышению культурного уровня хантов и манси, изменению их мировоззрения.

С каждым годом улучшается медицинское обслуживание населения. До революции на весь Обской Север было три крохотных больницы, которые обслуживали главным образом русское население. В 1931 г. в Ханты-Мансийском национальном округе было уже 18 врачей и 114 работников среднего медицинского персонала. Но среди них не было еще ни одного ханта и манси. Сейчас в обоих округах около 300 различных медицинских учреждений (больниц, диспансеров, фельдшерско-акушерских пунктов и т. п.), около 200 детских учреждений. Во всех этих учреждениях работают более 400 врачей и более 2,3 тыс. лиц среднего медицинского персонала, среди них более 300 представителей коренного населения<sup>37</sup>.

По данным переписи 1926—1927 гг. среди хантов и манси было только 5% грамотных<sup>38</sup>. Работа по созданию школ тогда еще только началась и уровень грамотности этих людей был очень низок, обычно они могли лишь расписаться и по складам прочесть несколько строк. Не случайно в 1923 г. Тобольский окрисполком не смог найти ни одного грамотного ханта для работы на Сельскохозяйственной выставке в

<sup>37</sup> Газ. «Тюменская правда», 17 июня 1967, № 141 (6386); 1 июля 1967, № 153 (6398).

<sup>38</sup> «Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР», табл. 1, стр. 2.

Москве<sup>39</sup>. До революции коренное население не имело своей письменности, она была создана в 1930-х годах. Сейчас в Ханты-Мансийском национальном округе на хантыйском и мансийском языках издается окружная газета «Ленинская правда» и ведется радиовещание. Грамотность населения очень выросла. Ханты и манси имеют все условия для получения среднего и высшего образования. В 1930 г. в Ямало-Ненецком национальном округе было три школы, учащихся из числа коренного населения в них было 35 человек. В Ханты-Мансийском национальном округе в 1931 г. было 89 школ, в них училось 4633 ученика, среди них 640 хантов и манси. Сейчас в обоих округах около 300 начальных, семилетних, средних и санаторно-лесных школ, в них учится более 58,5 тыс. человек, только по Ханты-Мансийскому национальному округу в школах в 1966/1967 г. училось 4786 детей хантов, манси, коми и ненцев<sup>40</sup>. При школах созданы



Рис. 4. Радистка А. Рогина

интернаты с бесплатным содержанием в них детей коренного населения. Более 3 тыс. детей коренного населения Ханты-Мансийского национального округа живет в интернатах. В дальнейшем свое образование они могут продолжать в Салехардском и Ханты-Мансийском педучилищах и медучилищах, Салехардском культпросветучилище и зооветеринарном техникуме, Ханты-Мансийском торгово-кооперативном техникуме, музыкальных школах и училищах и т. п. Многие ханты и манси учатся в высших и средних специальных учебных заведениях Тобольска, Тюмени и других городов Советского Союза. Более 230 хантов и манси учатся в 15 вузах страны, где для них открыт прием вне конкурса<sup>41</sup>. Огромное значение имеет подготовка национальных кадров Салехардским и Ханты-Мансийским педагогическим и медицинским училищами. Например, Ханты-Мансийские училища за годы своего существования выпустили около трех тысяч учителей и медицинских работников, среди них треть — представители коренного населения округа<sup>42</sup>. Большая роль в подготовке национальных кадров принадлежит Ленинградскому педагогическому институту им. А. И. Герцена.

Сейчас среди хантов и манси имеются специалисты в самых различных областях хозяйства и культуры: свои учителя, врачи, советские и партийные работники, инженеры, ученые и т. п. Среди них П. Е. Хатанзеев — создатель первого хантыйско-русского словаря, ученый и литератор, П. Вахрушев — преподаватель Ханты-Мансийского педучилища; ученые филологи и историки Н. И. Терешкин, М. П. Баландина (Вахрушева), Е. И. Ромбандеева, А. И. Сайнахова, Л. Е. Киселев; советские и партийные работники — председатель Сургутского райисполкома, депу-

<sup>39</sup> Д. К. Зеленин, Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции, «Сов. этнография», 1938, № 1.

<sup>40</sup> Газ. «Тюменская правда», 17 июня 1967, № 141 (6386); 1 июля 1967, № 153 (6398); Газ. «Красный север», 18 января 1967, № 14 (7164).

<sup>41</sup> Газ. «Тюменская правда», 17 июня 1967, № 141 (6386).

<sup>42</sup> Там же.

тат Верховного Совета СССР А. И. Григорьева, секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС Л. Г. Тайлашев, зам. председателя Ханты-Мансийского окрисполкома В. П. Вилемкова, зам. прокурора г. Ленинграда М. Казанцев, врачи Е. М. Сагандукова, Л. М. Пьянкин и многие другие.

Большое развитие получила национальная литература. Число писателей и поэтов хантов и манси растет, растет и их мастерство. К именам первого хантыйского писателя Г. Д. Лазарева, первого писателя манси П. Еврина, мансийской писательницы М. П. Баландиной (Вахрушевой), поэтов манси Ю. Шесталова, И. Г. Истомина, пишущего на ненецком, хантыйском и коми языках, вошедших в историю советской литературы, присоединяются имена хантов А. Тарханова, М. Шульгина, Р. Ругина, П. Салтыкова и др.

В городах и поселках обоих округов работает более 240 домов культуры и клубов, число библиотек превышает 260, более 300 стационарных и передвижных киноустановок обслуживают население, среди кочевого населения работает 26 красных чумов<sup>43</sup>. Учреждения культуры ведут большую культурно-массовую работу. В окружных центрах созданы Дома народного творчества. Их сотрудники много сил отдают развитию народного творчества, прикладного искусства, художественной самодеятельности. Проводятся окружные и областные выставки изобразительного и прикладного искусства. Традицией стали ежегодные праздники песни, смотры



Рис. 5. «Рысь», дерево, работа П. Е. Шешкина

художественной самодеятельности — олимпиады. Особенно интересно они проходят в Березовском районе. Сосьвинский дом культуры в этом году провел тридцатую олимпиаду. В ней участвовало много мастеров народного танца и песни, ставились сценки и интермедии, связанные с традиционным народным творчеством и современной жизнью народа. Часто исполняются танцы «Березовый пенёк», «Куринька», «Ляпинский танец», «Танец рыбаков», «Сенокосчики», «Кондинский танец», «Медведь собирает черемуху», «Обский танец», инсценировка «Ленивый охотник» и др. Многие из них взяты из арсенала традиционного «медвежьего праздника». Особенно славятся в этом манси Ломбовожа, Шекурьи, Сартыньи и других поселков — К. И. Таратова, П. П. Ромбандеева, Г. А. Таратова, П. И. Сайнахова, Г. С. Овесов, П. Е. Шешкин, В. Н. Сайнахов и др. П. Е. Шешкин, кроме того, является талантливым скульптором, знатоком мансийского фольклора, пишет стихи и повести, а также руко-

<sup>43</sup> Газ. «Красный Север», 1 марта 1967, № 45 (7195); 12 марта 1967, № 53 (7203); 18 марта 1967, № 57 (7207); газ. «Ленинская правда», 28 февраля 1967, № 44 (9750); газ. «Тюменская правда», 17 июня 1967, № 141 (6386); 1 июля 1967, № 153 (6398).

водит национальным ансамблем, образцы его деревянной скульптуры хранятся в окружном, областном и Ленинградском музеях. Интересны его идеи создания ансамбля национальных музыкальных инструментов, мансийских балета и оперы. Балет «Манси эрыг» уже ставится в Свердловске. Искусством игры на национальных музыкальных инструментах славится хант А. А. Ангатшупов. Под собственный аккомпанемент он исполняет народные песни.

Развиваются национальные виды спорта: гонки на оленях, на лодках-долбленках, лыжах, метание аркана, стрельба из лука, ружей, прыжки через нарты и т. п. Состязания устраиваются на олимпиадах, спартакиадах, на празднике рыбака. Такие виды спорта, как метание аркана, пастушеского топора, прыжки через нарты включены в программу зимних и летних спартакиад. Рекорд РСФСР по прыжкам через нарты (154 нарты) установил хант Г. Ругин.

Меньше успехов в развитии прикладного декоративного искусства. Дома народного творчества, краеведческие музеи и отделы культуры не имеют в своих штатах необходимых специалистов и развитие прикладного искусства идет стихийно. Не случайно поэтому все меньше и меньше остается искусных мастериц по меху, бисеру и бересте.

Сейчас имеются все возможности для развития национального творчества и задача соответствующих учреждений — создать условия для расцвета национального искусства, развития национальных видов спорта.

За 50 лет обские угры прошли большой и сложный путь к социализму. Всестороннее развитие хозяйства и культуры обских угров — еще одно свидетельство торжества ленинской национальной политики нашей партии и правительства.

## SUMMARY

During the Soviet period the Ugrik peoples of the Ob river basin (the Khants and the Mansis) have traversed a long way of development. Their economy, culture and way of life have undergone great transformations. At present the Khants and the Mansis of the Tyumen and the Tomsk regions work in state farms, in fishing and agricultural collective farms, hunting cooperatives, fish factories, etc. Their main pursuits are fishing, trapping, deer pasturing. Great progress has been made in the technical equipment and the organizational methods of these industries. The migration of many families into new settlements has profoundly modified the way of life of the Khants and the Mansis. Great changes have also taken place in education and health services and in cultural development. At the same time traditional culture is being further developed; especially in the fields of clothing, food, art. Ugrik national literature has made great progress, national sports are being developed.

---

**В. П. Алексеев, Ю. Д. Беневоленская,  
И. И. Гохман, Г. М. Давыдова,  
В. К. Жомова**

## **АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЛЕНЕ**

### **Цели и маршрут экспедиции**

После антропологического изучения русского населения Европейской части СССР и издания собранных материалов<sup>1</sup> Русская антропологическая экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством В. В. Бунака начала изучение русского населения Сибири. На протяжении 1960—1964 гг. были исследованы группы старожильского русского населения по Ангаре и в Забайкалье. В Забайкалье русские обследовались параллельно с бурятами. Собранный материал лишь частично опубликован<sup>2</sup>. В 1965 г. экспедиция в составе Ю. Д. Беневоленской, И. И. Гохмана, Г. М. Давыдовой, В. К. Жомовой и В. И. Платонова продолжала свою работу на Енисее, где параллельно с русскими изучались кеты.

Антропологические исследования на Лене проводились в летний полевой сезон 1966 г. с 24 мая по 9 сентября. В них принимал участие, кроме перечисленных работников, В. П. Алексеев. На В. И. Платонове лежало фотографирование обследуемых, которое было произведено почти со стопроцентным охватом.

Выбор района диктовался рядом соображений. Первым из них была необходимость продолжения антропологических работ среди русского населения Сибири, расширения их территориального охвата и методического углубления, т. е. введения в программу исследования как можно большего количества независимых морфологических и физиологических систем (соматометрия, дерматоглифика, группы крови, определение вкуса к фенилтиокарбамиду, кровяное давление, определение выделения антигенов в слюне). Вторым — желание получить данные по метисным популяциям. Необходимость пополнения этих данных остро ощущается в связи с разработкой важнейшего вопроса теоретического рассуждения — изменчивости признаков в смешанных популяциях и их положения по разным системам признаков в сравнении с исходными. На Лене деревни русских старожилов перемежаются с якутскими, очень часто русские старожилы и якуты живут вместе, смешение между ними имеет почти трехвековую давность — одним словом, этнические взаимоотношения в бассейне Лены представляют собой идеальный естественный эксперимент для изучения процессов смешения на антропологиче-

<sup>1</sup> «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 88, М., 1965.

<sup>2</sup> В. В. Бунак, Русское население в Забайкалье (Антропологическая характеристика русско-бурятской метисной группы), «Антропологический сборник», IV, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963; Г. М. Давыдова, Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья, там же.



ском материале<sup>3</sup>. Наконец, не последнюю роль сыграла возможность, параллельно с основными данными по старожильческому русскому населению на Лене, получить и дополнительный материал по антропологии якутов, что, в связи с их малой изученностью, особенно в южных районах Якутии, само по себе представляет немалую ценность<sup>4</sup>.

За три с половиной месяца работы экспедицией обследован район от Киренска на юге до Якутска — на севере. Основными пунктами работы были Киренск, Витим и Олёкминск с окружающими деревнями. Однако в связи с естественным движением населения и концентрацией его в крупных населенных пунктах с промышленными предприятиями собранные данные охватывают практически более широкий район — в Киренске обследовано значительное число переселенцев из деревень южнее по Лене до Усть-Кута и из деревень по Киренге до Казачинска. Для получения данных по одной из южных изолированных групп якутов экспедиция вылетела из Витима в поселок Толон, лежащий на Пеледуйке — левом притоке Лены, приблизительно на 200 км выше устья.

Основная программа сбора данных распределялась между участниками следующим образом: Г. М. Давыдова — кефалометрия, кефалоскопия, давление (частично), соскоб на предмет определения полового хроматина, взятие образцов волос; В. К. Жомова — взятие образцов крови и слюны, определение чувствительности к фенилтиокарбамиду; И. И. Гохман — кровяное давление; Ю. Д. Беневоленская — соматометрия, динамометрия, взвешивание, одонтологические признаки; В. П. Алексеев — взятие отпечатков ладоней и пальцев. Кроме того, В. К. Жомова собрала данные о численности населения деревень, из которых происходят обследованные. В статье излагаются лишь предварительные результаты обработки материала.

### Предшествующие исследования русского населения

Первая работа, посвященная антропологическим особенностям старожильского населения бассейна Лены, появилась на рубеже прошлого и нашего столетия. Ее автор И. И. Майнов работал в окрестностях Якутска, а также на участке от Якутска до Олёкминска по Лене и в Амге<sup>5</sup>. Кроме того, он имел возможность использовать собранные ранее материалы Н. Л. Геккера, частично опубликованные предварительно<sup>6</sup>, а в большей своей части неопубликованные. Кстати сказать, Н. Л. Геккер первым исследовал 28 крестьян Амгинской слободы, числившихся русскими, но, судя по их антропологическим особенностям, очень сильно, может быть даже больше чем наполовину, смешанных с якутами.

И. И. Майнов установил у старожильского населения Лены заметное потемнение волос и цвета глаз в сравнении с русскими европейских районов, а также значительную монголоидную примесь в составе старо-

<sup>3</sup> См.: С. В. Бахрушин, Исторические судьбы Якутии, сб. «Якутия», Л., 1927 (перепечатано: С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, «Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв.», ч. 2—«История народов Сибири в XVI—XVII вв.» М., 1955); М. И. Майнов, Население Якутии, сб. «Якутия», Л., 1927; Ф. Г. Сафонов, Русские крестьяне в Якутии, Якутск, 1961.

<sup>4</sup> Из работ по антропологии якутов, выполненных с соблюдением требований современной методики, можно назвать лишь три: М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. III, 1947 (центральные и северные районы); И. М. Золотарева, Антропологическое исследование долган, «Сов. этнография», 1965, № 3; ее же, Распределение групп крови у народов Северной Сибири, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964.

<sup>5</sup> И. И. Майнов, Помесь русских с якутами, «Русский антропологический журнал», 1900, № 4.

<sup>6</sup> Г. Л. Геккер, К характеристике физического типа якутов, «Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического о-ва», т. III, вып. 1, Иркутск, 1896.

жилов. Вывод этот для того времени мог считаться хорошо обоснованным, так как одновременно с русскими И. И. Майнов исследовал и описал якутов, правда, по материалам Н. Л. Геккера<sup>7</sup>. Недостатком его работы было отсутствие дифференциации собственно старожильческого населения, считающего себя русским, и заведомых метисов — сахаляров. Программа его состояла из довольно подробного измерения головы и тела, но так называемые описательные признаки им не определялись, за исключением цвета волос и глаз. Не определялись и физиологические особенности. С другой стороны, частично заполнивший этот пробел Ф. Я. Кон производил изучение частоты пульса и дыхания, температуры тела и других физиологических характеристик только у якутов<sup>8</sup>. Все эти обстоятельства резко снижают ценность работы И. И. Майнова и делают затруднительным ее использование в настоящее время.

Эта первая работа о сильно смешанном с якутами русском населении Лены, вышедшая более полувека назад, практически осталась единственным и, по-видимому, весьма несовершенным источником сведений об антропологических особенностях старожильческого населения Якутии. В сводном очерке о населении Якутии, опубликованном через 25 лет после нее, И. И. Майнов, не приведя никаких новых данных, повторил прежнюю характеристику<sup>9</sup>.

### Соматологические наблюдения

Небольшая численность изученных групп затрудняет морфологическую характеристику исследованного населения, после разбивки по полу число наблюдений в каждой группе еще уменьшается (табл. 1). Возрастное распределение в

Таблица 1

Возрастной состав и численность исследованных групп (♂)

Изученные группы	n	Возраст, %		
		18—24 года	25—49 лет	свыше 49 лет
Русские:				
усть-кутско-жигаловские	26	—	84,6	15,4
казачинские	25	12,0	80,0	8,0
киренские	67	7,4	73,5	19,1
витимские	40	5,0	75,0	20,0
олёкминские	56	14,3	78,6	7,1
Суммарно	214	8,4	77,1	14,5
Метисы олёкминские	12	16,7	66,6	16,7
Якуты:				
толонские	17	—	64,7	35,3
олёкминские	46	2,1	76,6	21,3
Суммарно	63	1,6	73,4	25,0

целом отличается от стандартного — три четверти наблюдений падают на среднюю возрастную категорию. При всем этом различия по основным признакам сохраняют закономерный характер и соответствуют исторической корреляции этих признаков при сопоставлении европеоидной и монголоидной рас.

В материалах, собранных Русской антропологической экспедицией Института этнографии АН СССР среди русского населения Сибири и подготовленных в настоящее

время к печати Г. М. Давыдовой, отсутствуют, к сожалению, результаты определения многих описательных признаков. Среди русского населения Европейской части СССР определение производилось Т. И. Алексеевой,

<sup>7</sup> И. И. Майнов, Якуты (по материалам Н. Л. Геккера), «Русский антропологический журнал», 1902, № 4.

<sup>8</sup> Ф. Я. Кон, Физиологические и биологические данные об якутах (антропологический очерк), Минусинск, 1899. Современную оценку этой книги и деятельности ее автора см.: С. И. Вайнштейн, Антропологические и этнографические исследования Феликса Яковлевича Кона, «Сов. этнография», 1965, № 4.

<sup>9</sup> И. И. Майнов, Население Якутии.

Таблица 2

Некоторые антропометрические и антропоскопические признаки в исследованных группах

Признаки	Русские					Метисы олёк- минские	Якуты	
	уст-кут- ско-жиг- ловские	кача- чин- ские	киренские	итатские	олекмин- ские		тогоские	олекмин- ские
Цвет волос, % №№ 27, 4, 5	62,5	69,6	75,8	54,1	63,5	100,0	100,0	100,0
Цвет глаз, М (0—2; 0—светлые)	0,42	0,87	0,68	0,65	0,83	1,42	1,53	1,64
Рост бороды после 25 лет, М (1—5)	2,50	2,43	2,53	2,70	1,89	2,14	1,22	1,29
Горизонтальный профиль лица, М (1—3; 1—плоский)	2,31	2,20	2,13	2,54	2,45	2,00	1,00	1,21
Выступление скул, М (1—3; 1—слабое)	1,52	1,84	1,72	1,74	1,57	1,83	2,70	2,40
Высота переносья, М (1—3; 1—малая)	2,39	2,28	2,32	2,39	2,34	2,00	1,59	1,66
Поперечный профиль спинки носа, М (1—3; 1—плоский)	2,42	2,16	2,38	2,26	2,21	2,00	1,71	1,76
Эликантус (% присутствия)	5,9	0	4,0	2,6	21,4	25,0	70,6	54,3
Вес тела (кг)	65,4	63,1	65,5	64,6	64,4	62,8	62,8	59,2
Длина тела (см)	166,5	167,1	166,8	167,7	167,7	165,7	161,6	161,7
Обхват груди (см)	95,5	95,1	95,5	95,4	94,5	94,6	95,4	92,1
Ширина плеч (см)	38,8	37,8	38,0	38,1	37,5	36,8	36,8	36,3
Ширина таза (см)	28,4	28,1	28,3	28,4	28,3	28,7	28,1	28,1
Длина нижней конечности (см)	94,3	94,2	94,5	94,7	94,2	92,6	89,6	89,1
Продольный диаметр головы (мм)	192,5	191,0	191,9	192,1	193,3	196,3	195,7	195,5
Поперечный диаметр головы (мм)	156,3	153,3	154,6	156,3	154,6	157,1	158,8	155,8
Головной указатель *	81,2	80,3	80,6	81,4	80,0	80,0	81,1	79,7
Наименьшая ширина лба (мм)	108,7	106,3	106,4	108,4	105,9	107,4	106,9	103,8
Морфологическая высота лица от ниж. кр. бровей (мм)	131,3	129,5	131,2	132,2	129,3	137,1	144,4	138,6
Скуловая ширина (мм)	144,5	144,4	144,6	145,5	143,1	146,8	150,1	147,7
Морфологический лицевой указатель	90,9	89,7	90,7	90,9	90,4	93,4	96,2	93,8
Нижнечелюстная ширина (мм)	114,8	112,7	111,2	111,4	110,0	110,7	117,0	113,0
Высота носа от ниж. кр. бровей (мм)	59,2	58,2	57,9	59,9	60,8	64,8	70,5	67,1
Высота носа от переносья (мм)	53,3	52,1	52,6	54,5	53,7	54,3	58,1	54,4
Ширина носа (мм)	36,2	35,0	35,1	35,3	35,5	36,2	37,8	36,2
Носовой указатель от ниж. кр. бровей	61,1	60,1	60,6	58,9	58,4	55,9	53,6	53,9
Носовой указатель от переносья	67,9	67,2	66,7	64,8	66,1	66,7	65,1	66,6
Ширина рта (мм)	51,8	50,9	50,3	51,3	52,3	52,2	51,9	50,5
Высота верхней губы (мм)	18,1	16,7	18,0	17,4	16,2	17,7	17,9	18,8
«Толщина» обеих губ (мм)	13,4	16,3	14,9	15,3	14,5	13,2	16,3	13,7

\* Все указатели — отношения средних.

и эти данные не могут быть полностью сопоставимы с нашими. Поэтому характеристика русского старожильского населения бассейна Лены производится при сравнении его с различными старожилами других районов лишь по некоторым признакам, а по всем признакам имеется возможность сопоставлять его лишь с якутами. В табл. 2 представлены основные данные по мужчинам.

Все пять групп русских старожилов, расселенных по течению Лены с юга на север, обнаруживают определенную комбинацию антропологических признаков, свойственную, очевидно, русскому населению Лены вообще. Довольно большие размеры головы, суббрахицефалия, большие размеры лица, особенно в ширину, средней высоты переносье, некоторая уплощенность лица в горизонтальной плоскости, не очень сильный

рост бороды, небольшой процент лиц с эпикантусом — вот характерные черты этого комплекса. Он позволяет говорить об отличии старожильского населения Лены от русского населения Европейской части СССР. Отличие это выражается, как легко понять из предыдущего перечня, в небольшой монголоидной примеси — это видно в появлении эпикантуса и некотором ослаблении роста бороды, увеличении размеров лица, т. е. в признаках, которые наиболее чутки к изменению соотношения европеоидного и монголоидного компонентов

Любопытно отметить, что олэкминская группа и по проценту лиц с наличием эпикантуса, и по росту бороды заметно отличается от других изученных групп старожилов, приближаясь к метисам. По росту бороды олэкминские старожилы даже уступают метисам. Но по другим признакам олэкминская группа мало отличается от всех остальных. Речь может идти, очевидно, о небольшом усилении монголоидной примеси в составе старожильского населения Олэкминского района, сказавшемся на изменении величин этих двух признаков, как наиболее чувствительных индикаторов монголоидности, но не затронувшем остального комплекса. Такое усиление монголоидной примеси в олэкминской группе кажется вполне понятным — поселок Олэкма относится к числу самых старых на Лене и здесь русские находятся в контакте с якутами около трех столетий.

Заведомо метисов изучено немногим больше десятка. Но если привлечь данные и по женскому контингенту, то все же можно отметить их промежуточное положение между русскими старожилами и якутами почти по всем признакам, дифференцирующим европеоидные и монголоидные группы — цвету волос и глаз, росту бороды, горизонтальному профилю лица и выступанию скул, высоте переносья, наличию эпикантуса, размерам лица.

Несмотря на трудность сопоставления групп, описательные признаки которых были изучены разными работниками, авторы как будто имеют на это право в данном случае. Речь идет об отсутствии определенных направленных различий хотя бы по одному признаку между нашими определениями и данными М. Г. Левина. В целом это свидетельствует об относительной стабильности антропологического типа якутов по всей территории их расселения — среди изученных М. Г. Левиным якутов только единицы происходили из южных районов, и наши данные частично заполняют, следовательно, существенный пробел. Единственное исключение — толонские якуты, отличающиеся очень высоким лицом. У женщин лицо также характеризуется значительной высотой. Однако это все же небольшая выборка, и здесь мог сыграть роль случайный подбор высоколицых индивидуумов. Правда, поселок Толон лежит на речке Пеледуйке — притоке Лены, приблизительно на расстоянии 200 км вверх от устья, в относительной изоляции, и локальный сдвиг в вариациях того или иного признака, даже полимерного, в этих условиях весьма вероятен.

Нельзя не обратить внимания на направленность различий между толонскими и олэкминскими якутами. У последних светлее волосы, сильнее рост бороды, резче профилировано лицо в горизонтальной плоскости, слабее выступают скулы, выше переносье, меньше процент лиц с эпикантусом, меньше размеры лица. По каждому из этих признаков различия имеют микроскопическую величину и не выдерживают критериев статистической достоверности. Но в целом они образуют определенный комплекс — усиление монголоидных особенностей у толонских якутов и ослабление их у олэкминских. Направленные изменения в условиях изоляции могли вызвать сдвиги в величине нескольких признаков,

Таблица 3

**Частоты одонтологических признаков в исследованных группах**

Лопатообразность резцов давно привлекла к себе внимание как отличительная особенность строения зубной системы у монголоидов. Старые данные были суммированы А. Дальбергом в основном для американских индейцев в сопоставлении с белым населением Америки и неграми<sup>10</sup>. В последние годы появились две новые сводки — В. Карбо-

<sup>10</sup> A. Dahlberg. The den-  
tition of the American Indian,  
«The physical anthropology of  
the American Indian», New York,  
1951.

Изученные группы	Лопатобразность резцов, %												Бугорок Карабелли на верхнем M <sub>1</sub> , %					Дистальный гребень тригоида						
	I <sub>1</sub>						I <sub>2</sub>																	
	0		1		2		3		4		0 <sub>0</sub>		1		2		3		4					
	n						n					n					n				n		% при- сутст- вия	n
Русские: усть-кутско-жи- галовские казацкие киренские витимские олекминские Суммарно	19	58,0	26,3	15,7	—	—	18	38,9	44,4	16,7	—	22	77,3	9,1	4,5	—	18	—	—	—	—	—	—	18
	28	60,7	24,4	14,3	3,6	—	27	63,0	18,5	44,1	7,4	37	75,7	8,1	2,7	8,1	30	3,3	—	—	—	—	3,3	
	55	69,1	23,6	7,3	—	—	56	62,5	26,8	10,7	—	76	73,7	18,5	3,9	3,9	52	1,9	—	—	—	—	52	
	26	65,4	23,4	11,5	—	—	26	50,0	30,8	19,2	—	34	61,3	16,1	12,9	9,7	22	—	—	—	—	—	22	
	47	46,8	27,7	21,3	4,2	—	47	46,8	23,4	29,8	—	53	52,9	24,6	7,5	7,5	30	—	—	—	—	—	30	
	175	60,0	24,6	13,7	1,7	—	174	54,0	27,0	17,8	1,2	219	67,6	16,9	5,9	6,9	152	1,3	—	—	—	—	152	
Метисы олекминские	18	27,7	50,0	16,7	5,6	—	17	11,8	64,7	23,5	—	18	55,6	22,2	11,0	5,6	11	—	—	—	—	—	11	
Якуты: толонские олекминские Суммарно	47	—	8,5	46,8	42,6	2,1	43	2,3	14,0	46,5	34,9	43	72,1	16,3	7,0	4,6	25	16,0	—	—	—	—	25	
	45	2,2	31,1	37,8	26,7	2,2	44	2,3	31,8	38,6	27,3	44	75,0	9,1	11,4	4,5	25	28,0	—	—	—	—	28,0	
	92	1,1	19,6	42,4	34,8	2,1	87	2,3	23,0	42,5	31,0	87	73,6	12,6	9,2	4,6	50	22,0	—	—	—	—	22,0	

нелл, М. Судзуки и Т. Сакаи, показавших, что у европейцев средний процент индивидуумов с лопатообразными резцами колеблется вокруг 10, тогда как у представителей монголоидной расы он равен 80—90<sup>11</sup>. В наших данных частота лопатообразности для медиальных резцов у якутов составляет 79,3%, если подсчитывать, как это и делается обычно, лишь случаи четкой выраженности признака, для латеральных — 74,7%. У русских старожилов аналогичные величины составляют соответственно 15,4 и 19%. Любопытно отметить, что в этом отношении старожилы почти не отличаются от заведомо смешанного населения. Но по проценту лиц со следами лопатообразности (балл 1) метисы вдвое превосходят старожилов. При проверке значимости разницы по критерию  $\chi^2$  он равен 70,68 для  $I_1$  и 70,88 для  $I_2$  при 3 степенях свободы, т. е. в обоих случаях  $P < 0,001$ . Таким образом, все исследованные образуют последовательный ряд от старожилов, считающих себя чисто русскими, к якутам.

В отличие от лопатообразности, частота которой, как уже говорилось, повышается значительно в монголоидных группах, бугорок Карабелли встречается чаще всего у европейцев, где его частота достигает 40%. У монголоидов он встречается на первых молярах лишь у отдельных индивидуумов<sup>12</sup>. Исследованные старожилы и метисы отличаются друг от друга по развитию бугорка, при 4 степенях свободы  $\chi^2$  равен 67,70,  $P < 0,001$ . Но и у якутов бугорок Карабелли развит довольно значительно по монголоидному масштабу — больше, чем у китайцев и эскимосов и приблизительно так же, как у американских индейцев.

Неопубликованные данные А. А. Зубова, любезно предоставленные авторам для ознакомления, показывают, что дистальный гребень тригониды встречается лишь в монголоидных популяциях. Якуты отличаются высокой частотой лиц с выраженным дистальным гребнем. Среди русских старожилов единичные случаи наличия гребня могут быть отнесены за счет монголоидной примеси. В метисной группе этот признак удалось определить только у нескольких индивидуумов.

### Изосерологические наблюдения

Данные о распределении фенотипов и генов системы АВО представлены в табл. 4. Во всех группах русских старожилов соотношение генов  $r$ ,  $p$  и  $q$  соответствует общеевропейскому стандарту, т. е. группа  $O$  представлена чаще всего, за ней идут последовательно  $A$  и  $B$ <sup>13</sup>. Более или менее сходное распределение получено и в других группах русского старожильского населения Сибири. Различия между отдельными группами мало существенны, и ни одну из них нельзя отделить от остальных. Пожалуй, обращают на себя внимание только усть-кутско-жигаловские старожилы, т. е. население Верхней Лены, кстати сказать, и географически отделенное от остальных. Но при такой малочисленности выборки достоверность различий по критерию  $\chi^2$  — ниже первого порога значимости. По-видимому, случайность выборки и сказалась в первую очередь на распределении генотипов в этой группе.

<sup>11</sup> V. Carbonell, Variations in the frequency of shovel-shaped incisors in different populations, «Dental anthropology», Oxford — London — New York — Paris, 1963 (непечатано: «Year-book of physical anthropology», 1963, vol. 11, Mexico, 1965); M. Suzuki, T. Sakai, Shovel-shaped incisors among the living Polynesians, «Amer. journal of physical anthropology», new series, vol. 22, 1964, № 1.

<sup>12</sup> См., например, V. Carbonell, The tubercle of Carabelli in the Kish dentition, «Journal of dental research», vol. 39, 1960.

<sup>13</sup> A. Mourant, A. Koppeč, K. Domaniewska-Sobczak. The ABO blood groups. Comprehensive tables and maps of world distribution, Oxford, 1958.

Таблица 4

Частота фенотипов и генов системы АВО в исследованных группах, %

Изученные группы	<i>n</i>	Распреде- ление фенотипов	<i>O</i>	<i>A</i>	<i>B</i>	<i>AB</i>	<i>r</i>	<i>p</i>	<i>q</i>
Русские:									
усть-кутско-жигаловские	33	эмп. теор.	36,8 36,4	29,0 27,9	29,0 27,9	5,2 7,8	0,604	0,198	0,198
казачинские	46	эмп. теор.	47,8 47,8	30,4 30,4	17,4 17,3	4,4 4,5	0,691	0,193	0,116
киренские	99	эмп. теор.	42,4 44,9	39,4 36,4	17,2 14,2	1,0 4,5	0,670	0,232	0,098
витимские	52	эмп. теор.	44,2 43,8	32,7 33,1	17,3 17,8	5,8 5,3	0,662	0,215	0,123
олёкминские	90	эмп. теор.	46,7 46,8	32,2 32,1	16,7 16,5	4,4 4,6	0,684	0,204	0,112
Метисы олёкминские	50	эмп. теор.	28,0 30,5	40,0 37,0	26,0 22,9	6,0 9,6	0,553	0,269	0,178
Якуты:									
толонские	90	эмп. теор.	38,9 40,4	35,6 33,9	21,1 19,4	4,4 6,3	0,636	0,226	0,138
олёкминские	77	эмп. теор.	27,3 28,9	32,5 32,9	29,8 27,6	10,4 10,6	0,538	0,248	0,214

Как это ни удивительно на первый взгляд, якуты относятся формально к тому же типу распределения генов, что и русские:  $r > p > q$ . Однако у олёкминских якутов концентрация гена *q* достигает высоких значений и соответствует величинам, которые получены при исследовании более многочисленной якутской группы<sup>14</sup>. Преобладание *p* над *q* у олёкминских якутов проистекает не за счет низкой концентрации гена *q*, а за счет высокой частоты *p*. При сравнении метисов с олёкминскими якутами видно, что они отклоняются в направлении старожильского населения и занимают, следовательно, как и надо было ожидать, промежуточное положение между олёкминскими якутами и олёкминскими русскими. Но у толонских якутов частота группы *B* резко снижена, что, видимо, является следствием их изолированного положения. В связи с этим нельзя не обратить внимание на аналогичную концентрацию гена у верхнеколымских якутов<sup>15</sup>. В более поздней работе, на которую мы только что ссылались, И. М. Золотарева и А. Г. Башлай склонны расценивать это отличие верхнеколымской группы от якутов центральных районов как результат случайности выборки несмотря на то, что оно выдерживает испытание с помощью критерия  $\chi^2$  на уровне первого порога значимости. Между тем распределение факторов системы АВО у толонских якутов подтверждает, что в изолированных группах якутов концентрации генов могут заметно отличаться от средних концентраций, полученных при изучении дисперсной выборки.

У старожилов Лены приблизительно такая же концентрация гена *m* системы *MN*, как и во всех других старожильских группах Сибири (табл. 5). В целом это соотношение типично для среднеевропейских групп<sup>16</sup>. У якутов соотношение генов *m* и *n* меняется в пользу *m*, при-

<sup>14</sup> И. М. Золотарева, А. Г. Башлай, Серологические исследования в Якутии, «Сов. этнография», 1968, № 1.

<sup>15</sup> И. М. Золотарева, Распределение групп крови у народов Северной Сибири.

<sup>16</sup> A. Mourant, The distribution of human blood groups, Oxford, 1954; H. Waiter, Die Bedeutung der serologischen Merkmale für die Rassenkunde. В кн.: «Die neue Rassenkunde (herausgegeben von I. Schwidetzky)», Stuttgart, 1962. Здесь и дальше использованы также данные Русской антропологической экспедиции, собранные при работе в Сибири.

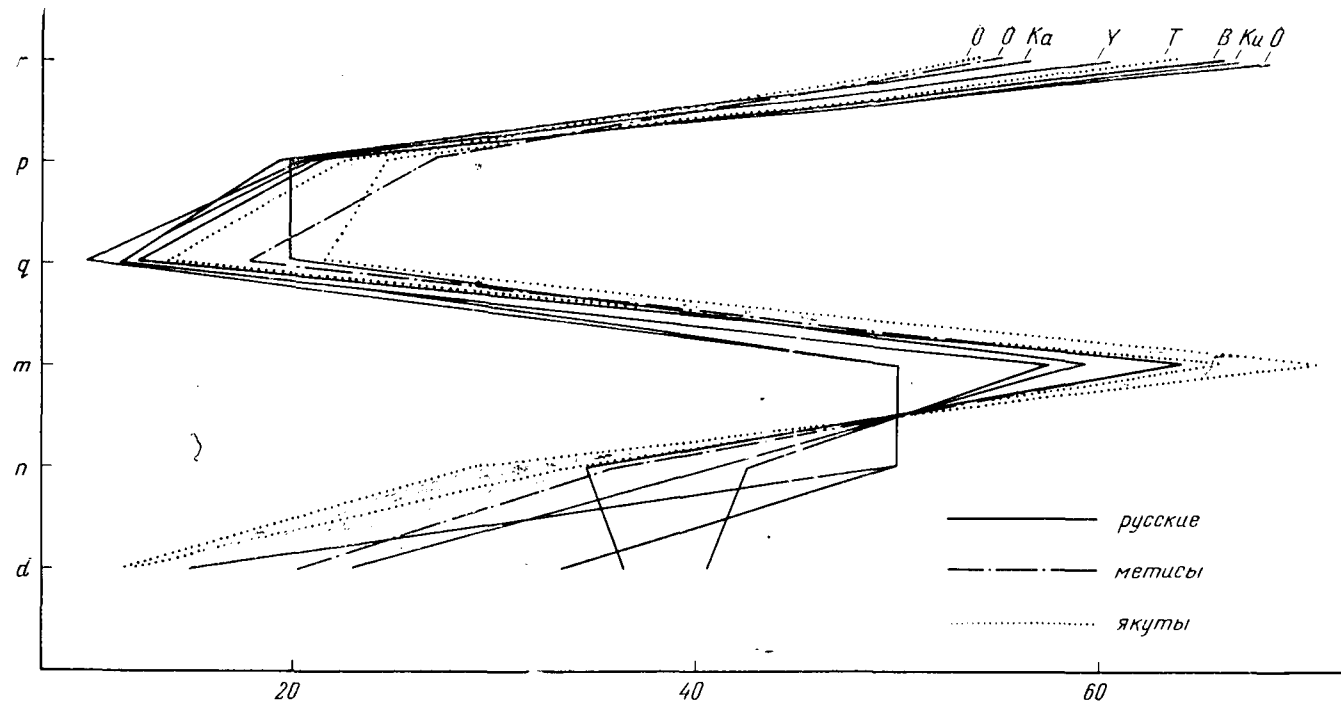


Рис. 1. Сопоставление исследованных групп по соотношению частот генов групп крови:  $Y$  — усть-кутско-жигаловские,  $Ka$  — казачинские,  $Ki$  — киренские,  $B$  — витимские,  $T$  — толонские,  $O$  — олёкминские



Таблица 5

Частота фенотипов и генов систем *MN* и *Rh* в исследованных группах, %

Изученные группы	<i>n</i>	Распреде- ление фенотипов	<i>M</i>	<i>MN</i>	<i>N</i>	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>D</i>	<i>d</i>
Русские:										
усть-кутско-жи- галовские	38	эмп. теор.	26,3 35,0	65,8 48,3	7,9 16,7	0,592	0,408	38	0,771	0,229
казачинские	46	эмп. теор.	17,4 25,0	65,2 50,0	17,4 25,0	0,500	0,500	46	0,853	0,147
киренские	99	эмп. теор.	32,3 33,1	50,5 48,9	17,2 18,0	0,576	0,424	97	0,594	0,406
витимские	52	эмп. теор.	19,3 25,0	61,4 50,0	19,3 25,0	0,500	0,500	51	0,667	0,333
олёкминские	90	эмп. теор.	42,2 40,8	43,4 46,1	14,4 13,0	0,639	0,361	90	0,634	0,366
Метисы олёкминские	50	эмп. теор.	40,0 41,0	48,0 46,1	12,0 12,9	0,640	0,360	48	0,796	0,204
Якуты:										
толонские	90	эмп. теор.	46,7 43,8	38,9 44,8	14,4 11,4	0,662	0,338	72	0,881	0,119
олёкминские	77	эмп. теор.	46,8 50,1	48,0 41,4	5,2 8,5	0,708	0,292	75	0,886	0,114

чем у толонских якутов это изменение менее заметно, чем у олёкминских. Олёкминские метисы не отличаются от олёкминских русских.

Частота гена *d* у старожилов Лены также не отличается заметно от таковой в других районах Сибири со старожильческим населением (табл. 5). Неожиданно низкую концентрацию обнаруживают казачинские русские, но группа эта малочисленна и отклонение ее от остальных случайно. У якутов, как и вообще в монголоидных группах Восточной Азии<sup>17</sup>, частота *d* заметно понижается, и в этом отношении обе исследованные выборки очень сходны между собой. Метисы занимают промежуточное положение. Таким образом, метисная русско-якутская группа, изученная в Олёкминском районе, оказывается промежуточной как по системе *ABO*, так и по концентрации фактора *d* системы *Rh* и только по системе *MN* сближается с русскими старожилами Олёкминского района (рис. 1).

### Определение вкусовой чувствительности к фенилтиокарбамиду

В 1931 г. было установлено Фоксом, что разные люди отличаются друг от друга вкусовой чувствительностью к фенилтиокарбамиду: одни ощущают его как горькое вещество, для других он безвкусен. Эта особенность интересна тем, что она наследуется как простой менделирующий признак и определяется двумя генами — *T* и *t*, один из которых вызывает ощущение вкуса и является доминантным, второй — отсутствие ощущения и является рецессивным. Дальнейшие исследования показали, что процент ощущающих вкус фенилтиокарбамида в каждой популяции неодинаков и обнаруживает довольно четкие правильности в своем географическом распределении<sup>18</sup>. Он наименьший в Европе и Индии,

<sup>17</sup> См. предыдущее примечание.

<sup>18</sup> См., например, картину панэкуменского распределения: A. C. Allison, B. S. Blumberg, Ability to taste phenylthiocarbamide among Alaskan Eskimos and other populations, «Human biology», vol. 31, 1959.

а в Африке и среди монголоидных групп, особенно у американских индейцев, резко повышается, приблизительно до 90—100%.

Наши данные представлены в табл. 6. Уже визуальная оценка их показывает, что все исследованные группы мало различаются между собой. Процент лиц, лишенных вкусовой чувствительности, практически совпадает у русских и якутов. Метисы отличаются от тех и других, но также незначительно. Проверка значимости различий подтверждает визуальное наблюдение. При попарном сопоставлении суммарных данных по русским, якутам и метисам  $\chi^2$  равен (во всех случаях для 1-й степени свободы): русские — метисы — 0,82,  $P > 0,50$ , но  $< 0,30$ ; метисы — якуты — 0,45,  $P < 0,50$ ; русские — якуты — 0,07,  $0,80 > P > 0,70$ . Таким образом, все исследованные выборки взяты как бы из одной популяции.

Таблица 6

Частота чувствительности к фенилтиокарбамиду

Этнические и территориальные группы	n	% неощущающих вкус фенилтиокарбамида
Русские:		
усть-кутско-жигаловские	37	24,3
казачинские	45	33,3
киренские	98	41,8
витимские	51	25,5
олёкминские	90	23,3
Суммарно	321	30,8
Метисы олёкминские	49	24,5
Якуты:		
толонские	60	30,0
олёкминские	72	29,2
Суммарно	132	29,5

концентрации гена отсутствия вкуса вообще характерны для глубинных районов Восточной Сибири? Пока нет данных по другим районам — об этом можно только гадать. Не полностью исключено и другое предположение — повышение частоты этого гена за счет действия генетико-автоматических процессов, обычно создающих дифференциацию в частотах генных признаков, но в данном случае за счет концентрации гена у якутов, наоборот, нивелировавших различия.

Имеется точка зрения, согласно которой генетико-автоматические процессы усиливают высокую концентрацию того или иного гена и, наоборот, еще более снижают низкую, иными словами, создают не случайное, а направленное разнообразие, характер которого определяется частотами генов в исходных микроизолятах<sup>19</sup>. Это кажется весьма вероятным для признаков, концентрации генов которых принимают в популяциях все возможные значения от 0 до 100%. Но для генов, концентрация которых в силу тех или иных причин (селекция, большая скорость мутирования) поддерживается на довольно низком уровне, действие генетико-автоматических процессов должно сказываться и в увеличении низких концентраций, иначе соответствующие гены выпадут из генофонда современного человечества. В Америке рецессивы по чувствительности к фенилтиокарбамиду действительно составляют единицы, но в Норвегии и у басков, также в условиях относительной изоляции их процент колеблется около 30. Может быть именно с таким процессом мы и имеем дело у якутов.

<sup>19</sup> См., например, Ю. Г. Рычков, Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии, «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965.

## Закключение

Основная цель статьи — предварительная публикация собранных экспедицией данных по населению обширного района, бывшего до сих пор белым пятном на антропологической карте Советского Союза. Но уже первичная обработка этих данных позволяет сделать некоторые выводы. По соматологическим данным, по распределению групповых факторов крови, по строению зубов все исследованные группы располагаются в последовательный ряд — русские старожилов, метисы, якуты. Таким образом, и морфологические, и физиологические характеристики обнаруживают известный параллелизм. Этот параллелизм свидетельствует о возможности получения с помощью этих характеристик однородной информации, а следовательно, и о перспективности совместного использования их в этногенетических исследованиях, особенно при изучении смешанных популяций, образовавшихся в зонах контакта европеоидов и монголоидов.

В то же время параллелизм этот неполный: не обнаруживается ощутимых различий между всеми исследованными группами по вкусовой чувствительности к фенилтиокарбамиду, олёкминская группа старожилов, отличаясь от других групп соматологически, похожа на них по распределению изосерологических и одонтологических признаков, по частотам генов системы *MN* нет разницы между метисами и олёкминскими русскими. Наконец, отмеченный на основании соматологии сдвиг олёкминских якутов по сравнению с толонскими в европеоидном направлении не полностью подтверждается вариациями других систем. Наоборот, по соотношению генов *r*, *p*, *q* и *m*, *n* толонские якуты больше отходят от общерусского масштаба, чем олёкминские. По частоте лопаточных резцов толонские якуты более «монголоидны», чем олёкминские, по развитию бугорка Карабелли и частоте дистального гребня тригониды — более «европеоидны». Таким образом, вопрос о небольшой доле европеоидной примеси у олёкминских якутов в конечном итоге должен быть решен, по-видимому, отрицательно, так же, как и вопрос об усилении монголоидной примеси в составе олёкминской группы русских.

Такое нарушение параллелизма в вариации определенных систем или составляющих их признаков имеет каждый раз свои причины и свидетельствует о своеобразии условий, в которых протекает этнический процесс. Так, своеобразие в соотношении групповых признаков, характерных для толонских якутов, представляет собою, очевидно, результат их изолированного положения. С другой стороны, даже не зная происхождения и истории жизни этой группы, на основании ее изосерологического и морфологического своеобразия можно было бы говорить уверенно о том, что она сформировалась в условиях изоляции.

Сопоставление русских старожилов Лены и русского населения Европейской части СССР выявляет такие различия, которые могут быть объяснены только примесью коренного населения бассейна Лены. Но из всех изученных групп старожилов лишь олёкминские и частично витимские соприкасаются с якутами непосредственно. На территории более южных районов якутов, как известно, сейчас нет. Каково же тогда происхождение монголоидной примеси в составе усть-кутско-жигаловских, казачинских и киренских русских? Возможно два предположения. Первое из них основывается на широко известном и твердо установленном факте южного происхождения якутов. Можно было бы думать, что значительное число якутов жило на территории южных районов уже после заселения их русскими, и контакт с ними привел к появлению монголо-

идной примеси в составе русского старожильческого населения Усть-Кутского, Жигаловского, Казачинского и Киренского районов Иркутской области. Тогда эту примесь можно было бы истолковать как дополнительный аргумент в пользу южного происхождения якутского народа и доказательство сравнительно недавнего проживания какой-то его части много южнее территории нынешнего расселения. Но для такого предположения нет опоры в исторических свидетельствах, наоборот, все историко-этнографические данные говорят о более раннем переселении предков якутов с юга на север, чем время заселения южных районов бассейна Лены русскими<sup>20</sup>.

С другой стороны, исторически засвидетельствовано столкновение в этих районах русских с эвенками, которые в XVII в. были расселены **значительно шире, чем теперь**<sup>21</sup>. На Верхней Лене было зафиксировано в XVIII в. и небольшое число бурят<sup>22</sup>. По-видимому, с этими двумя группами и следует связывать происхождение монголоидной примеси в составе южных районов бассейна Лены.

### SUMMARY

The article sets forth the results of a study of old-resident Russian, mixed-blood, and Yakut population carried out in the central and southern regions of Yakutia. As regards somatological data, distribution of group blood factors, tooth structure — all the groups studied fall into a sequence — Russian old residents, mixed-bloods, Yakuts. However this sequence is not consistent: no appreciable differences can be found between all the groups in the PTC test; the Olekminsk group of Russian old residents, while differing from the others in somatological type, is similar to them in the distribution of isoserological and odontological characteristics, in gene frequencies according to the MN system; in all these aspects they are indistinguishable from mixed-bloods. Thus the question of a greater Mongoloid admixture in the Olekminsk Russian group must apparently be answered in the negative. Any Europeoid admixture among the Olekminsk Yakuts seems also to be absent. The Mongoloid admixture in the Russian old resident population as a whole originates mainly with the Buryats and the Evenks.

<sup>20</sup> См. очерк этногенеза якутов в кн. «Народы Сибири», М., 1956.

<sup>21</sup> Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LV, М., 1960.

<sup>22</sup> В. М. Кабузан, С. М. Троицкий, Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в., «Сов. этнография», 1966, № 3.

**В. Н. Басилов**

## **НЕКОТОРЫЕ ПЕРЕЖИТКИ КУЛЬТА ПРЕДКОВ У ТУРКМЕН**

Мнение о том, что культ святых занял место культа предков и унаследовал некоторые его функции и черты, уже прочно вошло в нашу этнографическую и исламоведческую литературу. Оно общепризнанно и кажется бесспорным. Однако при внимательном чтении работ, посвященных исследованию домусульманских пережитков в исламе, становится очевидным, что это утверждение обосновано крайне слабо, и перед нами тот случай, когда предположение, перекочевывая из работы в работу, стало привычным и приобрело видимость давно установленной истины.

Попытка подтвердить на туркменском материале эту точку зрения о преемственной связи поклонения мусульманским святым с культом предков и составляет задачу статьи. Работа основана главным образом на полевых материалах, собранных преимущественно в 1964—1966 гг. Автор столкнулся, естественно, с большими трудностями при сборе материала, поскольку пережиточные представления, оставшиеся от культа предков, сохранились у туркмен очень слабо. В статье использованы также сведения, связанные с почитанием личностей (большей частью мифических), к которым предания возводят начало племени или рода. Следует оговорить, что, на наш взгляд, почитание родо-племенных прародителей укладывается в рамки понятия «культ предков».

\* \* \*

Некоторые сведения о культе предков у туркмен можно извлечь из родословных преданий и эпоса огузов (предков туркмен) — «Книга моего деда Коркута» (XV в.). Родословные и эпос отразили процесс изменения представлений о мифических прародителях. С приходом ислама легендарные родоначальники преобразились в мусульманских святых.

Так, по версии мусульманских историков Рашид ад-дина (XIV в.) и Абулгази-хана (XVII в.), прародитель огузов — Огуз-хан — является ревностным мусульманином. Родившись, Огуз «три ночи и три дня... не сосал (грудь) своей матери. Каждую ночь этот мальчик являлся во сне своей матери и говорил: «О, матушка, стань мусульманкой! А если не станешь, ... умру, но не буду сосать твою грудь». Научившись говорить, Огуз непрестанно твердил: «Аллах, Аллах!». «Всевышний бог еще во чреве матери сделал Огуза своим любимцем, а потому и вложил в его сердце и уста свое имя». Став повелителем, Огуз-хан насаждал ислам. «Тех, кто стали мусульманами, он осыпал милостями, тех, кто не стал, — преследовал; их самих убивал, (а) детей их обращал в рабов»<sup>1</sup>. Он распространял ислам и в завоевательных походах.

<sup>1</sup> А. Н. Кононов. Родословная туркмен, сочинение Абу-л-гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 40—42. Рассказ Абулгази отличается от версии Рашид ад-дина лишь незначительными деталями.

Однако любимцем Аллаха (обычный эпитет святых) Огуз-хан стал после того, как предания подверглись мусульманской редакции. Свой древний облик Огуз сохранил в архаическом варианте легенды, дошедшей до нас в уйгурской рукописи XV в. Уйгурский вариант не подвергся влиянию ислама. Здесь Огуз — мифический родоначальник, культурный герой. Родившись, «из груди своей матери этот ребенок вкусил молоко и больше не пил», но не потому, что задумал обратить мать в новую веру: «мяса сырого, пищи, вина хотел...»<sup>2</sup>. Совершая завоевания, Огуз не руководствовался религиозными мотивами: «Того, кто мне повинуется, принеся дары, за друга приму..., а кто не подчинится, ...собрав войско, ...сделаю так, чтобы сгинул»<sup>3</sup>. Уйгурская легенда имеет ярко выраженные мифологические черты: жена Огузу была послана с неба в голубом луче, в луче же в шатер Огуза проник чудесный помощник — «сивовласый, сивогривый большой волк», в походе войску встретился огромный загадочный дом — с золотой крышей, окнами из серебра и дверьми из железа и т. д.

Сопоставление разных вариантов огузских сказаний показывает, как были превращены в мусульман и другие легендарные предки огузов.

Так, один из них, Салор-Казан (Казан-алп), по Абулгази, жил «триста лет спустя после нашего пророка. На старости лет он отправился в Мекку и, став хаджи, вернулся»<sup>4</sup>. Ревностным мусульманином выступает Салор-Казан, как и другие герои эпоса, и в «Книге Коркута». Перед боем с «неверными», постоянными врагами огузов, Казан «протекавшей чистой водой совершил омовение, приложил к земле свое белое чело, совершил намаз, заплакал, обратился с мольбой к всемогущему богу, ... воздал хвалу Мухаммеду...» и затем «пустил коня на гяуров, ударил мечом»<sup>5</sup>. Так же поступают и другие герои эпоса. Когда и как они стали мусульманами, — это, по-видимому, певцов и слушателей уже не интересовало; лишь вскользь в эпосе упоминается о том, что Эмен из рода Бэгдюр — соратник огузских богатырей — встречался с основателем ислама: «покинуv родину, он видел лик пророка; вернувшись, стал его сподвижником среди огузов»<sup>6</sup>. Но в рассказе Османа Байбуртского (турецкого историка XVI в.) языческое прошлое героев огузских преданий еще не забыто. Здесь рассказывается, как мифические родоначальники племен приняли ислам. «Баюндур-хан увидел нашего господина посланника божьего... во время его деяний и уверовал. Направив Казан-хана (т. е. Салор-Казана. — В. Б.) и Дундар-бека к священной Каабе и к посланнику, ... он сообщил о своей приверженности к общине (ислама). Поэтому, когда Казан-хан с их [огузов] беками прибыл к Каабе, они встретились с посланником, когда тот сидел в мечети... Тогда посланник изложил им веру, и они приняли ее»<sup>7</sup>.

Приняв ислам, огузы, естественно, уже не могли почитать предков-язычников, а потому превратили их в правоверных мусульман. Теперь эти герои-предки совершали свои подвиги во славу ислама. Это означало, что они должны были действовать при жизни пророка или немного позже. Такое уточнение времени жизни легендарных прародителей, по-видимому, усугубило путаницу в родословных легендах, которую, в частности, отмечает Абулгази, наивно пытавшийся привести в соответствие различные варианты генеалогических преданий.

<sup>2</sup> А. М. Щербак, Огуз-наме. Мухаббат-наме, М., 1959, стр. 22—23.

<sup>3</sup> Там же, стр. 34.

<sup>4</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 71.

<sup>5</sup> «Книга моего деда Коркута», М., 1962, стр. 57.

<sup>6</sup> Там же, стр. 30.

<sup>7</sup> В. М. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», в кн. «Книга моего деда Коркута», стр. 172.

Но правомерно ли пользоваться материалом родословных и эпоса, изучая культ предков у туркмен? Иначе говоря, имеют ли родословные и эпос связь с культом предков? Ведь родословные излагаются Рашид ад-дином и Абулгази как чисто исторический документ, а песни огузского эпоса носят не сакральный, а развлекательный характер. Можно думать, однако, что предки, упоминаемые в генеалогических легендах и в эпосе, были и объектом культа. В пользу этого говорят следующие соображения.

1. До недавнего времени сохранялось почитание святого Коркут-ата. К его могиле (в низовьях Сыр-Дарьи) съезжались многочисленные паломники. Почитаемая гробница Коркута некогда была и под Дербентом<sup>8</sup>. Коркут — не родоначальник племени, но в родословных и в эпосе ему отводится видное место. В родословных он — везир огузских государей, в эпосе — патриарх огузов и автор былин. Если в народных верованиях мусульманским святым считается неотъемлемый персонаж родословных и эпоса, значит, прежде не было тех границ между преданиями о прародителях и культом, которые имеются сейчас.

2. В отрывке «Огуз-намэ», приписанном к одной из рукописей сочинения Языджи-оглу Али (XV в.)<sup>9</sup>, упоминаются герои огузских преданий (Байындыр-хан, Салор Казан, Бюгдюз Эмен и др.), но этот отрывок заметно отличается от былин эпоса. Видное место в нем занимает славословие в честь Огуз-хана и других героев. Восхваления Огузу («С широкого места восхода солнца появившийся Огуз...»), которыми начинается текст, на 15-й строке оригинала переходят в благословения, также предназначенные Огузу: «В золоте бело-серый твой конь пусть не нуждается в смене (?); пусть запахнутый прочный твой халат не распорется; на челе, на голове крепкий твой шлем пусть не разломится; рассекающий скалы твой синий меч пусть не зазубрится; с тремя жилами тугой твой лук пусть не становится плоским; с тремя перьями березовая (буковая?) твоя стрела пусть прямо летит к врагу; (скатерти) обеденных столов, доставшихся тебе по предназначению судьбы, пусть не свертываются; твои кипящие казаны пусть не остывают; в золоте луны шагающих твоих врагов пусть Аллах убьет; в золоте солнца шагающих твоих врагов пусть солнце сожжет...»<sup>10</sup>. Подобными же формулами благословения начинается и сборник изречений, приписываемых Коркуту, — «Аталар сёзю»<sup>11</sup>. Эти формулы очень близки к «прорицаниям», которые дает дед Коркут в конце былин. Уже высказывалось мнение, что в «прорицаниях» Коркута отразились древние магические заклинания<sup>12</sup>.

Представляется вероятным, что подобное благословение и восхваление предков подразумевало возможность общения с ними. По-видимому, в основе приведенного отрывка «Огуз-намэ» лежит молитвенное обращение к предкам-героям. Отдельные места в этом отрывке напоминают заклинания, которыми алтайские шаманы призывали своих духов-покровителей (большей частью предков)<sup>13</sup>. В связи с этим любопытно сходство ряда деталей в описании героев эпоса с описаниями

<sup>8</sup> В. М. Жирмунский, Указ. раб., стр. 159—161, 170—171.

<sup>9</sup> Там же, стр. 134, 239—240.

<sup>10</sup> Oguz destininden bir parça, «Türk tarih, arkeologiya ve etnografya dergisi», sayı II, İstanbul, Temmuz, 1934, стр. 246—247.

<sup>11</sup> O. Ş. Gökyay, Dede Korkut, İstanbul, 1938, стр. XXX — XXXIII.

<sup>12</sup> В. М. Жирмунский, Указ. раб., стр. 148.

<sup>13</sup> См., например, А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, «Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Российской Академии Наук», т. 6, вып. 2, Л., 1924, стр. 68 и др.

божеств и духов в призываниях казахских, киргизских и алтайских шаманов<sup>14</sup>.

3. До нашего времени сохранились пережитки почитания основателей отдельных туркменских «племен»; они считаются святыми, их могилам поклоняются, их культ не отличается от культа других мусульманских святых. Так, до сих пор верующие чтят Эрсари-баба — родоначальника группы эрсари, одного из персонажей «Родословной туркмен». Его могила находится среди кладбища на перевале через хребет Эрсари-баба (Большие Балханы). Упоминание о нем, как о святом, встречается уже в произведении XVIII в. «Юсуп-Ахмет»: герой, сидя в темнице, наряду с другими святыми призывает и Эрсари-баба<sup>15</sup>. О почитании могилы Эрсари-баба сообщал Н. Н. Муравьев, видевший «памятник в честь родоначальника поколения Туркменского Ер Саре Баба» в 1819—20 гг.: «Надгробный памятник его состоит из шеста, к коему привешено несколько разноцветных тряпок, обваленного камнями, оленьими рогами и разбитыми черепками горшков. Сии приношения делают ему проезжающие туркмены, хотя бы и другого поколения были — никто из них не смеет коснуться до сей могилы...»<sup>16</sup>. И в наши дни место могилы Эрсари-баба хорошо знают туркмены-ёмуды, живущие в окрестных селениях Гёзли-ата, Ак-куи и Чагыл, а также казахи, живущие по соседству<sup>17</sup>.

Есть сведения о почитании некоторых основателей родственных групп, не известных средневековым источникам. Так, в Балханах же Н. Муравьев осматривал «каменный памятник... в честь туркмена Джафар-Бая, одного из родоначальников поколений Йомудов...»<sup>18</sup>.

Легенды возводят начало туркменского «племени» ата к потомку халифа Османа — святому Хасан-ата, известному под прозвищем Гёзли-ата («гёзли» — обладающий острым зрением; прозвище основано на легендах о сверхъестественных способностях Гёзли-ата видеть скрытое от других людей). Почитаемая могила Гёзли-ата находится в Больших Балханах, недалеко от одноименного селения.

В Балханах же находится и могила святого Омар-ата<sup>19</sup> — одного из трех сыновей Гёзли-ата, основателя «рода» («тире» — ти : рё)<sup>20</sup> омар-ата: туркмены-ата делятся на три ветви; эти «роды» называются по именам сыновей Гёзли-ата, и считается, что каждое тире образовано их потомками.

Почитанием пользуется и предок туркмен-шихов, живущих на юго-западе Туркменской ССР, святой Папыр-ших (по преданию, потомок Абу-Бекра, первого халифа). Его могила находится посреди названного его именем кладбища километрах в 20 от шихского селения Бендесен (Кызыл-Аrvatский район).

<sup>14</sup> Abdülkadir İnan, Dede Korkut kitabındaki bazı motiflere ve kelimelere ait notlar, «Ülkü», Ankara, 1938, m. 10, N 55, стр. 78—80.

<sup>15</sup> Г. Магруппы, Юсуп-Ахмет, Ашгабат, 1943, стр. 87.

<sup>16</sup> Н. Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского ген. штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. I, М., 1822, стр. 68.

<sup>17</sup> Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков, Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении, «Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», вып. 235, Ташкент, 1964, стр. 30.

<sup>18</sup> Н. Н. Муравьев, Указ. раб., стр. 69.

<sup>19</sup> О местонахождении могил Гёзли-ата и Омар-ата мне впервые любезно сообщил С. П. Поляков (кафедра этнографии МГУ), посещавший эти места во время полевых работ.

<sup>20</sup> «Тире» — очень нечеткий термин, обозначающий у туркмен в наши дни родственные группы разных категорий — это и так называемый «род», и те патронимические группки, на которые он дробится, и объединение нескольких родов.



Однако подобных примеров немного. В наши дни легендарные основатели «племен» и «родов», за немногими исключениями, не почитаются, хотя представление о них как о реальных личностях сохранилось. Кроме того, упомянутые святые считаются родоначальниками групп, образовавшихся в послемонгольский период.

Среди почитаемых в наши дни святых нет родоначальников огузских племен. Исключением чуть было не стал Салыр-Газан (так туркмены произносят имя Салор-Казана), чья «могила» лет 25 назад якобы «открылась» во сне больному подростку. По рассказам местных жителей, на некоторое время новое святое место (в Серахском районе, в месте расселения «племени» салыр) привлекло немногих верующих, но затем интерес к нему угас. Судя по запущенному состоянию «могилы» Салыр-Газана, ее сейчас никто не посещает. Возникновение этой «могилы» было, видимо, проявлением традиционных воззрений, связанных с Салыр-Газаном, образ которого — святого, предка, воителя — и сейчас жив в народной памяти; некоторые старики помнят легенды о нем. «Всякий салыр после вечерней молитвы просил у него то, чего он желал, и произносил в его честь слова: «Салыр-Газан бавам маца яр болсын» («Пусть моим покровителем будет мой дед Салыр-Казан») <sup>21</sup>. Тем не менее, культ Салыр-Газана не возродился.

Почему культ святых не сохранил имен родоначальников огузских племен? Причину этого следует искать, прежде всего, в постоянных этнических преобразованиях. Одни племена возвышались, другие распадались и входили в состав более крупных или образовывали новые группы. Особенно сильные изменения в племенном составе туркмен произвело монгольское нашествие. Лишь восемь современных «племенных» групп у туркмен носят названия огузских племен <sup>22</sup>. Остатки других огузских племен сохранились как подразделения новых «племенных» групп. Так, огузские племена кайы и дудурга вошли в состав «племени» гёкленов.

С появлением новых групп создавались новые родословные, составленные по образцу древних. Сохранялся общий принцип построения родословных: происхождение всех членов группы («племени») от одного предка (по мужской линии) и название группы его именем <sup>23</sup>. Генеалогические легенды указывают на связь новых групп со старыми племенами. Например, по Абулгази, Теке (эпоним группы теке) — потомок человека из огузского племени салыр, а Арсари-бай (эпоним группы эрсари) — правнук Огурджика, потомка Салор-Казана <sup>24</sup>. Однако новое «племя» всегда имеет нового основателя (возможно, иногда и реальное историческое лицо). Таким образом, разрушение старых и формирование новых групп, сохранявших родо-племенную форму общественной организации, влекло за собой забвение прежних героев родословных легенд и появление новых родоначальников в генеалогических преданиях.

Упадку культа древних прародителей способствовала также их новая роль. Теперь родоначальнику поклонялись прежде всего как мусульманскому святому. Став «святыми», почитаемые предки растворились в неисчислимом множестве святых, принесенных исламом и появлявшихся на туркменской почве.

<sup>21</sup> А. Джикиев, Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров, доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 2.

<sup>22</sup> Г. П. Васильева, Этнографические данные о происхождении туркменского народа, доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 2.

<sup>23</sup> Например, название «племени» гёкленов происходит, по народным рассказам, от прозвища их родоначальника, ездившего на сером и хромом коне; прозвище якобы образовано из слов «гёк» (серый) и «ленг» (хромой).

<sup>24</sup> А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 73, 74.

\* \* \*

Отдельные звенья связи культа предков с культом святых обнаруживаются и в народных обычаях и обрядах. Так, и поминальное угощение в честь покойного родственника, и жертвенное угощение в честь святого заканчиваются одними и теми же ритуальными фразами, произносимыми после молитвы (например: «Такому-то приношение сделали — ...*багыш этдик*»). Пятница считалась и поминальным днем, когда устраивалось угощение для душ умерших предков, и днем посещения могил святых, сопровождаемого жертвоприношениями.

Кроме отдельных элементов обрядности, культ святых воспринял от культа предков представление о важности родственной связи между почитателем и святым. В наши дни это представление обнаружить нелегко, так как его разделяет лишь очень небольшая часть верующих (преимущественно преклонного возраста). Оно проявлялось лишь тогда, когда в беседе задавались вопросы: к какому святому в трудную минуту обращается верующий прежде всего? Почему он просит помощи именно у этого, а не у другого святого?

На эти вопросы верующие туркмены отвечают по-разному. Часть верующих утверждает, что выбор святого зависит от произвольного решения человека: «Призываем того, чье имя первым всплывет в памяти (*ким келлесине гирсе*)» или «...к кому захочется обратиться (*ким гөвнүне гелсе*)». Но сами информаторы поясняют, что обычно выбор падает на тех святых, которые считаются более отзывчивыми, обладающими большей силой (*керамат*). По мнению верующих, эти святые ближе к богу, и если обратиться к богу через них, просьба будет удовлетворена.

Но в большинстве случаев верующий знает, к какому святому ему следует обратиться в первую очередь; этого святого нередко называют «своим» (*өзүңкә барйәрлер*). «Своим» человек считает святого, который, по его мнению, помог ему, выполнил его просьбы. Нередко перед этим он безуспешно обращался к другим святым и поэтому впредь будет искать помощи там, где уже находил отклик, — у «своего» святого.

Очень распространено мнение, что прежде всего надо обращаться к святому, могила которого находится поблизости. Некоторые люди объясняют, что поступив иначе, они проявят неуважение к святому. Другие же считают, что «святой в первую очередь помогает тем, кто живет рядом с его могилой». Нередко, впрочем, объясняя территориальной близостью предпочтение, оказываемое святому, верующие призывают на помощь самого популярного в районе или местности святого, а не того, чья могила расположена у селения.

Часть верующих рассуждает так: «Если я буду рядом с могилой святого, он поможет скорее (*тизрак етишйәр*). Поэтому, когда я бываю в своем колхозе, обращаюсь к Ярты-Гумбез-баба или к Тиз-баба; когда бываю в Серахсе, призываю Серахс-баба» (записано в Серахском районе). Однако известны случаи, когда связь со святым сохраняется и после переселения в другое место. Например, в некоторых селениях туркмен-ёмудов Куня-Ургенчского района верующие, которые прежде жили в Тахтинском районе (где могила Исмамут-ата), считают самым сильным святым Исмамут-ата и в первую очередь обращаются к нему, хотя совсем рядом расположены знаменитые Куня-Ургенчские святыни.

Но встречаются и другие взгляды на причины выбора святого, которому оказывается предпочтение. Эти взгляды и должны привлечь наше внимание. Так, от верующих — жителей города Кара-Кала, в окрестностях которого разбросано не меньше двух десятков могил святых, — можно было услышать, что они считают «своими» тех святых, к кому

обращались их отцы и деды. По другому объяснению, «своим» для человека является тот святой, у могилы которого похоронены его предки и родственники. Часто эти объяснения дополняют друг друга (или сочетаются с иными толкованиями) в рассказе одного и того же человека. Вот пример: «Нога заболит или что-нибудь другое случится — в первую очередь обращаюсь к Зёхреневи-джан. Я из назаркули, подразделения геркезов. Наше тире хоронит у Зёхреневи-джан. Там погребен и мой сын. Наши предки сочли нужным хоронить у Зёхреневи-джан. Поэтому мы ее уважаем больше; мой отец и дед тоже отдавали предпочтение святой Зёхреневи».

«Я из тире кейик. Всегда прошу помощи у Атнали-баба. Атнали-баба сам из тире соврала; он умер шесть поколений назад, потомки его живы и сейчас. На кладбище вокруг его могилы хоронят, как правило, тире кейик и соврала. Люди из этих тире, если случится что-нибудь плохое, сразу же призывают его: «О Атнали-баба! Помогите...».

По рассказу одного старика из Кара-Калы, он появился на свет после того, как его родители обратились с просьбой к святой Парау-биби (ее могила в селении Парау Кызыл-Арватского района). Однако он всегда в первую очередь призывает кара-калинского святого Атнали-баба, ибо рядом с Атнали-баба похоронены его предки<sup>25</sup>.

Туркменские кладбища обычно образовывались вокруг могилы святого. Традиция предписывала хоронить покойника у могилы святого, так как тем, кто лежит рядом, святой «поможет» на том свете пройти в рай. Как и у других народов Средней Азии, у туркмен до сих пор еще не исчез обычай хоронить умершего рядом с его предками. Иногда тело привозят на кладбище, где поконится его «ковум» (близкие родственники по отцовской линии) даже в тех случаях, если человек умрет где-нибудь далеко за пределами Туркменистана. По-видимому, некогда и святой, чья гробница является главной могилой кладбища, также считался родственником.

Святой, могила которого является средоточием кладбища, называется «гонам-баши» («баш» — голова; верхушка; начало; исток). Значение слова «гонам» в современном туркменском языке утрачено, но «гонам-чылык» (в ряде диалектов «гоюмчылык» и т. п.) в распространенном понимании означает кладбище (равноценно словам «мазарлык», «мазары-стан»). Однако встречается (в Куня-Ургенчском, районе) и другое, очевидно, более древнее толкование: «гонамчылык» — это только то кладбище (или участок на кладбище), где похоронены родственники; этим же словом обозначались и все похороненные рядом родственники.<sup>26</sup> Святого, чья гробница расположена где-то вне кладбища, нельзя называть «гонам-баши». Не во всех случаях «гонам-баши» похоронен на кладбище первым (например, Гочмурад-ахун — «гонам-баши» кладбища селения Нохур — был погребен на уже существовавшем кладбище). Но по распространенному объяснению, «гонам-баши» — это человек, чья могила положила начало кладбищу. Можно думать, что обозначение святого, «возглавляющего» кладбище, — «гонам-баши» — сохранилось от тех времен, когда родовое (племенное) кладбище возникало вокруг могилы почитаемого предка. От тех же времен осталась традиция прибавлять к

<sup>25</sup> По моим впечатлениям, подобные взгляды распространены главным образом среди населения западных районов ТуркмССР, а в других районах республики встречаются сравнительно редко.

<sup>26</sup> В редком селении все жители принадлежат к одному и тому же тире, члены которого считаются родственниками; поэтому на кладбищах фактически создавались для различных подразделений (тире) отдельные участки, незаметные для глаза постороннего наблюдателя, но хорошо различаемые местными жителями. И сейчас обычно туркмены знают, где на местном кладбище следует хоронить людей из разных тире.

имени святого слова «ата» (отец, дед) и «баба» (дед). Слово «гонам», возможно, некогда обозначало то же, что и индоевропейские «клан», «генс» и т. д. — род.

С. П. Толстов уже высказал мнение, что почитаемые могилы святых заняли место родовых святилищ: следами этой преемственности «являются подчеркивание служителями культа какого-нибудь святого своей родственной с ним связи»<sup>27</sup>. Действительно, именно идеологии культа предков принадлежит мысль, что ухаживать за могилой святого и принимать приношения паломников должны его потомки. Сейчас такой взгляд разделяется небольшим числом верующих, но некогда он был широко распространен. Былая распространенность этого представления привела к появлению нового значения у слова «шейх». Так как смотрителями усыпальницы святого (чаще всего — суфия, шейха) обычно были его потомки, сохранявшие титул предка, арабское слово «шейх» в Средней Азии приобрело смысл «смотритель могилы святого» (по-туркменски *owl'ýñäññ shyxý*).

Кроме того, в туркменских верованиях сохранились и более основательные следы родственной связи между почитателями и святыми. Так, отдельные старики думают, что для верующего самым близким является святой, с которым верующий состоит в родстве. Вот слова одного из наших информаторов. «Я прежде всего обращаюсь к Атнали-баба, даже если в Москве буду жить. Лет 40 назад я жил в Гюргене. И там я вспоминал Атнали-баба в тяжелые минуты: бык, помню, у меня убежал, а я не мог его поймать. Предпочитаю Атнали-баба потому, что я из того же тире, что и он (*owl'ýñäññ тиресинден*)».

Верующие наделяют святых своими мыслями и умонастроениями. Если традиция предписывает считать самым близким человеком родственника и во всем помогать ему, то в представлении верующих святой следует традиции так же, как и его почитатели. Конечно, большинство верующих скажет, что святой справедлив и помогает всем в равной мере. Однако еще можно встретить стариков-туркмен, которые убеждены, что святой в первую очередь опекает своих потомков, что святой услышит просьбы родственников скорее, чем просьбы других людей, и поспешит помочь своим потомкам (*бейлеки адамлардан тиз етишиър*), если они, прокляв кого-то, обратятся к нему (*оны чагырып гаргыш этселер*).

Километрах в 20—30 к северу от Арчмана (Бахарденский район) находится могила святого Ак-ишана, который популярен далеко за пределами Ахала. Ак-ишан происходил из тире бокурдак «племени» теке. Некоторые верующие из тире бокурдак (даже живущие в городах Байрам-али и Мары) обычно в первую очередь обращаются за помощью к Ак-ишану, совершают паломничество к его могиле: «Это (для нас) самый близкий человек (так как он) из нашего тире». Любопытно, что есть стремление переосмыслить эту традицию. Вот слова туркмена из тире бокурдак: «В первую очередь обратимся, конечно, к Ак-ишану. Не потому, что он нам скорее помогает, — так говорить нехорошо. Просто если к нему не обратиться, то получается, что как будто он нам не родственник, как будто мы его не уважаем» (записано в Тедженском районе).

Некоторые верующие, однако, убеждены, что святой, призванный на помощь родственниками, им помогает охотнее. Иногда можно услышать такие высказывания: «Если двое будут драться, и один — из тире Ак-ишана, то Ак-ишан, бесспорно, поможет тому, который из его тире, —

<sup>27</sup> С. П. Толстов, Религия народов Средней Азии, в сб.: «Религиозные верования народов СССР», т. I, М. — Л., 1931, стр. 258.

ведь он родственник. Живой человек тоже помогает своим близким. Будет мой брат с кем-то драться — помогу брату, а не другому» (записано в Тедженском районе). Поэтому, по рассказам, люди боялись обижать членов тире бокурдак, а воры никогда не посягали на их имущество и скот.

Подобные рассказы о потомках ишанов можно услышать от стариков и в Куня-Ургенчском районе. Потомков ишана называют здесь махсумами (магсым). Рассказывают, например, что с человеком, который напившись пьяным, избил махсума, случилось несчастье. Некоторые верующие думают, что причина этого — проклятия махсума, который попросил своего предка-ишана наказать обидчика.

Проживающий в Серахском районе юродивый Хёкки-ишан, по рассказам местных жителей, редко бывает дома; он бродит по селениям, получая приношения, которые обычно затем раздает людям. Это — редкий сейчас тип странствующего дервиша, дивана. Хёкки-ишан не молится и не постится. Мои информаторы говорили, что он вряд ли знает слова молитвы. Тем не менее некоторые люди призывают его на помощь, думая, что он с помощью предков может совершить чудо (*ата-бабасыны чагырып гөз гөркезип билйәр*). Старик происходит из группы ших (не родственная шихам Бендесена группа). Предполагают, что родоначальник (аңчыры) этой группы был святым. Дед Хёкки-ишана — Ягмыр-ишан — также был известен как человек, наделенный чудесной силой (*керамат*). Рассказывают, что однажды шофер не захотел подвезти Хёкки-ишана. Тогда Хёкки-ишан ударил шапкой о землю и сказал: «О предки! Помогите! (*Я ата-бабам! Етишиң!*)». После этого машина будто бы не могла тронуться с места. Некоторые убеждены, что Хёкки-ишан и сам святой. Как бы то ни было, обращаясь к нему за помощью, верующие нередко говорят: «Хёкки-ишан! Призови предков, сам помоги (*ата-бабаңы чагыр, өз үң етиши!*)!».

Предполагается, что содействие предков нужно и святому: помощь предков увеличивает его силы. Этот взгляд отразился в легенде о соревновании Ак-ишана с Даш-аяк-ишаном, записанной в Нохуре. Ак-ишан поднялся в воздух на молитвенном коврике и прочитал намаз, но Даш-аяк-ишан поднялся на намазлыке еще выше. Ак-ишан ему сказал: «Ты выше меня прочитал молитву, но ты (силой своей) ниже меня: я — простолюдин (*гарамаяк*), ты же призвал на помощь предков (*аркаңы чагырдың*)».

Те же представления о содействии предков были связаны и с почетными группами («священными племенами») туркмен, которые называются «өвләт» в отличие от простолюдинов («*гарамаяк*», «*гарачы*»). Большинство овлядов возводит свое начало к четырем первым халифам. Из всех овлядов наибольшим уважением пользовались ходжи. Ходжи у туркмен соответствуют сейидам у арабов и персов: ходжи считаются потомками пророка от брака его дочери с халифом Али. Уважение к овлядам нередко принимало форму суеверного почитания. Об этом неоднократно говорилось в этнографической литературе, однако до сих пор не была объяснена причина боязни верующих вызвать недовольство овляда. Причина суеверного почитания овлядов как раз заключалась в убеждении, что овляды наделены сверхъестественной силой, так как пользуются покровительством предков. Народные воззрения на этот счет лучше всего выражены в рассказах верующих.

Старики рассказывают, например, что конь одного ходжи на скачках всегда брал приз. Многие были уверены, что ходжа призывает на помощь предков («*ата-бабасыны чагырйәр*»). Поэтому один человек, участвующий в скачках, протянул ходже 10 рублей и сказал: «Дай благо-

словение. Пусть твои предки будут беспристрастными (*Пата бер. Ата-бабаң деңдик болсун*). Приняв деньги (жертву предкам) и прочитав молитву, ходжа уже якобы не мог воспользоваться поддержкой предков (записано в Куня-Ургенчском районе).

В Тедженском районе рассказывают про борца из группы ходжа, которого никто не мог побороть. Кое-кто думает, что ему помогают предки. Там же рассказывают, что вор, укравший лошадь у ходжи, умер, так как ходжа помолился предкам, призвав их на помощь, и т. п.

Смысл всех этих рассказов один: ходжам содействуют предки. Мы видим, что причина «силы» ходжей, а также потомков ишанов и святых, вышедших из простонародья, объясняется одинаково.

В связи с представлением, что обиду, нанесенную его потомкам, святой рассматривает как неуважение к себе, некоторые туркмены, при ссоре с потомками ишана или ходжи, оберегали себя от гнева их святых предков, подчеркивая свое почтительное к ним отношение. В таких случаях говорилось следующее: «Да буду жертвой твоим предкам (*атаңың, бабаңың садагасы гидейин*), ты же — ...» (следовало ругательство). Но глубоко верующие люди остерегались говорить даже так (записано в Тедженском районе). Человек, несправедливо обиженный ходжой или потомком ишана, мог сказать ему: «Поручаю тебя творим предкам (*сени ата-бабаң табырдым*)» и затем просил святого наказать обидчика. Святой должен был наказать своего потомка, если тот совершил нехороший поступок (записано в Иолотанском районе)<sup>28</sup>.

Думая, что святой охотнее прислушивается к словам своих потомков, некоторые верующие обращались к потомкам ишана или к ходжам с просьбой, чтобы те походатайствовали за них перед предком. «*Ата-бабаңы чагыр*», — говорили в таких случаях, — «*дилегде бол*» (записано в Куня-Ургенчском и Тедженском районах<sup>29</sup>). В этом обычае яснее всего видны следы былых жреческих функций родственников почитаемого человека.

Итак, по представлениям определенной части верующих, святому дороги родственные связи. Он покровительствует в первую очередь своим потомкам, а уже затем — всем прочим мусульманам. Эту идею культ святых, по-видимому, воспринял от культа предков. Подобные представления обычно связаны с потомками святого, умершего сравнительно недавно. Однако характеристика и функции посвящавшихся новых святых всегда определялись существующими воззрениями, подчас оставшимися от далекой древности, если они не противоречили изменившимся нормам общественной жизни.

Еще раз следует подчеркнуть, что представления, которые являются отголосками культа предков, у туркмен сохранились очень слабо. В настоящее время верующие предпочтительнее обращаются не к святому-родственнику, а к тому, чья могила ближе к селению. Это можно про-

<sup>28</sup> Эти записи показывают, что к сообщению А. Вамбери об обычае туркмен приносить жалобы на обидчика его покойному предку (А. Вамбери, Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 57) можно относиться с доверием. Похожий обычай был известен и у узбеков, и у таджиков; при ссоре люди говорили: «да поразят тебя предки!» или «я вручил тебя духам предков!». (М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 1, Сталинабад, 1953, стр. 208; его же, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область, «Изв. Туркестанского отдела РГО», т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 133).

<sup>29</sup> Вера в покровительство, оказываемое ишану предками (тоже ишанами), была распространена и среди других народов Средней Азии. Так, ишан, собиравший пожертвования от мюридов в одном узбекском селении Самаркандской области, грозил «вручить провинившегося духу своего отца». См. О. А. Сухарева. Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 64.

следить на примере туркмен-атинцев, живущих в поселке Ата Серахско-го района. В местность, где возник поселок Ата, атинцы переселились в 1924 г., а до этого жили южнее ближе к Серахсу. Прежнее кладбище осталось далеко, и несколько человек было похоронено у могилы женщины, умершей первой после переселения. Но затем один ишан сказал, что женщина не должна быть гонам-баши. Во сне он якобы узнал, что неподалеку находится место, где когда-то, путешествуя, останавливался легендарный предок атинцев Гёзли-баба с женой, и предложил впредь хоронить там. Ишана послушались. Сейчас жители поселка Ата говорят: «Наше кладбище — у Гёзли-баба». Это значит, что люди считают Гёзли-баба гонам-баши местного кладбища, хотя знают, что его могила на Балханах, куда почти каждый год несколько стариков из поселка совершают паломничество. Это — несомненное свидетельство сохранности культа Гёзли-баба. Но все же верующие атинцы в первую очередь обращаются к самому почитаемому в районе святому Серахс-баба: «Первым я призываю Серахс-баба. Гёзли-ата — наш предок, и его не забываем, но Серахс-баба ближе. В месяц к нему несколько раз можно сходить»; «У нас такой обычай: пусть в отдалении будет в несколько раз более сильный святой, но надо в первую очередь обратиться к тому, который рядом. Мы на его земле (*онуң юрдында*)» и т. п.

Представления, связанные с культом святых, в наши дни разделяют общую судьбу религиозных верований туркмен: они переосмысляются, уступают место рационалистическим толкованиям. В процессе переосмысления традиционных верований воззрения и обычаи, унаследованные от культа предков, быстро исчезают.

\* \* \*

В быту туркмен, как и других среднеазиатских народов, следы культа предков сохранялись и вне культа святых. Остатками бывшего почитания предков являются, например, поминальные традиции — в частности, обычай «кормления» душ покойных родственников, которые будто бы питаются запахом от угощений<sup>30</sup>, обычай называть детей именами умерших родителей и т. п. Но рассмотрение пережитков культа предков во всех сферах народного быта не составляло задачу этой статьи. Статья посвящена вопросу преемственной связи культа предков, представлявшего одну из черт туркменского язычества, с более поздним явлением — мусульманским почитанием святых.

С утверждением ислама многие прежние верования сохранялись, приспособившись к новой религии. Ислам принес в Туркменистан культ святых, возникший в основном на арабско-персидской почве; эти святые выступали как покровители всех мусульман, и их почитание не предполагало особой роли отдельных туркменских групп. Однако с присоединением к этим общемусульманским святым местных божеств (в частности, и почитаемых основателей родов и племен) культ святых вобрал в себя оставшиеся от культа предков верования, которые придали своеобразие культу святых у туркмен; одним из них было представление о важной роли родственных связей в культе:

Это представление, очевидно, прежде налагало более заметный отпечаток на характер почитания святых у туркмен. Оно могло сохраняться потому, что поддерживалось сильными пережитками родо-племенных отношений в туркменской соседской общине. Общественная струк-

<sup>30</sup> Более подробно об этом см.: В. Н. Б а с и л о в, Тени святых, «Наука и религия», 1964, № 9.

тура нашла отражение в религиозных воззрениях. Таким образом, своеобразие культа святых у туркмен создано верованиями, отражавшими специфические социальные институты.

Описанные выше верования проливают некоторый свет и на еще не решенную проблему происхождения овлядов. Изложенный материал убеждает, что именно местные традиции, а не общемусульманские обычаи (вроде обычая почтительного отношения к потомкам пророка) составили действительное содержание этого явления.

Каков характер родственных связей, отразившихся в культе святых? Традиция почитания святых — родоначальников своего «племени», сохранившаяся лишь среди некоторых групп овлядов, по сути дела угасла. Вспомним о неудачной попытке возродить культ Салыр-Газана, об Эрсарн-баба, который почитается ёмудами, а не туркменами-эрсари. Убеждение, что покровительство родственника-святого распространяется на всю «родовую» группу (тире), еще кое-где сохранилось. Однако обычно в рассказах верующих святой выделяет из среды своих почитателей только ближайших родственников (*ган д'ушер*). Здесь следует упомянуть еще об одной из основных причин упадка культа предков «родов» и «племен» — о разложении тех общественных отношений, которые выражал культ родоначальников, о смене родо-племенных отношений соседскими.

С исчезновением пережитков прежних общественных отношений, которое происходит в наши дни, древние верования забываются. Предки почитаются только в тех случаях, если они признаны святыми. Почитание святых-предков отличается от культа прочих святых лишь убеждением, что предки в первую очередь покровительствуют потомкам. Однако в большинстве случаев почитается святой, который, по легендам, умер давно (или неизвестно когда), и никто не претендует на родство с ним. Культ святых сохранил лишь слабые следы культа предков. Представление о значении родственных связей между святым и почитателями не определяет характера современного культа святых, все еще сохраняющегося среди части верующих туркмен.

## SUMMARY

The paper contains data on vestiges of ancestor worship surviving in the Moslem saints' cult among the Turkmens. It is based mainly on the author's field materials. The phenomena shown are those connected with the importance of kinship between the saint and his worshippers. The saint was expected to aid and protect his kindred in the first place. These ideas applied to saints of «common» extraction as well as to descendants of ishans (sufi) and to representatives of so-called «sacred tribes» (ovliads). The belief in ancestor protection aroused superstitious fear in «commoners» and served to guard the cattle and property of ovliads and of ishan kindred from thieves. The idea that a saint's grave should be tended and pilgrims' offerings received by his descendants also belongs to ancestor worship.



## СУБУРБАНИЗАЦИЯ И НЕГРИТЯНСКИЕ ГЕТТО В США

Еще в конце XIX в. В. И. Ленин отмечал, что рост городского населения за счет сельского — «есть не только теперешнее, а всеобщее явление, выражающее именно закон капитализма»<sup>1</sup>. К этому времени в городах США проживало 2/5 всех американцев. В XX в. процесс урбанизации проходил там не менее интенсивно, и сейчас семьдесят из каждых ста американцев — горожане.

В докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук и в других работах нами были отмечены некоторые особенности урбанизации негритянского населения США в XX в., связанные с его миграцией из южных штатов на Север и Запад<sup>2</sup>. Как показывает приводимая ниже табл. 1, в 1940—1950-х годах бегство негров с Юга — от нищеты, жесточайшей эксплуатации и расистского террора — приняло особенно крупные масштабы.

В 1960-х годах оно, по некоторым данным, происходит еще более интенсивно, и сейчас уже половина всего негритянского населения США живет на Севере и Западе. Негры составляют более четверти населения Чикаго, Филадельфии, Детройта и Кливленда, треть — Балтимора и две трети населения Вашингтона<sup>3</sup>. В отличие от довоенной миграции, большое число негров поселилось также в городах Юга, что вызвано бурным развитием там в этот период военной и связанных с ней отраслей промышленности.

Таблица 1

Динамика «чистой» миграции негров (в тыс. чел.) с Юга (1870—1960 гг.)\*

1870—1880	1880—1890	1890—1900	1900—1910	1910—1920	1920—1930	1930—1940	1940—1950	1950—1960
71	83	195	197	522	872	407	1599	1456

\* «Demography», 1964, vol. 1, N1, p. 279; C. E. Silberman, *Crisis in Black and White*, New York, 1964, p. 26.

Результатом массового переселения негров в города явился более высокий по сравнению с белым населением уровень урбанизации негров, впервые зарегистрированный переписью 1960 г. В этом году в городах проживало 69,9% населения США и 73,2% их негритянского населения. Статистика, таким образом, свидетельствует о том, что негритянское население урбанизируется сейчас значительно быстрее, чем это харак-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 144.

<sup>2</sup> См.: Э. Л. Нитобург, Об изменениях в размещении и социальной структуре негритянского населения США, М., 1964; его же, О негритянской проблеме в историко-этнографической литературе США, сб. «Современная американская этнография», М., 1963; его же, О негритянском вопросе в США, «Новая и новейшая история», 1963, № 5.

<sup>3</sup> «Statistical abstract of the United States, 1965», Washington, 1965, p. 19—20; «Political Affairs», 1963, vol. 42, № 11, p. 40. См. об этом также статью Ю. А. Колосовой, Особенности урбанизации негритянского населения США, «Сов. этнография», 1968, № 2.

терно для всего населения страны, и что американские негры — в настоящее время наиболее урбанизированная из крупных этнических групп, составляющих североамериканскую нацию<sup>4</sup>.

Еще до гражданской войны в городах США проживало определенное число свободных негров. После ликвидации рабства оно стало заметно возрастать, причём в старых южных городах (типа Чарлстона) их жилища были разбросаны в разных местах, так как большинство негров нанималось в услужение к белым и жило на задворках кварталов поблизости от тех домов, где они работали. На Юге господствовали установленные еще в период рабовладения «традиции расового этикета» и «сохранения дистанции между расами», при которых «ниггер всегда знал свое место».

Что же касается городов Севера, то здесь на протяжении многих поколений расселение происходило по расовому признаку. Определенные кварталы занимало белое население, а другие, обычно худшие, — негры. Как правило, это делалось на основе муниципальных постановлений, которые в ряде случаев опирались на законы штатов. Особенно много таких законов было принято в конце XIX — начале XX в., когда в США сложилась современная система Джим-Кроу, пришедшая на смену рабовладельческим порядкам.

Однако в 1915—1917 гг. Верховный суд США признал такого рода местные законы противоречащими конституции, и тогда на смену законам о расовой сегрегации пришли так называемые «ограничительные соглашения», заключающиеся между домовладельцами и маклерами по продаже недвижимости. Участники их взаимно обязывались не продавать и не сдавать в наем домов и квартир в кварталах, где проживают белые, неграм или лицам с примесью негритянской крови. Эти соглашения были постоянно действующими и всякое лицо, приобретающее недвижимость, давало такое же обязательство<sup>5</sup>. Таким образом, после того, как законы о расселении по расовому признаку выполнили свою задачу, положив начало «геттоизации» в американских городах, они — так же, как за полвека до того «черные кодексы» — были отменены. Ограничительные же соглашения признавались законными и поддерживались судами вплоть до конца 1940-х годов.

Так, постепенно, — сначала с помощью законов о раздельном расселении по расовому признаку, а затем с помощью ограничительных соглашений — сотни тысяч и миллионы негров были загнаны в специально отведенные для них кварталы, вскоре ставшие перенаселенными и антисанитарными и превратившиеся в районы нищеты, безработицы и расовых волнений.

Ко времени второй мировой войны негритянские гетто стали почти обязательно принадлежностью каждого большого американского города. В Нью-Йорке таким гетто стал Гарлем, в Чикаго — Уэст-Сайд, в Детройте — Брюстер, в Кливленде — Хаф и т. д. В 1920-х годах Гарлем был центром культурной и интеллектуальной жизни американских негров. Его называли «негритянской столицей» Америки. Здесь сложилась прослойка негритянской интеллигенции, появились негритянские организации, издательства, газеты, театры, зародились многие массовые прогрессивные негритянские движения. Эти годы вошли в историю негритянского народа США как период «Гарлемского возрождения».

<sup>4</sup> См.: Э. Л. Нитобург, Об изменениях в размещении и социальной структуре негритянского населения США, стр. 5—6. В 1965 г. в городах проживало уже 75% всех американских негров. См.: J. Davis, *The American Negro*, New York, 1966, p. 208.

<sup>5</sup> С. Кеннеди, Путеводитель по расистской Америке, М., 1955, стр. 80, 83—84; Н. Арптекер, *America's racist laws*, New York, 1951, p. 4.

Но затем разразился экономический кризис 1929—1933 гг., и вскоре о Гарлеме заговорили как о «раковой опухоли», о «смертельно уставшем городе без надежд и иллюзий». В конце 1930-х годов здесь на площади в 15 км<sup>2</sup> проживало более четверти миллиона негров. В чикагском гетто плотность населения была втрое выше, чем в «белых» кварталах. При этом за худшие жилища с меньшими удобствами неграм приходилось платить более высокую квартирную плату<sup>6</sup>.

В 1948 г. Верховный суд США под давлением негритянского движения и демократических сил вынес решение о том, что суды больше не могут принудительно осуществлять ограничительные соглашения и заставлять ответчика выполнять условия этих соглашений в случае иска. Но это решение, по существу, не поколебало системы ограничительных соглашений, которая и сейчас все еще служит основой «цветного барьера» в американских городах. На страже этой системы и политики расовой сегрегации и дискриминации в жилищном вопросе стоят Национальная ассоциация владельцев недвижимости, Ассоциация по охране интересов домовладельцев и т. д.

Однако подлинным владельцем «черных гетто», стоящим за спиной этих организаций, является большой бизнес. Гарлем, например, представляет собой собственность крупнейших страховых компаний вроде «Метрополитен лайф иншуренс компани», а также банков, занимающихся операциями с недвижимостью и отказывающихся финансировать покупку, ремонт или строительство домов, владельцы которых отступают от ограничительных соглашений<sup>7</sup>.

На расовой дискриминации негров при найме на работу и в оплате труда американские монополии в настоящее время наживают не менее 16—18 млрд. долларов дополнительных сверхприбылей в год<sup>8</sup>. Огромные сверхприбыли дает и расовая дискриминация в жилищном вопросе. «Никакой другой сектор капитала,—подчеркивает Д. Джексон, один из руководителей Коммунистической партии США,—не обогащается так сильно благодаря сохранению всестороннего национального угнетения негритянского населения и не способствует сохранению этого безжалостного угнетения, как крупные владельцы недвижимости и их кровопийцы-управляющие. Они отхватывают львиную долю скудного дохода негритянского потребителя, вымогая высокую расистскую плату за то, чтобы позволить ему удовлетворить важнейшую человеческую потребность в крыше над головой»<sup>9</sup>.

«Черные гетто» являются продуктом расовой сегрегации, навязываемой капитализмом. Фигура финансового магната с цепкими руками, тянущимися к карманам обитателей гетто, господствует над самыми высокими из небоскребов. Но, кроме того, гетто выполняют еще и другую роль, не менее важную, с точки зрения правящей верхушки США. Банки и корпорации, заинтересованные в сохранении системы расовой дискриминации, приносящей им десятки миллиардов долларов дополнительных прибылей, используют разницу в оплате труда белых и негров для раскола американского рабочего класса. Создание жилых районов только для белых и гетто для негров призвано углубить раскол, начинающийся в цехах.

<sup>6</sup> У. З. Фостер, Негритянский народ в истории Америки, М., 1955, стр. 715; «Housing and Home Finance Agency. Housing of the nonwhite population», 1940—1950. Washington, 1952, pp. 1, 2, 11, 34, 41.

<sup>7</sup> См.: J. Rothman, The Ghetto makers, «Nation», October, 7, 1961, p. 223.

<sup>8</sup> См. сб. «Против расизма», М., 1966, стр. 85, 96; «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 7, стр. 131.

<sup>9</sup> J. E. Jackson, Basis data on the American Negro people, «Political Affairs», vol. 37, № 10, October, 1958, p. 64—65.

\* \* \*

При свойственной капитализму анархии производства закон роста городского населения и крупных индустриальных центров привел к образованию в США больших сгустков городов — своего рода урбанизированных районов. Обычно «ядром» такого района является крупный «центральный город» («central city») или «метрополитенский центр» («metropolis»), окруженный десятками тесно связанных с ним и тяготеющих к нему в экономическом и культурном отношении небольших городов-спутников. Жители их, как правило, работают в главном городе, часто посещают его по культурно-бытовым надобностям, участвуют в его общественной жизни.

В связи с тем, что статистические данные, относящиеся к территории крупных городов (в их официальных границах), не давали истинного представления об их действительном размере и характере, Бюро ценов США в начале XX в. ввело понятие «метрополитенский ареал», или «метрополитенский район», охватывающее крупный город с его спутниками. Быстрый рост числа таких урбанизированных районов нашел отражение в принятой с 1950 г. американской статистикой схеме так называемых «стандартных метрополитенских статистических районов», или SMSA («Standart metropolitan statistical areas»). Каждый SMSA имеет не менее 100 тыс. жителей, в том числе не менее 50 тыс. в центральном городе. Табл. 2 дает представление о росте SMSA в США и прогнозах на будущее <sup>10</sup>.

Таблица 2

Годы *	Число SMSA	Население SMSA, млн. чел.	Население SMSA, % к насел. США	Годы	Число SMSA	Население SMSA, млн. чел.	Население SMSA, % к насел. США
1900	52	24,1	31,9	1950	168	84,5	56,1
1910	71	34,5	37,6	1960	212	111,7	62,8
1920	92	46,1	43,7	1970	—	139,0	65,0
1930	115	61,0	49,8	1980	—	174,0	67,0
1940	125	67,1	51,1				

\* Данные — в пересчете на схему SMSA, принятую в 1950 г.

За период с 1900 по 1950 г. население SMSA выросло в 3,5 раза, тогда как население всей страны удвоилось. Удельный вес прироста населения в SMSA в общем приросте населения США неуклонно возрастал и в 1940-х годах достиг 80%. В 1950 г. в SMSA проживало 56,1% всех американцев и было сконцентрировано почти 3/4 всего промышленного производства страны. Это свидетельствует о том, что урбанизированные районы превратились к середине XX в. в основную форму размещения промышленного производства и населения Соединенных Штатов <sup>11</sup>.

В 1950-х годах этот процесс продолжался еще более ускоренными темпами. За 10 лет число SMSA выросло на 26%. В 1960 г. в 212 стандартных метрополитенских районах проживало 112 млн. чел., т. е. около 63% всего населения США. На них приходилось 74% всех лиц, занятых

<sup>10</sup> См.: P. M. Hauser, Population perspectives, New Brunswick, N. Y., 1960, p. 98, 101.

<sup>11</sup> См. М. Л. Стронгина, О развитии городских агломераций в США, сб. «Вопросы размещения производительных сил и развития экономических районов», М., 1964, стр. 150.

в промышленности, 77% всей промышленной продукции и 79% всех банковских депозитов США<sup>12</sup>.

В 1965 г. в 212 SMSA проживало 123,8 млн. американцев, или 64,4% всего населения США. Число SMSA «миллисеров» достигло 26. Лос-Анджелес — Лонг-Бич оттеснил Чикаго и вышел на второе место в стране по числу жителей<sup>13</sup>.

Важнейшей чертой развития урбанизированных районов в США с 1920-х годов становится развитие центробежной тенденции в размещении промышленности и населения внутри этих районов. Это проявилось в неуклонно растущей концентрации производства и населения в «зонах тяготения», или «хинтерландах» («hinterland»), иначе говоря, в пригородах и в городах-спутниках. Только за период с 1929 по 1947 г. удельный вес центральных городов снизился по числу производственных рабочих с 67,4% до 63,2%, по числу предприятий — с 78,6% до 74,1%, а в хинтерландах он соответственно возрос. Рост обрабатывающей промышленности в центральных городах происходил значительно медленнее, чем в хинтерландах. В последних число предприятий росло в среднем на 2% в год, а в центральных городах — на 0,6%. В последующие десятилетия эта тенденция значительно усилилась.

Ясно, что это вызвало и соответствующие изменения в распределении и размещении рабочей силы. С 1930-х годов абсолютный прирост населения в хинтерландах начинает превышать рост населения в центральных городах. Причем с каждым последующим десятилетием этот процесс «субурбанизации» («suburbanization» от слова «suburb» — пригород) принимал все более ярко выраженный характер. Уже в 1940—1950 гг. лишь у  $\frac{1}{8}$  всех SMSA пригороды росли медленнее центральных городов. У  $\frac{3}{5}$  всех SMSA пригороды росли быстрее не только относительно, но и абсолютно<sup>14</sup>.

В 1950—1960 гг. среднегодовой темп прироста населения в пригородной зоне стандартных метрополитенских статистических районов был в четыре раза выше, чем в их центральных городах, а в 1960—1965 гг. — в три с лишним раза выше. Причем в 1965 г. в пригородной зоне проживало уже свыше половины (51,8%) всего населения стандартных метрополитенских статистических районов. С 1950 по 1960 г. население центральных городов SMSA выросло на 10,7%, а их пригородной зоны — на 48,6%; а с 1960 по 1965 г. — соответственно — на 3,2 и на 17,7%<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> «Metropolitan social and economic disparities: Implications for intergovernmental relations in central cities and suburbs», Washington, 1965, p. 39—40. С 1950 по 1960 г. прирост населения в SMSA Лос-Анджелеса составил 2,4 млн. человек, Нью-Йорка — 1,8 млн., Чикаго — 1,2 млн., Дейтройта и Филадельфии — по 0,7 млн. и т. д. («Demography», 1964, vol. 1, № 1, p. 148—155).

<sup>13</sup> «Current Population Reports», 1965, P-25, № 298, p. 14; 1966, P-20, № 151, p. 1. По данным журнала «Time» в 1966 г. насчитывалось 224 SMSA, в которых жило около 70% населения страны («Time», 28.VII 1967, p. 10). Согласно прогнозам, через несколько лет Бостон будет не более чем северной оконечностью «Босваши» — грандиозного жилого массива с населением в 80 миллионов человек, простирающегося вдоль Атлантического побережья до Вашингтона. Появятся и другие супергорода. «Чипиттс» (Чикаго — Питтсбург) с населением в 40 миллионов человек вытянется вдоль Великих озер, «Сансан» с 45 миллионами человек населения раскинется от Сан-Франциско до Сан-Диего.

<sup>14</sup> «География городов», сб. под редакцией Г.-М. Манера и К. Ф. Кона, М., 1965, стр. 412; R. W. Oliver, Our changing cities, «Engineering and Science», 1961, vol. 24, № 5, p. 30, 32, 34.

<sup>15</sup> «Current Population Reports», 1964, P-20, № 131, p. 1—2; 1966, P-20, № 151, p. 1; R. C. Cook, U. S. A. population changes: 1950—1960; «Population Bulletin», 1963, vol. 19, № 2, p. 40.

Таблица 3

Город	Численность населения, тыс. чел.		Город	Численность населения, тыс. чел.		Город	Численность населения, тыс. чел.	
	1950 г.	1960 г.		1950 г.	1960 г.		1950 г.	1960 г.
Нью-Йорк	7892	7781	Кливленд	915	876	Миннеаполис	521	483
Чикаго	3621	3550	Вашингтон	802	764	Буффало	580	533
Лос-Анджелес	1970	2479	Сент-Луис	857	750	Хьюстон	596	938
Филадельфия	2071	2002	Бостон	801	697	Даллас	434	680
Детройт	1850	1670	Сан-Франциско	775	740	Атланта	331	487
Балтимор	950	939	Питтсбург	677	604	Сан-Диего	334	573

В результате этого процесса большинство центральных городов стандартных метрополитенских районов (исключение составляют лишь отдельные более молодые города на Юге и Западе) в последние 10—15 лет имеет, как свидетельствует табл. 3, отрицательный баланс миграции<sup>16</sup>.

Сокращение численности населения центрального города при росте городов-спутников прослеживается и во многих других стандартных метрополитенских статистических районах.

Большая часть прироста населения, потерянного центральными городами, была поглощена городами-спутниками в зоне 5—15 миль от центрального города. К числу причин, вызвавших перемещение населения из центральных городов в их хинтерланды, помимо роста в пригородах числа промышленных предприятий<sup>17</sup>, следует отнести большую разницу в цене земельных участков в центре города и в еще не заселенных окрестностях, высокие налоги, загрязненность атмосферы большого города отходами промышленного производства и выхлопными газами сотен тысяч автомашин, шум, растущую скученность, трудности передвижения. Фактором, значительно ускорившим развитие пригородов и городов-спутников, несомненно, явилось широкое распространение автомобиля и густая сеть хороших дорог. Наконец, немалую роль играет в этом процессе политика расовой дискриминации в жилищном вопросе.

Созданная еще правительством Эйзенхауэра Консультативная комиссия по междуведомственным отношениям опубликовала в 1965 г. исследование, в котором показала, что в центральных городах доля лиц с низкими доходами и безработных значительно выше, чем в пригородной зоне. Малообеспеченные слои населения значительно слабее участвуют в переселении в пригороды, так как им недоступна покупка земельного участка, а при отсутствии своего автомобиля и характерном для многих американских городов недостаточном развитии общественного транспорта — сложна и проблема ежедневной поездки на работу. «Для крупнейших городов Севера, — свидетельствует профессор социологии Висконсинского университета Л. Шноре, — прослеживается четкая связь уровня годового дохода и расстояния от центра города»<sup>18</sup>.

По тем же причинам, а также из-за нежелания домовладельцев-белых иметь в качестве соседей негров, последние почти не участвуют в переселении в пригороды. По подсчетам американского исследователя Д. Ф. Кэйна, в 1900 г., в метрополитенских районах белое население рас-

<sup>16</sup> «Statistical abstract of the United States, 1965», p. 19—20.

<sup>17</sup> См. об этом: В. В. Покишишевский, Города-спутники в США, сб. «Города-спутники», М., 1961, стр. 134—135.

<sup>18</sup> L. F. Schnore, Social class segregation among nonwhites in metropolitan centers, «Demography» 1965, vol. 2, p. 130; «Metropolitan social and economic disparities», p. 16—18; см. также: В. В. Покишишевский, Указ. раб., стр. 135; R. E. Kasper, Toward a geography of urban politics: Chicago, a case study, «Economic Geography», 1965, vol. 41, № 2, p. 100—101.

Таблица 4

Распределение населения по расовому признаку в 1930—1960 гг., %

	Все население				Белое население				Небелое население			
	1960	1950	1940	1930	1960	1950	1940	1930	1960	1950	1940	1930
12 крупнейших SMSA (в границах 1960 г.)	26,3	25,6	24,6	24,4	25,8	25,7	25,4	25,4	29,7	24,2	17,6	15,5
В том числе: центральные города	13,2	15,7	16,5	16,8	11,6	15,2	16,7	17,3	24,7	20,2	14,5	12,5
пригородная зона	13,1	9,9	8,1	7,6	14,2	10,5	8,7	8,1	5,0	4,0	3,1	3,0
Остальное население США	73,7	74,4	75,4	75,6	74,2	74,3	74,6	74,6	70,3	75,8	82,4	84,5
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

пределялось между центральным городом и периферией в отношении 63:37, а в 1960 г. в отношении 48:52; негритянское же население в 1900 г. — в отношении 54:46, а в 1960 г. — 80:20. За эти 60 лет в центральных городах всех 212 метрополитенских районов, вместе взятых, доля негров возросла с 6,5% до 16,8%, а на периферии — упала с 8,9% до 4,6%. По данным другого американского автора — А. Миндлина, за десятилетие с 1950 по 1960 г. в 25 метрополитенских районах белое население пригородов увеличилось на 2 833 тыс. семей, а небелое — на 112 тыс. семей<sup>19</sup>.

«Отлив» из центральных городов белого населения (причем преимущественно из средних слоев) сопровождается притоком туда негров из южных штатов. Так, по данным Ч. Э. Силбермана, в 24 крупнейших стандартных метрополитенских районах Севера, Запада и Юга США в центральные города за десять лет — с 1950 по 1960 г. — переселились 2,4 млн. новых негритянских переселенцев. Негры теперь составляют 20% населения этих городов. Наоборот, в их пригородах белое население за те же годы выросло почти на 16 млн., а негритянское — лишь на 800 тыс., и оно составляет менее 5% всего населения пригородов<sup>20</sup>.

Однако наиболее яркое представление о расовой дискриминации в жилищном вопросе дает материал по 12 крупнейшим SMSA Севера и Запада, ибо именно сюда, а вернее, в трущобы их центральных городов идет основной поток негритянских мигрантов с Юга. Это — Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Балтимор, Кливленд, Сент-Луис, Вашингтон, Бостон, Сан-Франциско, Питтсбург. На долю этих 12 метрополитенских районов в начале 1960-х годов приходилась почти треть всего негритянского населения США и 60% негров, живущих вне южных штатов. Правда, не все они проживают в крупнейших городах. В последние годы миграция негров захватила также меньшие города — Rochester, Ньюарк и т. д. Например, в Ньюарке в 1960 г. негры составляли 34,4%, в 1964 г. — 50%, а в настоящее время уже около 60% всех жителей города. Но основная масса негритянских переселенцев оседает в центральных городах этих 12 SMSA<sup>21</sup>.

Социологи Г. Шарп и Л. Шноре приводят данные (см. табл. 4), характеризующие процесс изменения расового состава населения цент-

<sup>19</sup> A. Mindlin, Statistics and the urban revolution; «Proceedings of Social Statistics. Section of the American Statistical Association», 1964, p. 124—130, J. F. Kaine, The effect of the ghetto on the distribution and level of nonwhite employment in urban areas; там же, стр. 260—269.

<sup>20</sup> C. E. Silberman. Crisis in Black and White, New York, 1964, p. 31—32.

<sup>21</sup> Там же; C. E. Silberman, The city and the Negro, «Fortune», 1962, v. 65, № 3, p. 88—89.

ральных городов и пригородов указанных 12 метрополитенских районов в 1930—1960 гг.<sup>22</sup>

Из табл. 4 следует, что рост белого населения в этих крупнейших SMSA происходит в основном в пригородной зоне, тогда как в центральных городах наблюдается значительное уменьшение его. В то же время в центральных городах происходит значительный рост небелого населения. В абсолютных цифрах указанные двенадцать городов за время с 1950 по 1960 г. потеряли свыше двух миллионов белых жителей и приобрели 1,8 миллиона небелых<sup>23</sup>.

Авторы статьи затем более детально анализируют этот процесс на примере Детройта, выделив в нем семь зон на основе расстояния от делового центра, пришедшего в упадок после перемещения правлений основных автомобильных фирм в пригороды. В самом городе рост белого населения за последние 30 лет наблюдается лишь в зоне, удаленной от делового центра на 12,8 км и далее. В зоне до 9,6 км с 1930-х годов и особенно в 1950-х годах наблюдается сокращение белого населения, а с 1950-х годов оно происходит и в зоне между 9,6 и 12,8 км. В то же время небелое население в радиусе 12,8 км от делового центра с 1930 г. выросло в восемь раз. Объясняя причины этого, авторы в конечном счете вынуждены признать, что в основе концентрации небелого населения в старых кварталах крупных городов лежат дороговизна жизни в пригородах и расовая дискриминация при сдаче и продаже жилищ<sup>24</sup>.

Изучение рынка жилищ в Филадельфии показало, что всего лишь около 5% негритянских семей имеют доход, достаточный для того, чтобы купить дом, стоящий 12 тыс. долларов — минимальная цена, по которой частные подрядчики берутся построить дом в этом городе. Но даже тем немногим неграм, которые «имеют финансовые возможности, чтобы проживать в приличных районах для низшего среднего класса и даже в районах высшего среднего класса..., не позволяет переехать туда широко распространенная ограничительная политика, поддерживаемая белыми домовладельцами»<sup>25</sup>. Жилище, как отметила в отчете за 1961 г. президентская Комиссия по гражданским правам, является «единственным товаром на американском рынке, который недоступен каждому, кто может себе позволить заплатить за него»<sup>26</sup>.

Между тем негритянское население крупных городов вследствие растущего притока мигрантов с Юга и более высокой, чем среди белого населения, рождаемости, быстро растет. И так как расовая дискриминация, так же как и низкий доход, лишают негров свободы выбора, они вынуждены постоянно искать себе жилище в более дешевых старых районах города, уже заселенных неграми. В некоторых из северных и западных городов, например в Чикаго и Окленде, центр стал уже преимущественно негритянским: по мере того, как белые американцы, которые могут себе это позволить, бегут подальше от трущобных скоплений и переселяются в пригороды, негры занимают оставленные ими дома и квартиры. Причем домовладельцы и на этом извлекают для себя выгоду, дробя освободившиеся помещения и всячески сокращая расходы по эксплуатации домов.

<sup>22</sup> H. Sharp, L. F. Schnore, The changing color composition of metropolitan areas, «Land Economics», 1962, vol. 38, № 2, p. 171.

<sup>23</sup> Там же, стр. 174.

<sup>24</sup> Там же, стр. 185. См. также: C. E. Silberman, Crisis in Black and White, p. 33; S. H. Brown, Detroit: slow healing of a fractured city, «Fortune», 1965, v. 71, № 6, p. 144—145, 246, 251, 254.

<sup>25</sup> C. Wagley and M. Harris, Minorities in the New World, New York. 1958, p. 144.

<sup>26</sup> ««1961. U. S. Commission on Civil Rights Report», Book 4, «Housing», Washington, 1961, p. 1.



Однако заселение неграми квартир и домов более состоятельных белых американцев, переселившихся в пригороды, все равно не ведет к интеграции негритянского населения с остающимся по соседству белым населением. «И негры и белые попадают в заколдованный круг, — пишут в своей книге об этнических меньшинствах в США Ч. Уогли и М. Харрис. — Если несколько негритянских семей вселяются в «белый» дом, белых жильцов немедленно охватывает страх, что весь район будет заселяться неграми. Они начинают выезжать, а негры начинают вселяться. Начавшись, этот процесс идет с большой быстротой. Внутри негритянских районов вследствие сегрегации существует огромная перенаселенность и каждая возможность улучшения жилищных условий немедленно используется. Первый прорыв в «обороне» белых обычно происходит в районах, пограничных с негритянским гетто. Чаше всего он происходит в результате продажи белым домовладельцем своего дома негру. Цена при этом, как правило, оказывается намного завышенной, так как негры-домовладельцы испытывают большие трудности при покупке недвижимости и готовы платить больше, чем белые. Новый домовладелец сдает квартиры неграм. Так начинается «круг». Иногда белые спекулянты намеренно вызывают подобную панику. В любом случае это приводит к одному результату — заселению района неграми. И чем дальше от первоначального центра негритянских кварталов этот район расположен, тем лучше будет место и жилищные условия, так как он позже других «отвоеван» у белых»<sup>27</sup>.

Уогли и Харрис не объясняют, для чего «белые спекулянты намеренно вызывают подобную панику». Однако эта фраза заслуживает объяснения. Дело в том, что расовая сегрегация и дискриминация позволяют владеющим недвижимостью и продающим ее компаниям наживаться вдвойне: не только на неграх, но и на белых американцах. Когда жилищный голод в гетто достигает максимума и эти компании считают выгодным для себя «открыть» неграм доступ в новый, пока еще заселенный белыми «пограничный» квартал, как раз и происходит обычно тот якобы стихийный «прорыв», о котором пишут Уогли и Харрис. В действительности подготовка его проводится заранее. Распространяются слухи о том, что многие дома квартала уже проданы своими владельцами в связи с вселением негров. На купленные агентами компаний, но еще не проданные дома вывешиваются объявления «продаю» и т. д. Все это должно побудить мелких владельцев домов поскорее, пока цены на недвижимость в квартале не упали еще больше, продать свои дома и переехать в другое место, подалеже от гетто<sup>28</sup>.

Как правило, результатом бывает паническая распродажа белыми своих домов. Цена на них резко падает и агенты компаний скупают эти дома, пользуясь тем, что негры обычно в состоянии приобрести жилье лишь на условиях длительной рассрочки. Журнал «United States news and World report» рассказывает о том, что белый американец, которому его дом в Балтиморе обошелся в 42,5 тыс. долларов, в связи с изменением «цвета» своего квартала вынужден был продать этот дом менее, чем за 20 тысяч<sup>29</sup>.

Неграм, не имеющим иного выхода, приходится покупать дома в новом «открытом» для них квартале по цене, намного превышающей суммы, уплаченные за эти дома компаниями. В то же время бывшие домо-

<sup>27</sup> C. W a g l e y and M. H a r r i s, Указ. раб., стр. 144—145.

<sup>28</sup> См.: J. R o t h m a n, Указ. раб., стр. 223, 224.

<sup>29</sup> «Latest problem for cities in North: «Blockbusting», «United States news and World report», 5.XII.1958, p. 89.

владельцы при покупке для себя новых домов в «белых» пригородах вынуждены обращаться к тем же компаниям по продаже недвижимости, которые и с них дерут втридорога.

В условиях капиталистической урбанизации, в атмосфере поколениями насаждавшегося расизма американский обыватель дрожит за свою работу (как бы безработный негр не стал его конкурентом), дрожит за свой дом и участок земли (как бы они не покатались вниз в цене, если рядом начнут селиться негры). Как показал проведенный в 1966 г. опрос, половина опрошенных белых американцев заявили, что они «не позволяют черным поселиться в соседнем доме»<sup>30</sup>. Поэтому, хотя американская пропаганда и пытается иногда говорить об «известных успехах расовой интеграции» в США, в действительности интеграция, по меткому замечанию одного из американских авторов, пока еще «является термином для описания периода времени между вселением в данный район первого негра и выездом последнего белого». «В нашей прекрасной стране, — констатировал в 1964 г. научный руководитель Британской энциклопедии Гарри Эшмор, — все еще нет ни одной интегрированной общины»<sup>31</sup>.

Американский сенатор Д. Джавитс вынужден признать, что расовая сегрегация в жилищном вопросе сейчас сильнее, чем в любое другое время в истории Соединенных Штатов<sup>32</sup>.

По свидетельству Р. Л. Морилла, среди ста крупнейших городов Соединенных Штатов нет ни одного без гетто<sup>33</sup>. И, как было показано выше, по мере дальнейшей урбанизации черные пятна гетто отнюдь не исчезают и не сокращаются, а наоборот, неумолимо растут, все больше и больше расползаясь на планах американских городов. В Чикаго, например, они уже занимают около четверти территории этого огромного города.

За последние 25 лет негритянское население Чикаго выросло в 3,5 раза. Но, как свидетельствуют данные, приведенные в журнале «Fortune», это отнюдь не привело к исчезновению там расовой дискриминации и сегрегации в жилищном вопросе. В 1940 г. большинство из проживавших в городе 278 тыс. негров обитало в гетто. В то время в 814 из 935 переписных участков города жило не более 5% всех негров. 86% негритянского населения жило в 66 переписных участках, в каждом из которых негры составляли  $\frac{4}{5}$  и более населения. В 1960 г., когда в Чикаго было 813 тыс. негров, 80% их жили в 152 переписных участках, в каждом из которых негры составляли  $\frac{4}{5}$  и более населения, и 12% — в переписных участках, в каждом из которых они составляли от  $\frac{2}{5}$  до  $\frac{4}{5}$  населения. В то же время на участках, где число всех негров, вместе взятых, не превышало 5%, проживало 89% всего белого населения города<sup>34</sup>.

Эти данные, так же как и приведенные в журнале карты-схемы (воспроизведенные в нашей статье) убедительно свидетельствуют о том, что в Чикаго, как и в остальных крупных городах США, рост территорий, заселенных неграми, происходит отнюдь не в процессе интеграции негритянского населения с белым, а за счет расширения негритянских гет-

<sup>30</sup> «Crisis of color' 66», «Newsweek», 22.VIII.1966, p. 14—15, 18.

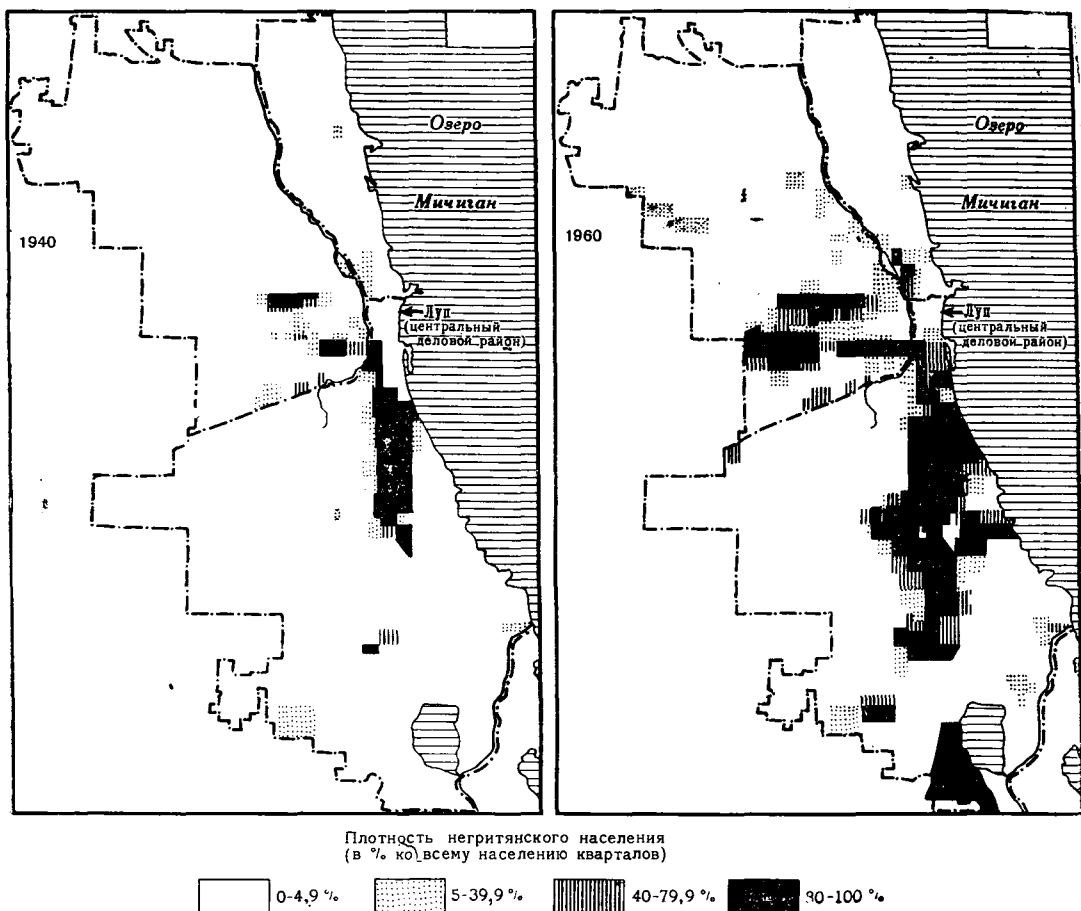
<sup>31</sup> H. S. Ashmore, The desegregation decision, «Saturday Review», 16.V.1964, p. 68. Британская энциклопедия с 1920 г. принадлежит чикагской фирме.

<sup>32</sup> K. Javits, Discrimination, U. S. A., New York, 1962, p. 165.

<sup>33</sup> R. L. Morril, The Negro ghetto: problems and alternatives, «Geographical Review», 1965, vol. 55, № 3, p. 339.

<sup>34</sup> C. E. Silberman, The city and the Negro, p. 89—90; см. также: R. C. Weaver, Integration in public and private housing, «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», March 1956, p. 89.

Карта-схема территории «черных гетто» Чикаго в 1940 и 1960 гг.



то. «Анализ переписи 1960 г. показывает, — отмечала газета «Нью-Йорк Таймс», — что преобладающее число негров живет в кварталах, от 90 до 100% населения которых — негры»<sup>35</sup>.

Специальный корреспондент французской газеты «Монд» приводит слова одного из чикагских священников, ярко иллюстрирующие этот процесс: «Когда пять лет назад я был назначен в этот приход, в нем едва насчитывалось 40 тысяч жителей. Это были только белые люди скромного достатка, в большинстве католики, ибо они были польского происхождения. Сегодня в том же квартале живет более 60 тысяч человек. Одни черные...». И далее корреспондент отмечает, что пример Чикаго особенно показателен, ибо там черные гетто растут быстрее, чем в любом другом городе: ежемесячно три жилых «квартала» заполняют негры. При таких темпах, пишет он, «к восьмидесятым годам большинство населения Чикаго составят черные», а в Кливленде, по его словам, это может произойти уже в 1970 г.<sup>36</sup>

В Лос-Анджелесе, где численность негритянского населения за время с 1940 по 1960 г. выросла в 8 раз, имеется несколько негритянских райо-

<sup>35</sup> «New York Times», 26.VIII.1963.

<sup>36</sup> «Le Monde», 23.I.1968.

нов. Стекающиеся сюда негры-переселенцы вначале, естественно, тяготеют к тем районам города, где живут другие негры. А затем уже действует практика фактической расовой сегрегации. Здесь происходит тот же процесс: белые переезжают в пригороды, негры занимают их место. Например, в печально знаменитом Уоттсе еще в 1960 г. негры составляли 77% населения, а в 1965 г. — 98%. В 150 кварталах этого гетто к осени 1965 г. обитало 67 тыс. негров, живших большей частью в старых, ветхих домах, пятая часть которых, по признанию властей, подлежала сносу, и плативших втридорога за такое жилье. Плотность населения здесь была в четыре раза, а безработица втрое выше, чем в «белых» районах города<sup>37</sup>.

Вашингтон — столица и девятый по численности населения город Соединенных Штатов. Но по доле негров в его населении (63%) он занимает первое место среди крупных городов. И хотя здесь находятся резиденция президента, конгресс, федеральное правительство и Верховный суд страны, а с осени 1967 г. мэром города стал негр, расовая сегрегация и дискриминация в Вашингтоне процветают. Как свидетельствуют американские журналисты Э. Копкайнд и Д. Риджуэй, большинство негритянского населения столицы США живет в «негритянском районе, протянувшемся длинной полосой к северу и востоку от Белого дома... Из-за острой нехватки земли и процветающей спекуляции город принимает вполне определенные очертания — переполненные негритянские трущобы окружает просторная и редконаселенная белая «колония». Стиснутое белыми пригородами Мэриленда и Виргинии (между этими штатами расположен Федеральный округ, в котором находится Вашингтон. — Э. Н.) и находясь лицом к лицу с белым меньшинством в Вашингтоне, негритянское большинство кипит возмущением»<sup>38</sup>.

В отчете Комиссии по гражданским правам за 1961 г. говорилось, что «наблюдается постоянно увеличивающаяся концентрация небелого населения в расовых гетто, главным образом в разрушающихся центральных кварталах наших городов, в то время как вокруг них растет «белая петля» нового пригородного жилищного строительства». Напоминая об этом заключении комиссии, автор опубликованной в 1964 г. книги «Новое равенство» Н. Хэнтофф констатировал, что с того времени ничего не изменилось. «В Фениксе, — писал он, — 97% всего негритянского населения этого города проживает в радиусе одной мили от железной дороги или излучины реки. В Омахе все 30-тысячное негритянское население, за исключением лишь небольшой его части, втиснуто в районы, прилегающие к северному сектору города. В Ньюарке около 83% негров проживает в шести из дюжины жилых районов, три из которых являются самыми запущенными районами Ньюарка. За исключением 1,5 тысяч человек, 63-тысячное негритянское население Бостона ютится в пришедшем в упадок районе, расположенном в форме бумеранга в примыкающих друг к другу пригородах Роксбери, Северный Дорчестер и Саут Энд. В Индианаполисе 89% негров живет в центральной части, в так называемом «внутреннем городе», в домах, построенных 75—100 лет назад»<sup>39</sup>.

Специалисты по вопросам народонаселения — К. Тойбер, Б. Вайсбурд, Д. Кэйн и многие другие на основе ряда исследований пришли к выводу о том, что за последние сорок лет расовая сегрегация и дискри-

<sup>37</sup> «Daily Telegraph», 20.VIII.1965.

<sup>38</sup> A. Copkind and J. Ridgeway, Washington, «New Republic», 23.IV.1966, p. 13, 17; 30.IV.1966, p. 19.

<sup>39</sup> Цит. по: «Labor fact book 17», New York, 1965, p. 93.

минация в жилищном вопросе в американских городах не только не ослабели, но, наоборот, увеличились. Так, К. Тойбер на основе изучения ценовых данных утверждает, что в 109 городах, где проводились обследования, «индекс сегрегации» (полученный на основе выраженной в процентах доли кварталов, в которых проживают либо только белые, либо только негры) в отношении жилищ увеличился с 85,2% в 1940 г. до 86,1% в 1960 г. Кэйн, на основе данных по 185 городам, утверждает, что он увеличился даже с 83% до 86% <sup>40</sup>.

При этом многие исследователи отмечают, как широко известный факт, то обстоятельство, что расовая сегрегация и дискриминация в жилищном вопросе в городах Севера и Запада проявляются гораздо острее, чем на Юге <sup>41</sup>.

\* \* \*

Под нажимом негритянского движения правительство Л. Джонсона еще весной 1966 г. было вынуждено внести в конгресс проект очередного Акта о гражданских правах, на этот раз включавшего статьи о ликвидации расового барьера в жилищном вопросе. Однако расисты в сенате «заблокировали» этот законопроект, на целых полтора года задержав его принятие. Лишь невиданная волна гнева негритянского населения, прокатившаяся по городам США вслед за злодейским убийством Мартина Лютера Кинга, вынудила вашингтонских законодателей принять, наконец, в апреле 1968 г. этот законопроект.

Правящие круги США хотели бы успокоить таким образом американских негров, ослабить их боевой дух. Именно поэтому министр юстиции Кларк назвал новый Акт о гражданских правах «венком на могилу Кинга», а президент Джонсон заявил, что им «может гордиться вся страна». Однако борцы за гражданские права отмечают крайне ограниченный и в значительной мере формальный характер этой уступки, вырванной борьбой негритянского народа. По существу Акт о гражданских правах 1968 г., направленный против расовой дискриминации при продаже, покупке и аренде жилища, делает лишь весьма незначительный шаг к этой цели. Во-первых, он предусматривает запрещение расовой сегрегации в настоящее время лишь в домах, построенных с помощью федеральных властей, а большая часть жилого фонда США находится, как известно, в частных руках. Во-вторых, хотя формально неграм и предоставляется теперь право селиться в «белых кварталах», это мало что меняет в положении неимущих и безработных обитателей гетто, не имеющих средств для того, чтобы снять квартиру или купить дом, цены на которые к тому же растут не по дням, а по часам. Не прошло, в частности, и месяца после принятия Акта о гражданских правах 1968 г., как правительство Джонсона санкционировало новое повышение предельной учетной ставки кредита на покупку жилища. Таким образом, хотя юридически замки с незримых ворот негритянских гетто теперь как будто сняты, обитатели их, не располагая долларами, которые позволили бы им выйти из этих ворот, по-прежнему, вынуждены оставаться в трущобах <sup>42</sup>.

Негритянские гетто в США недаром называют тюрьмой без стен. Жители их, действительно, окружены невидимой стеной отчуждения. Но

<sup>40</sup> Там же: J. F. Kaine, The effect of the ghetto on the distribution and level of nonwhite employment in urban areas, p. 263.

<sup>41</sup> См., например: S. Becker, The economic of discrimination, Chicago, 1957, p. 62.

<sup>42</sup> «Worker», 12, 19.III.1968; 16.IV.1968.

хотя вырваться за ее пределы им пока еще не удалось, принимающие из года в год все более угрожающие формы восстания в «черных гетто» свидетельствуют, что борьба за уничтожение позорной системы расовой сегрегации и дискриминации — в том числе и в жилищном вопросе — не затухает ни на один день.

### SUMMARY

American Negroes are at present the most highly urbanized of the major ethnic groups composing the North American nation. The «ghettoization» of the United States Negro population began as early as the first third of the XXth century; it was carried out by means of segregation laws and so-called «restrictive covenants».

On the eve of World War II Negro ghettos existed in many large cities they covered a great part of the slum areas, mainly in the central parts of cities.

The increasing suburbanization which took place in the second third of the century accelerated this process. The shift of the white population to the suburbs is accompanied by the influx of southern Negroes to the «central cities»; owing to their low incomes and to racial segregation they take no part in the move to the suburbs and are compelled to settle in the already overpopulated ghettos. The resulting alteration in the racial composition of the population of the «central city» does not by any means lead to integration; the ghetto is merely expanded, the «colour bar» is shifted but does not disappear. Among the hundred largest cities of the U. S. in 1965 there was not a single one without its «black ghetto». The concentration of Negro population in ghettos, racial segregation and housing discrimination have increased considerably during the last decades.

---

**М. Я. Гринблат**

## **К ПРОИСХОЖДЕНИЮ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ**

(ПО ПОВОДУ ТЕОРИИ СУБСТРАТА)

Изучение проблем этногенеза — одно из основных направлений советской этнографической науки. Над их разработкой этнографы трудятся в тесном содружестве с археологами, антропологами, языковедами и представителями других родственных дисциплин. В области этногенеза особенно, пожалуй, сказывается плодотворность комплексного, совместного изучения, сила взаимопомощи и взаимобмена результатами научных изысканий в различных отраслях знаний. Каждая новая работа, исследующая сложные вопросы этнической истории любого народа, вызывает неизменный интерес не только у специалистов, но и у широкой общественности. Естественно, что статья В. В. Седова о происхождении белорусов, одного из крупнейших народов Советского Союза<sup>1</sup>, привлекла большое внимание.

Перу В. В. Седова, видного советского археолога, знатока славяно-русских древностей и талантливое исследователя, принадлежит ряд оригинальных трудов о восточнославянских племенах и памятниках их культуры.

По-своему интересна и эта статья В. В. Седова. И все же она вызывает немало серьезных возражений и сомнений.

Основным вопросом в изучении белорусского этногенеза является, по мнению В. В. Седова, «выяснение и анализ тех причин, которые вызвали обособленное языковое и этнографическое развитие верхнеднепровско-двинско-неманской части древнерусской народности» (стр. 112). Но содержание его статьи в действительности оказалось значительно уже. Все «причины» обособления белорусов фактически свелись к одной. В. В. Седов приходит к своеобразному, но одностороннему выводу: первопричиной образования белорусского языка и народности якобы послужил балтийский (по Седову — балтский) субстрат.

Нельзя признать правомерным и сам методологический подход В. В. Седова к решению такой сложной этногенетической задачи, какой является проблема происхождения белорусов. Теоретической основой его концепции этногенеза белорусов послужили аналитические исследования балтийской гидронимии, распространенной на территории Белоруссии, и так называемая теория субстрата в современном языкознании.

После опубликования известного труда В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о гидронимах Белоруссии<sup>2</sup>, положительно оцененного рецензен-

<sup>1</sup> В. В. Седов, К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов), «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 112—129. В дальнейшем при ссылке на статью в скобках указаны страницы.

<sup>2</sup> В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

тами, повысился интерес к балтийской топонимике и балтийской проблематике в целом. Опубликован ряд работ и статей языковедов, дополняющих и продолжающих исследования названных авторов. Это оживление проявилось в усиленных поисках балтийской гидронимии, балтийского лексического наследия и вообще балтийского субстрата на Припяти и ее правобережье, на Украине<sup>3</sup>.

Изучение балтизмов в последние годы заняло заметное место в программах ономастических конференций, посвященных топонимике западной и северо-западной зон СССР. Интересные наблюдения в этой области сделаны и В. В. Седовым, предпринявшим попытки связать топонимику, особенно гидронику, с археологией Верхнего Поднепровья Белоруссии и смежных районов.

Нет сомнения, что балтийская гидронимия Белоруссии и сопредельных областей в известной мере свидетельствует о древнейшем населении этих территорий. Все же гидронимия, особенно если воспринимать ее слишком широко, не может служить достаточным основанием для далеко идущих выводов этногонического характера. Но именно так пытается использовать этот источник В. В. Седов. Он явно переоценивает его значение для изучения этнической истории средневековых народностей, когда ареал балтийской гидронимии, совпадающий с распространением некоторых курганных древностей балтийского происхождения, становится у него ареалом формирования языковых и культурно-бытовых особенностей белорусов. Здесь на сцену выступает теория субстрата, которой В. В. Седов отводит первостепенную роль в своей концепции происхождения белорусов.

Мы убеждены, что теория субстрата в языкознании, наиболее обстоятельно изложенная Б. А. Серебренниковым<sup>4</sup>, не приложима к проблеме этногенеза (особенно когда речь идет о формировании народностей, а не более ранних этнических общностей) так прямолинейно и механически, как это делает В. В. Седов. К проблеме происхождения народности теория субстрата если и может быть применена, то с большой осторожностью. Вполне допустимую в отношении сохранившейся древней гидронимии, или части топонимии, теорию субстрата нельзя принять безоговорочно, когда речь идет о формировании особенностей языка и культуры, т. е. этнической специфики народности.

Видеть причину возникновения языковых и культурных особенностей, отличающих белорусов от русских и украинцев, только в проявлении балтийского субстрата — значит непозволительно упрощать решение проблемы, свести все к действию одного фактора. На деле же вопрос формирования белорусской народности гораздо сложнее и богаче своим внутренним содержанием.

Правомерность перенесения на процесс этногенеза идеи о значении субстрата в появлении характерных черт языка нуждается в серьезной проверке. Известно, что теория субстрата и среди лингвистов не получила всеобщего одобрения, а многие исследования сторонников этой теории, по признанию Б. А. Серебренникова, «скорее напоминают какие-то гадания на картах», потому что нет достаточно достоверных данных об особенностях самого языка-субстрата<sup>5</sup>. Лингвисты считают, что не

<sup>3</sup> См., например, А. П. Непокупный, К изучению балтийского лексического наследия Белорусского Полесья, в кн.: «Беларуская лексікалогія і этымалогія. (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі)», Мінск, 1968, стр. 120—122. «В результате экспедиции 1966 г., — отмечает автор, — удалось установить ареалы и значение двух балтийских лексем — бонда и ловж» (стр. 121).

<sup>4</sup> Б. А. Серебренников, О взаимодействии языков (Проблема субстрата), «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 7—25

<sup>5</sup> Там же, стр. 8.



каждый случай влияния одного языка на другой является следствием воздействия языка-субстрата<sup>6</sup>.

К тому же В. В. Седов видит влияние субстрата лишь в одном направлении, в то время как теория субстрата предполагает результаты взаимовлияния различных языков, а не одностороннее воздействие. Ведь не случайно Б. А. Серебренников назвал свою работу о проблеме субстрата — «О взаимодействии языков». Между тем В. В. Седов, для концепции которого работа Б. А. Серебренникова служит одной из отправных точек, с этим не считается.

По существу В. В. Седов, рассуждая о происхождении белорусов, менее всего касается процесса образования белорусской народности, а стремится доказать влияние балтского субстрата на формирование древнего восточнославянского населения. В его статье речь идет преимущественно об участии «балтского этнического элемента в формировании славянского населения белорусской этнографической территории» (стр. 116) о «верхнеднепровско-двинско-понеманской части восточного славянства», о «той части восточнославянских земель, где позднее сформировалась белорусская этническая общность» (стр. 119) и т. п. Роль балтийского этнического субстрата в формировании древнего славянского населения затем легко переносится В. В. Седовым на белорусов.

Теперь обратимся к главному — к роли балтского субстрата в формировании белорусской народности, к самому, так сказать, стержню концепции этногенеза белорусов, выдвинутой В. В. Седовым.

С нашей точки зрения, при изучении вопросов формирования и развития белорусской народности проблемы балтийского этноязыкового субстрата вообще не существует, по крайней мере она не является существенной, сколько-нибудь значимой.

Допустимо еще в какой-то мере признавать роль балтийского субстрата в появлении некоторых особенностей языка и культуры древнего славянского населения территории будущей Белоруссии. Общеизвестным считается, что восточные славяне формировались как из ранних славянских, так и неславянских племенных элементов. На территории Белоруссии таким компонентом восточных славян неславянского происхождения могли быть прежде всего балты. Дает ли это право говорить об определяющей роли балтийского субстрата в этногенезе белорусов? Ведь те древние восточные славяне, которые расселились по Верхнему Поднепровью и будущей Белоруссии, следует думать, имели уже свой определенно выраженный этнический облик. От балтийских аборигенов они могли усвоить лишь некоторые дополнительные, новые черты, но не могли изменить своей этнической природы-первоосновы. Об этом свидетельствует факт постепенной ассимиляции первоначального балтийского населения славянами, а не наоборот.

Далее, не следует забывать того, что западная часть восточных славян с присущими им культурно-языковыми характерными чертами прежде чем стать белорусами прошла стадию древнерусской народности вместе с остальным восточнославянским населением. Эту особенность этногенеза восточнославянских народностей — русских, украинцев и белорусов — В. В. Седов также не подчеркивает. И это понятно: она не согласуется с его концепцией балтийского субстрата в происхождении белорусов. Ведь во время существования древнерусской народности, формирование которой должно было сопровождаться консолидацией восточного славянства, предполагаемый балтийский субстрат должен был как-то «преломиться». Какие-то субстратные элементы могли сохраниться в

<sup>6</sup> Б. А. Серебренников, Указ. раб., стр. 10.

своем первоначальном виде, другие — приобрести иной колорит, третьи — исчезнуть.

А позднее, в период формирования белорусов как отдельной народности, от субстратных элементов древних балтийских племен могло и следа не остаться. Здесь у белорусов существовали уже взаимоотношения не просто с балтами, а усиливались контакты с более конкретными этнографическими группами — аукштайтами, жемайтами, латгальцами, а вернее — с литовцами, латышами и в не меньшей мере с поляками, не говоря уже о непрекращающихся связях с одновременно складывающимися русской и украинской народностями.

И если уж говорить о «субстрате» и его роли в формировании белорусов, то искать его следует не у древних балтов, а в древнерусской народности, вобравшей в себя основные и все наиболее характерные черты восточных славян.

Ведь когда изучаешь язык, материальную и духовную культуру белорусской народности XIV—XVIII вв., то прежде всего ощущаешь их древнюю славянскую основу, их глубинные мощные корни, уходящие к древнерусской общности. И это несмотря на все испытания, выпавшие на долю белорусов, — войны, нашествия, разорения. Мы не исключаем, разумеется, и влияния соседних народностей, их языков и культур, упорные попытки насильственной денационализации белорусов (Брестская уния 1596 г., деятельность католической церкви и иезуитов во времена Речи Посполитой).

Теперь станем на точку зрения В. В. Седова, предположим, что он прав в своем утверждении о якобы решающей роли балтийского субстрата в формировании «белорусской этнолингвистической общности». Какова же его аргументация?

Подтверждения, находимые им в археологических материалах: 1) головные венки латгальского типа — вайнаги, шейные гривны латгальских типов и некоторые другие украшения. Эти, по мнению В. В. Седова, наиболее ранние балтийские элементы «обнаруживаются» в ряде длинных курганов смоленско-полоцких кривичей; 2) браслеты со змееголовыми концами, находимые в древнерусских курганах и связываемые с бытованием у балтийских племен змеиного культа; 3) немногочисленные спиральные браслеты, широко известные в прибалтийских памятниках; 4) якобы также балтийские по происхождению подковообразные застегивки как деталь восточнославянского костюма; 5) курганы с труположением на кострищах, которые, «очень возможно», также являются пережитком погребальной обрядности дославянского балтийского населения (стр. 116—119).

Оказывается, этих отдельных археологических деталей при сопоставлении их с этнографической картой белорусов (по Карскому) и с распространением балтийской гидронимии достаточно, чтобы утверждать, что «в формировании белорусов бесспорная роль принадлежит балтскому этническому субстрату» (стр. 119).

А не проще и не логичнее ли видеть в этом свидетельство совместно проживания восточных славян, древнерусского населения с балтами? Предметы или следы погребального обряда балтийского происхождения могли ведь быть обнаружены и в захоронениях ославяненных балтов, длительное время сохранявших еще какие-то свои этнические традиции. В отношении древнерусских курганных погребений с восточной ориентировкой В. В. Седов сам признает, что они принадлежат «главным образом» славянизированным балтам (об этом, собственно, свидетельствует и приведенная им карта № 3). Почему того же нельзя допустить в отношении древнерусских курганов с инвентарем частично балтийского про-

исхождения? А если в чисто древнерусских захоронениях найдены отдельные предметы, заимствованные у балтов, то почему именно эти предметы сыграли такую важную роль в формировании белорусов?

В быту и культуре белорусской народности этнограф не обнаружит никакого отражения балтийских «субстратных элементов», так тщательно подобранных В. В. Седовым среди археологического материала, — они не оставили там никаких следов. Латгальский венок («vainags»), например, не явился прототипом какого-либо белорусского голозного убора. Девичьи головные уборы в виде украшенного налобника (белор. «шырынка»), оставляющие неприкрытыми волосы на макушке, известны не только всем славянам и прибалтам, но и многим другим народам. Ничем не проявили себя в традиционном костюме белорусов и другие отмеченные В. В. Седовым украшения балтийского происхождения. О «специфически» балтийском культе змеи в связи с находками браслетов со змееголовыми концами я скажу несколько ниже, так как этот культ фигурирует у В. В. Седова и среди этнографических доказательств балтийского субстрата у белорусов.

Археологические доводы, приводимые В. В. Седовым, говорят только об одном, о том, что восточнославянское население в процессе своего формирования в древнерусскую народность вобрало в себя часть балтийских этнических элементов, постепенно ассимилировав их. Это положение считается общепризнанным в советской исторической науке и уже не вызывает серьезных возражений не только в отношении балтийских, но и иных этнических компонентов древнерусской народности. Но это все же не имеет прямого отношения к проблеме белорусского этногенеза в такой плоскости, в какой это пытается представить В. В. Седов. Вовлечение балтоязычных племенных элементов в этногенетический процесс, совершавшийся в недрах древнерусской народности, не дает оснований для утверждений о важной роли балтского субстрата в формировании белорусов. Последнее совершалось в иное, более позднее время, в других исторических условиях и под воздействием более сложных факторов, не только этнических, но и социально-экономических, политических, роль которых В. В. Седовым явно недооценивается.

Использование других исторических источников, привлекаемых В. В. Седовым для подкрепления своей концепции, только увеличило число фактов, не всегда убедительных, но не изменило сути вопроса. Так, весьма малую помощь оказали ему данные палеоантропологии, на которые так рассчитывал автор. Они подтвердили лишь выводы, вытекающие из археологических материалов. Причем сформулированы они здесь верно: «Антропология вслед за археологией дает основание считать, что славянское население Верхнего Поднепровья и территории Белоруссии сложилось в значительной степени за счет ассимиляции местных балтов» (стр. 123). Такое утверждение, как уже отмечалось, не вызывает возражений (можно лишь усомниться в правильном определении «степени»). Но опять-таки, от древних славян и балтов к белорусам дистанция слишком велика, и поэтому роль «балтского субстрата» в образовании этнической специфики белорусской народности более чем сомнительна.

Славянское население Верхнего Поднепровья и будущей Белоруссии, которое составило часть древнерусской народности, имело, как и другие народности, смешанный этнический и антропологический состав. Палеоантропологические, так же как и археологические находки свидетельствуют о том, что местное аборигенное население не было оттеснено славянами, но ассимилировано ими. При этом следует иметь в виду, что расовые (антропологические) черты надолго переживают этноязы-

ковые особенности, которые зачастую почти полностью исчезают в процессе ассимиляции. Поэтому данные антропологии, служащие доказательством одного из древних компонентов народности, не могут в то же время выдвигаться в качестве довода в пользу идеи субстрата, проявление которого должно сказаться прежде всего в области языка и особенностей культуры. В древнерусской народности возобладали славянские элементы, о чем говорит хотя бы славянская культура древних русских городов IX—XIII вв., исследованных белорусскими археологами.

Наиболее неубедителен подбор «субстратных элементов» из области этнографии.

Начнем с культового почитания змей. В. В. Седов считает змеиный культ особо характерным для всех балтских племен, а из восточнославянских народностей распространенным якобы только у белорусов (стр. 123). Отсюда тот же упорно повторяемый им вывод: субстратный элемент. Это явное заблуждение. Почитание змей с древнейших времен распространено у многих народов мира, особенно везде, где водятся змеи и представляют реальную опасность для человека. Думаю, что славянам незачем было заимствовать культ змей у балтов, змеи были и в тех местах, откуда славяне расселились по территории Белоруссии — и в Полесье, и в Среднем Поднепровье и т. д. Достаточно вспомнить хотя бы летописное предание под годом 912 о смерти Олега, ужаленного змеей в ногу.

Со змеями, так же как и с волками, особенно опасными для сельского жителя, связано множество поверий (оборотничество, «ваўкалакі»), не только у белорусов, но и у всех восточных славян. С. А. Токарев, ссылаясь на Н. Ф. Сумцова, отмечает наибольшее распространение поверий о змеях у украинцев, на юге<sup>7</sup>. Можно указать еще на многочисленные русские, украинские и белорусские сказки о борьбе со змеями, на былинного и сказочного Змея-Горыныча и т. п. А вообще-то змеиного культа в строгом смысле этого слова у белорусов и не было, существовали лишь отдельные поверья, связанные со змеями. В специальном исследовании Н. М. Никольского о животных в белорусских народных верованиях и обрядах змеи занимают весьма скудное место<sup>8</sup>. Если говорить о змеином культе как таковом, то некоторые элементы его можно обнаружить лишь в отношении к ужу — здесь действительно заметно известное почитание. Считали, что уж, поселившийся в избе, приносит счастье, становится как бы покровителем семьи. Но подобные поверья опять-таки известны не только у белорусов и литовцев, но у всех восточных славян и у поляков<sup>9</sup>.

Таким образом, основной этнографический довод В. В. Седова — почитание змей, существовавшее якобы исключительно у древних балтов, а от них воспринятое белорусами, — беспочвенный.

Так же необоснованно выставлены в качестве доказательств «балтского субстрата» и другие этнографические явления, общие для белорусов и соседних балтийских народов. Из подобных общих черт В. В. Седов выделяет некоторые элементы одежды и в первую очередь «белорусский» тип лаптей, совершенно неоправданно заключив его в кавычки. Он серьезно считает, что этот древний тип плетеной обуви — изобретение восточнобалтийских племен, «от которых он перешел к белорусам, восточным литовцам и латышам» (стр. 125). Известно, что белорусский ло-

<sup>7</sup> С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., М.—Л., 1957, стр. 52.

<sup>8</sup> См. Н. М. Нікольскі, Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераннях беларускага сялянства, Мінск, 1933.

<sup>9</sup> С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 52.

зовый или лыковый лапоть, боковые стороны и носок которого огибают редкие петли, наиболее приспособлен к болотистой и сырой местности, из него легко вытекает вода. И вполне естественно, что такой рациональный и универсальный тип обуви мог и должен был возникнуть прежде всего у насельников болот. Наиболее вероятной родиной так называемого белорусского лаптя следует поэтому считать ту первозданную «дрегвú», обширную полесскую низменность, которая была одной из древнейших областей обитания славян и формирования племенного объединения дреговичей. Приноравливаясь к местной географической среде, насельники редких песчаных островов-грудов, разбросанных среди бескрайних болот и лесов, и создали нужный им тип обуви из материала, который дарила сама природа. Поэтому нам думается, что, осваивая новые земли, расселяясь дальше на запад и север, дреговичи-полешуки вышагивали длинные версты в «своих» лаптях. Недаром и название-то обуви славянское, древнерусское — лапоть, т. е. предмет, облегающий ступню (лапу)<sup>10</sup>. При этом не следует забывать, что у балтов лапти были распространены только в Восточной Литве — Аукштайнии, в то время как для Жемайтнии более характерны деревянные башмаки — «klumpes»<sup>11</sup>. Еще в совсем недавнее время старожилы Полесья считали белорусский лапоть наиболее пригодной рабочей обувью для болотных сенокосов, часто отдавая ему предпочтение даже перед высокими резиновыми бахилами.

Ошибочно и предположение о субстратном происхождении у белорусов женской несшитой поясной одежды из клетчатой ткани и женского головного убора — «наметки» (стр. 125).

Несшитая или не полностью сшитая женская одежда была распространена не только у литовцев и белорусов, но еще более широко бытовала у украинцев и южных великорусов. Известна она и другим славянским, летто-литовским и некоторым западнофинским народам. Несшитая поясная одежда, далеким предком которой был обычный кусок ткани, относится к древней женской одежде восточных славян. Она издавна известна у них под названиями «плахты», «понёвы», «запаски», некогда означавших просто кусок ткани, преимущественно цветной. В западных районах Брестской области Белорусской ССР и у белорусов Белостокского воеводства в Польше плахтой и теперь называют пеструю домотканину. Г. С. Маслова, знаток русской, украинской и белорусской одежды, подчеркивает: «Следует считать одежду типа поневы — плахты — запаски общевосточнославянской»<sup>12</sup>.

В. В. Седов утверждает, что этот тип одежды вместе с наметкой «строго ограничены древним балтским ареалом» (стр. 125). Но неужели древний балтский ареал достигал районов Рязани, Курска, Харькова, где несшитая поясная женская одежда была особенно распространена?<sup>13</sup> Необоснованность подобного утверждения очевидна.

Древнейшим головным убором замужней женщины у восточных славян был полотенчатый головной убор, называемый у белорусов «наметка», а на Украине — «намітка». Известен он также у западных и южных славян (польское — «pamiot», болгарское — «обметка»)<sup>14</sup>. Название головного убора, подчеркивающее способ его ношения (наметывание), не вызывает сомнений в его славянском происхождении. В Прибалтике же

<sup>10</sup> У прибалтийских народов эта обувь имеет совершенно иные названия: у литовцев — «vyžos», у латышей — «vīze».

<sup>11</sup> «Lietuvių etnografijos bruožai», Vilnius, 1964, s. 378—380.

<sup>12</sup> Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в., «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 635.

<sup>13</sup> См. карту в указ. работе Г. С. Масловой, рис. 41.

<sup>14</sup> Г. С. Маслова, Указ. раб., стр. 660—662; см. там же карту (рис. 60).

наметка была распространена в восточных и юго-восточных районах Литвы и на востоке Латвии (в Латгалии), в непосредственном соседстве с белорусами, и называлась она тем же славянским словом: у литовцев — «puometas», у латгальцев — «numets». Вывод напрашивается сам. И не в пользу теории субстрата.

Нельзя согласиться и с остальными аргументами этнографического характера, выдвигаемыми В. В. Седовым. Оказывается, столбовая техника возведения стен также «бесспорно» ведет свое начало от «древних балтийских племен», ибо она известна по их поселениям раннего железного века (стр. 125). И вновь в качестве доказательства — «древний балтский ареал», которым якобы ограничено распространение столбовой строительной техники в лесной полосе восточнославянской территории. Но ведь эта древнейшая техника возведения стен была известна ранним славянам и на других территориях, в частности в Польше, а что касается восточных славян, то она применялась и великорусами, а на Украине широко использовалась даже в строительстве жилища. «Хаты, выстроенные из дерева с применением закладной техники, — указывает Е. Э. Бломквист, — распространены полосой через всю Украину, южнее области бытования сруба, от Львова и до Дона»<sup>15</sup>. Что касается широкого бытования этой техники у белорусов при возведении хозяйственных построек, то, во-первых, она называется не «с шулой», а «у шұлы» (к тому же «шұла» не просто столб, а столб с двумя пазами); во-вторых, происхождение белорусского «шула» от литовского «šūlas» не бесспорно. А Брюкнер, например, выводит известное и долякам «шуло» из нем. «Säule» — столб и уверен, что «Литва свое шулас от нас заимствовала, а не наоборот»<sup>16</sup>.

Странно воспринимается также утверждение о балтийском происхождении белорусского термина «сядзіба» — усадьба: от лит. «sodyba». Белор. «сядзіба», «сяліба» или «сэлішча», так же как русск. «усадьба», укр. «садиба», польск. «siedziba», «siedlisko» принадлежит к огромному гнездовью славянских слов с корнями -сед, -сад, -сел и т. п. (село, седло, оседлость, непоседа, засада, осада, наседка, заседание, белор. пасяджэнне и мн. др.), производных от глагола «сидеть». Где же основание считать белор. «сядзіба», а значит и укр. «садиба» и польск. «siedziba» терминами балтийского происхождения? Слишком уже явственно выступает искусственное пристегивание исконно славянских слов к балтизмам да еще субстратного происхождения.

Белорусское название амбара для хранения зерна — «свіран» — литовского происхождения, но отнюдь не субстратный элемент в языке, а результат позднейших культурных взаимосвязей. Об этом свидетельствует не только само назначение этой хозяйственной постройки, но и географическое распространение термина «свіран» у белорусов. Прежде всего следует отметить почти повсеместное бытование в Белоруссии (кроме крайних западных районов) общеславянского названия хранилища для зерна — «клець», рядом с ним в восточных областях Белорусской ССР широко распространено русское «амбар» (тюркского происхождения), а названия «свіран», «свёран», «свірѡнак» преобладают лишь в северо-западных и западных районах Белоруссии, т. е. вблизи соседних литовцев и поляков<sup>17</sup>. Характерно, что в литовском языке наряду со сло-

<sup>15</sup> Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 84 (на эту же страницу ссылается в своей статье и В. В. Седов, но оставляет без внимания процитированное нами выше).

<sup>16</sup> A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957, s. 557.

<sup>17</sup> «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карта 239.

вом «svirnas» широко бытует славянское «kletis»; в словарях литовского языка русское «амбар» переводится прежде всего «kletis», вторым словом дано «svirnas»<sup>18</sup>.

При ближайшем рассмотрении этнографических данных, выдвинутых В. В. Седовым в качестве доказательств балтийского субстрата у белорусов, никаких «субстратных» следов обнаружить в них не удалось. Все эти этнографические явления или далеко выходят за пределы «балтского ареала», или являются результатом взаимного культурного общения белорусов с литовцами.

Остается сказать несколько слов о так называемом «культе камня в Белоруссии», также объявленном субстратным элементом. Почитание камней, по-видимому, действительно восходит к религиозным верованиям дославянского, балтийского населения и могло быть воспринято от него славянами-пришельцами. Однако поверья, связанные с камнями, но отнюдь не культ, у белорусов занимали весьма незначительное место среди их древних религиозно-магических представлений, к тому же они имели локальный характер. Поверья о камнях бытовали преимущественно на севере и северо-западе Белоруссии, в районах с моренным ландшафтом, характеризующимся обилием камней, — завалуненностью почв и подпочвенного пласта.

Одним из наиболее серьезных вопросов, связанных с проблемой этногенеза белорусов, как и любой другой народности, является формирование языка и его особенностей. В. В. Седов пытается решить и этот вопрос, уверяя, что владеет данными «для предположения о формировании белорусского языка под воздействием балтского языкового субстрата» (стр. 126).

Какие же это данные? Это в основном не всегда оправданные ссылки на некоторые работы лингвистов. Так, В. В. Седов ссылается на статью Е. Ф. Карского в «Русском филологическом вестнике» (т. XLIX, 1903), в которой идет речь о белорусских заимствованиях из литовского и латышского языков, причем заимствованиях не столь значительных. В этом уже усматривается «эффективное балтское влияние на белорусский язык» (стр. 126), которое якобы может служить доказательством балтского субстрата.

Второй пример — ссылка на работу Я. Отрембского «Участие ятвягов в формировании польского языка» («Acta Baltico-Slavica», 1, Białystok, 1964). И хотя польский ученый касается здесь влияния языка древних ятвягов только на соседние восточные говоры польского языка в области фонетики (изменения носогласных, мазуженье и др.), этого также достаточно, чтобы сразу подчеркнуть «существенную роль балтского субстрата» в истории польского языка (стр. 126).

Странно выглядит то, что рядом с именами ученых, пользующихся заслуженным авторитетом и уважением, всплыло имя буржуазного националиста Я. Станкевича, который «видит балтское субстратное влияние в формах «міргачі», «пырхачі» и в других белорусских словах» (стр. 127).

Неубедительны и противоречивы утверждения В. В. Седова о происхождении важнейшей особенности белорусского языка — аканья. Он признает, что вопрос о происхождении аканья в восточнославянских языках еще не решен лингвистами, высказывающимися за независимое либо субстратное его возникновение. Это не помешало, однако, решительно заявить, со ссылкой на В. И. Борковского и П. С. Кузнецова, что «остается несомненным» зарождение аканья где-то на юго-востоке вос-

<sup>18</sup> См. Х. Лемхенас, Русско-литовский словарь, Каунас, 1949, стр. 5.

точнославянского ареала, откуда оно пришло и на белорусские земли. Но и здесь не обошлось без балтского субстрата. Под его воздействием, оказывается, аканье распространилось в белорусском языке. Интересно узнать, под воздействием какого субстрата возникло и распространилось аканье в русских говорах? Попытка сопоставления двух типов белорусского аканья с ареалами археологических культур (штрихованной керамики; днепро-двинской и юхновской) искусственна и не может объяснить развития этих разновидностей аканья.

В то же время не упомянуты весьма важные выводы Р. И. Аванесова о путях развития белорусского аканья — о первоначальном развитии диссимилятивного типа на востоке и позднейшем возникновении недиссимилятивного аканья на основе оканья по мере продвижения на запад<sup>19</sup>.

Совершенно обойдены также новейшие изыскания белорусских языковедов в этой области. Уже в коллективном труде по истории белорусского языка (1947 г.) ученые пришли к выводу, что «для начального периода складывания белорусской народности» аканье как диссимилятивное «бесспорно имело место в северо-восточной Белоруссии»<sup>20</sup>.

К важным выводам о возникновении недиссимилятивного аканья на основе оканья пришел Н. Т. Войтович в результате изучения белорусских говоров. Причем белорусский диалектный материал убедительно свидетельствует об относительно позднем развитии недиссимилятивного аканья в сравнении с диссимилятивным аканьем, корни которого тянутся к южновеликорусским говорам. Н. Т. Войтович не видит возможности сопоставления территории белорусского аканья с территорией балтийского субстрата, «так как границы недиссимилятивного аканья как явления относительно позднего не могут непосредственно сопоставляться с границами доисторической литовской территории»<sup>21</sup>.

Относительно происхождения других важных особенностей белорусского языка — дзеканья, цеканья и твердого «р» — В. В. Седов высказывает все ту же «догадку» об их зависимости от балтоязычного ареала. В качестве дополнительного аргумента в пользу субстратного происхождения дзеканья он ссылается еще на «дзуканье» как аналогичную черту, известную в юго-восточном говоре литовского языка.

Сомневаясь в правомерности введения термина «дзуканье», должен отметить, что сами дзуки, жители этнографической области Литвы — Дзукии на среднем Немане, приобрели свои характерные бытовые и диалектные особенности не без заметного влияния соседних белорусов. Этниом дзуки, вероятно, и возник от белорусского дзеканья, которое вместе с цеканьем усвоил говор дзуков, например: «dzievas» вместо «devas» (бор), «žodzis» вместо «žodis» (слово), «žalcis» вместо «zaltys» (уж) и т. п.<sup>22</sup> Белорусское влияние сказалось и в лексике дзуков («abieda» — белор. «абед», лит. «pietus»; «viešaga» — белор. «вячэра», лит. «vakarienė»; «kruoras» — белор. «крупнік», лит. «sriuba» и т. п.), и в ряде общих с белорусами чертах быта и материальной культуры<sup>23</sup>. Ряд традиционных черт быта и культуры Дзукии, близких белорусским, отмечают и современные советские исследователи. Так, в Литве только в Дзукии исполнялись песни, приуроченные к рождественскому посту и принадлежащие к специфическим чертам белорусской календарно-об-

<sup>19</sup> Р. И. Аванесов, Лингвистическая география и история русского языка, «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 37, 39, 40; его же, Группы диалекта белорусской мовы. В кн.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», Минск, 1964, стр. 396—403.

<sup>20</sup> «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», Мінск, 1957, стр. 15, 67, 71—77.

<sup>21</sup> Н. Т. Войтович, Безударный вокализм народных говоров Белоруссии, Автореферат докторской диссертации, Минск, 1966, стр. 54—55.

<sup>22</sup> J. R a d z i u k i n a s, Dzuki, «Wisła», t. XIV, 1900, z. I, s. 42.

<sup>23</sup> Там же.



рядовой поэзии («піліпаўскія» песни), в Дзукии во время великого поста пелись баллады, сюжеты которых особенно широко известны в белорусском и славянском фольклоре<sup>24</sup>. Число подобных примеров может быть значительно увеличено.

Так что указание на «дзуканье», как доказательство балтийского субстрата в белорусском дзеканье, также лишено оснований.

\* \* \*

В итоге можно совершенно уверенно констатировать, что взгляд на происхождение белорусской народности под влиянием балтийского субстрата, изложенный В. В. Седовым в специальной статье, нельзя признать правильным. Вся его аргументация при детальном рассмотрении оказалась неубедительной. А главное, его исходные позиции и сам подход к решению проблемы этногенеза белорусов следует считать методологически неверными.

Так решать проблему происхождения белорусской народности, как это делает В. В. Седов, нельзя. Все происходит у него предельно просто: белорусы сформировались в отдельную народность под воздействием балтийского субстрата, определившего ее языковые и культурно-бытовые отличительные черты. И сам-то субстрат обнаруживается легко, по заранее установленному признаку: субстрат — во всем том, что не выходит за ареал балтийской гидронимии и что свойственно только балтам и белорусам. Однако на проверку оказалось, что большинство «субстратных элементов» найдено и вдали от «балтского ареала» и известно остальным восточнославянским и другим народам. Несмотря на это, по каждому мельчайшему этнографическому или иному явлению упорно повторяется утверждение о его балтийско-субстратном происхождении. Нет надобности доказывать, что подобные механистические сопоставления противоречат логике исторического развития и закономерностям этногонических процессов, предусматривающих прежде всего консолидацию родственных и частично иноязычных этнических компонентов и разносторонние внутренние и внешние связи.

Ведь что такое субстрат? В прямом значении это — следы ассимилированного языка в составе языка-«победителя». Мы допускаем возможность обнаружения отдельных балтийско-субстратных явлений и в языке, и в культуре белорусской народности. Но они никак не в состоянии определить этническую специфику белорусов.

В. В. Седов считает, что «сложение белорусов» происходило в XIII—XIV вв. (стр. 120); в другом месте он пишет, что в течение этих столетий уже «сложилась белорусская этнолингвистическая единица» (стр. 126). Но в XIII в. еще в значительной степени сохранялась дрегнерусская общность, а XIV в. был лишь начальным этапом складывания белорусской народности, формирование и дальнейшее развитие которой протекало и в последующие века. Своей полной зрелости белорусская народность достигла к концу XV — началу XVI в., когда уже сформировалась ее языковая общность, обеспечившая возникновение белорусского литературного языка. Его ранними памятниками являются издания Ф. Скарины. В последующие XVII—XVIII вв. белорусская народность предлагала развиваться.

Важнейшие черты хозяйственного и общественного быта белорусов, так же как и основные особенности их материальной культуры, духовной

<sup>24</sup> См. С. С. Скродянис, Литовский календарно-обрядовый фольклор, Автореферат кандидатской диссертации, Вильнюс, 1968, стр. 6, 10.

жизни, обрядов и обычаев, народного творчества, складывались в период формирования, вызревания и дальнейшего развития белорусской народности одновременно с развитием общенародного языка. Сохраняя значительную общность, близость и органическую связь с культурой русских и украинцев, этнические особенности белорусов именно на стадии народности стали более устойчивыми и приобрели свой самобытный характер.

Здесь следует уточнить наше понимание самобытности культуры. Как известно, «самобытная» история развития России, например, служила основой идеалистического учения славянофилов, многих народников. «Самобытный» путь развития белорусского народа и его культуры был и остается стержнем исторических «концепций» буржуазных националистов. Все они утверждают самобытность как целиком самостоятельный путь, обособленный от исторического развития других народов, свободный от посторонних влияний, неповторимый, ни на какой другой совершенно не похожий.

Ничего более ошибочного в понимании самобытности нет, если речь идет о культуре народа. Невозможно представить себе культуру какого бы то ни было народа, которая складывалась и на протяжении всей истории развивалась изолированно, вне взаимосвязей, а значит, и вне взаимодействий культур соседних и нередко даже географически отдаленных народов. В таком именно смысле самобытной культуры не существует.

Самобытность культуры следует понимать как проявление отличительных черт, рожденных и вытекающих из совокупности этнических, социально-экономических, физико-географических, эстетических и других особенностей и условий жизни народа. При этом черты общности в культуре соседних или близких народов, складывающихся в одинаковых условиях, при одном уровне развития производительных сил, а также в процессе взаимовлияния и взаимообогащения культур не мешают созданию самобытности, своеобразия культуры. Самобытность культуры не исключает элементов соседних влияний, которые обычно творчески преобразуются в местной этнической среде.

Так следует подходить и к складыванию этнического своеобразия белорусов в противовес теории балтийского субстрата, якобы самосильно предопределившего эту самобытность.

Своеобразие этнографическому облику белорусской народности феодальной эпохи в значительной мере придала уже древнерусская этноязыковая общность. Последняя, как известно, явилась единым корнем, давшим ростки также русской и украинской народностям. Однако в силу разных исторических причин древнерусские славянские черты языка и культуры и, возможно, даже отголоски былых племенных особенностей, отразившиеся в локальных различиях, более выразительно отложились и лучше сохранились именно у белорусов. Эта особенность заметно проявлялась на протяжении всего времени существования белорусской народности. Новые специфические черты языка, быта и культуры белорусской народности возникли в процессе ее формирования и созревания в конкретных исторических условиях; часть этих черт приобрела некоторые свои свойства от соприкосновения с соседними народностями, с которыми белорусы постоянно общались.

В этнической истории белорусов известное место безусловно принадлежало литовцам<sup>25</sup>. Хорошо знакома та роль, которую играли белорусский язык и белорусская культура в Великом княжестве Литовском.

<sup>25</sup> См. М. Я. Гринблат, К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. В кн.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959, стр. 523—543.

Естественно, что многовековые связи и близкое соседство с литовцами не могли не сказаться и в обратных влияниях. Но это далеко не то же, что балтийский субстрат. В. В. Седов относит завершение славянизации балтийского населения территории будущей Белоруссии, по археологическим данным, к первым векам II тысячелетия н. э. (стр. 128). Таким образом, балтийские субстратные элементы должны были постепенно затухнуть, и в белорусскую народность могли перейти только их еле заметные следы. Однако славянизация балтов продолжалась и во время существования белорусской народности, но уже в более конкретной форме обелорусивания литовцев, которое в отдельных местах наблюдалось еще в начале XIX в. Отсюда топонимия литовского происхождения, до сих пор относительно компактно сохранившаяся в северо-западных районах Белорусской ССР, распространение литовских фамилий у белорусов в тех же районах, литуанизмы в белорусском языке и т. п. Что касается литуанизмов, то в языке белорусов они сравнительно немногочисленны. Исследователь лексики языка белорусской народности И. И. Чертко установил, например, что в словарном составе старобелорусского языка XIV—XVII вв. литуанизмы по своему количеству заметно уступают полонизмам и даже германизмам, которые в значительной части также являются полонизмами, поскольку они проникли в белорусский язык преимущественно из польского<sup>26</sup>.

Кстати, отметим, что в этнической истории белорусов, быть может, более заметное место занимало взаимодействие с западным соседом — поляками, обстоятельство, требующее специального исследования. Одно лишь следует здесь подчеркнуть: уровень развития культуры белорусской народности в XVI—XVIII вв., по-видимому, был достаточно высоким, чтобы устоять даже перед настойчивым стремлением польских феодалов насильно навязать белорусам свой язык и ополячить их.

Белорусы, со своей стороны, оказывали влияние на своих соседей. У литовцев белорусское влияние на язык, обряды, фольклор, ономастику и т. п. наиболее заметно в восточных районах Литвы, смежных с Белоруссией. Связи с белорусским языком отчетливо обнаруживаются в восточнолитовских говорах<sup>27</sup> и, как уже упоминалось, в говоре дзуков. Связи с белорусами весьма заметны и в календарной поэзии<sup>28</sup>, в обычае колядования, гололобном обряде. Живые песни, которые также известны только на востоке Литвы, в мелодическом и текстовом отношении ничем не отличаются от общераспространенных белорусских песен<sup>29</sup>. То же отмечает и литовский фольклорист относительно весенних юрьевских песен, которые в Восточной Литве «почти целиком совпадают с белорусскими песнями»<sup>30</sup>. Число подобных примеров и из других отраслей культуры можно было бы намного увеличить. Явные следы белорусского влияния обнаруживаются и в народной культуре смежных районов польской этнографической территории, особенно в Мазовше, на земле курпей, на севере Любельщины<sup>31</sup>.

Все сказанное здесь о литовцах и поляках, об их месте в этнической истории белорусов, о взаимосвязях с ними дополняет ответ на теорию

<sup>26</sup> И. И. Чертко, Лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке, Автореферат кандидатской диссертации, Минск, 1967, стр. 21, 22.

<sup>27</sup> В. Гринавецкис, Две заметки по литовской диалектологии, в кн.: «Проблемы индоевропейских языков», М., 1964, стр. 70—78.

<sup>28</sup> С. Скродянис, Указ. раб.

<sup>29</sup> Устное сообщение белорусского музыковеда Л. Н. Федорова.

<sup>30</sup> С. Скродянис, Указ. раб., стр. 12.

<sup>31</sup> См., например, St. Dworakowski, Zwyczaje rodzinne w powiecie Wysoko-Mazowieckim, Warszawa, 1938; е го ж е, Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią, Białystok, 1964, и др.

балтийского субстрата, а также на умаление или полное отрицание роли политического, государственного фактора в формировании белорусской народности, который автор данной статьи отнюдь не считает основным и решающим, как в этом пытается убедить В. В. Седов (стр. 113). Но, между прочим, если бы В. В. Седов не отрицал роль Великого княжества Литовского в этногенезе белорусов и в усилении связей живших там народностей, то он нашел бы более правильное толкование факторам общности в культуре белорусов и литовцев, нежели его всеобъемлющее объяснение воздействием балтского субстрата. Разве древнерусское государство, единая государственная территория не способствовали сплочению восточных славян и достижению древнерусской общности?

Проблема этногенеза белорусов — очень сложная и в журнальной статье нет возможности подробно рассмотреть даже ее основные аспекты. Многие вопросы этнической истории белорусов ждут еще своего конкретного исследования. Одно ясно — теория балтийского субстрата не решает проблему этногенеза белорусов, она исторически неоправдана, уводит в сторону от подлинного исторического пути формирования белорусской народности.

#### SUMMARY

The author enters into a dispute with V. Sedov, the archaeologist who advanced the concept of a Baltic substratum as the decisive factor in the formation of the Byelorussian nationality (see «Soviet Ethnography», 1967, № 2). In refuting V. Sedov's views the author argues that it was not the Baltic tribal elements assimilated by the ancient East Slavic population that determined the ethnic characteristics of the Byelorussians. The author rejects the alleged Baltic-substratum origin of certain ethno-linguistic characteristics of the Byelorussians mentioned by V. Sedov. The ethnic characteristics of the Byelorussians, rooted in the ancient-Russian nationality, took shape in the course of the formation, ripening, and further evolution of the Byelorussian nationality during the XIV—XVI centuries, and later under the influence of various historical, social, and economic factors. The role of contacts with adjacent peoples, both East Slavic and Lithuanian, and in no lesser degree Polish, is also taken into account.

---

**А. И. Робакидзе**

## **ОСОБЕННОСТИ ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У НАРОДОВ ГОРНОГО КAVКАЗА**

(В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О СООТНОШЕНИИ ПАТРОНИМИИ,  
РОДА И СЕМЬИ)

Проблема патронимии, как социальной организации определенного типа, в советской этнографической литературе выдвинута М. О. Косвеном. Им разработано понятие патронимии, выявлены время и условия возникновения этой организации, дана характеристика ее структуры и важнейших черт, намечены основные фазы развития<sup>1</sup>.

Эта проблема получила дальнейшую разработку на новом обширном, главным образом кавказском этнографическом материале, в направлении, указанном М. О. Косвеном. Работы большинства этнографов-кавказоведов, появившиеся после опубликования исследования М. О. Косвена, не внесли каких-либо существенных изменений в понимание социальной природы патронимии.

К настоящему времени накопился новый и разнообразный материал, дающий возможность более ясно представить себе основные черты патронимической организации и осветить вопрос о ее генезисе и сущности. Принимая во внимание, что в основе вышеуказанных построений М. О. Косвена лежит главным образом кавказский этнографический материал, привлечение к дискуссии по вопросу о характере патронимии новых данных этнографии народов Кавказа не может быть лишено интереса.

Судя по этнографическому материалу, патронимия в Азербайджане была известна под названием *эгрэба*<sup>2</sup>, в Армении — *азг*<sup>3</sup>. В литературе по Абхазии патронимия фигурирует под наименованием *абира*<sup>4</sup> чеченцы ее называют *гара*, а ингуши — *варь*<sup>5</sup>, осетины — *иу фыды фырт*<sup>6</sup>, народы Дагестана — *тухум*<sup>7</sup>.

Исследуя пережиточные данные системы родственных отношений с целью реконструкции структуры рода у грузин, Р. Л. Харадзе вскрыла систему *мамани* в Хевсурети и *ламхубов* в Сванети<sup>8</sup>, которые представляют несомненный интерес с точки зрения дискутируемой темы. Даль-

<sup>1</sup> М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 97 и сл.

<sup>2</sup> Г. Раджабов, Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане, Автореферат кандидатской диссертации, Баку, 1966, стр. 14.

<sup>3</sup> Э. Т. Карапетян, Родственная группа «азг» у армян, Ереван, 1966, стр. 19 и сл.

<sup>4</sup> Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, Сухуми, 1965, стр. 405.

<sup>5</sup> А. И. Робакидзе, Жилища и поселения горных ингушей, «Очерки по этнографии горной Ингушетии», Тбилиси, 1968, стр. 115.

<sup>6</sup> З. Д. Гаглоева, Осетинская «Рвалдата», М., 1964, стр. 2.

<sup>7</sup> Х. М. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 220.

<sup>8</sup> Р. Л. Харадзе, Хевсурское «дзири» и «гвари», «Тезисы V научной сессии отделения общественных наук АН ГрузССР», Тбилиси, 1942, стр. 9—11 (на груз. яз.); е е же, Хевсурское «дзири» и «гвари», «Мимомхилвели», 1, Тбилиси, 1949, стр. 187 и сл. (на груз. яз.); е е же, Пережитки большой семьи у сванов, Тбилиси, 1939, стр. 18 и сл. (на груз. яз.).

нейшие ее исследования с привлечением богатого сравнительного материала из быта не только грузин, но и других народов Кавказа, пролили новый свет на изучаемую проблему. Они дают основание говорить, что патронимическая организация на Кавказе в недалеком прошлом имела широкое распространение. В частности в Грузии, помимо сванов и хевсур, она бытовала у мохевцев, мтиулов, тушин, а также имеретин, картлийцев, кахетин и т. д.<sup>9</sup> Проведенный Р. Харадзе анализ сравнительного материала убедительно показал принципиальное отличие патронимии, с одной стороны, от рода, а с другой — от семейной общины.

Наиболее ранние описания патронимической организации у народов Кавказа относятся к периоду, когда они находились уже на феодальной стадии развития. Следовательно, указанный тип социальной организации бытовал в условиях сложившегося классового общества, в котором род как таковой не мог играть определяющей роли. Это обстоятельство заставляет раздельно рассматривать вопросы генезиса патронимии вообще и сущности патронимической организации на Кавказе.

Одной из основных и характерных черт данной социальной организации является патронимическая собственность, которая наиболее полное проявление находит в порядке раздела семейного имущества, в коллективных формах труда, в форме поселения.

В процессе сегментации большой семьи у народов Кавказа разделу подвергалось все ее основное имущество. Однако некоторые виды имущества оставались неразделенными, составляя общую собственность дочерних семей. К ним относились оборонительная башня, отчий дом, хлев, большие котлы для варки пива и приготовления араки, мельницы, паеки и т. д. Часть сенокосов, в большинстве случаев малоудобных, также оставалась в общем владении дочерних семей.

Следовательно, патронимическая собственность на поздней ступени развития предполагала совместное владение лишь второстепенными средствами производства. Это положение хорошо прослеживается не только на северокавказском этнографическом материале; оно подтверждается данными этнографии азербайджанцев, армян и грузин. Основные средства производства — большая часть пашни и сенокосов, сельскохозяйственный инвентарь, жилище и т. п. — с сегментацией семьи подвергались уравнительному разделу по числу дольщиков (сыновей). Исключение составляли лишь случаи, когда родители оставались с одним из сыновей, либо дочь была на выданье и т. п.

Совместное пользование некоторыми земельными угодиями, а также хозяйственными постройками и инвентарем при относительной стабильности территориального единства сегментированных семей способствовало сохранению общности хозяйственных интересов. Эта общность находила свое выражение в коллективных формах обработки неразделенных земельных угодий, в совместной пастбище скота, а также в различных формах преимущественной взаимопомощи, которые, как правило, носили неэквивалентный характер, в отличие от кооперирования труда с членами других родственных организаций, в основе которого лежало паритетное начало.

Однако ограничение общей собственности патронимии лишь второстепенными средствами производства суживало рамки ее общности в сфере хозяйственных интересов. Этими основными чертами патронимия отличается, с одной стороны, от рода, а с другой — от большой семьи.

При разделе большой семьи и образовании патронимии на базе дочерних семей особое значение приобретала оборонительная башня. Являясь при необходимости средством укрытия для всех членов патрони-

<sup>9</sup> Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, II, Тбилиси, 1961, стр. 43 и сл.

мии от внешнего врага, в дальнейшем, с утерей своей первоначальной функции, она превращалась в место хранения культового инвентаря патронимии и отправления семейных праздников. В этом отношении она, символизируя былую общность разделившейся семьи, выражала идеологическое единство патронимии<sup>10</sup>.

По мере сегментации семейной общины дочерние семьи, как правило, размещались в непосредственной близости от отчего дома, составляя моногенные кварталы с хорошо прослеживаемой генеалогией и точно устанавливаемым эпонимом. Эта форма поселения является, пожалуй, одной из характерных черт патронимии, наиболее стойко сохранившейся по сравнению с другими сторонами данной социальной организации. Представленная монументальными памятниками материальной культуры, бытовавшими до недавнего прошлого, она является ценным источником для изучения не только формирования патронимического поселения, но и процесса возникновения и развития этого типа социальной организации.

Сохранившиеся до недавнего прошлого древнейшие населенные пункты народов Центрального Кавказа представляют собой крупные оборонительные комплексы, большинство которых снабжено башней. С сегментацией семьи выделившиеся брачные пары со своим потомством располагались в непосредственной близости от общесемейной оборонительной башни и образовывали отдельные гнезда. В дальнейшем размножение семей и увеличение числа поколений приводили к ослаблению родственных уз, что в условиях повышения плотности населения обуславливало территориальное обособление и появление выселков. Эти выселки, со своей стороны, давали начало новым патронимическим образованиям и ложились в основу новых патронимических поселений.

Этнографическая наука застала патронимию на Кавказе на стадии их распада. Но если патронимическое поселение в какой-то степени отражает территориальное единство дочерних семей и отчего дома, степень их территориальной разобщенности может быть использована в качестве одного из показателей уровня развития самой организации. В этом отношении наиболее выразительные данные для характеристики простейшей формы патронимического поселения, по нашему мнению, содержатся в балкарском материале. В этом отношении большой интерес представляет квартал Кулаилары в северо-западной части большого балкарского села Эль-Тюбу.

Этот патронимический квартал представляет собой почти замкнутый четырехугольник, состоящий из 16 помещений. Он имеет внутренний двор с одним выходом на улицу. Первоначальную основу данного комплекса составляет *улу ю* — «большой дом», к которому по мере женитьбы сыновей пристраивались отдельные жилые комнаты — *отоу*. Веретено, чесалка шерсти, прялка и прочие принадлежности, необходимые для изготовления пряжи, каждая семья имела в отдельности, но ткацкий станок стоял в большом доме — им пользовались все семьи патронимии по мере надобности, вынося его во двор или в свою комнату<sup>11</sup>.

Основное имущество семьи на данной ступени развития пока еще не разделено. Этим оправдывается и наличие общего центрального очага и общая трапеза, как одна из пережиточных форм общего потребления, а также наличие общего хлева — *бау*. Однако разделы семейного имущества начинаются именно в этом комплексе, в результате чего закла-

<sup>10</sup> Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе Мтиульское село в прошлом, Тбилиси, 1965, стр. 33 (на груз. яз.).

<sup>11</sup> А. И. Робакидзе, Формы поселения в Балкарнии, 1. Топография поселения, «Материалы по этнографии Грузии», т. XI, Тбилиси, 1960, стр. 98 и сл. (на груз. яз.).

дываются основы хозяйственного обособления брачных пар, что находит свое выражение в появлении самостоятельных очагов для каждой семьи в отдельности и в перенесении основной жизни в отдельные комнаты.

Несмотря на это, в общем владении патронимии остаются башня, хлев, мельницы, пасека и некоторый дорогостоящий инвентарь. Свидетельством патронимической общности является практика производственной взаимопомощи во всех отраслях хозяйственной деятельности, ответственность в сфере кровной мести, хотя и в дифференцированном виде, т. е. соответственно степени родства, а также совместное проведение праздников.

И по форме жилого комплекса, и по порядку расположения дочерних семей по отношению к отчому дому ингушский вариант патронимического поселения отличается от балкарского. Основными компонентами ингушского жилого комплекса являются жилая и оборонительная башни (соответственно *гала* и *виов*). В тех случаях, когда эти жилые комплексы обносятся каменной оградой, они приобретают характер укрепления (*галан*). Аналогичное положение наблюдается и в Чечне, где *гала*, *био* и *гип* являются диалектальными формами ингушских наименований дома-крепости, оборонительной башни и укрепления.

В Чечено-Ингушетии наиболее типичная форма поселения соответствует более высокому уровню развития патронимической организации. Но так как патронимия и здесь является одним из звеньев в системе родственной организации, именуемой *тейпа*, необходимо хотя бы вкратце остановиться на характере последней.

Большинство исследователей под ингушским *тейпа* подразумевает родо-племенную организацию. По своему типу, вернее, по своей форме *тейпа* действительно аналогична родовой организации, однако по своему происхождению и реальному содержанию за известный нам период времени ее существования она имела иной характер. В настоящее время этот термин употребляется для обозначения рода, общества, сельской общины, нередко всего села (независимо от его фамильного состава), а иногда и народа.

Подразделения *тейпа* ныне именуются *гара* (инг.) и *ваьр* (чеч.). Есть основания предполагать, что *гара*//*ваьр* и был тем термином, которым в нахских языках некогда обозначалась родственная организация, но в дальнейшем он был заменен иноязычным *тейпа* и закрепился за подразделением этой системы<sup>12</sup>. По мере включения в родственную организацию инородного элемента в виде целых *гара*//*ваьр*, имевших нередко иноплеменное происхождение, термин *тейпа* все более терял значение родственной организации и приобретал новое содержание.

*Гара*//*ваьр* состояли из группы семей, имевших общее происхождение и представлявших филиации одной большой семьи. У ингушей эта группа семей именовалась *наькѣ*, а у чеченцев — *некѣ*. Самой мелкой ячейкой в родственной системе нахов была семья — *дѣзол* (инг.), *довзал* (чеч.).

Графический материал, отражающий структуру горных сел Чечено-Ингушетии, с анатомической ясностью показывает процесс формирования патронимического поселения. В этой структуре с исключительной четкостью выделяются первоначальные жилые и оборонительные башни, последующие пристройки в виде жилых башен филиаций первого порядка (*наькѣ*//*некѣ*), затем пристройки филиаций второго порядка (*гара*//*ваьр*) и, наконец, кварталы *тейпа*.

<sup>12</sup> А. И. Робакидзе, Жилища и поселения горных ингушей, стр. 113 и сл.



Схема расположения пахотных и сенокосных угодий, а также святыщ и склепов тоже сохранила четкие следы их принадлежности отдельным патронимиям. Вместе с тем хотя скудость материала (вызванная тем, что эти места давно заброшены их исконными обитателями) и не позволяет составить полного представления о порядке раздела семейств, однако и здесь имеются факты, свидетельствующие о том, что некоторые виды имущества не подвергались разделу. Это касается главным образом сенокосных лугов, расположенных вдали от села. Оборонительная башня, несмотря на раздел семьи, всегда оставалась в общем пользовании патронимии. Основная часть склепов составляла тейповую собственность, однако там, где тейпы развивались в сложные родственные системы, появлялись и гаровые (ваьровые) склепы.

И в горной Осетии исходную форму этнографически фиксируемого комплекса составляла жилая башня *гагнаех*, представлявшая собой двух-трехэтажное монументальное сооружение из крупных каменных блоков, совмещающее жилые, хозяйственные и оборонительные функции. Как известно, она и здесь исторически предшествовала оборонительной башне — *мæсыг*<sup>13</sup>. Строительство вокруг спаренных башен массивной каменной ограды привело к образованию укрепленного комплекса, именуемого *галван*, *галоаон*, одно из значений которого — «каменная ограда»<sup>14</sup>.

Подобные сооружения из Северной Осетии довольно подробно описаны С. Кригер и Н. Такоевой в селениях Архон и Урикау<sup>15</sup>.

С сегментацией большой семьи, которая здесь именуется *анауараст бинонта* (неразделенная семья), ее подразделения, подобно ингушскому варианту патронимического поселения, размещались в непосредственной близости от первоначального жилого дома. Такого рода комплексы, формировавшиеся вокруг «старого дома», составляли патронимические кварталы.

В ущельях Южной Осетии наиболее выразительные образцы подобного поселения фиксированы в Рук-Коме (первый приток р. Малой Лиахви), в селениях Верхний, Нижний и Средний Рук и в центральном ущелье Лиахви, на территории исторической Двалети (селения Бритата, Челиата, Эдиси, Верхний, Средний и Нижний Эрман).

В Южной Осетии, по наблюдениям З. Д. Гагловой, родственная организация состояла из нескольких звеньев, в частности рода — *мыггаг*, включающего группы родственников различной степени родства. Круг наиболее близких родственников обозначается термином *дыггаг хадзор* (буквально «второй дом»); он включает разделившихся братьев с их потомством. Эта группа именовалась также и *уартай байуарга* (буквально «от одного огня разошедшийся»). Потомки одного из братьев через известный промежуток времени составляют группу родственников *уу фыды фырт* (сын одного отца)<sup>16</sup>. Это более отдаленный родственный коллектив (до девятого поколения). Определяющим признаком, по которому отличаются друг от друга вышеуказанные группы в Осетии, является степень родства.

Надо полагать, что приведенные выше термины, обозначавшие различные родственные группы по степени родства, за исключением *мыггаг*,

<sup>13</sup> Л. П. Семенов, Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР, Владикавказ, 1925, стр. 15.

<sup>14</sup> В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М., 1958, стр. 503.

<sup>15</sup> Н. Ф. Такоева, Из истории осетинского горного жилища, «Сов. этнография», 1952, № 3; С. Кригер, Архитектура горных селений Северной Осетии, «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 151.

<sup>16</sup> З. Д. Гаглова, Указ. раб., стр. 1 и сл.

выражают понятие патронимии в различных стадиях развития. В пользу этого говорит в первую очередь дифференциация прав и обязанностей, вытекающих из факта принадлежности к той или иной группе родственников.

Патронимии, восстанавливаемые по памятникам материальной культуры, в частности по общепатронимическим башням, святилищам и склепам, являются и здесь позднейшими образованиями. Представление об общем происхождении и вытекающие отсюда права и обязанности членов родственной организации поддерживала оборонительная башня, которая являлась местом хранения культового инвентаря и отправления семейных праздников. Ввиду этой ее функции, сохранившейся дольше всего, она именовалась *дзуар маьсыг* — святая башня. В ней хранились например, *фарфары кхилтæ* — жерди с крестом на конце, которые изготовляли к празднику в честь новорожденных мальчиков. В подобных башнях хранили также талисман *Тутыра хъул* — *альчик* Тутыра, представлявший собой трехгранную призму, сделанную из серебра. Помним того, если, например, по совету знахаря, надо было совершить по какой-либо причине жертвоприношение и выполнить соответствующую молитву в честь того или иного дзуара, расположенного вдали от села, обычай допускал выполнение этого ритуала в *дзуар маьсыг* данной патронимии, учитывая «святость» патронимической башни.

Исследуя пережиточный материал горцев Грузии с целью реконструкции структуры рода в прошлом, Р. Харадзе на хевсурском этнографическом материале выявила довольно сложную систему родственных групп, в которой наиболее крупной являлось *гвари*. Оно состояло из отдельных родственных по происхождению групп, называемых *дзири*. Последние состояли из родственных групп *мамани* (буквально «отцов»), которые, в свою очередь, делились на старых (*дзвели мамани*) и новых (*ахали мамани*) отцов. Гвари автор сближает с фратриальным объединением, а дзири считает той организацией, которая в далеком прошлом должна была соответствовать роду. Старые и новые мамани как родственные группы, входящие в дзири, автор именует «новыми по своему характеру и значению» ступенями в процессе развития родственной организации. Правда, автор не называет эти группы патронимиями, но по тем признакам, которыми характеризуются эти группы (формы владения, нормы взаимоотношений, элементы идеологической общности и т. д.), они безусловно представляют собой типичные образцы патронимических образований.

Однако значение хевсурского материала не исчерпывается этим. Именно на хевсурском материале удалось показать, что дзири является «естественно выросшим родственным объединением»<sup>17</sup>. Отсутствие этнографических данных, подтверждающих недавнее бытование пережиточной формы семейной общины в Хевсурети, не разрешило автору сделать то заключение на хевсурском материале, к которому она пришла в результате анализа чечено-ингушского материала, т. е. обосновать вывод о том, что организация типа мамани является патронимией, выросшей на базе пережиточной формы семейной общины<sup>18</sup>.

Сванский этнографический материал, сохранивший неоспоримые свидетельства бытования здесь пережиточной формы семейной общины, и в отношении патронимии оказался более четким и ясным.

<sup>17</sup> Р. Л. Харадзе, Хевсурское «дзири» и «гвари», «Мимомхилвели», стр. 351.

<sup>18</sup> Р. Л. Харадзе, Некоторые стороны сельско-общинного быта ингушей, «Очерки этнографии горной Ингушетии», стр. 173 и сл.

Принцип родового расселения с присущей ему формой моногенного поселения в Сванети давно был изжит. По документам XIV в., содержащим сведения о семейном составе основных сел Сванети, в некоторых из них насчитываются представители пяти, шести и более фамилий<sup>19</sup>. И этот процесс начался, конечно, намного раньше XIV в. В дальнейшем формирование полигенных поселений получило более ярко выраженный характер. Так, даже в Ушкули, самом высокогорном поселении Сванети, наиболее стойко сохранившем архаические черты, по существу нет ни одного полностью моногенного села. Особенно наглядно это выражено на примере с. Муркмел, население которого, исчисляемое в 23 дома (1957 г.), составляют представители четырех различных фамилий. Это не исключает наличия в прошлом однофамильных сел во всех частях Сванети, в том числе даже Нижней, которая на протяжении позднефеодального периода составляла часть мегрельского владетельного княжества. Наиболее типичным в этом отношении признано с. Сасаши, входившее в одну из крупных общин Нижней Сванети — Лашхети. В исследовании Б. Деген-Ковалевского, посвященном сванскому селу, значительное место отводится именно Сасаши. В этой ценной как по своим материалам, так и выводам работе имеются и некоторые ошибочные положения. По мнению автора, Сасаши «...ясно показывает структуру значительно разложившейся родовой системы, но качественный анализ этого распределения по фамилиям с учетом морфологии селения нигде не обнаруживает закончившегося перехода к территориальным соседским объединениям»<sup>20</sup>. Единственным основанием для подобного утверждения является однофамильный (Ониани) состав населения Сасаши. Но если подойти к этому вопросу именно с точки зрения качественного анализа, окажется ли данное село действительно моногенным, своими корнями восходящим к родовой системе расселения? Конечно нет.

Во-первых, в Сасаши живут не только Ониани, но и представители других фамилий. Правда, их немного и в ряде кварталов их насчитывается не более 2—3, но сохранение ими своей фамилии на территории проживания Ониани уже говорит о нарушении принципа родового поселения.

Во-вторых, Ониани компактной массой проживают и вне с. Сасаши, да и не только за пределами данного села, но и за пределами всего Лашхети. Следовательно, принцип территориального единства, характерный для родового поселения, оказывается и в этом отношении нарушенным.

В-третьих, по сохранившемуся у Ониани преданию, одно из братств этой фамилии — Ониайша — ведет свое происхождение от верхнесванских Аргвлиани. Видимо, этим и надо объяснить принятие представителями Аргвлиани патронимического наименования Ониайша при наличии в Сасаши общей фамилии Ониани. Следовательно, время и условия образования Ониани не разрешают считать эту фамилию признаком родовой организации, а Сасаши — родовым поселением.

В-четвертых, по практиковавшемуся в Сванети обычаю, приемы, обосновавшись в хозяйстве отца жены, что происходило при отсутствии у последней брата, принимали не только фамилию тестя, но и наименование патронимии. Аналогичный порядок замены фамилии существовал и в тех случаях, когда слабые инофамильные семьи искали под-

<sup>19</sup> П. Ингорюк, Исторические памятники Сванети, II, Тбилиси, 1941, стр. 117 (на груз. яз.).

<sup>20</sup> Б. Деген-Ковалевский, Сванское село как исторический источник, «Сов. этнография», 1936, № 4—5, стр. 39.

держку сильных и с общего согласия всей патронимии становились под ее защиту. Вышеуказанная практика существовала и в других районах Грузии. Это дает основание говорить о фиктивной моногенности, которая по специфическим условиям образования никак не может считаться чертой, характерной для родовой организации в ее первоначальной форме, хотя довольно явственно выражает ее традиции, пережиточно бытовавшие в классовом обществе. Это относится не только к сасашским Ониани; то же характерно для всех подобных фамилий, имевших самое широкое распространение у народов горного Кавказа, ибо ко времени фиксации соответствующего материала методами этнографии среди кавказских горцев определяющая черта рода — родовая собственность на основные средства производства — была давно утеряна с вытекающим отсюда превращением коллективного производства в формы взаимопомощи, ограничением сферы общего потребления рамками преимущественно религиозного ритуала, нарушением территориального единства, ослаблением родовых связей за счет усиления территориальных.

Все эти особенности формирования родственной организации сасашских Ониани и подобных им фамилий не исключали наличия внутри этих организаций родственных связей с соответствующими правами и обязанностями. Более того, они предполагали бытование отдельных форм взаимоотношений, как бы повторяющих традиции родовых институтов и в этом смысле представлявших пережиточные формы последних. Это было обусловлено общностью происхождения основного ядра данного коллектива, единством интересов в некоторых сферах хозяйственной деятельности, соображениями обороны и наличием святилища, являющегося выражением идеологической общности. Следовательно, и здесь святилище было не первоосновой, на которой происходил процесс формирования коллектива, а результатом этого процесса, его идеологическим воплощением.

Вышеуказанными чертами общественного быта сванов определяют особенности сванской формы патронимического поселения.

Родственная структура сванов состоит из трех основных звеньев — семья (*кор*), братство (*ламхуб*) и фамилия (*тем*). Основу этой структуры составляет семья, в результате сегментации которой образуется братство. В процессе дальнейшего развития последнего, в зависимости от степени родства, выделяется близкое, коренное (*дзириш*) и дальнее (*кяхика*) братство<sup>21</sup>.

Развитие родственной организации у сванов носит характер непрерывного процесса образования все новых и новых систем близких и дальних братств в результате сегментации старых. Все эти системы, и старые и новые, составляют фамилию. Изучение этого процесса позволяет составить более верное представление относительно социальной сущности отдельных звеньев в родственной организации сванов.

Материалы, касающиеся таких важнейших проблем, как природа сванской семьи, из которой развиваются вышеуказанные родственные системы, порядок наследования имущества при сегментации семьи, взаимоотношения между ее отдельными филиациями в социальной, хозяйственной и идеологической сферах жизни, свидетельствуют о том, что сванские ламхубы различных степеней родства представляют собой патронимии различного порядка, но уже в сильно развитом виде и с явно выраженными чертами состояния распада.

<sup>21</sup> Р. Л. Харадзе, Пережитки большой семьи у сванов, стр. 17 и сл., см. также табл. VII (на груз. яз.).

Это находит свое подтверждение и в порядке расселения сванских ламхубов.

Таким образом, сванский ламхуб с подразделениями по степени родства на *dziриш* и *кяхика* по принципу образования в своей основе повторяет хевсурское *дзвели* и *ахали* мамани. У последних, в свою очередь, имеется близкое сходство с ингушским *ийхера доал* и *гаьнара доал*, с чеченским *гергара дей* и *генара дей*, а также с осетинским *сыггаг хадзар* и *фыды фырт*. Если в основе образования сванского наименования патронимической организации лежит термин, обозначающий брата, то хевсурское, чечено-ингушское и осетинское наименования патронимии производятся посредством термина, обозначающего отца. Это различие в образовании термина, видимо, отражает различия более существенного характера, но углубленному исследованию этого вопроса мешает отсутствие конкретного материала.

Своеобразие сванского ламхуба заключается не только в уровне его развития, но и в характере жилых комплексов, составлявших патронимический квартал. Если в Балкарии сегментированные семьи, по мере появления внутри семьи новых брачных пар пристраивали отдельные комнаты при условии сохранения непосредственной связи с отчим домом, как с основным элементом патронимического поселения; если ингушский и осетинский варианты патронимического поселения предполагали пристройку к оборонительной башне самостоятельных жилых комплексов, но уже без оборонительной башни, ибо она и после раздела семьи оставалась в коллективной собственности патронимии, то сванский вариант патронимического поселения предполагает расположение сегментированных семей также в непосредственной близости к отчому дому, но в равноценных основному жилищу комплексах, которые имеют самостоятельные оборонительные башни и благодаря этому носят вполне автономный характер. Функции идеологического единства, которые во всех вышеуказанных случаях выполняет патронимическая башня, в Сванети остаются главным образом за святилищем, именуемым *витини*.

Это обстоятельство подчеркивает большую обособленность сегментированных семей, т. е. более высокую степень распада сванской патронимии.

С нарушением моногенного принципа расселения в пределах села, фамилии и братства тесно связана чересполосица. Она привела к тому, что, с одной стороны, пахотные и сенокосные угодья одной семьи оказались в различных частях села, а с другой — в естественно выделяемых массивах, ранее принадлежавших одной фамилии и имевших общие наименования и ограду, появились участки, которые принадлежали семьям различных фамилий и даже различных ламхубов. В организации сельскохозяйственных работ стал преобладать территориальный принцип. Заказное время, сроки выпаса скота на летние пастбища, организация пастбы, чередование зерновых культур в условиях севооборота, очередность орошения сенокосных лугов, уборка сена и хлебов регулировались не с учетом родственных взаимоотношений внутри ламхуба, а территориальными связями различных по происхождению семей. Коллективные формы труда внутри патронимии, ранее предполагавшие также и безвозмездную помощь несостоятельным родичам, следовательно, исключающие эквивалентность во взаимоотношениях, приняли форму взаимопомощи, основанной на более или менее строго соблюдаемом паритете. В районах с явно выраженным сословным делением они превратились в средство эксплуатации бедняков, как это имело место и в других районах Грузии<sup>22</sup>.

<sup>22</sup> А. И. Робакидзе, Супруги как средство эксплуатации в дореволюционной Грузии, «Мимомхилвели», II, Тбилиси, 1951, стр. 407 и сл. (на груз. яз.).

Это обстоятельство оказало влияние и на порядок раздела семейного имущества.

Согласно существовавшему в Сванети. обычаю, дольщиками имущества отца являлись лишь сыновья. Имущество делилось на равные части. Лишь старшему брату выделялась большая пашня за старшинство — *намхवेशьер*, а также младшему, если при разделе семьи он не был женат<sup>23</sup>. Как правило, семья еще до раздела совместными усилиями всех своих членов приобретала земли и строила дом с таким расчетом, чтобы выделившиеся семьи с самого начала были обеспечены самостоятельной хозяйственной базой.

Ввиду того, что земельные угодия, будучи расположенными во всех частях прилегающей к селу местности, не были качественно однородными, каждый из отдельных участков делился по числу дольщиков. Скот делили также поровну. По материалам, касающимся дореформенного периода, «пастбища и сенокосы в прошлом были объединены по отдельным ламхубам»<sup>24</sup>. В дальнейшем, видимо, эта практика не изжила себя. Б. Нижарадзе в 1880-х годах отмечал, что в Сванети пахотная земля не находится в общей собственности, что «в общей, сельской и фамильной собственности — скот, пастбища, годные сенокосы и некоторые леса»<sup>25</sup>. Как уже было отмечено, в Сванети башня — наиболее ценный объект во всем имуществе семьи — не была общей собственностью патронимии. Неразделенными оставляли лишь пасеку и мельницу. Однако общность патронимии не была окончательно ликвидирована. Существенным фактом, подтверждающим наличие такой общности в прошлом, является оставление в неразделенном виде небольших по размеру участков пахотной земли — *литбил*, которые обрабатывались совместными усилиями членов патронимии под ячмень для приготовления араки, также совместно употребляемой во время пиршеств, устраиваемых в связи с религиозными праздниками. К этой же категории явлений относится и фамильное кладбище, а также расположение сельчан во время народных праздников на территории святилища в зависимости от принадлежности к тому или иному ламхубу. Этот обычай, в частности, оказался настолько устойчивым, что по камням, расположенным в определенном порядке в отдельных святилищах, и сейчас можно безошибочно восстановить структуру ламхубов в данном селе.

Сказанное выше дает основание говорить, что в Сванети хотя и прослеживаются черты патронимического поселения, вместе с тем имеются не менее ясные указания на далеко зашедший процесс распада этой социальной организации. Именно поэтому наиболее выразительные черты патронимической общности в Сванети проявляются преимущественно в древних памятниках материальной культуры и в сфере народных религиозных представлений.

Так обстоит дело с основными чертами той социальной организации на Кавказе, которая в советской этнографической литературе совершенно правомерно приняла наименование патронимии. Что же дает нам новый этнографический материал, касающийся народов Кавказа, по вопросу о генезисе патронимии, ее соотношении, с одной стороны, с родом, а с другой — с семейной общиной?

Все данные, касающиеся этнографически фиксируемых патронимий на Кавказе, неизменно указывают на развитие этой социальной организации из определенной формы семьи. Это, пожалуй, одно из непрелож-

<sup>23</sup> Б. Ни ж а р а д з е, Историко-этнографические статьи, I, Тбилиси, 1964, стр. 113 (на груз. яз.).

<sup>24</sup> Р. Л. Х а р а д з е, Пережитки большой семьи у сванов, стр. 23.

<sup>25</sup> Б. Ни ж а р а д з е, Указ. раб., стр. 115.

ных правил, не знающих исключения во всех сложных формах социальных взаимоотношений на Кавказе. По ингушскому этнографическому материалу основой патронимии является семья — *дѣзал*, в результате развития которой формируется *наькье*. Последующее развитие *наькье* приводит к образованию *ваьр* — наиболее широкому родственному объединению, которое все еще сохраняет некоторые черты общности в самых различных сферах жизни. Чеченский этнографический материал имеет несколько более сложную структуру: *доьзал* — *циа* — *некти* — *гар*. Этому концентрически развивающемуся кругу родственных организаций в осетинском соответствует *хадзар* — *сыггаг хадзар* — *иу артай бай-дарга* — *ид фыды фырт*.

Аналогичную по структуре картину находим и у горцев Грузии, в частности у хевсур: *оджахи* — *дзвели мамани* — *ахали мамани*, у сванов: *кор* — *дзириш мехвбарар* — *кяхика мехвбарар*.

Патронимии, имеющие общее происхождение, объединяются в еще более широкий круг, именуемый у ингушей *тейпа*, у чеченцев — *тайпа*, у осетин — *мыггаг*, у горцев Грузии, в частности хевсур — *гвари*, у сванов — *тем*. Однако эти объединения, признаваемые иногда за родовые, родо-племенные, кровнородственные и т. д., принципиально отличаются от патронимии, так как по существу исключают специфические черты общности, характерные для патронимии. Элементы общности имеются и в этом случае, однако они складываются не в результате сегментации семьи, которая предполагала сохранение вне раздела некоторой части общесемейного имущества, а являются следствием территориального единства, характерного для сельской общины. Не случайно многие языки Кавказа терминологически строго различают общесельское владение и патронимическое.

Следовательно, патронимия на Кавказе в том виде, в каком она описана методами этнографии, учитывая условия и время ее образования, не может быть разветвлением рода. Патронимии совершенно не свойственна такая важнейшая черта, как родовая собственность на основные средства производства. Наконец, бытование патронимии у народов Кавказа этнографически было зафиксировано в условиях развитого классового общества, в период, когда род в значении *gens* не мог играть какой-либо существенной роли потому, что рода как такового к тому времени уже давно не существовало.

Это положение, основанное на сравнительном анализе кавказского этнографического материала, полностью согласуется с той частью выводов М. В. Крюкова, в которой автор отрицает возможность понимания патронимии в качестве подразделения рода или сужения последнего<sup>26</sup> и утверждает наличие принципиальной разницы между патронимией и родом<sup>27</sup>. Это говорит о существовании какой-то общей закономерности, хотя кавказский этнографический материал отражает безусловно позднейшее состояние патронимии, состоянием распада.

Очевидно, что первоначальную ячейку, в результате развития которой складывалась патронимия, составляла семья. Однако какая форма семьи должна была лечь в основу образования патронимии — семейная община или индивидуальная семья? Между этими двумя формами, как известно, существует принципиальная разница. Здесь речь идет, конечно, не о численном составе семьи, так же как и не о количестве поколений, объединяемых ею. Определяющее значение и в данном случае имеет форма собственности. Индивидуальная семья с частной собственностью

<sup>26</sup> М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 90.

<sup>27</sup> Там же, стр. 91.

в основе не могла стать исходной ячейкой такой социальной организации, которая характеризуется патронимической собственностью и вытекающими отсюда формами общности. Общепатронимическая собственность на второстепенные средства производства с ограниченными формами коллективного производства и потребления, а также некоторая общность в сфере идеологии могла возникнуть лишь на базе такой формы семьи, которая покоилась не на частной, а на общесемейной форме собственности. Таковой могли быть либо семейная община, либо ее пережиточная форма. Поэтому, кстати сказать, нельзя считать «существенным шагом вперед»<sup>28</sup> положение Дж. Мёрдока, согласно которому «клан», под которым, очевидно, надо подразумевать патронимию, является «промежуточной родственной группой между родом и семейной общиной». Р. Фёрт в своем определении патронимии, подчеркивая ее сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола, в данном аспекте, по нашему мнению, ближе к истине.

Семейная община на ранних стадиях общественного развития, в естественных условиях ее бытования в первоначальном виде, т. е. в условиях разложения рода, очевидно, и была той основой, на которой развивалась патронимия в ее классической форме. Бытование этой формы патронимии у народов Кавказа относится к слишком отдаленной эпохе, чтобы можно было уловить ее более или менее явные следы в данных этнографии; не обнаружены они и в письменных источниках. До выявления и изучения археологических материалов с этой точки зрения в данном случае можно говорить лишь предположительно. Что же касается более позднего времени, в частности периода бытования патронимий, описанных методами этнографии и фиксированных в письменных источниках, они развивались на базе пережиточной формы семейной общины, бытование которой у народов Кавказа вплоть до XX в. было доказано опять-таки М. О. Косвеню. Капитальные исследования советских этнографов последующего периода полностью подтвердили это положение М. О. Косвена, имеющее принципиальное значение для истории древних форм социальных взаимоотношений вообще, для изучения происхождения и характера патронимии — в частности.

Именно по вышеуказанным условиям происхождения и бытования патронимии на Кавказе она носила некоторые черты общности, характерные для семейной общины, возникшей в процессе разложения рода и в силу этого обстоятельства воспринявшей некоторые черты последнего.

#### SUMMARY

Studies of patronymy in the Caucasus has usually been based on survival material relating to the sphere of social relations and dating mostly from the XIX century.

It was the patronymic organization extant in the frame-work of an advanced class society that served as an object of study. This poses a difficult problem of how far the surviving vestiges of the patronymic organization corresponds to its original form. The character of the patronymical organization in the Caucasus and its genesis in general should be studied separately.

Among the peoples of the Caucasus patronymy seems to have arisen as a result of the segmentation first of the family community, then of its survival form which was still extant in the Caucasus as late as the XIX century; this was brought to light by M. O. Kosven and confirmed by subsequent research done by Soviet ethnographers specializing in the Caucasus.

The origin and evolution of the patronymy characterized in the article determines, in the author's view, its place among social institutions, in particular its relation to the gens on one side and to the family on the other.

<sup>28</sup> М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 86.



**Т. А. Бернштам**

## **ЛЕДОКОЛЬНАЯ ЗВЕРОБОЙНАЯ АРТЕЛЬ ПОМОРОВ ЗИМНЕГО БЕРЕГА<sup>1</sup> БЕЛОГО МОРЯ**

Приморское промысловое хозяйство с давних времен являлось основой экономики поморских районов русского Севера.

Ведущей отраслью промыслового хозяйства Зимнего берега Белого моря со второй половины XIX в. стал морской тюлений промысел. Он складывался из нескольких промысловых «путей», которым соответствовали определенные типы и формы артелей. Для промысла тюленей во время их массовых залежек на льдах лодочные артели («картели-лодки») поморов Зимнего берега и жителей Мезенского уезда объединялись в большую промысловую артель — «бурсу», насчитывавшую иногда до 500 человек. Основную рабочую силу на зверобойном промысле как в отдельных артелях лодках, так и в бурсе составляли «покрутки»<sup>2</sup>, полностью зависевшие от хозяев-судовладельцев (последние были главным образом из с. Койда).

В начале XX в. зверобойный промысел на Зимнем берегу находился в состоянии упадка. Кроме единственного случая применения на промысле парового судна в 1903 г.<sup>3</sup>, никаких других попыток технического оснащения лова не предпринималось.

Ледоколы для промысла морского зверя в Белом море стали использовать после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 г. в первых ледокольных экспедициях участвовали жители сел Зимнего берега — Зимняя Золотица, Койда, Ручьи. Несмотря на трудности технического и организационного характера, промысел зверя на ледоколах оказался выгодным и поэтому получил дальнейшее развитие. Одновременно с ледокольным долгое время продолжал существовать и лодочный береговой промысел.

Задача настоящей статьи — проследить эволюцию традиционной промысловой артели в связи с развитием ледокольного промысла.

В истории ледокольной зверобойной артели 1920—1940-х гг. можно выделить три периода: 1918—1926 гг.; 1926—1930 гг.; 1930—начало 1940-х гг.

Первый период характеризовался взаимодействием противоречивых явлений в общественной жизни Поморья, типичных для времени нэпа. Попытки создания артелей нового типа сталкивались со стремлением кулаков утвердить на ледокольном промысле традиционную покрутку. За «пользование» ледоколами, которые арендовали крупнейшие кулаки, зверобой должны были отдавать им определенный процент с промысла. Все необходимые продукты, одежду и орудия промысла зверобой приобретали на свои средства. Поэтому ледокольная артель состояла из кулацко-средняцких элементов и нанятых и снаряженных ими покрутчиков.

Она по существу представляла собой старую бурсу, но сильно уменьшенную: пятнадцать-двадцать маленьких артелей-«лодок» по 7 человек или в общей сложности от 100 до 150 человек. Структура такой ледокольной бурсы и внутреннее управление в ней строились по традиции. Во главе стоял «юровщик», выбиравшийся хозяевами-судовладельцами из своей среды. Обычно это был опытный и бывалый промышленник, хорошо «понимавший море» и пользовавшийся авторитетом среди зверобоев. Юровщику помогали «промысловые старосты», возглавлявшие «партии» лодок от одного села. Руководителем каждой промысловой артели-«лодки» были хозяин лодки (или заменяющий его,

<sup>1</sup> «Зимним берегом» называют северо-восточную часть побережья Белого моря. Это название сложилось исторически, как определение территориально-хозяйственной области поморов (наряду с Терским, Кемским, Летним берегами).

<sup>2</sup> Покрут — найм из доли будущего улова.

<sup>3</sup> Н. С м и р н о в, О морском зверином промысле на русских судах, СПб., 1903.

также называвшийся «хозяином»), на которого возлагались обязанности кормщика и «гарпунера» (стрелка). Вся бурса делилась на гарпунеров и «чернову» — стрелков и подсобных рабочих. По прибытии ледокола гарпунеры сходили на лед первыми, подкрадывались к залежке зверя с нескольких сторон и стреляли с колена, убивая сначала тюленей, лежащих с края, чтобы создать барьер между остальным стадом и водой. Меткость должна была быть стопроцентной, так как раненые звери криками могли переполошить все стадо. Затем на лед сходила чернова («пошла чернова собирать зверя!»): одни обрабатывали зверя, т. е. снимали кожу с салом, другие свертывали ее в «юрки» — особого рода связки шкур, вложенных одна в другую, третьи тащили юрки к ледоколу и поднимали на борт. Каждая промысловая «лодка» работала на своего хозяина, поэтому ставила на коже с салом особое клеймо.

Распределение добычи происходило по паям. Условия и «доли» покрутчиков в разных артелях не были равноценными, так как каждый хозяин сам договаривался с артелью.

Взаимоотношения между отдельными лодочными артелями были, как правило, недоброжелательными, часто просто враждебными. Хозяева сминавали покрутчиков друг у друга более высокими задатками, оспаривали число убитых ими зверей, заходили «под ветер» другим стрелкам (т. е. с подветренной стороны, откуда зверь чувствует человека) и т. д. При расчете хозяева спаивали покрутчиков, вычитая затем из их доли плату за выпитое, произвольно занижали цены на убитого зверя, меняли условия договора и т. п. Поэтому покрут, превращавший зверобой в батрака, был бичом зверобойной промысла, тормозившим его развитие даже при наличии ледоколов.

С 1926 г. на Зимнем берегу стали возникать промысловые кооперативные товарищества, руководствовавшиеся в своей деятельности интересами большинства населения. Начался второй этап в развитии ледокольной артели. Значительную роль сыграло промысловое товарищество «Гарпунер», объединявшее жителей с. Койда, деревень Майда, Нижа и выселка Ануфриевского. Это товарищество формировало ледокольную артель только из числа своих членов. Первое время такая артель тоже напоминала старую бурсу: не произошло еще коренных изменений в ее внутренней организации, не было слияния судовой команды и артели, в артель допускались кулаки.

По прибытии на ледокол снаряженной «Гарпунером» артели капитан размещал промышленников (так назывались работавшие на промысле) на судне в зависимости от их квалификации. Товарищество на ледоколе представлял его уполномоченный, который считался помощником капитана по промысловой части и непосредственно руководил работой артели на промысле. Как уполномоченный, так и его заместитель назначались правлением товарищества и не могли быть смещены во время промысла. Судовая команда находилась на службе Советского торгового флота. Постепенно отдельные должности в судовой команде стали переходить к членам зверобойной артели, а с 1928 г. при заключении договоров правление товарищества уже получало указания Управления Советского торгового флота «о числе лиц, необходимых для исполнения обязанностей ледокольной команды»<sup>4</sup>.

В 1926—1927 гг. на судне не было поваров и пекарей; продовольствие для промышленников заготовлялось заранее и стоимость его вычиталась из их заработка. Все полученные продукты расходовались сообща. Артель выбирала четырех человек (повара, пекаря и двух их помощников), которые должны были готовить пищу и печь хлеб. Продукты закупал «артельщик»; он же отпускал продовольствие промышленникам, а после выбора повара и пекаря — провизию и муку на кухню. Артельщик получал от товарищества также промысловое снаряжение — белые маскировочные рубахи, так называемые стрельные, для гарпунеров, патроны, ружья, ножи. По окончании промысла артельщик собирал у промышленников снаряжение и оставшиеся припасы для сдачи в Мурманск или Архангельск<sup>5</sup>.

В 1928 г. правление товарищества «Гарпунер» приняло решение о вербовке промышленников на ледокол только из бедняков и середняков, для которых зверобойный промысел был основным и единственным занятием. Те, кто подрабатывал охотой, или вырубкой и сплавом леса, а также малосемейные жители «при крепких работниках дома» зачислялись в ледокольную артель во вторую очередь<sup>6</sup>. Единоличников на ледокол не принимали. Если не набиралась артель полностью, то капитан судна имел право нанять приезжих из других районов Архангельской области или из центральных областей<sup>7</sup>. Некоторым промышленникам пришлось из-за этого уехать из села, других же это побуждало к вступлению в кооператив.

Из всех сел Зимнего берега только с. Койда могло полностью представить на ледокол необходимую для промысла зверобойную артель, состоявшую из бедняков и се-

<sup>4</sup> Архив колхоза «Освобождение» с. Койда Мезенского р-на Архангельской обл., связка (далее св.), № 28—29.

<sup>5</sup> Полевые материалы автора, 1964 г., с. Койда, информатор А. Е. Малыгин, 75 лет. Восточнославянский сектор Ленингр. отд. Ин-та этнографии.

<sup>6</sup> Архив колхоза «Освобождение», св. № 447, лл. 3—4.

<sup>7</sup> Полевые материалы автора, 1963 г., с. Койда, информатор В. Ф. Малыгин, 73 г.

редняков. В 1928 г. майденский кооператив «Волна», входивший в товарищество «Гарпунер», отправил вместе с койденскими промышленниками на ледокол 34 человека, среди которых было 24 середняка и 10 бедняков.

Ледокольная артель по-прежнему состояла из гарпунеров и черновы: на 100—140 человек артельщиков полагалось 20—25 гарпунеров. Гарпунеры теперь назначались не хозяевами, а общим собранием промышленников-ледокольцев; в основном это были пожилые зверобой и наиболее опытные стрелки из молодых. Считалось, что молодому стрелку нельзя начинать свою промысловую деятельность с высокого пая<sup>8</sup>. Гарпунеры пользовались некоторыми привилегиями по сравнению с черновой. Они получали больший пай (1,5 или 1,25) по предварительной договоренности, им отводилось на ледоколе более удобное помещение.

В конце 1920-х гг. четкого распределения обязанностей среди черновы не было. Никто из промышленников заранее не знал, что он будет делать на льду. Распределением работ на залежке руководил уполномоченный артели. При разделе зверя требовались особый опыт и сноровка, но подавляющее большинство промышленников обладало ими, поэтому выбор всегда был большой.

При оплате труда промышленников ледокольной артели Управление Советского торгового флота использовало традиционную паевую систему. Капитан судна и старший механик получали зарплату и определенный процент с промысла, уполномоченный артели — 1,5 пая, артельщик — 1,25 пая, гарпунеры, как мы уже говорили, 1,5—1,25 пая. В чернове каждый имел один пай. Новички получали неполный пай и старались работать усердно, опасаясь, что на будущий год их не возьмут в море. Если новичок работал хорошо, ему тут же добавляли 0,1 пая<sup>9</sup>. Половина заработка выдавалась деньгами, половина — ржаной мукой, причем удерживались все выданные промышленникам авансы и стоимость продуктов<sup>10</sup>.

Таким образом, ледокольная артель 1926—1930 гг. заметно отличалась от старой бурсы, но в то же время все еще сохраняла многие традиционные элементы. Уничтожение покрутчины, изгнание из артели кулаков, новый способ распределения дохода — уравнивательный для всего состава черновы — все это подготовило почву для создания ледокольной артели нового типа.

Коллективизация, начавшаяся с 1930 г., вызвала коренные изменения зверобойной ледокольной артели, приведшие к утверждению социалистических производственных отношений. В этом процессе Зимнебережный колхоз «Освобождение», объединяющий жителей с. Койда, д. Майда, выселка Ануфриевского, сыграл в значительной степени роль инициатора. Ледокольный промысел давал верный заработок, твердый аванс зверобую и его семье, он считался самым выгодным, и поэтому попасть на него стремились почти все колхозники. В связи с этим правление колхоза «Освобождение» решило посылать на ледокол наиболее дисциплинированных и хорошо работающих поморов.

Колхоз «Освобождение», так же как раньше товарищество «Гарпунер», выставлял, как правило, на ледокольный промысел полную артель. Лишь несколько раз в 1930—1940 гг. артель «койдян» (большинство в ней составляли жители с. Койды) пополнялась жителями других зимнебережных мест — золотчанами, ручьевцами и долгощельцами<sup>11</sup>.

В 1932 г. название «артель» было заменено новым — «бригада зверобоев ледокольного лова». По внутреннему устройству бригада 1930-х гг. существенно отличалась от артели 1920-х гг. Бригада делилась теперь на зверобойную команду и обслуживающий персонал<sup>12</sup>. Все находящиеся на судне составляли единый производственный коллектив, обслуживающий персонал в случае необходимости мог быть занят на любом промысловом участке.

Бригадир начинало правление колхоза, он был на ледоколе его представителем. Бригадир являлся помощником капитана судна по промысловой части, распоряжения его для всех промышленников были обязательны. Сам он обычно подбирался из числа наиболее сознательных, дисциплинированных, политически грамотных колхозников (в его обязанности входила и организация досуга членов бригады). Во время промысла бригадир не сходил на лед, он командовал с мостика и руководил погрузкой кож на борт судна.

Бригадиру помогали бочечники; они следили за направлением судна к залежкам зверей и ходом боя: кому из гарпунеров не хватало патронов, где ставились «махаки» (опознавательные знаки) у куч зверей, которые надо грузить на судно и т. д. Они

<sup>8</sup> Полевые материалы автора, 1964 г., с. Койда, информатор В. Ф. Малыгин.

<sup>9</sup> Там же, информатор А. Е. Малыгин.

<sup>10</sup> А. Ф. Ростиславин, Промыслы Мезенского побережья, Архангельск, 1926, стр. 129.

<sup>11</sup> Архив колхоза «Освобождение», св. 69, л. 297.

<sup>12</sup> Там же, св. 87, л. 53.

наблюдали за состоянием льдов в море, так как сжатие или разводе определяли места расположения залежки зверя. Особенно славились в 1930-е гг. бочечники — бывшие юрловщики бурс — жители с. Койда П. Е. Матвеев и И. С. Малыгин.

В ледокольной бригаде 1930-х гг. шло постепенное углубление специализации, определялась квалификация каждого зверобоя.

Разбивка промышленников на гарпунеров и рядовых проходила на общем собрании зверобоев-колхозников — участников ледокольного и берегового лодочного промыслов. Председатель собрания зачитывал заранее составленный предварительный список бригады и каждый из присутствующих мог высказаться о той или иной кандидатуре, причем новички не должны были составлять более 10% общей численности. Для отвода требовались достаточно уважительные причины: слабое здоровье, необходимость остаться с семьей и т. п. Перевод зверобоя из одного разряда в другой проводился в ходе промысла бригадиром с утверждения общего собрания ледокольников. На общем собрании колхозников обсуждалось также число звеньев в бригаде и расстановка их на промысле. Вместе с тем бригадир мог изменить решение собрания, сообразуясь с реальной обстановкой промысла, которую трудно было предусмотреть заранее.

В бригаде обычно было 8—9 звеньев. Звено состояло из семи человек, составлявших одну промысловую лодку, необходимую для проведения всех операций по лову и обработке зверя<sup>13</sup>. Звеньевой был одновременно руководителем одной из лодок и отвечал за работу и безопасность вверенных ему людей. Старая терминология держалась долго, и звеньевой продолжали называть «хозяином». На льду звеньевой обязан был следить за уборкой и складыванием кож в кучи, вести ежедневный учет работы своего звена, не допускать приближения «съемщиков» и «подтаскивальщиков» к гарпунерам, пока на льду еще есть живые тюлени, а также перехватывания звеньями друг у друга тюленей. По окончании промысла звеньевые отчитывались перед зверобоями и капитаном.

Для обучения новичков объединялось два звена, из которых одно было укомплектовано опытными зверобоями.

Обслуживающий персонал находился в ведении бригадира и по его распоряжению мог в случае надобности использоваться на промысле. Обычной же обязанностью обслуживающего персонала было приготовление для зверобоев пищи, уборка помещений на судне и в городах, где бригада ожидала ледокол — в Мурманске, Архангельске.

Промысел зверя происходил в относительно ограниченном районе Белого моря, и нередко несколько ледоколов подходили к одной залежке. Это вызвало к жизни «правила совместного промысла» на одной залежке, в которых отчетливо отразилось новое отношение зверобоев к товарищам из других бригад.

Эти правила предусматривали и интересы берегового промысла зверя. Капитаны ледоколов должны были принимать все меры предосторожности во время подхода к местам берегового лова. Ледокольная бригада также работала очень осторожно, если ее залежка оказывалась недалеко от залежки «лодочников».

На основе сложившихся естественным путем «правил совместного промысла» были выработаны затем официальные «правила спаренного промысла». Спаренный промысел на одной залежке (обычно двух ледоколов) производился по предварительной договоренности участников обоих ледоколов. Добыча «обезличивалась» и делилась поровну; для позвеневого же учета на кучах кож каждого звена ставились флаги, имевшие разный цвет и цифровой номер дробью, в котором числитель означал порядковый номер флага судна, а знаменатель — номер звена, например: 21/11, здесь 21 — флаг судна, 11 — звено<sup>14</sup>.

Новые товарищеские взаимоотношения промышленников послужили основой для создания так называемых «смешанных зверобойных бригад», в состав которых входили жители разных сел Зимнего берега.

Функции ледокольной бригады постепенно усложнялись и в конце концов вышли далеко за пределы производства. Для повышения квалификации зверобоев на соревнующихся ледоколах организовывались кружки: общеобразовательные, политические, судоводительные, по изучению промысла морского зверя и т. д. После окончания промыслового сезона бригадир отчитывался перед колхозниками-ледокольцами. Подобные собрания проходили очень оживленно, зверобой горячо обсуждали причины успеха или неудачи своей бригады или бригады другого ледокола.

Новая производственная организация на зверобойном промысле, вследствие которой капитан и члены судовой команды стали прямыми участниками промысла, создала и новый тип капитана промыслового судна, действительного руководителя промысла, заинтересованного в его успехе. В конце 1920-х и в самом начале 1930-х гг. капитан

<sup>13</sup> Ледокол не всегда мог вплотную подойти к залежке, поэтому нужны были промысловые лодки для переезда по разводам и вывочки зверя к судну.

<sup>14</sup> Архив колхоза «Освобождение», св. 145, л. 175.

лишь вел ледокол, а направление судна, места расположения залежек, подход к ним обычно определяли бочечники. Промысловое руководство осуществляли полностью и его помощник, хозяйством на ледоколе ведал артельщик и т. д. Теперь же капитан вникал во все дела бригады.

В 1932 г. ледокольная бригада колхоза «Освобождение» промышляла на ледоколе «Седов», капитаном которого был В. И. Воронин. Бочечником был П. Е. Матвеев, старый, опытный зверобой, ходивший еще при старом «бурсачном» промысле юровщиком. П. Е. Матвеев работал до этого со многими капитанами, часто совершенно не интересовавшимися промыслом, и привык чувствовать себя полноправным хозяином на ледоколе. В. И. Воронин вначале встречал в штыки указания старого бочечника («Я хозяин на судне, мне не указывай»), но вскоре их совместная работа наладилась, и впоследствии В. И. Воронин называл койдян своими учителями.

На ледокольном промысле этих лет впервые стали культивировать уважительное отношение к любому члену зверобойной бригады, заботу о максимальном использовании его способностей, отдыхе и быте.

Ледокольный промысел стал играть не только значительную роль в экономической жизни Зимнего берега, но и в развитии социалистических форм труда. Уже в 1929 г. койденская ледокольная артель заняла первое место по добыче тюленей среди других артелей Зимнего берега, и с тех пор в течение всего последующего десятилетия ни разу не уступила его другой бригаде. С 1932 г. на ледокольном промысле стало развиваться социалистическое соревнование. На ледоколах устраивались собрания, на которых одни «лодки» вызывали на соревнование другие, стрелки вызывали стрелков. В 1934 г. каждого промышленника, «объявившего себя ударником» (т. е. взявшего социалистические обязательства), обсуждали на собрании и общим голосованием решали сможет он быть ударником или нет. Ударничество нанесло окончательное поражение идеологии старой бурсы.

В оплате труда колхозников-зверобоев на ледоколе тоже произошли значительные изменения. До 1936 г. продолжала существовать традиционная паевая система. С 1936 г. на ледокольном промысле вводится гарантийная ставка всем членам зверобойной бригады и обслуживающего персонала<sup>15</sup>. Если вследствие неудачного промысла по причинам, не зависящим от бригады, месячный заработок зверобоя составлял менее  $\frac{2}{3}$  твердого оклада, Управление Северного морского пути производило доплату до  $\frac{2}{3}$ <sup>16</sup>. Таким образом, если раньше зверобой, уходя на промысел, никогда не знал, с чем он вернется, то теперь гарантийной ставкой он был застрахован от любых случайностей. Зверобойный промысел стал прочной основой хозяйства Поморья и доверие колхозников к нему значительно возросло.

За время промысла и нахождения в море с момента посадки на судно до разгрузки его после возвращения в порт зверобой сверх гарантийной ставки получали «столовые» в размере 125 рублей в месяц. При окончательном расчете зверобоя выдавали компенсацию за неиспользованный отпуск из расчета среднего дневного заработка за каждый проработанный месяц.

В месячную норму, кроме муки, круп, мяса, рыбы и масла, входили свежие овощи, сухофрукты, различные пряности и кондитерские изделия. О таком пайке не могли даже и мечтать промышленники старой бурсы, которым нередко в течение двух месяцев приходилось питаться соленой рыбой и пшеничным супом. Колхоз заботился о семьях ушедших на промысел зверобоев, выдавал нуждающимся авансы, продукты, извещал промышленников телеграммами обо всех событиях на берегу. Зверобойная, бригада и обслуживающий персонал помимо пайка получали спецодежду. Спецодежда выдавалась бесплатно, однако зверобой обязан был обращаться с ней бережно и возвращать ее по окончании промысла. У гарпунеров имелись белые стрельные рубахи, парусиновые брюки; бригадир, помощник бригадира, оба бочечника, артельщик и его помощник получали полушубок и валенки. Все зверобой пользовались ватными фуфайками, парусиновыми брюками и рукавицами. Зверобоям полагалось также постельное белье на все время промысла. Так как все промысловые орудия поставляла организация, снаряжавшая ледоколы на промысел, зверобоям компенсировали амортизацию собственных съемочных ножей, которыми они отделяли мясо зверя от кожи с салом.

Выделенные для ледокольного промысла зверобой должны были быть физически здоровыми; люди с плохим зрением или слухом, грыжей и другими болезнями на ледокол не допускались, даже если они всю жизнь до этого промышляли зверя. Их старались использовать на других участках колхозной работы. Все ледокольцы подвергались обязательному медицинскому осмотру в селе и находились под наблюдением фельдшера на ледоколе. Лечение было бесплатным. Зверобой стали уделять внима-

<sup>15</sup> Архив колхоза «Освобождение», св. 87, л. 53.

<sup>16</sup> Полевые материалы автора, 1963 г., с. Койда, информатор В. Ф. Малютин. С 1934 г. колхоз «Освобождение» арендовал ледоколы у Управления Северного морского пути.

ние санитарному состоянию своих помещений, старались содержать их в чистоте. В дореволюционное время женщины-поморки не участвовали ни в одном из видов зверобойного промысла в открытом море. Зато они составляли основную рабочую силу в «семейном» лове тюленя, когда зверя веграми приносило на льдах к берегу, а также на озерном и речном рыбном лове; подменяли мужчин в «сидении на тонии» во время семузей путины.

В 1935 г. в ледокольном промысле впервые приняли участие женщины: на ледоколе «Малыгин» помощником повара работала Е. Ф. Малыгина, помощником пекаря — И. А. Котцова, уборщицей — А. И. Титова. С тех пор женщины стали включаться в состав обслуживающего персонала ледокола, но до войны ни одна из них не участвовала в самом промысле. В годы Великой Отечественной войны женщины и подростки заменили ушедших на фронт мужчин. Некоторые из них не уступали мужчинам по выносливости, быстроте и качеству работы. Так, Л. С. Попова была зверобоем ледокольного промысла 9 лет. В основном же женщины использовались на подсобных работах: «белье стирали, уголь таскали, соль носили, раушки (мясо тюленя.— Т. Б.) разносили», — вспоминает участница ледокольного промысла А. П. Малыгина.

Параллельно с перестройкой структуры артели-бригады, взаимоотношений ее членов, расширением функций бригады (профессиональная подготовка, обеспечение семей на берегу, забота о безопасности и здоровье зверобоев) произошли заметные изменения и в производственном быту зверобоев.

Ледокольный зверобойный промысел сыграл значительную роль и в формировании социалистических производственных отношений у поморов. Колхозы стремились к тому, чтобы наибольшее число их членов участвовало в какой-либо ледокольной кампании, считая, что это втягивает поморов в атмосферу коллектива, работающего на новой, социалистической основе и на базе передовой высокой техники.

---

**Р. Я. Рассудова**

## **СЛЕДЫ ОБЩИННО-ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У УЗБЕКОВ**

Для реконструкции следов общинно-военной организации у узбеков большое значение имеет анализ исторического значения термина «караказан». Этот термин, по данным источников XIX в., имел два значения: 1) военное ополчение и 2) феодально-зависимые крестьяне. Первое находим у кокандских историков<sup>1</sup>, а также у военных техников Бурнашева и Поспелова, посетивших Ташкент в 1800 г.<sup>2</sup>, о втором сообщает О. Д. Чехович<sup>3</sup>.

Во время этнографических исследований в Пастдаргомском районе Самаркандской области в 1961—1962 гг. мы столкнулись с новым значением этого термина. Караказаном («бир караказан») местное население называет группу кишлаков, составляющих сельскую общину. Эта община называлась также «казаншерик». Сохранилась она вплоть до образования колхозов.

Попробуем выяснить, есть ли связь между тремя столь различными значениями одного и того же термина «караказан»: военное ополчение, феодально-зависимые крестьяне и сельская община.

Как уже говорилось, община в Пастдаргомском районе называлась «бир караказан» и «бир казаншерик». П. П. Иванов в своем исследовании о Зеравшанской долине начала XIX в. отмечает идентичность терминов «кылкуйрук» и «карачирик» в значении «ополчение» с термином «караказан» в Ферганской долине. При этом он сообщает, что термин «кылкуйрук» был известен и в Бухарском ханстве<sup>4</sup>, но, к сожалению, не указывает район распространения этого термина. Из приказов же бухарского эмира, изученных В. Л. Вяткиным, видно, что в Каршинском вилайете, соседящем с Зеравшанской долиной, ополчение называли не «кылкуйрук», а «карачирик»<sup>5</sup>. Таким образом, судя по приведенным данным, термин «караказан» в Зеравшанской долине был неизвестен, во всяком случае, в значении ополчения.

Подробные сведения о караказанах приводит Я. В. Ханыков со слов Бурнашева и Поспелова<sup>6</sup>. Мы узнаем, что часть жителей Ташкента и всего Ташкентского владения называлась караказанами. Это был определенный род войска. Караказаны делились по знаменам или полкам. Свои знамена, а следовательно, и своих караказанов, имел владетель Ташкента, его дети и знатные чиновники. Караказанов набирали с

<sup>1</sup> П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937, стр. 74.

<sup>2</sup> Я. В. Ханыков, Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., «Вестник Русского географического о-ва», СПб., 1851, т. 18, кн. 1, ч. 1, стр. 1—56.

<sup>3</sup> «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1956, стр. 17.

<sup>4</sup> П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 41, 74. В. П. Наливкин, изложивший историю Кокандского ханства XIX в. на основании тех же источников, что и П. П. Иванов, ополчение называет терминами «кылкуйрук» и «каракалтак» (см. В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 174). Сохранение же термина караказан в топонимике края, по-видимому, подтверждает слова П. П. Иванова. Так, в кишлаке Турват (к востоку от Маргелана), где мы работали в 1952—1955 гг., один из его четырех кварталов называется караказан. В прошлом здесь, по словам жителей, проживала наиболее бедная часть населения. Слово «казан» (турецкое и азербайджанское произношение «казган») встречается по всей Самаркандской области в наименованиях населенных пунктов, местностей: ирригационные каналы назывались только «казан». Нами выявлено 22 названия, содержащие термин «казан» (на северной и восточной окраинах, на границе с Казахстаном, в Зааминском и Ходжентском районах).

<sup>5</sup> В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, «Известия Средне-Азиатского отдела Гос. Русского географического о-ва», т. XVIII, Ташкент, 1928.

<sup>6</sup> Я. В. Ханыков, Указ. раб., стр. 27, 31, 32, 33, 36.

каждого дома по одному — два человека, а в случае крайней необходимости призывали всех людей, годных к военной службе.

Караказаны должны были быть всегда готовы к походу. Жили они в домах своих начальников, которые использовали их не только как военную силу. Часть караказанов помимо военной службы обрабатывали земли тех, в чьих полках они числились, Караказанами, например, обрабатывались земли вблизи Ташкента, около рек Чирик и Келес<sup>7</sup>. Труд караказанов применялся и в садоводстве, скотоводстве, даже в торговле; без их услуг начальники не обходились и дома, в своих поместьях, и т. д. В качестве вознаграждения за военную службу и хозяйственные работы караказанов освобождали от всяких поборов и разрешали «остальное время употреблять на собственные изделия»<sup>8</sup>.

Хотя Поспелов и Бурнашев не говорят о социальном положении людей, из которых набирали караказанов, однако по тому, как их использовали, можно заключить, что они принадлежали к низшим слоям населения. Судя же по перечню выполнявшихся работ, в караказаны, вероятно, зачисляли земледельцев, скотоводов, ремесленников.

Слово «караказан» состоит из двух частей: «кара» и «казан». В. В. Радлов приводит следующие значения «кара»: черный, земля и суша; нечистота; скот; другой, чужой человек; простолюдин, народ, чернь; простой, не принадлежащий к высшим классам<sup>9</sup>.

Слово «казан» также имеет несколько значений; главное из них — котел для варки пищи — распространено от Турции до Сибири<sup>10</sup>. Среди узбекского населения Зеравшанской и Ферганской долин, а также верховий р. Кашка-Дарьи, термином «казан» часто называли и семью; выражение «бир казан» говорит об общности бюджета неразделенной семьи. Но этот термин употребляют и в значении войско.

В Турции казаном называли всякое военное подразделение, и особенно каждый отдельный полк янычар<sup>11</sup>. В свою очередь, слово «янычар» состоит из двух частей: «йени» — новый и «джер» («чери») — войско<sup>12</sup>. Наименование «чери» наряду с другими («ляшкар», «кошун») употреблялось и в Средней Азии в XVIII—XIX вв. как название бухарского войска вообще; а его иррегулярную часть, необученную, называли карачирик, т. е. черное войско<sup>13</sup>. Иррегулярное войско, составлявшееся из «черни и из всякого сброда», на которое возлагалась также «черная часть фортификационных работ», имелась, по словам В. П. Наливкина, и в Коканде<sup>14</sup>. Здесь оно было известно под двумя названиями: «каракалтак» и «кылкуйрук».

Материалы Я. В. Ханькова не дают ответа на многие важные вопросы. Так, он не указывает продолжительность службы караказана, с уходом которого хозяйство лишалось если не главы, то всегда нужного работника, не уточняет, к сожалению, и срок, на который освобождали караказанов от налогов. Последнее позволило бы установить продолжительность службы воинов. Известно, что при поливном земледелии в течение года один и тот же участок земли крестьяне засевали дважды: сначала озимыми, затем яровыми культурами. Соответственно дважды собирали урожай и выплачивали налоги: весной с озимых культур «ак» платили налёт «акбари», осенью с яровых «кук» — «жукбари». Если человек отрывался от своего хозяйства на несколько месяцев, он, вероятно, должен был платить хотя бы один из этих налогов. Отсутствие работника не менее шести месяцев полностью освобождало его хозяйство от налога. Если учесть, что караказаны были заняты не только военной службой, но и возделыванием полей, уходом за скотом своих начальников, то срок их пребывания в войсках даже в мирное время должен был быть не менее 9 месяцев, т. е. времени, необходимого для завершения хозяйственного цикла как в земледелии, так и в скотоводстве.

По материалам Бурнашева и Поспелова не представляется возможным установить исходную единицу, поставившую определенное число караказанов в Ташкенте. Если сопоставить число караказанов (от 200 до 1000 человек) с числом домов (около 20 тыс.)<sup>15</sup>, выясняется, что каждые 20—100 домов выставляли одного караказана

<sup>7</sup> Реки Чирик и Келес — основные источники орошения земель Ташкентского оазиса.

<sup>8</sup> Я. В. Ханьков, Указ. раб., стр. 31.

<sup>9</sup> В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, СПб., 1895, стр. 137—142.

<sup>10</sup> Там же, стр. 367—368.

<sup>11</sup> I. T. Zenker, Dictionnaire turk-arabe-persan, Leipzig, 1866, S. 700; И. З. Бурдагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 14.

<sup>12</sup> Турецко-русский словарь. Составил Д. А. Магазаник, М., 1931, стр. 1134.

<sup>13</sup> В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 9—26.

<sup>14</sup> В. П. Наливкин, Указ. раб., стр. 174—175.

<sup>15</sup> А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Исторический очерк, Ташкент, 1912, стр. 42; см. также Ф. Азадаев, Ташкент во второй половине XIX века, Ташкент, 1959, стр. 23—24.



По сведениям Л. Н. Соболева, в Сыр-Дарьинской области наибольший процент (54,37%) составляли кишлаки, в которых было менее 50 дворов; второе место (20,85%) — кишлаки, в которых насчитывалось до 100 дворов<sup>16</sup>. Исходя из этого, можно, по-видимому, утверждать, что в «Ташкентском владении» разверстка караказанов падала на кишлаки из 20—50 домов или на подобные группы хозяйств в крупных кишлаках.

Для выяснения интересующего нас вопроса большое значение имеет сравнение термина «караказан» с терминами аналогичного значения, например с уже упоминавшимися «чери» и «карачирик». Ареалы распространения терминов «чери» и «казан» совпадают от Турции до Сибири<sup>17</sup>. Слово «чари» («чарик») во всем тюркоязычном мире употреблялось в значении войско<sup>18</sup>. Однако в разных местах и в разное время в него вкладывалось более узкое конкретное содержание. Так, в XI в. термином «чери-рик» обозначали лишь военный строй, шеренгу<sup>19</sup>. На джагатайском языке «карачариком» называли «войско в походе»<sup>20</sup>, по-видимому, временное войско, распускавшееся с окончанием военных действий. В толковом персидском словаре XVII в. подчеркивается, что этим термином называют вспомогательное войско, «...которое посылается из других областей на помощь какому-нибудь войску»<sup>21</sup>. И. Д. Ягелло утверждает<sup>22</sup>, что чериком называли человека, посланного за фуражом для армии. В XIX в. в Бухарском ханстве термин «чирик», наряду с персидским «ляшкар» и монгольским «кошун», означал войско вообще.

Сведения В. Л. Вяткина о «чириках» настолько важны для понимания исследуемого нами термина, что мы позволим себе привести некоторые из них. В. Л. Вяткин сообщает, что эмир Хайдар разделил войско на «штатное» регулярное — *нукерия*<sup>24</sup> и «иррегулярное» — *карачирик*. Карачириков эмир призывал через глашатаев (джарчи), которые объявляли его приказ на базарах. По словам В. Л. Вяткина, при наборе карачириков особых недоразумений не возникало, потому что население вилайета для поставки людей в войска было разделено на отдельные группы.

Он указывает пять принципов объединения населения в группы, поставившие определенное число воинов. Большая часть этих групп совпадала с племенами. Отдельные группы были составлены из нескольких малочисленных племен и родов, проживавших по соседству друг с другом. По предположению В. Л. Вяткина, между ними была не только территориальная, но и этническая близость. Особую единицу представлял г. Карши, где проживали узбеки различных родов. Единую группу составляли кочевники, известные под именем илят, и население, называвшееся по месту жительства, по-видимому, оседлое. И, наконец, — последнюю группу В. Л. Вяткин именует обобщающим термином «фукара» (араб.), к ней он причисляет и таджиков.

Каждая группа точно знала, сколько карачириков (и нукеров) она обязана поставить по требованию властей<sup>25</sup>. В. Л. Вяткин сообщает, что число людей от каждой группы, было определено особым обследованием и предполагает, что в основу была положена «приблизительная пропорция поставляемых каждой групповой единицей

<sup>16</sup> Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, «Записки Русского географического общества по отд. статистики», т. IV, 1874, стр. 290—291.

<sup>17</sup> В. В. Радлов, Указ. раб., т. 2, стр. 367.

<sup>18</sup> Л. З. Будагов, Указ. раб., стр. 457; В. В. Радлов, Указ. раб., т. 3, СПб., 1903, стр. 1967—1968.

<sup>19</sup> Махмуд Кошгарий, Турк сузлар девони, т. I, Ташкент, 1960, стр. 369.

<sup>20</sup> В. В. Радлов, Указ. раб., т. 2, стр. 137.

<sup>21</sup> «Бурхан кат'и», т. I, Лакнау, 1888, стр. 330.

<sup>22</sup> И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910, стр. 504.

<sup>23</sup> В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 9, 26.

<sup>24</sup> А. Л. Троицкая считает, что в Бухаре «регулярное войско, состоявшее из пехотинцев-сарбазов (сарбоз) и пушкарей-топчи (тупчи)» впервые было сформировано сыном Хайдара эмиром Насрулло (1837—1860 гг.) — см. ее работу «Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XVII, 1953, стр. 211. По-видимому, это мнение А. Л. Троицкой относится лишь к небольшой части регулярного войска, которое состояло исключительно из плененных (там же, стр. 214) и обычно было размещено в особой слободе города Бухары (стр. 213). Наличие подобного особого батальона сарбазов и топчи характерно не только для Бухары, оно отмечается и в Кокандском ханстве (В. П. Наливкин, Указ. раб., стр. 209).

<sup>25</sup> По-видимому, таким было положение и в Ферганской долине. Излагая историю этого края конца XVIII—XIX в., В. П. Наливкин неоднократно отмечает, как быстро набирали необходимое войско и сами кокандские ханы, и отдельные правители для своих постоянных войн (В. П. Наливкин, Указ. раб.).

солдат». Из приведенных им данных видно, что воинов давали не все племена, и соотношение поставляемых каждой группой нукеров и карачириков было неодинаковым. Особое положение занимало племя мангыт, из которого происходил сам эмир, и которое своей поддержкой должно было обеспечить власть династии. Мангыты по сравнению с другими племенами поставляли более привилегированную часть войска — нукеров. Из племен сарай, напбтвиз, брали в основном карачириков ( $\frac{4}{5}$  всех выставившихся этим племенем людей). По другим племенам сведений нет.

В одном из своих обращений к каршинскому хакиму эмир Хайдар подчеркивает, что каршинскую часть войска необходимо составить «согласно обычаю», т. е. из мангытских и сарайских нукеров и карачириков, из арабских карачириков и стрелков и т. д.<sup>26</sup> Из сопоставления приводимых в этом документе цифр видно, что сохранялось указанное выше соотношение видов войска, набираемого с каждого племени.

Войска несли службу по городам и крепостям ханства. Обычно войска Каршинского вилайета стояли в крепостях, расположенных на его же территории. Более того, как подчеркивает В. Л. Вяткин, каждую крепость охраняла та группа карачириков, которую набирали из племени, жившего поблизости. Состав и размер (от 10 до 200 солдат) гарнизонов зависел от стратегического положения крепости и конкретной ситуации. Иногда некоторые крепости эмир и вовсе оставлял без гарнизона, не желая держать лишних солдат. При этом и очередность службы и сроки (колебавшиеся в зависимости от обстоятельств) устанавливало племя, поставлявшее гарнизон в «свою» крепость. Вмешательство рода в распорядок набора отрядов обусловливалось, на наш взгляд, хозяйственными соображениями. По-видимому, определенный и сравнительно короткий срок службы устанавливался только для войск из местного населения, несущих службу в ближних крепостях. В тех же случаях, когда войска перебрасывали в отдаленные крепости, срок службы был более продолжительным. Например, в Ширабаде, южной пограничной крепости, окружающее население которой относится к роду сарай, содержался гарнизон из ста человек, и сменялся он ежемесячно<sup>27</sup>; в Мерве же стояли отряды по 500 человек из племен мианкальских<sup>28</sup> узбеков, сменявшиеся через каждые три месяца<sup>29</sup>.

В мирное время карачириков иногда распускали по домам, и они возвращались к своим обычным занятиям — земледелию, скотоводству<sup>30</sup>.

Детально характеризуя размеры и формы обеспечения войска в Каршинском вилайете, В. Л. Вяткин не касается положения карачириков. Однако о нем в какой-то мере можно судить, зная положение нукеров. В соответствии со званием, нукерам выдавали провиант и фураж, деньги и одежду. Первая форма оплаты, больше всего связанная с хозяйством, — натуральное довольствие — в ханских приказах выражалась не в продуктах, а в землях, в посевах: «выдайте джебачиям и чинам выше джебачи по 6 гау<sup>31</sup> посевов, чухраакасы и чинам ниже по 4 гау...» и т. д. В. Л. Вяткин поясняет, что в действительности нукерам предоставлялась не земля для обработки, а лишь налог с нее — харадж и танап. По его расчетам, годовой оклад (или налог с указанной земли) рядового нукера составлял 20 пудов, т. е. 320 кг<sup>32</sup>.

При этом следует указать на весьма важное обстоятельство, характеризующее связь нукера с его хозяйством. Если нукер «распахивает сам землю, тому отвести из его земли, кто земли не имеет, того зачислить аюфахурум (пользующимся провиантом) и землю отвести у родственников, если они занимают пашней». Если нукер имел свой клевер, то налог танап, предназначенный ему в качестве оплаты, также исчисляли из его земли (т. е. танапный сбор с этого участка вообще не взыскивался). Следовательно, солдаты регулярного войска, во всяком случае рядовые и не имевшие высоких чинов и положения, оставались связанными со своими землями. Вероятно, они могли работать в своем хозяйстве или вести его с помощью издольщиков. Нукер

<sup>26</sup> В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 17.

<sup>27</sup> О-в Мианкаль расположен рядом с Пастдаргомским районом, к северу от него; он образован двумя рукавами р. Зеравшан.

<sup>28</sup> В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 15.

<sup>29</sup> П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 55.

<sup>30</sup> И. Бекчурин, Шахрисабзское бекство, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II, СПб., 1873, стр. 86.

<sup>31</sup> «Гау» (тадж.), «джуфтугау» (перс.) или «куш» (тюркск.) — мера земли, приравниваемая 48—50 «танапам», т. е. 12 га. По нашим полевым материалам, в средней части Зеравшанской долины один джуфтугау или куш равнялся 20—24 танапам или 5—6 га. Для Каршинской долины В. Л. Вяткин дает джуфтугау равное 20 танапам, т. е. 5 га, из этого выводит годовое содержание нукера. (Указ. работа, стр. 18.)

<sup>32</sup> По словам Ф. Ефремова, долгое время служившего в бухарской армии, рядовые в качестве жалованья получали 4 батмана пшеницы и столько же джугары, т. е. 64 пуда или 1024 кг (см. Ф. Ефремов, Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 27).

ров же, имевших свои посеы, в качестве оплаты за их службу освобождали от налогов с той части земель, которая указывается в приказе эмира<sup>33</sup>.

В. Л. Вяткин умалчивает о положении карачириков, вероятно, не случайно: им ничего не платили, их не освобождали от различных налогов, так как служили они недолго и не удалялись далеко от своих земель.

Таким образом, сравнивая значение терминов «караказан» и «карачирик», которые бытовали в различных местах Средней Азии одновременно, в начале XIX в., в одинаковых социально-экономических условиях, можно предположить, что набор караказанов в Ташкентском владении, как и каршинских карачириков, осуществлялся большей частью по родоплеменным группам. Что касается Ташкента, то он при наборе войска тогда едва ли рассматривался подобно г. Карши, как одна единица. Вернее всего такой была каждая из его четырех частей, являвшаяся отдельным самостоятельным владением<sup>34</sup>.

Однако, судя по описаниям, служба караказанов в «Ташкентском владении» была более обременительной, чем каршинских карачириков. Караказанов, во всяком случае часть их, и в мирное время надолго отрывали от собственных земель. Они обрабатывали чужие земли, выращивали чужие сады, ухаживали за чужим скотом. Каршинские же карачирики, неся службу в крепости, расположенной на территории их рода, оставались вблизи своих селений, земель; их служба в других крепостях была непродолжительной.

В соответствии с различием сроков и условий службы караказанов полностью содержали, обеспечивали военным снаряжением и освобождали от налогов; тогда как карачирики обязаны были являться верхом и вооруженными, платить налоги со своих земель.

У нас нет материалов о формировании и организации войск Самаркандского вилайета. П. П. Иванов в своем описании войска Бухарского ханства повторяет в основном каршинские материалы В. Л. Вяткина. По-видимому, он считает, что в Каршинской и Зеравшанской долинах организация и положение войска были одинаковыми. По его мнению (источники это подтверждают), и здесь войско набирали в порядке очереди от каждого племени (фирка)<sup>35</sup>, а регулярная его часть называлась также нукерией. Название временного войска этой области — ополчения, он не приводит.

Все это позволяет, как нам кажется, утверждать, что в Самаркандском вилайете, как и в Ташкенте, ополченцев называли караказанами<sup>36</sup>.

Разверстка набора и организация войска в узбекских ханствах несомненно основывалась на родоплеменном разделении населения, что и отражают официальные документы. Однако этот принцип практически не мог осуществляться в пределах целого племени. Племена даже в XIX в. являлись значительными единицами; кроме того, многие из них территориально были разрознены. Поэтому, хотя распределение и учет войска в целом велся по племенам, установленное число нукеров и карачириков (в Каршинском вилайете) или караказанов (в Самаркандском вилайете и Ташкенте) распределялось внутри племени по отдельным группам населенных пунктов, — территориальным общинам. Эти общины и являлись той единицей, которая поставляла требуемое ханом число воинов. Внутри общины производилось, вероятно, и обследование, о котором говорил В. Л. Вяткин.

Как показывают исследования В. В. Бартольда, перенесение военных терминов на другие стороны жизни получило довольно широкое распространение в Средней Азии. Это отмечено, например, в Зеравшанской долине. Так, многие названия войсковых подразделений переносились, особенно в XVI—XVII вв.<sup>37</sup>, на административные единицы и должности («тумон», «даруга», «эликбоши» и др.).

В настоящее время мы не можем сказать, как называлась территориальная община в начале XIX в. и ранее, что первоначально именовалось караказаном — ополчение или община, выставившая его.

<sup>33</sup> Н. А. Кисляков широко интерпретирует этот факт. Соглашаясь с мнением В. Л. Вяткина, он считает эту форму оплаты военных одним из видов феодального ленного пожалования в Бухарском ханстве XIX в., так называемым танхо (см. Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 74, М. — Л., 1962, стр. 90—92).

<sup>34</sup> Период существования в Ташкенте четырех владений, чархаким, относится к концу XVIII — началу XIX в. (Ф. Аз а д а е в, Указ. раб., стр. 16—17).

<sup>35</sup> П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 55.

<sup>36</sup> Наряду с этим, возможно, здесь употребляли и термин «кылкуйрук», упоминаемый П. П. Ивановым без указания определенного района его бытования.

<sup>37</sup> Для Монголии XVI в. Б. Я. Владимирцов также отметил перенесение названия военного ополчения «хошуу» на выставившую его группу айлов (кочевых селений) «оток», которая тогда являлась основной социальной и хозяйственной единицей (см. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 158).

Возможно, что в Зеравшанской долине, в частности в Пастдаргомском районе, с прекращением феодальных войн вследствие установления власти России, слово «караказан» теряет свое военное значение. Оно сохраняется в названии общины.

Община (караказан), как выяснилось во время наших полевых исследований, состояла из нескольких кишлаков. Иногда она имела название, и тогда входившие в нее кишлаки помимо своих наименований носили еще одно — общее.

Так, караказан Миянкоу объединял кишлаки Урта, Баят, Балталы и Миянкоу, и все вместе они назывались Миянкоу: караказан Балхиен — кишлаки Пустак, Гала-батыр, Рават и Уники; караказан Валакандоз — кишлаки Зангуи, Бахшивон, Ялон и Калходжа. Другие караказаны не имели названия. Таковы караказаны, в которые входили кишлаки Катта, Равак, Намазго и Ит; кишлаки Баймак, Мирзотупи, Янги-карасирак и Эски, и др.

По литературе, в частности по спискам населенных мест, такие объединения кишлаков в сельскую общину, т. е. караказан выявить невозможно. Если караказан имел название, то все составлявшие его кишлаки выступают как один населенный пункт. Лишь об одном караказане В. Л. Вяткин пишет: «кишлаки Миянкоу», однако он не раскрывает его состав. А караказаны Балхиен, Чархин и Валакандоз, он, по-видимому, считает самостоятельными кишлаками, ибо употребляет каждый из них в единственном числе<sup>38</sup>. Если же караказаны не имели названий, то входившие в них кишлаки выступают каждый под своим именем<sup>39</sup>. Правда, местное население объединяет под названиями «Дашт-найман» или «Қазак-найман» два караказана: Чархин и Валакандоз, но это лишь указывает родовую принадлежность их населения.

Не останавливаясь на истории заселения этих мест, отметим, что группы кишлаков, имеющие общинное название, более древние. Так, земли Миянкоу и граничащие с ними Балхиен упоминаются в числе вакуфов Ходжи Ахрара еще в XV в.; Чархин и Валакандоз приводятся в документах первых бухарских ханов мангытской династии, т. е. в начале XVIII в.<sup>40</sup>. Караказаны, не имеющие названия образовались позднее, некоторые даже в середине XIX в. Необходимо подчеркнуть также, что независимо от времени возникновения поселений, почти каждый караказан состоял из четырех кишлаков<sup>41</sup>.

Проследившая этапы освоения этого района, В. Л. Вяткин отмечает, что оседающее население занимало старые кишлаки или основывало новые<sup>42</sup>. Как правило, в каждой группе селений, составлявших караказан, проживали члены одного рода или его подразделения («украч найман», «казак найман», «мангит» и т. д.). В дальнейшем в общинах появились узбеки, принадлежащие к другим родам и даже представители других народов; есть и такие общины, в четырех селениях которых проживали четыре различные народности (в каждом отдельная народность).

Земли таких общин орошались из четырех ответвлений одного канала. Члены общины были связаны единым порядком проведения земледельческих работ, зависящим от очередности поливов. Существовала и постоянная взаимная помощь в полевых работах, постройке жилищ, праздновании свадеб, устройстве похорон. Каждая община имела два общественных котла (большой и малый казан), которые использовались при общих трапезах, а также любым хозяйством по мере надобности. Община выбирала из своей среды человека, который должен был следить за состоянием оросительного канала, очередностью поливов, составом и севооборотом полеводческих культур, сбором налогов и т. д.<sup>43</sup>

Современные жители Пастдаргома не помнят значение караказана как ополчения. Караказан, по их словам, — община, состоящая из группы кишлаков. Свое название она якобы получила по большому котлу, в котором готовили ритуальную пищу в день смерти человека или поминок по нему, когда собирались обязательно все члены данной общины. «Бир караказан» означает, по их мнению, общий черный (траурный) котел.

<sup>38</sup> В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандской области. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, Самарканд, 1902, стр. 44, 56.

<sup>39</sup> «Материалы всероссийских переписей 1920 г.», ч. I, вып. V, Ташкент, 1924, (табл. I, Самаркандский уезд, Сел. общ. Хйшраусское), стр. 42.

<sup>40</sup> В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 56.

<sup>41</sup> Образовавшиеся высылки обычно впоследствии сливались с основным кишлаком. Имеется лишь одно указание о наличии кишлаков, т. е. караказанов, состоявших из пяти частей. Эти кишлаки расположены к западу от канала Даргом, в Чимбайской волости, см.: «Современный кишлак Средней Азии», вып. IX, Ташкент, 1927, стр. 10.

<sup>42</sup> В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 55—56.

<sup>43</sup> В местах, где доставка воды представляла трудности (обычно в низовьях магистральных каналов) выбирался специальный человек, ведавший только делами, связанными с орошением земель.

## А. В. Позднеев

### НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

В печатных и рукописных песенных сборниках XVIII в. подавляющую часть (95%) составляют народные лирические песни. Исторические песни в них редки. Следовательно, на XVIII в. падает расцвет народной лирической песни. Некоторые из этих песен созданы, вероятно, в XVII в., но это можно выявить только путем тщательного исследования<sup>1</sup>.

Из народных лирических песен особый интерес представляют: а) часто встречающиеся в XVIII в. и не переходящие в XIX в., б) имеющие большую художественную ценность и в) песни с сатирическим элементом. В данной статье рассматриваются четыре такие песни. Они основаны на реалиях XVIII в., что позволяет определить время их сложения.

#### 1

Народная лирическая песня «Ах, пойду я молода через трои ворота» дошла до нас в 15 вариантах (из них пять — первой половины XVIII в.). Большое число вариантов дает возможность воссоздать литературную историю этой песни, проследить ее распространенность, связь с событиями и бытом XVIII в. Приводим вариант ее из рукописного песенника конца 1740-х гг.<sup>2</sup>

- |  |   |
|--|---|
| 1. Я пойду ли молода<br>Сквозь трои ворота.<br>Припев:<br>Ка́лина моя, малина моя. | 7. Где живет душа моя,<br>Ах, туда бы я пошла.<br>Припев.                       |
| 2. Сквозь Оничковы, Морские,<br>Новотронцки (простые) <sup>3</sup><br>Припев.      | 8. Да боюсь злых людей,<br>И неправедных судей.<br>Припев.                      |
| 3. Огленусь млада назад,<br>Не горит ли мой посад.<br>Припев.                      | 9. Подсмострят мои следы,<br>Наведут на мя беды.<br>Припев.                     |
| 4. Не бежит ли стар за мной,<br>Не тресет ли бородой.<br>Припев.                   | 10. З бела свет погубят,<br>С милым вовсе разлучат.<br>Припев.                  |
| 5. А и к старому деду,<br>Злому мужу на беду.<br>Припев.                           | 11. Да хоть дни все потерять<br>Да у мила побывать <sup>4</sup> .<br>Припев.    |
| 6. А другая то на двор,<br>Где живет сердечной мой.<br>Припев.                     | 12. Я пойду посижу с ним <sup>5</sup> ,<br>Плону в глаза людям злым.<br>Припев. |
|  | 13. Старый муж любит меня,<br>Он не станет за себя.<br>Припев.                  |

Текст этой песни сочинен силлаботоническим стихом с парной рифмовкой, что является остатком силлабики. Все стихи имеют по семь слогов, т. е. налицо равносложность стихов, характерная для конца XVII — начала XVIII в.<sup>6</sup> Такое строение стиха было новым в народной песне этого времени. В варианте Государственной библиотеки им. В. И. Ленина трети ворота названы «троицкими». Еще в трех рукописных

<sup>1</sup> А. В. Позднеев, Лирическая песня XVII в. В кн. «Русский фольклор», I, М.—Л., 1956, стр. 78.

<sup>2</sup> Гос. библиотека им. В. И. Ленина, ф. 218, ед. хр. 899, № 78-бис (собрание Абрамова).

<sup>3</sup> Слово «простые» из другого варианта песни. В цитируемом было «прижжне».

<sup>4</sup> Этого двестишья нет в цитируемом варианте. Оно взято из варианта песни, приведенного в фонде «Общества любителей древней письменности». (О.ХХХII, № 13) и в сборнике, хранящемся в Государственном историческом музее (3973, № 207).

<sup>5</sup> В тексте: Я пойду с ним посижу.

<sup>6</sup> А. В. Позднеев, Рукописные песенники XVII—XVIII вв. В кн.: «Уч. записки Московского заочного пед. ин-та», т. I, М., 1958, стр. 109.

вариантах встречаются названия ворот: «дубовы», «кленовы», «можжевеловы». Общими названиями ворот с собственными именами оказываются Аничковские, Морские, Новотроицкие (или Троицкие). Эти названия ведут нас в Петербург, и по ним можно датировать песню первой половиной XVIII в. Кстати, песня помещена в рукописном сборнике начала 1730-х гг.<sup>7</sup> Наименования ворот: «дубовы», «кленовы», «можжевеловы» появились, вероятно, позднее в связи с переходом песни в другие города.

В том, что песня возникла в Петербурге, нет сомнений: упоминаемые в ней Триумфальные ворота обозначены в плане Петербурга 1738 г. на «перспективе» (Невском проспекте) между Мойкой и Большой Морской улицей. В планах Петербурга 1705 и 1725 гг. этих ворот нет<sup>8</sup>.

В «Истории С. Петербурга» сообщается о том, что указом от 23.X.1731 г. разрешено построить ворота у моста через Мойку, на Невском. Фактически же в Петербурге Минихом велось строительство еще вторых и третьих ворот. В описании въезда в Петербург императрицы Анны Иоанновны в 1732 г., после коронации кортеж проследовал по Невскому проспекту от поворота с Литейной улицы. Полки стояли шпалерами «от Триумфальных ворот, сооружаемых поперек перспективы между Троицким переулком и Фонтанкою...», между Мойкой и нынешней Б. Морской стояли другие Триумфальные ворота, а третьи — у Адмиралтейства<sup>9</sup>. Эти «другие» ворота названы Морскими, вероятно потому, что находились около Большой и Малой Морских слобод<sup>10</sup>, а первые ворота — Аничковскими по имени Аничковой слободы и Аничкова моста. Аничкова слобода была построена руками пленных шведов для размещения Адмиралтейского рабочего батальона в 1714—1715 гг. у пересечения Невского с Литейной и Владимирской улицами, одновременно с возведением деревянного моста через Фонтанку<sup>11</sup>. В плане Петербурга 1725 г. у Фонтанки около этого моста находится Троицкое подворье, по которому и переулок назван позже Троицким. Следовательно, и Аничковские ворота могли называться Троицкими<sup>12</sup>. В песне упоминаются ворота «Морские, Аничковские и Троицкие», наименование же последних Адмиралтейскими в ней не встречается, может быть вследствие новизны этого иностранного слова.

В четырех вариантах песни после зачина следует такая строфа: «Оглянись млада назад. Не горит ли мой посад». Героиня песни — жительница петербургского посада, состоявшего в 1710-х гг. из многих слобод. Известно, что в 1720—1730 гг. в посад входили слободы: Греческая, Немецкая, Большая и Малая Морские, Пушкарская, Пряильная, Офицерская, Шневе́нского рынка, Шневенская I и II ряда, Кузнечная. В Московской части были еще Ямская и Астраханская слободы и дер. Калинкина. Затем началось строительство шести Переведеновских слобод для размещения мастеров, переведенных из средней полосы России. По плану 1738 г. прибавляются еще слободы Аничкова, Переведеновские, Кузнечная, Свечная, названия которых сохранились в наименованиях улиц.

Таким образом, в основе песни лежала реальная петербургская обстановка начала 1730-х гг.

Судя по приведенному отрывку, героиня песни направляется к центру города, находящегося на берегу Невы, и оглядывается на свой посад — на слободы. Она проходит вначале через Аничковские, затем Морские и, наконец, через третьи ворота. Куда направляется героиня? Одни ворота ведут к старому мужу, другие — к дому, где живет сердечный друг. У него-то она и хочет побывать, да боится злых людей, соседей, которые могут их разлучить. В вариантах второй редакции героине рисуется фигура мужа-старика, бегущего за ней и зовущего ее домой, а она мечтает продать старика и купить молодчика, одетого на «иностранный манер». В вариантах третьей редакции дело ее передается тихвинским судьям, а затем — в низший земский суд. Если в вариантах первой редакции ее судили завистники-соседи, то в третьей — уже судьи по должности: на нее наговаривают дячковы дочери, а она становится затем дяконовой женой. Так постепенно меняется содержание песни. В одних вариантах второй редакции ее сердечный друг показан уже как молодчик, убранный «по-дербентски», позже — «по-немецки», затем — «по-французски», что свидетельствует о смене мод одежды в 1730—1740-х гг.

Устремление героини к дому своего друга и боязнь возможных наговоров находят свое разрешение в смелом порыве, выраженном в конечных строфах песни. Она решает:

<sup>7</sup> Хранится в Библиотеке АН СССР, 25. 7. 14.

<sup>8</sup> Планы 1705, 1725 и 1738 гг., составленные Н. Шиловым в 1863 г., см. в кн.: П. Петров, История С. Петербурга. СПб., 1884.

<sup>9</sup> П. Петров, История С. Петербурга, стр. 266 и 269.

<sup>10</sup> Позже Большая Морская и Малая Морская улицы.

<sup>11</sup> П. Петров, История С. Петербурга, стр. 84, 130, 131.

<sup>12</sup> Новотроицкими они названы в отличие от Троицких, находившихся около церкви Троицы у домика Петра Первого.

Да хоть жить, хоть пропасть,  
Хоть беда, хоть напасть  
и

Да охота все потерять,  
Да у мила побывать.

В чем состоит новизна этой песни по сравнению с песнями XVII в.? Рассматриваемая песня сочинена силлаботоническим стихом, с мужской рифмой, создана в рабочей среде. В ней показан решительный характер женщины, ищущей любви и счастья с милым. Из посада, где жили рабочие, переселенные из других городов в Петербург для строительства кораблей и самого Петербурга, она направляется к Адмиралтейству, к верфям. Новыми в способе показа героини являются ее внутренние монологи, в которых выявляются ее колебания, сомнения; она обсуждает все возможные последствия и решает важный для нее вопрос. В вариантах песни второй редакции выступает в комическом освещении образ старого мужа. Его призывы к жене вернуться домой перенесены из песни «Уж ты зимушка-зима» — в ней есть и образ доброго молодца, которого хочет купить героиня.

В вариантах третьей редакции на первое место выдвигается показ судей, которых боится героиня (в первой редакции этот мотив имел третьестепенное значение). Картина судебного учреждения и порядков, царящих в нем, нарисована мастерски, живыми красками:

Да боюсь я злых людей, строгих тихвинских судей:  
Обесчестя, приведут в нижний земский строгий суд.  
Там исправник зол, суров, не внимает нежных слов.  
Убегая от стыда, прошу верхнего суда.  
Председатель там сердит, на лицо не поглядит,  
Красоты не пощадит, без пощады обвинит...  
Он твердит (один) резон, что супружество (закон),  
Велит с мужем всегда жить, не велит друга любить...  
Благосклонный сударь князь на любовь сыщет указ.  
На любовь вить закон ясен: прокурор на то согласен.  
Уж я презрю всех судей как бессовестных людей,  
Наживу в любви утех, и забуду я их всех<sup>13</sup>.

Эта переделка идет уже из другой общественной среды и отражает екатерининское время с его моралью.

В песне после каждой строфы звучит припев: «Калина моя, малина моя».

Возможно, слова припева «Калина моя» связаны с деревней Калино, находившейся около Петербурга на взморье. Позже эта деревня называлась Калинка<sup>14</sup>, а затем превратилась в Калинкину дворцовую слободу, память о которой сохранилась в названии Калинкина моста. Таким образом, анализ песни, сопоставление ее вариантов и редакций дает интересный материал: раскрывает ее историю, связь с другими песнями, позволяет датировать время создания первого варианта песни и ее переработок. Первоначально песня была связана с Петербургом и рабочей средой, содержала указания на исторические реалии (названия ворот по Невскому проспекту). Затем, в вариантах позднейшего времени реалии тускнеют, ситуации обобщаются, исчезают собственные имена и названия, производятся заимствования из других песен, восполняющие забываемые подробности. Далее теряется интерес к самой песне, происходит ее переработка и перестройка в содержании, а также и в форме (исчезновение рефрена).

## II

Считаем нужным обратить внимание и на уникальную народную лирическую песню «Ино бог судит», обнаруженную в рукописном песеннике из собрания Абрамова<sup>15</sup>. Песня отличается большими художественными достоинствами. В записях XIX в. она неизвестна. В ней выражен протест молодой женщины против гнета, самодурства и пьянства мужа, сопровождавшегося избиением плеткой.

Ино бог того судит, еще спас не попустит.  
А как выдали младу не за милую ладу,  
Тесова кроватька порожня простояла,  
Пухова перина студена пролежала,  
Высоко зголовье во слезах помочила.  
Еще малые подушки в слезах потонули.  
Теплое одеяло в ногах пролежало,

<sup>13</sup> Гос. литер. музей, фонд Ростовский, шифр 465, № 589. Слова в скобках — из другого варианта того же фонда, шифр 451, № 128.

<sup>14</sup> П. Петров, История С. Петербурга, стр. 53, 54.

<sup>15</sup> Ед. хр. 899, 78-бис (см. примеч. 2 настоящей статьи).

Еще русые косы во всю ночь проскрипели,  
 А шелковая плетка во всю ночь просвистела:  
 Да со вечера тело а как снег было бело,  
 Ко белу свету тело, что котел<sup>16</sup> посинело —  
 От ево от пьянства, моего упрямства.  
 Я девичья-то нраву отнюдь не покину.

В записях XIX в. сохранились лишь отрывки этой песни. Так, М. Халанский записал в Курской губернии, Шигровском уезде хороводную песню «Молодка, молодка, молодка нездорова» со стихами:

Дубовые двери всею ночь проскрипели,  
 Шелковая плетка всею ночь прохлестала,  
 По моему телу белому, по платью по цветному...  
 Я девичью волю во век не забуду,  
 Я бабью ухватку по смерть не покину<sup>17</sup>.

Эти фразы в составе другой песни не производят такого впечатления, как в песне XVIII в. Орывки еще меньшего размера находим в других песнях, например в песне «По-подлесу — лесу перелесу» из Новиковского сборника (1780 г.), но речь в ней идет о «воле батюшкиной». Таким образом, отдельные отрывки из изучаемой песни переходили в другие песни еще в XVIII в. В двух рукописных песенниках 1780-х гг. есть песня «Как веchor тоска нападала», в которой говорится об ожидании дружка, а не «лады» (милого мужа), хотя некоторые фразы общи с приведенными выше.

Отрывки ее сохранились в XIX в. в Воронежской и Новгородской губерниях, в песне «Как на дворе (на улице) дождик»<sup>18</sup> и в Орловской губернии в песнях «Кручина, кручинушка большая» и «Рябина, рябина, рябина кудрявая»<sup>19</sup>. Приводим текст песни из Орловской губернии:

Шелковая плеточка (2)  
 Всею ночь прохлестала  
 По моему телу белому,  
 По платью по цветному...

За что млада бита...  
 — За девичий обычай.  
 Девичий обычай  
 Умру, не забуду:  
 Плясать, играть буду<sup>20</sup>.

Обзор этих отрывков песни «Ино бог судит» показывает, что песня была распространенной в XVIII в., но к XIX в. стала забываться и «рассыпалась» на отдельные отрывки, вошедшие в другие песни. При этом смысл ее изменялся, расправа мужа плеткой с молодой женой рисовалась уже не такой жестокой и начинала восприниматься как обычное явление, словом — песня умирала.

В тексте песни XVIII в. налицо протест молодой жены, утверждающей свою личность в борьбе с мужем-самодуром. Песня и сейчас, через 200 лет после ее записи, производит сильное впечатление. Это, на наш взгляд, один из шедевров народно-поэтического творчества, к каким можно отнести лишь редкие песни, такие как «Ах, кабы на цветы не морозы», «Соловей кукушку подговаривал» и некоторые другие. Но не всегда песни живут долго, их бытование определяется тем, насколько они выражают понятия и вкусы своего времени. Вероятно, в среде, где бытовала рассматриваемая песня, нравы и понятия изменились и она стала нехарактерной.

### III

В сборнике П. В. Шейна «Великоросс в своих песнях, обрядах...» (1898) значительное место отведено юмористическим, сатирическим, скоморошным песням и пародиям (№ 913—1029), среди них есть и небылицы (№ 959, 962, 1023). В сборнике П. В. Киреевского приведена небылица, записанная в Шенкурске («Хотите ль, братцы, старину скажу, старину скажу... Уж как на море, братцы, овин горит»), а в сборник А. И. Соболевского вошли небылицы, записанные в ряде губерний. Небылицы представляют собою набор нелепых полсуждений, явления действительности в них изображены искаженно, «шиворот-навыворот». Но иногда к небылице присоединяли текст,

<sup>16</sup> Написано неразборчиво, можно прочитать и «кожей».

<sup>17</sup> А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. II, СПб., 1896, № 501.

<sup>18</sup> П. В. Шейн, Великоросс в своих песнях, обрядах..., т. I, вып. I, СПб., 1898, № 438 и 442.

<sup>19</sup> Там же, № 456; см. также «Песни, собранные Киреевским», нов. серия, вып. II, ч. 2, М., 1929, № 2319.

<sup>20</sup> П. В. Шейн, Указ. раб., т. I, вып. I, № 456; см. также «Сборник песен Самарского края, составленный Варенцовым», СПб., 1862, стр. 92.



имеющий политическое звучание, чтобы обезопасить его исполнение, усилить бдительность начальствующих лиц. Так, в одном варианте небылицы из Шенкурска<sup>21</sup> в записи П. И. Якушкина, известного собирателя лирических песен, есть фраза, не встречающаяся в других вариантах, про мужиков, которые «Езки бьют да ходят рыб ловить, Осетров ловить да бородатых». Смысл этого двустихия разъясняется вариантом небылицы, сохранившимся в рукописных песенниках 1740 и 1750-х гг.<sup>22</sup> В первом варианте вслед за текстом небылицы (ст. 1—16) идет необычное продолжение:

Что во славном было во городе в Астрахани,  
Дай-ко мужик на реке осетра поймал.  
Дай хорош добре осетр и бородушкой трясет,  
Дай во синем чекмене, а в желтых чеботах,  
Дай рог на бедре и мушкет на плече,  
Дайно будто где стрелец, а сам астраханец.  
А как лютый зверь полевой, мати, медведь,  
По поднебесью летал, хвостом лебедей гонял.

Конец песни восходит, вероятно, к XVII в. — времени крестьянской войны под руководством Степана Разина или началу XVIII в., когда произошло восстание в Астрахани и был казнен астраханский губернатор.

В старейшем рукописном песеннике 1724 г. со светскими песнями из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Титов, 4487) есть песня «Во летошнем во прошлом во годе», смысл которой становится ясным лишь при сопоставлении ее с песней Киреевского «Настя по насту гуляла». Приводим их тексты:

Титов, 4487, № 154

Киреевский, № 1382

Во летошнем во прошлом во годе

Настя по насту гуляла.  
Устя из-за кусточка стреляла,  
Всім ворам весть подавала

Девки на разбой собирались  
Русые косы расплетали,  
Стали черные руки завивали (?),  
Зелены кафтаны надевали,  
Сафьяны сапожки обували,  
Черные шляпы с позументом.  
Катя коня седлала,  
Устинья к крыльцу подводила,  
Аксинья на конь садилась (2)<sup>23</sup>,  
Марья коляску запрягала,  
Фекла в коляску садилась,  
Дарья да Марья на ухабе,  
Аксинья, Устинья верховые.

Поехали к Потапову двору.

Потапова дома нелучилось.

Лучилась Потапова дочка<sup>24</sup>  
«Как вам, деушки не стыдно.  
Как вам, красные, не сором?»<sup>25</sup>.  
«.....Потапова дочка,  
Какие мы красные девицы?»

Садитесь на добрых на коней  
Поедмте к дядюшке в гости,  
Поедмте к дядюшке к Перфилу,  
Поедмте к тетушке Нениле,  
И к сестре Степаниды.  
Стук, стук, стук в окошко,  
Брак, бряк, бряк в колечко.  
Дома ли тетушка Ненила?  
Дома ли сестра Степанида?

Стешка в окошко глядела:  
«Все это, дядюшка, не воры,  
Все это красные девки.

<sup>21</sup> А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. VII, № 321.

<sup>22</sup> Гос. исторический музей, фонды Уварова (шифр 167/2180, № 84) и Забелина (шифр 389, № 80).

<sup>23</sup> Ср. А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. II, СПб., 1896, № 310 «А у нас во Николе во приходе».

<sup>24</sup> Там же: Они ехали Юрья разбивати, а Юрья они дома не застали...

<sup>25</sup> Там же: А Юрьева дочка догадалась, открыла окошко немножко. Она девушкой речь говорила...

Настя, сестра, атаманом,  
 Устя, сестра, есаулом»  
 Настя с добра коня слезала,  
 Вострую саблю вынимала,  
 Дядюшке голову снимала;  
 «Ты живи, бабушка, подоле,  
 Копи злата, серебра поболе.  
 Уж мы к тебе в гости будем,  
 Будем, будем, будем, не забудем».

Бориса Петровича солдаты  
 Самого первого набора».

Песня на такой же сюжет, как в сборнике Киреевского («Усы»), есть в сборнике Кирши Данилова<sup>26</sup>, Чулкова, Соболевского<sup>27</sup>. Но в песне № 1382 из сборника Киреевского действующими лицами оказываются девушки. В старейшем варианте «Усов» из сборника Кирши Данилова налицо пародия на слова, приписываемые атаману историческими песнями, поэтому в них разбойничья тема оказывается смягченной, но зато усилено обличенье зажиточного крестьянина. Песня же из сборника Киреевского «Настя по настилу гуляла» пародирует песню «Усы», показывая нападение на родного дядюшку, которому одна из девок сносит саблей голову. Эта песня выдержана в форме баллады — с кратким изложением некоторых эпизодов, с быстрым развитием действия, с трагическим концом. Иной характер носит песня «Во летошнем, во прошлом, во годе»; ее тон скорее сатирический, девки одеваются в зеленые кафтаны и черные шляпы с позументом, форму, введенную для солдат в армии петровского времени, — и оказываются солдатами фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, главного помощника Петра I в проведении военной реформы. Эта песня направлена против военных реформ Петра I, в частности против солдатской формы, похожей, с точки зрения обывателя, на женскую одежду с украшениями.

Возможно, что и женские имена песни не случайны: имя Устиньи перешло из разбойничьей песни, Марья и Анна — имена сестер Меншикова, Варвара и Дарья — Арсеньевы, на одной из которых женился Меншиков. Катерина Василевская, позже Михайлова — еще позже жена Петра I, Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина I.

Песня эта сохранилась в сборнике 1724 г., принадлежавшем тогда офицерам: не свидетельствует ли это об ограниченном распространении песни и сложении ее фрондирующими офицерами?

\* \* \*

Изучение народных лирических песен, сохранившихся в рукописных песенниках за время с 1720 по 1770 г. (время издания первого печатного песенника — Чулкова), вскрывает новые явления в бытовании этих песен и может явиться косвенным историческим источником. Кроме того, народная песня может вскрывать также и взаимодействие книжной литературы с народной лирической песней.

<sup>26</sup> «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», М.—Л., 1958, стр. 634.

<sup>27</sup> А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. VI, № 456—459.



## ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. В. Бестужев-Лада

### РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ: ПЕРВЫЕ ШАГИ

(ПРЕЗЕНТИЗМ ПЕРВОБЫТНОГО МЫШЛЕНИЯ)

1

В общественной мысли стран Древнего Востока, не говоря уже об античном мире, мы находим довольно развитые представления о будущем человечества — и религиозные, и утопические, и философские<sup>1</sup>. Как и когда они сложились? Каковы были их предпосылки?

Изучение материалов, освещающих характер первобытного мышления, приводит к выводу, что оно лишь после долгого развития выработало представление о прошлом и будущем как о категориях, отличных от настоящего. На ранних стадиях первобытного общества проблема длительности времени, видимо, вообще не осознавалась человеком. Даже на более поздних стадиях, наблюдавшихся этнографами, до четкого различия между событиями прошлого, настоящего и будущего как последовательно разворачивающегося исторического процесса было еще очень далеко.

Меланезийцы, писал известный этнограф Б. Малиновской о своих впечатлениях от посещения островов Тихого океана, не имеют того, «что можно было бы назвать представлением о развитии мира и общества, т. е. они не оглядываются назад, они не видят вереницы последовательных изменений, происходивших в природе и человечестве, как это имеет место у нас... Для туземцев земля и человечество остаются всегда одинаковыми и вечно юными»<sup>2</sup>.

Прежде чем человек обнаружил, что существует «иное время» — время, не тождественное настоящему, — ему пришлось задуматься над возможностью «иного мира» — мира, не тождественного окружающему. И только позднее оказался мыслимым переход к конструированию «иного мира в ином времени».

Дело в том, что первые зачатки представлений о возможности существования «иного мира» были связаны не с понятием смены времен (выработанным значительно позднее), а с необходимостью ответа совсем не на абстрактный, напротив, весьма актуальный для первобытной общины вопрос: что происходит с умершими?

Судя по данным археологических раскопок, приблизительно до мустьерской эпохи этот вопрос тоже оставался вне умственного поля зрения первобытного человека: отношение к умершим не могло быть иным, чем мы наблюдаем, например, в стаде животных. Но на рубеже мустьерской

<sup>1</sup> См. И. В. Бестужев, Развитие представлений о будущем человечества в до-марксовой общественной мысли (Основные проблемы), «Вопросы истории», 1966, № 11.

<sup>2</sup> B. Malinowsky, *Argonauts of the Western Pacific*, London, 1922, p. 300—301.

и верхнепалеолитической эпохи обнаруживается сдвиг: появляются следы ритуальных погребений. «Неандертальские погребения,— пишет С. А. Токарев,— еще нельзя считать бесспорным доказательством наличия религиозных представлений у наших предков того времени. Но захоронения умерших могли быть одним из источников, из которых впоследствии развились такие представления»<sup>3</sup>.

Не углубляясь в продолжающиеся до сих пор споры между специалистами по поводу того, когда именно зародились в первобытном обществе религиозные представления, отметим — в самой общей схематической форме — признанную рядом ученых последовательность складывания концепций «иноного мира»:

1. С развитием техники добывания пищи и культуры вообще открывается возможность более или менее систематической, сознательной заботы о заболевших, раненых, умерших (причем последние рассматривались, надо полагать, как нечто вроде разновидности первых).

2. Так как длительный опыт показывал, что умершие, в отличие от выздоравливающих, не возвращаются к участию в жизни общины, а теряют прежний облик и появляются разве только в сновидениях — постепенно складывается представление, что они продолжают вести тот же образ жизни (ничего другого попросту не мыслилось) каким-то иным способом, оставаясь невидимыми, недоступными для непосредственного общения. Материалы первобытных погребений, в которых находятся предметы, необходимые умершему для продолжения прежнего образа жизни, являются наглядным подтверждением этого.

3. Поскольку длительный опыт показывал также, что все умершие «ведут себя» в общем и целом одинаково, — постепенно совершается следующий шаг: вырабатывается представление, что они существуют в каком-то ином мире, тесно связанном с окружающим, похожим на него, можно даже сказать — как бы пронизывающим его, но все же не совсем тождественным ему.

В этом пункте вопрос «что происходит с умершими?» органически вплетался в общую систему первобытной мифологии, оказываясь в русле зарождавшихся религиозных представлений. Здесь довольно-таки неопределенная концепция «иноного мира» приобретала все более явные черты «потустороннего мира», «загробного мира». Дальнейшее развитие этой концепции проходило в полном соответствии с эволюцией первобытной мифологии.

Разумеется, от идеи «иноного мира» до представлений об «ином будущем» — дистанция была еще огромного размера. Даже самые поздние, наиболее развитые концепции «потустороннего мира» первобытных религий обычно, как две капли воды, походили на земной. Так, по верованиям некоторых индейских племен Северной Америки, душа умершего отправляется по дороге мертвых, питаясь древесной корой, доходит до реки мертвых, видит на другом берегу селения умерших и после разных испытаний попадает в привычную обстановку: гонится на душе лыж по душе снега за душой лося или бобра. В «селениях мертвых», по верованиям гилеков, все — как у нас: такая же земля, такое же небо, море, реки, леса; только солнце светит там, когда у нас ночь, а луна — когда у нас день. Ожившие покойники продолжают там жить в таких же селениях, как на земле, ловят рыбу, бьют зверей, устраивают родовые праздники, женятся и плодятся<sup>4</sup>.

Раз возникнув, представления о загробном мире начали развиваться далее в соответствии с общим развитием первобытной мифологии и рели-

<sup>3</sup> С. А. Токарев, *Религия в истории народов мира*, М., 1964, стр. 8—9.

<sup>4</sup> Л. Я. Штернберг, *Первобытная религия в свете этнографии*, Л., 1936, стр. 48—49.

гии. Сначала, видимо, эта идея носила крайне неопределенный характер. Загробный мир не отделялся от земного, как нечто особое. По всему складу первобытного мышления должно было господствовать убеждение, что умершие обитают где-то рядом, неподалеку, прячась на день в укромных или трудно-доступных местах и появляясь ночью (сновидения!) в прежнем кругу сородичей. Затем постепенно, по мере накопления опыта и повышения уровня мышления, местопребывание душ умерших отдалось в соседние области или на другие острова, словом, за пределы племенной территории, где нельзя было воочию убедиться, что ничего сверхъестественного нет и там. Наконец, когда для первобытной мысли картина загробного мира не только где-то неподалеку, но и вообще на земле перестала казаться достаточно убедительной, этот своеобразный мир «живых мертвецов» был перенесен под воду, под землю и на небеса.

Само собой разумеется, что приведенная здесь краткая «история» первобытного загробного мира очень схематична. В подлинной истории первобытного общества она развивалась гораздо сложнее. Но общие тенденции, очерченные выше, находят подтверждение в материалах этнографических исследований.

Процесс зарождения концепции загробного мира можно проследить по верованиям австралийских племен. «Представления о загробном существовании души у австралийцев весьма смутны и неопределенны, — пишет С. А. Токарев. — У некоторых племен есть поверье, что души умерших бродят по земле, у других — что они отправляются на север или на небо»<sup>5</sup>. У многих племен вообще нет еще представлений об особом загробном мире<sup>6</sup>. У других наблюдалась уже в зачаточном виде «вера в особое царство душ»<sup>7</sup>.

Последующие ступени развития концепции загробного мира обнаруживаются у народов Сибири, Северной и Южной Америки, на островах Тихого океана.

Если, например, жители Соломоновых островов верят, что духи умерших просто направляются в особую страну Бетиндало, куда плывут на специальной лодке и куда допускаются только после соблюдения определенного ритуала, то на Новых Гебридах представление о загробном мире гораздо сложнее.

Наконец, на определенной стадии развития появляется упоминавшаяся нами доктрина «трех миров»: земного, небесного и подземного. Она встречается у древних греков, римлян, германцев. Г. М. Василевич в статье «Ранние представления о мире у эвенков» сообщает о сформировавшейся у них чрезвычайно сложной концепции мироздания, которая включает «верхний мир», состоящий из девяти «небес», средний (земной) мир, два «нижних мира» и еще три мира, охватывающие перечисленные двенадцать — причем повсюду, как правило, абсолютно те же природа, быт обитателей и пр.<sup>8</sup>

## 2

Мы говорили о том, что на деле развитие представлений об «ином мире» протекало значительно сложнее, чем это схематически изображено здесь. Оно было неразрывно связано или, точнее сказать, органически вплеталось в другой, еще более многосторонний процесс — эволюцию пер-

<sup>5</sup> С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 37.

<sup>6</sup> Там же, стр. 43.

<sup>7</sup> «Народы Австралии и Океании» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 234.

<sup>8</sup> «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 51, М., 1959, стр. 169.

зобытной мифологии. Именно на плоскости совмещения обоих процессов и смогла зародиться, очевидно, концепция «иног мира в ином времени».

Эволюция первобытной мифологии исследована этнографами сравнительно хорошо. Она охватывает, в самом грубом приближении, следующие пять типов мифов, которые условно можно рассматривать как пять стадий развития:

1. Простые этиологические мифы — попытки объяснить явления окружающей действительности (преимущественно явления природы).

2. Этногонические мифы — ответ на вопросы о происхождении этносов — племен, родов, их социального уклада (порядков родового строя).

3. Антропогонические мифы — ответ на вопросы о происхождении человека, людей.

4. Космогонические мифы — ответ на вопросы о происхождении мира.

5. Эсхатологические мифы — попытки задаться вопросом о возможности изменения или гибели окружающего мира.

Как видим, это действительно нечто вроде пяти ступеней в стремлении первобытного человека раскрыть доступным его пониманию способом тайны мироздания. Каждая новая ступень — еще один шаг в причинной цепи объяснений и при этом — всегда шаг от конкретного, актуального к абстрактному, имеющему меньшее практическое значение. Последовательность ступеней строго логична: сначала ответ на самые простые, «злободневные» вопросы (Почему идет дождь, гремит гром? Почему одно животное ведет себя так, а другое иначе?) Затем столь же «злободневные» вопросы посложнее (Как возникли существующие нравы и обычаи?). Затем вопрос более отвлеченного характера (Кто родоначальник племени?). Затем еще более отвлеченный и к тому же более сложный (Как возник окружающий мир?) Наконец, предельно сложный и абстрактный вопрос (Всегда ли окружающий мир останется таким, как сейчас?).

Нетрудно заметить, что здесь налицо примерно та же картина открытия мира, которая знакома всем по вопросам ребенка, постепенно усложняющего свои бесконечные «почему?».

«Предпосылкой возникновения мифов, — отмечал немецкий этнограф Ф. Гребнер, — служит очень сильная, но ограниченная в пределах каузальной потребности туземца. Ограниченная настолько, что он делает только один шаг назад в причинной цепи данного явления. Он почти никогда не спрашивает, откуда же произошли те или иные обуславливающие данное явление процессы или состояния. У него действительно есть каузальная потребность, но он не способен мыслить исторически»<sup>9</sup>.

Типичные примеры простых этиологических мифов — хорошо знакомые всем сказки племен и народностей, стоящих (или сравнительно недавно стоявших) на соответствующем уровне развития родового строя. Такие, например, как сказка о том, отчего у ястреба пятна на крыльях (обжегся на костре). Или о том, как возникли реки и озера (проползла огромная змея, а озера — места, где она отдыхала). И так далее.

Таким образом, сборники сказок различных племен Африки, Азии, Латинской Америки, Океании — это не просто занимательное чтение для детей, уму которых подобного рода истории особенно близки и интересны. Это — первые шаги человечества в постижении окружающего мира, первая глава истории, точнее предыстории философии.

Простые этиологические мифы сплошь и рядом не сведены еще в единую систему мифологии, не связаны непосредственно с первобытной религией. Они, как правило, — продукт стихийного народного мифотворчества, продукт простой любознательности человеческого ума. Явления

<sup>9</sup> F. Graebner. Das Weltbild der Primitiven, München, 1924, S. 21.

окружающей действительности объясняются в них преимущественно через «одушевление», олицетворение природы. Это дает возможность игнорировать при объяснении явлений проблему длительности времени, долго бывшую недоступной, как уже говорилось, для умственного зора первобытного человека: причину явления можно «объяснить», не вдаваясь в сложности понимания процесса смены прошлого настоящим.

Этнографы констатируют, что эта стадия развития первобытной мифологии для подавляющего большинства племен была давно пройденным этапом уже в XIX в. Только у тасманийцев и австралийцев сохранились более или менее заметные следы начального рубежа дальнейшей эволюции. «Австралийское мышление,— писал А. М. Золотарев,— мы застаем на той ступени мифотворчества, когда космогоническая проблема еще не стоит перед человеком, когда отдельные разрозненные мифы еще не слились в пусть противоречивую, но всеобъемлющую систему, когда не сложился любимый народный тип героя — культуртрегера, демиурга. В многочисленных разрозненных поверхностных мифах австралийцев действуют серые, еще обезличенные, однообразные и нехитрые герои, появляющиеся только однажды, чтобы уступить место другим безымянным персонажам»<sup>10</sup>.

Этногонические мифы отличаются от простых этиологических по меньшей мере двумя существенными моментами: во-первых, в повествование вводится элемент довольно нечеткого еще разграничения между прошлым и настоящим, во-вторых, разрозненные прежде мифы постепенно собираются в более или менее цельную систему мифологии, чему кстати немало способствует упорядочение повествования во времени: раз одно событие в устах рассказчика предшествует другому — хаотическое нагромождение отдельных рассказов рано или поздно превращается в цепочки событий, между которыми устанавливается определенная связь.

Вместе с тем, этногонические мифы представляют собой ту ступень в развитии первобытного мифотворчества, на которой внимание человека целиком занято еще конкретными явлениями окружающего мира, не поднимаясь до таких сравнительно более абстрактных проблем, как проблема «начала начал» в объяснении происхождения и этого мира, и самого человека. Здесь проходит грань, отделяющая этногонические мифы от антропо- и космогонических.

Одна из наиболее популярных разновидностей этногонических мифов — рассказ о братьях (или сестрах) — близнецах, которым приписывается установление существующих родовых порядков. В своих первых, самых примитивных вариантах этот рассказ встречается в мифологии многих племен и народностей всех континентов земного шара, отражая определенную стадию развития родового строя. Первоначально, по мнению А. М. Золотарева, «близнецный миф имел ограниченную, конкретную, связанную с повседневной жизнью целевую установку: объяснить происхождение дуально-родовой организации и внедрить в головы людей представление об обязательности экзогамного запрета. Подобный круг вопросов был гораздо более понятен и близок первобытному человеку, гораздо более важен практически, чем абстрактная проблема происхождения мира»<sup>11</sup>.

Постепенно, по мере накопления опыта, расширения кругозора человека, развития первобытного мышления, возникает вопрос о начале всех начал, о появлении самого человека.

Вопрос о происхождении самого человека оказался чрезвычайно актуальным потому, что первобытная мифология срастается с первобыт-

<sup>10</sup> А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964, стр. 93.

<sup>11</sup> Там же, стр. 127.

ной религией, с тотемизмом, в системе которого проблема родословной человека занимает важное место. Естественно, что при таких условиях и ответ на данный вопрос полностью соответствовал духу тотемизма: люди такого-то племени произошли от своего тотемического предка из мира животных (реже — растений).

Два момента обращают на себя внимание при анализе этногонических и антропологических мифов:

1. В общем русле развития первобытной мифологии и религии эти мифы все теснее сплетаются с верованиями в потусторонний мир, который при этом обретает черты не просто зеркального отображения окружающего мира, а особого мира тотемических предков, откуда человек появляется и куда он отправляется после смерти. Так, по верованиям австралийского племени куам, когда человек после смерти направляется в царство духов, там его встречает его тотем и знакомит со всеми родственниками, включая «родственников» из мира животных и растений<sup>12</sup>. Таким образом, концепция «иного мира в пространстве» начинает смыкаться с нарождающейся концепцией «иного мира во времени».

2. В общем русле развития тотемизма возникают верования в перевоплощение душ (метемпсихоз), которые оказывают все более сильное влияние на трактовку вопроса о происхождении человека. Правда, в рамках первобытной религии эти верования далеко не приобрели еще характера законченной религиозно-философской доктрины, находясь по существу в зародышевом состоянии. Но все же они позволяли в доступных уму первобытного человека категориях искать все более и более глубокого ответа на вопросы о том, откуда появился человек и какова его дальнейшая судьба. Речь шла уже не просто о том, что после смерти человек отправляется в потусторонний мир, являющийся копией земного, а о том, что данный человек — возможно, результат очередного перевоплощения душ и впереди его ждет новое перевоплощение, т. е. качественно иное состояние. Ясно, что все это должно было во многом содействовать развитию концепции «иного мира в ином времени» как мира, качественно отличного от земного.

Позже представления о «переселении душ» получили в первобытной религии значительное развитие. Так, по верованиям тиялов даже в загробном мире человека снова ожидают болезни и смерть. Оттуда душе придется перекочевать еще раз в новый, третий мир, причем каждый раз душа как бы «мельчает», обращаясь все в меньшие и меньшие существа: в птичку, комара и, наконец, в прах. Иногда души снова рождаются в прежнем мире, совершая опять и опять бесконечный ряд превращений<sup>13</sup>.

Как видим, здесь налицо целая религиозно-философская концепция. В индуизме и буддизме мы столкнемся с такого рода представлениями, уже доведенными до своего логического завершения и образующими чрезвычайно сложную религиозно-философскую систему, которая охватывает и прошлое, и настоящее, и будущее всего мироздания.

Словом, тотемизм давал первобытной общине адекватную уровню первобытного мышления идеологию, включая готовую «историю» (тотемические предки) и даже «философию истории» (циклы перевоплощения). Он обслуживал насущные потребности общины, устанавливая ряд порядков и ограничений. В то же время он сильно тормозил и техническое, и социальное, и умственное развитие членов общины, подавляя всякую инициативу, всякую конструктивную мысль страхом перед сверхъестественными силами, канонами религиозной морали.

<sup>12</sup> А. М. Золотарев, Указ. раб., стр. 90.

<sup>13</sup> Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 48—49.



Таким образом, на эволюцию первобытной мифологии оказывал возрастающее влияние целый ряд довольно противоречивых (нередко внутренне противоречивых) факторов. Это несколько тормозило процесс эволюции, но, понятно, не могло приостановить его.

В процессе этой эволюции мысль первобытного человека все чаще и настойчивее обращалась к тому состоянию окружающего мира, которое должно было служить фоном действий тотемических предков. Сравнительно развитые уже представления о загробном мире, о появлении человека, о перевоплощении душ вплотную подвели к идее некоего иного состояния мира, предшествовавшего настоящему. Космогонические мотивы постепенно нарастают, получают все более значительный удельный вес и в конечном итоге становятся главным или одним из главных сюжетов мифа. Появляется следующий, еще более высокий тип первобытных мифов — космогонические мифы.

По ходу дальнейшей эволюции космогонических мифов первобытная мысль сумела подняться до поразительных высот абстракции и относительно логической завершенности в картине происхождения мира.

Так, на заключительных этапах процесса эволюции мы встречаем, например, самоанский (сходный с другими полинезийскими) миф о сотворении мира, представляющий «сложную метафизическую систему, которая гласит, что сначала было ничто, потом из этого ничто стали появляться различные силы, или качества, возникли аромат, пыль, появилось познаваемое и т. п., и т. д. — длинный ряд отвлеченных понятий. Небо вступило в брак с Землей и от этого брака произошло пространство. Огонь и Вода тоже вступили между собой в брак, и отсюда возникли твердая почва, скалы, деревья»<sup>14</sup>.

Еще более впечатляет космогонический миф маори, напоминающий классические греческие мифы о происхождении богов и мира: «Из Развития появился Рост; из Роста появилась Энергия, из Энергии появилась Мысль; из Мысли появилось Сознание; из Сознания появилось Желание» и т. д. вплоть до появления Ранги и Папа, т. е. Неба и Земли<sup>15</sup>.

При этом обнаруживается интересная закономерность: на определенном этапе развития космогонические мифы, как правило, обязательно превращаются в религиозные доктрины, которые включают догмы о всемогущем божестве или иных сверхъестественных силах, сотворивших мир, управляющих им, наказывая грешников и награждая праведников, как на этом, так и на том свете, наконец, — что представляет для нас в данном случае особый интерес — преобразовывающих созданный ими мир на каких-то иных началах. Возникает новый и последний тип первобытных мифов — эсхатологические мифы.

В этом превращении нет ничего удивительного. Дело в том, что процесс развития космогонических мифов происходит на практике в тесном переплетении с процессом развития первобытной религии в условиях кризиса и начинающегося (или даже продолжающегося) разложения первобытнообщинного строя. Появляется неведомая прежде идея воздаяния в загробном мире, куда переносятся все до единого представления, связанные с растущим социальным неравенством. Появляется идея о награждающих и карающих божествах, которые освящают это растущее социальное неравенство. Усложняется и сама система космогонии, подводящая вплотную к идее о возможности преобразования некогда созданного мира. Это уже не стихийное народное мифотворчество, а продукт чисто богословских размышлений жрецов — выделившейся обособленной касты, которая формирует идеологию сообразно интересам правящей верхушки.

<sup>14</sup> «Народы Австралии и Океании», стр. 629.

<sup>15</sup> Там же, стр. 701.

В знакомой уже нам полинезийской мифологии появляется главный бог — Тангароа, который «существует в пространстве, но неизвестно, когда и откуда пришел», который «обитает в протяжении», который «всегда существовал и не имеет начала». Этот бог олицетворяет добрую силу, противостоящую злой в лице его сына (по другим версиям — младшего брата) Ронго-громовержца<sup>16</sup>. И что самое главное — Ронго не только карает людей за их грехи: «древний пророк предсказал, что Ронго вернется на судне странной формы», т. е. наступит как бы второе пришествие божества со всеми проистекающими отсюда последствиями (насчет которых, впрочем, не успело еще сложиться никаких определенных догм)<sup>17</sup>.

Связь нового типа мифов с зарождением и развитием идеи мессианства — идеи о грядущем пришествии божества или его посланца, чтобы изменить существующие порядки или даже вообще все мироздание — очевидна и закономерна. Эта идея характерна для многих религий складывающегося классового общества, когда интересы господствующей верхушки требовали дать какое-то утешение, надежду массам, чтобы ослабить остроту растущих социальных противоречий. То, что зарождение нового типа мифов на основе этой идеи происходило в недрах самого родового строя (как разлагающегося строя), а не было чем-то привнесенным извне — например, христианскими миссионерами, также, видимо, не вызывает сомнений; известно, что капитан Джеймс Кук, открывший Гавайские острова, был принят за воплощение божества именно на основании мифа о втором пришествии Ронго, который задолго до этого стал предметом культа<sup>18</sup>. Но вот в дальнейшем развитии эсхатологических мифов много неясного.

Дело в том, что на многих островах Океании мессианские движения развились именно как ответ на притеснения колонизаторов и под влиянием в ряде случаев христианских миссионеров. Вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов в развитии первобытной мифологии — по крайней мере, на протяжении последних полутора-двух веков — требует еще тщательного исследования.

Позже, на более высоких ступенях складывания классового общества эсхатологические мифы получают значительное развитие. Так, у древних германцев в замечательном «прорицании провидицы» (Первая песня «Эдды», где изложены и космогонические сказания) говорится о том, что все темные силы некогда восстанут, боги и люди погибнут в борьбе с ними и в великом пожаре исчезнет мир, но за гибелью мира должно последовать его возрождение и обновление, так что новое поколение богов и людей будет жить в изобилии и спокойствии.

Еще более развиты эсхатологические мифы в религиях уже сложившихся ранних классовых обществ. В мифах майя, например, обнаруживается своеобразная «история будущего»: после рассказа о мировых эрах, перемежающихся всемирными потопами, следует описание следующей, грядущей катастрофы мира. Согласно мифам ацтеков, в истории вселенной сменяют друг друга мировые периоды, или циклы; их уже было четыре; каждый из циклов заканчивается катастрофой — мировой пожар, потоп, буря, голод (последовательность этих событий по разным версиям различна)<sup>19</sup>.

Однако здесь мы уже выходим за рамки собственно первобытной религии и мифологии, вторгаясь в сферу развития религиозных представлений о будущем в ранних классовых обществах.

<sup>16</sup> «Народы Австралии и Океании», стр. 629.

<sup>17</sup> А. М. Золотарев, Указ. раб., стр. 129.

<sup>18</sup> Там же. См. также Д. Д. Тумаркин, Вторжение колонизаторов в «край вечной весны», М., 1964, стр. 42 и сл.

<sup>19</sup> С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 219—220.

## 3

По мере развития мифологии, обрисовывалась известная последовательность исторических событий в виде смены различных эпох: вот некое исходное состояние до сотворения мира, вот эпоха сотворения мира и установления существующих порядков, вот современная эпоха и, наконец, рождающиеся проблески представления о грядущей эре, когда состоится второе пришествие основателей мира или мир вообще погибнет (после чего все начнется сначала). Но так как мышление первобытного человека не в состоянии было охватить этот процесс во всей его сложной последовательности, то путь к пониманию его как смены времен прошел через ряд промежуточных этапов.

Образно говоря, если на ранних этапах развития первобытного мышления для человека существовало только одно время — настоящее, то прежде чем перед его сознанием раскрылись все три времени — прошлое, настоящее и будущее, он долго оперировал несколько иной, удивительной для нас системой двух времен: настоящего и иного — не прошлого и не будущего, а просто иного, так сказать, ненастоящего.

В частности, видимо, у всех австралийских племен, заключает С. А. Токарев, «было представление о том, что в древние мифические времена все было не так, как теперь»<sup>20</sup>. При этом «сложилось даже представление об особой эпохе, когда будто бы происходили события, описываемые в мифах. Эта мифическая «эпоха», это отдаленное, покрытое туманом седой древности прошлое называется у аранда особым словом алчера (или алчеринга). У арабана ему соответствует слово вингара. К стародавнему, полному чудес прошлому аранда относили введение всех знакомых им обычаев и обрядов. Ссылка на то, что так было во времена алчера, обычно служила обоснованием тех или иных обрядов, правил, запретов»<sup>21</sup>.

Мифические предки австралийцев — «вечные, несотворенные» (алджирангамиджина). Они живут и теперь. Таким образом, отдаленное прошлое для австралийцев — одновременно и прошедшее и настоящее: «иной мир» тесно связан с окружающим, образует с ним как бы единое целое и все ритуалы как раз имеют целью именно обеспечить должное взаимодействие обоих миров<sup>22</sup>.

«Умственная жизнь первобытных людей (а следовательно, и их социальные институты), — утверждает Л. Леви-Брюль, — зависит от того основного и первоначального факта, что в их представлениях чувственный мир и мир «иной» составляют нечто единое. Совокупность невидимых существ для них нераздельна от совокупности существ видимых... «Иной» мир является не менее непосредственно данным, чем видимый мир, он обладает большей действительностью и внушает более страха»<sup>23</sup>.

Для марксистов представляется несостоятельной концепция Л. Леви-Брюля, согласно которой социальные институты первобытных людей определялись умственной жизнью последних, а та, в свою очередь, зависела от их представлений о внешнем мире. Эти и другие его идеалистические концепции были подвергнуты справедливой критике советскими этнографами. Однако в только что приведенной цитате имеется и рациональное зерно, подтверждаемое, как мы видели, наблюдениями ряда других этнографов: мифическая эпоха в первобытном мышлении — это,

<sup>20</sup> Там же, стр. 38.

<sup>21</sup> «Народы Австралии и Океании», стр. 247.

<sup>22</sup> См. Л. Леви-Брюль, *Сверхъестественное в первобытном мышлении*, М., 1937, стр. 322.

<sup>23</sup> Л. Леви-Брюль, *Первобытное мышление*, М., 1930, стр. 263.

действительно, не просто далекое прошлое, а в то же время и настоящее. На основании только что приведенного тезиса Л. Леви-Брюль по-своему ставит проблему об особенностях генезиса социального идеала в первобытном обществе. «Идея исторического развития остается совершенно чуждой этим первобытным существам,— пишет он.— Тем больше оснований для отсутствия у них идеи прогресса. Выработка этого понятия предполагает существование какого-то действительного прогресса в познании природы и в практическом применении этого познания. Но ведь у этих первобытных людей прогресс этот если и не равен нулю, то все же обычно является крайне медленным. Притом первобытные люди не придают ему никакого значения. Зачем, в самом деле, доискиваться, как явления обусловливают друг друга, раз цель и последовательность этих явлений может быть в любой момент изменена или прервана вмешательством какой-нибудь сверхъестественной силы? Ориентированные таким образом умы всегда будут преимущественно обращаться к мифическому миру, где пребывают силы, от которых зависит их благополучие или несчастье и содействие которых необходимо для успеха их предприятий, каковы бы последние ни были... Их идеал, их заветное желание до окончания века остаются в том, чтобы сопричастоваться «сверхприроде», т. е. мифическим существам, которым их общественная группа только и обязана своим происхождением в прошлом, своим существованием в настоящее время и защитой в будущем»<sup>24</sup>.

Такая постановка проблемы во многих отношениях представляет интерес, но в целом, на наш взгляд, не выдерживает критики, потому что остаются непонятными причины, по которым первобытное мышление ориентируется именно таким, а не каким-либо другим образом. Л. Леви-Брюль идет здесь, как и повсюду в своих трудах, не от условий жизни первобытного общества, а от особенностей мышления людей в ту эпоху. Грубо говоря, он как бы считает, что условия жизни сознательно определялись людьми сообразно их мировоззрению, «ориентации» их умов. Но откуда взялась такая ориентация? Идеалистический подход не дает на этот вопрос убедительного ответа. Кроме того, игнорируется динамика становления социального идеала. Вопреки данным этнографических наблюдений, представляется, будто первобытное мышление с начала и до конца «ориентировано» в интересующем нас отношении одинаково, не отличаясь качественно различными стадиями. На примере эволюции первобытной мифологии мы видели, что это не соответствует действительности. Да и с чисто фактической стороны дела слишком очевидно, что «ориентация» первобытного мышления тесно связана с идеологией первобытного общества, а та, в свою очередь, на определенном этапе развития начинает отражать интересы наиболее влиятельных групп этого общества. Не просто «сопричастие сверхприроде», а такое «сопричастие», которое укрепляет существующие социальные порядки (а на стадии разложения первобытнообщинного строя соответствует интересам родоплеменной верхушки) — это прямо-таки бросается в глаза.

Материалистическая концепция генезиса социального идеала в первобытном обществе не отличается подобного рода недочетами и не противоречит наблюдаемым фактам. Если рассматривать условия жизни первобытного общества как основу идеологии этого общества, то логичны и понятны определенные особенности идеологии, причины, по которым первобытное мышление не могло подняться выше определенного уровня и по которым оно «ориентировалось» в определенном направлении (учитывая, разумеется, механизм отражения действительности в челове-

<sup>24</sup> Л. Леви-Брюль, Сверхъестественное в первобытном мышлении, стр. 326, 327.

ском сознании на разных уровнях его развития). Становятся очевидными и определенные закономерности развития первобытной идеологии соответственно закономерностям развития условий жизни и, на их основе, развития духовной жизни. Наконец, становятся объяснимыми особенности социального идеала в ту эпоху — идеала, сущность которого сводится к укреплению социальных порядков родового строя, либо восстановлению их там, где они начали подрываться ходом исторического развития, либо к изменению их соответственно интересам родоплеменной верхушки на определенной стадии начинающегося разложения родовой общины (когда единый прежде социальный идеал начинает дифференцироваться, «расслаиваться» в соответствии с растущими противоречиями интересов различных социальных групп общины).

Сказанное полностью относится и к развитию представлений об «ином мире», и к эволюции первобытной мифологии, и к зарождению представлений о возможности «иного будущего», и ко всем другим компонентам процесса развития первобытной идеологии. Ведь вопросы о том, как появились существующие порядки, сами люди, мир в целом, а также куда «уходят» умершие и т. п., порождались не праздным любопытством. Ответы на них имели актуальнейшее значение для жизни родовой общины. Речь шла об авторитете старейшин, о воспитании молодежи в традициях сложившихся порядков, о поведении в отношении умерших — словом, о многих важных сторонах образа жизни общины. Именно это подталкивало мышление первобытного человека, долго не выходявшее за узкий круг конкретно-эмпирических понятий, связанных с потребностями и впечатлениями текущих дней, к работе над достаточно абстрактной проблемой возможности иного состояния мира, иного будущего.

Итак, исходное состояние общественной мысли, которое предшествовало возникновению представлений о будущем, вырисовывается как сложный процесс. В общем и целом это состояние можно охарактеризовать как презентизм первобытного мышления: прошедшее и будущее мыслится в большей или меньшей степени (смотря по уровню развития мышления) подобным настоящему; именно поэтому, кстати сказать, для первобытного человека оказывается возможным «предсказывать» будущее гаданием и даже «воздействовать» на него с помощью магии. Но на каждой конкретной стадии развития первобытного мышления — соответственно стадиям развития первобытного общества вообще и первобытной идеологии в частности — этот своеобразный презентизм не оставался одним и тем же. Его содержание менялось: сложились образы «культурных героев», которым приписывалось открытие возможности использования огня, изобретение орудий, установление существующих порядков; было выработано представление о происхождении человека из животного мира, появилась даже идея реинкарнации — вера в то, что душа покойника вновь воплощается в животное, в растение, в другое человеческое тело; была выработана идея первоначального хаоса, из которого образовался существующий мир, т. е. идея о возможности существования в прошлом некоего «иного мира»; наконец, возникли проблески идеи о возможности наступления изменений в будущем — разумеется, изменений эсхатологического толка.

Весь этот идейный арсенал перешел впоследствии на вооружение современных религий. Но нас в данном случае интересует не роль этого круга понятий в истории религии, а зарождение самой идеи о возможности существования «иного мира в ином будущем». Это было значительное достижение в развитии мысли человека от конкретного к абстрактному — зародыш последующих представлений о таком будущем, которое может и должно отличаться от настоящего.

## В. К. ГАРДАНОВ

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

25 мая исполнилось 60 лет со дня рождения крупного ученого-кавказоведа Валентина Константиновича (Батраза Амурхановича) Гарданова — доктора исторических наук, заведующего сектором Кавказа Института этнографии АН СССР.

Весьма обширна и многогранна научная деятельность юбиляра. После окончания Педагогического факультета 2-го Московского государственного университета (ныне Педагогический институт им. В. И. Ленина) по специальности история СССР В. К. Гарданов был в феврале 1929 г. послан на работу в Воронеж. Он читает лекции по истории СССР в Воронежском университете, руководит отделом истории Музея краеведения Центрально-Черноземной области, заведует областным историческим архивом. Одновременно он избирается членом областного бюро краеведения этой области и сотрудничает в местных журналах, где публикуются его первые научные статьи.

Весной 1930 г. В. К. Гарданов отзывается на работу в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, а осенью того же года, не оставляя преподавательской работы в вузе, поступает в аспирантуру Научно-исследовательского института национальностей СССР. Здесь В. К. Гарданов специализируется по истории СССР и кавказоведению. В числе его научных руководителей были выдающиеся советские ученые — Н. Я. Марр, являвшийся директором института, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье. В аспирантуре В. К. Гарданов начинает углубленно изучать фонды московских и ленинградских архивов и проводит систематические экспедиции в различные районы Кавказа.

В конце 1931 г. В. К. Гарданов становится доцентом кафедры истории СССР Педагогического института им. В. И. Ленина и его, как уже хорошо себя зарекомендовавшего молодого ученого, приглашают на ответственную должность заведующего Кавказским отделом Музея народов СССР. С этого времени Валентин Константинович — один из ведущих работников в области кавказоведения.

В 1935 г. Квалификационная комиссия Ученого Комитета при ЦИК СССР, отмечая плодотворную научную работу В. К. Гарданова, присваивает ему ученое звание действительного члена Музея народов СССР и ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

Возглавляя в течение многих лет (до 1938 г.) Кавказский отдел Музея народов СССР, В. К. Гарданов одновременно ведет большую работу в научно-исследовательских институтах Москвы — в 1933—1936 гг. — в Институте национальностей СССР, в 1934—1937 гг. — в Московском отделении Государственной Академии истории материальной культуры, в 1937—1938 гг. — в Институте истории АН СССР. В то же время он читает лекции по истории СССР и Кавказа в ряде московских вузов и руководит аспирантами, специализирующимися по кавказоведению.

В 1936—1937 гг. В. К. Гарданов по заданию Правительственной комиссии принимает участие в составлении первого школьного учебника по истории СССР («Краткий курс истории СССР» под ред. проф. А. В. Шестакова). В этом учебнике В. К. Гардановым написаны разделы по истории народов Кавказа, которые были впервые введены в курс истории СССР. Валентин Константинович участвует в разработке школьных и вузовских программ по истории СССР, читает специальный курс лекций по истории народов Кавказа и т. д.

В 1939 г. В. К. Гарданов переходит в качестве профессора кафедры истории СССР на основную работу в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), который в начале Великой Отечественной войны был слит с Московским государственным университетом. До 1947 г. В. К. Гарданов работает на кафедре истории СССР МГУ, в 1947—1957 гг. заведует сектором истории Научно-исследовательского института музееведения, а с 1958 г. работает в Институте этнографии АН СССР.

В этом Институте В. К. Гарданов продолжает свою большую научно-исследовательскую работу в области истории и этнографии народов Кавказа. Валентин Константинович опубликовал более 80 научных трудов, показывающих широкий круг его исследовательских интересов. Им написаны работы по этногенезу и древней истории Кавказа, обычному праву кавказских горцев, по истории Кавказа XVIII—XIX вв., истории социалистического строительства национальных областей Кавказа, по вопросам современного этнического развития народов Кавказа. При активном участии В. К. Гарданова был подготовлен и издан двухтомный коллективный труд «Народы Кавказа» (серии «Народы мира»). Большое научное значение, в частности, имеет написанный для первого тома «Народов Кавказа» В. К. Гардановым «Исторический очерк», характеризующий основные этапы исторического развития народов Северного Кавказа с древнейших времен до современности.

Отличительной чертой В. К. Гарданова как исследователя является сочетание прекрасного знания источников с их глубоким теоретическим анализом. Многолетнее изучение фондов центральных и местных архивохранилищ, а также систематические научные экспедиции на Кавказ дали В. К. Гарданову возможность накопить значительный документальный и полевой материал по истории и этнографии народов Кавказа. Все это позволяет Валентину Константиновичу в его кавказоведческих исследованиях с большой основательностью ставить новые важные проблемы и предлагать оригинальные пути их решения. Особое внимание В. К. Гарданов уделяет изучению общественного строя и обычного права кавказских горцев в XVIII—XIX вв. В числе работ, посвященных этой теме, следует прежде всего назвать «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.» (Нальчик, 1956). Содержащиеся в этом труде ценные документы, извлеченные В. К. Гардановым из архивов, сопровождаются вводной статьей и обширными комментариями, в которых автор впервые выдвигает ряд важных теоретических положений, касающихся общественного быта горцев в феодальный период. Дальнейшее развитие его взгляды получили в статье «Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в.» («Сов. этнография», 1960, № 5), имеющей большое принципиальное значение для понимания социальной сущности кавказских адатов. Избрав для изучения проблемы горского феодализма общественный строй адыгов, являвшихся в XVIII—первой половине XIX в. наиболее значительной по численности группой кавказских горцев, В. К. Гарданов посвящает им специальные исследования, в том числе ряд статей, опубликованных в журнале «Советская этнография». Итогом его изысканий явилась фундаментальная монография «Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.)» (М., 1967).

В. К. Гарданов сумел по-новому поставить и правильно решить весь сложный комплекс вопросов, связанных с общественным строем адыгов. Особенно важно подчеркнуть, что ему удалось продолжить намеченный в свое время М. М. Ковалевским путь исследования генезиса горского феодализма. В то время как М. М. Ковалевский только поставил эту проблему, В. К. Гарданов на основе марксистско-ленинской методологии глубоко проанализировав огромный фактический материал, дал всестороннюю характеристику основных черт феодального строя горцев, выяснив многие спорные вопросы их социально-экономического развития. В частности, исследования Валентина Константиновича уточняют экономическую базу горского феодализма. Пересмотрев давно дебатировавшийся в литературе вопрос о соотношении земледелия и скотоводства в хозяйстве горцев, В. К. Гарданов показал несостоятельность взглядов, согласно которым земледелие противопоставлялось скотоводству как более интенсивная и прогрессивная форма хозяйства. Он установил, что и земледелие, и скотоводство имели важное значение для определенных районов Кавказа, причем в условиях XVIII—XIX вв. скотоводческое хозяйство давало возможность наилучшего использования природных ресурсов и способствовало развитию экономических связей с внешним миром. Важное теоретическое значение имеет и проведенное В. К. Гардановым на адыгском материале определение основных форм земельной собственности у горцев, в том числе характеристика особенностей проявления феодальной собственности на землю, наличие которой на Северном Кавказе многими исследователями отрицалось. Наконец, Валентин Константинович с исчерпывающей полнотой обрисовал процесс вызревания у горцев феодальных отношений под оболочкой патриархально-родовых институтов. Впервые в научной литературе раскрыта подлинная социальная сущность в феодальный период таких распространенных у горцев обычаев, как гостеприимство, куначество и патронат. Таким образом, в результате исследований В. К. Гарданова наши представления о горском феодализме значительно обогащаются и уточняются.

Наряду с трудами в области кавказоведения, В. К. Гардановым опубликованы работы по архивоведению, краеведению и музееведению. В. К. Гарданов является одним из авторов и редакторов труда «Основы советского музееведения» (М., 1956)—важнейшего пособия для музейных работников СССР (переведено на иностранные языки). В. К. Гарданов был руководителем большого коллективного труда «История

музейного дела СССР», под его редакцией вышли два первых тома этого труда (в 1957 и 1960 гг.). Ему принадлежит интересный очерк «Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти».

Особо следует отметить исследования В. К. Гарданова по истории древней Руси, в том числе такие, как: «„Кормильство“ в древней Руси» («Сов. этнография», 1959, № 6), «О кормилице и кормилице краткой редакции „Русской Правды“» («Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 35, 1960), «„Дядьки“ древней Руси» («Исторические записки АН СССР», 1961, № 71).

На протяжении всей своей научной деятельности В. К. Гарданов много внимания уделял и уделяет развитию историко-этнографических исследований в областях и республиках Кавказа. Его постоянной помощью и ценными советами пользуются широкие круги советских кавказоведов. Большой вклад им внесен в подготовку научных кадров историков и этнографов для многих народов Кавказа.

Свое шестидесятилетие В. К. Гарданов встречает в расцвете творческих сил, полный интересных научных замыслов. Пожелаем Валентину Константиновичу новых больших творческих успехов в развитии советского кавказоведения.

**Б. А. Калоев**

---



## СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1967 ГОДА

Сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам полевых исследований этнографов и археологов 1967 г., проходила в Москве с 15 по 20 апреля 1968 г.

В работе сессии участвовали этнографы, археологи, антропологи, фольклористы, искусствоведы из научно-исследовательских учреждений, университетов, педагогических институтов и музеев страны.

Сессию открыл кратким вступительным словом академик-секретарь Отделения исторических наук Е. М. Жуков, пожелавший археологам и этнографам новых успехов как в изучении древнейших периодов в истории человечества, так и в исследовании социальных и культурных процессов, происходящих в настоящее время у народов Советского Союза.

На пленарных заседаниях сессии было заслушано 4 доклада по этнографии и антропологии.

Первым на сессии был заслушан доклад Ю. В. Бромля (Москва) и О. И. Шкаратана (Ленинград) «Соотношение этнографии с историей и социологией». В докладе обращалось внимание на то, что в настоящее время остро ощущается необходимость выявления взаимосвязей и разграничения этнографии со смежными научными дисциплинами, также занимающимися изучением всех сторон жизни общества. Нерешенность этого вопроса затрудняет разделение и кооперацию труда и ведет как к ненужному дублированию, так и к образованию пробелов в изучении отдельных важных проблем. В результате анализа взаимосвязей этнографии, истории и социологии авторы пришли к выводу о том, что специфика этих наук проявляется прежде всего в формировании их предметной области, т. е. в своеобразии угла зрения, видения общества.

О новых материалах, найденных в древних могильниках Чукотки (Уэленском и Эквенском), рассказывалось в докладе С. А. Арутюнова (Москва) и Д. А. Сергеева (Ленинград) «Новые данные по эскимосской проблеме». Отметив, что эти памятники дают обширный антропологический и палеоэтнографический материал, докладчики основное внимание уделили характеристике трех групп предметов, найденных там, — наконечникам поворотных гарпунов, так называемым «крылатым предметам», орнаменту и скульптуре древних эскимосов.

Массовость материала по наконечникам поворотных гарпунов (их найдено 617 экземпляров) позволила авторам создать их формально-конструктивную типологию и проследить эволюцию конструкции поворотного гарпуна — главного орудия морского зверобойного промысла, и выявить его связь с особенностями местных экологических условий.

Авторы доклада установили, что «крылатые предметы», долгое время оставшиеся для науки загадкой, служили ростральной частью каяка, выполнявшей как конструктивные, так и декоративные функции. Широкое привлечение этнографических и фольклорных материалов помогло расшифровать содержание скульптурно оформленного крюка из моржового клыка и раскрыть значение деревянной маски, найденной в древнеберингоморском погребении. По утверждению авторов, маска изображает «хозяина вселенной», скульптура — женщину-моржиху, легенда о которой известна по всему ареалу распространения эскимосов — от Чукотки до Гренландии включительно.

На пленарных заседаниях сессии были заслушаны также два доклада по антропологии. В докладе В. В. Бунака (Москва) «Географическое распределение кровяных групп системы АВО и проблемы этногенеза Восточной Европы» основное внимание уделялось анализу соотношения генов «р» и «q» у различных групп населения Европейской части СССР. Повышение концентрации гена «q» на севере и востоке, а также малую частоту гена «q» к западу от территории Советского Союза обычно объяс-

няли проникновением в Европу сибирских этнических групп. По новым данным, концентрация гена «q» в Западной Сибири ниже чем на Волге. В. В. Бунак считает, что небольшое усиление концентрации гена «q» могло произойти в эпоху продвижения тюркских народов, но в основном серологический тип Восточной Европы имеет местные корни, унаследованные от древнего населения страны.

Г. Ф. Дебец (Москва) рассказал о результатах антропологических исследований в Афганистане, проводившихся им в течение четырех сезонов с октября 1964 по февраль 1968 г. Исследования были организованы гуманитарным факультетом Кабульского университета. Программа работ включала измерения и описательные определения морфологических признаков, головы, измерение роста, определение развития волосяного покрова на груди и пигментации. Обследовав 7800 взрослых мужчин — представителей 26 народностей; Г. Ф. Дебец пришел к выводу, что у разных этнографических групп населения Афганистана в той или иной мере проявляется комплекс признаков, характерный для центрально-азиатских монголоидов. Вместе с тем, он установил факт отсутствия следов каких-либо экваториальных (негроидных или австралоидных) элементов в физическом типе дравидоязычных брагуи. Докладчик считает, что часть данных, полученных им в результате полевых исследований в Афганистане, уже теперь может быть использована в связи с изучением проблем этногенеза.

На расширенных заседаниях Ученого совета Института этнографии АН СССР было заслушано 7 докладов по этнографии и фольклору.

В докладе Ю. В. Бромлея и М. С. Кашуба (Москва) «Некоторые аспекты современных национальных процессов в СФРЮ» наряду с общей демографической характеристикой СФРЮ поднимался вопрос о влиянии на этнодемографические процессы в Югославии таких факторов как миграция населения в различные области страны и смешанные браки. Кроме того в докладе говорилось о проблеме двуязычия, принципах определения национальной принадлежности граждан СФРЮ и отражении этих принципов в различных официальных документах.

Л. А. Молчанова (Минск) посвятила свой доклад выявлению общеславянских и национальных черт материальной культуры белоруссов. Остановившись на анализе земледелия, крестьянских поселений, традиционного жилища и пищи белоруссов, она отметила, что наибольшая близость у них прослеживается с восточнославянскими народами.

Оживленную дискуссию вызвали доклады Л. Н. Терентьевой (Москва) «Задачи координации исследований современных этнических процессов у народов СССР» и С. И. Брука и М. Г. Рабиновича (Москва) «Работа над общеевропейскими и региональными историко-этнографическими атласами». В прениях, развернувшихся по докладам, выступило около 20-ти человек.

Доклад Л. Н. Терентьевой был посвящен одному из главных направлений советской этнографической науки — изучению современных этнических процессов. Исследования в этой области, ведущиеся как Институтом этнографии АН СССР, так и рядом других научных учреждений союзных и автономных республик, краев и областей, в последние годы достигли большого размаха. Но из-за отсутствия должной координации исследований в масштабе всей страны и несовершенства их методики, они все еще не отвечают требованиям, выдвигаемым на современном этапе этнографической наукой и практикой социалистического строительства. В связи с этим Л. Н. Терентьева предложила участникам сессии определить формы координации исследований, уточнить сроки и пункты работы и обсудить методические материалы, подготовленные Институтом этнографии АН СССР. Присутствующим был заранее роздан «Опросный лист для изучения современных этнических процессов в СССР», разработанный Институтом этнографии. В ходе его обсуждения были высказаны различные пожелания по доработке «Опросного листа», который в целом был одобрен.

В докладе С. И. Брука и М. Г. Рабиновича главное внимание уделялось проблемам координации работы над региональными историко-этнографическими атласами Прибалтики, Юго-Запада СССР, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. В качестве одного из основных принципов построения региональных атласов была выдвинута динамика. Каждое явление материальной или духовной культуры народа должно показываться не статично, а в историческом развитии. В связи с этим особую важность приобрело определение хронологических рубежей, служащих границами соответствующих исторических периодов. И хотя авторы доклада считают, что в силу неравномерности развития народов в прошлом невозможно принять единый для всей страны отправной рубеж, все же для большинства народов им может служить середина или вторая половина XIX в. В качестве следующего рубежа они намечают первое двадцатилетие XX в. Третьим рубежом, важным для большинства народов СССР, являются 1930-е годы. В докладе были уточнены принципы выбора микрорайона — основной единицы картографирования, и определен круг источников для составления атласов. Докладчики считают, что сводной работе над региональными атласами должна предшествовать систематическая публикация «Материалов к атласу» по соответствующим народам и регионам.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Опыт социально-этнического исследования» подводились первые итоги зондирующего социально-этнического исследования сельского населения Татарии, проводившегося социологами Института этнографии АН СССР в 1967 г. Докладчик уделил большое внимание характеристике задач, стоящих перед исследованиями подобного рода, и методике их проведения<sup>1</sup>.

И. И. Земцовский (Ленинград) в докладе «Музыка и этногенез» сделал попытку теоретически обосновать необходимость использования музыковедческих исследований при решении проблем этногенеза. Отмечая большую сложность затронутой проблемы, докладчик ограничился рассмотрением одного коренного вопроса — о методе этномузыковедческих исследований. На примере древних обрядовых песен типа колад И. И. Земцовский убедительно показал, что только комплексный анализ песен (их назначения, структуры и музыкально-интонационного своеобразия) при полном учете материала может иметь научное значение при комплексном же решении проблем этногенеза этнографами, лингвистами, антропологами и фольклористами.

В докладе К. В. Чистова (Ленинград) «Фольклор и этнография» был рассмотрен вопрос о взаимоотношениях этих двух наук. Выделение фольклористики в качестве самостоятельной науки, — отметил докладчик, — не меняет ее принципиального отношения к этнографии. Фольклористика была и должна оставаться наукой и филологической, и этнографической. Поэтому следует решительно изживать представление о том, что филологический и этнографический аспекты фольклористики могут развиваться самостоятельно<sup>2</sup>.

16, 18 и 19 апреля состоялись заседания секций, на которых было заслушано и обсуждено свыше 120 докладов.

На секции «Антропология» был прочитан 21 доклад. Как и в прежние годы здесь были широко представлены доклады по этногенезу ряда народов СССР, основанные на изучении краниологического материала. Среди них доклады В. В. Гинзбурга (Ленинград) «К антропологии населения Западной Туркмении в первых веках н. э.», Т. А. Трофимовой (Москва) «Череп из подбойных и катакомбных захоронений Туз-Гыр на территории Юго-Западного Приаралья», В. А. Дрёмова (Томск) «Основные этапы формирования антропологических типов в лесостепном Приобье (Западная Сибирь)», И. И. Саливона (Минск) «К вопросу о происхождении белорусов. Краниологический материал».

Исследования в области популяционной генетики, ведущиеся в Институте этнографии АН СССР под руководством В. В. Бунака, нашли отражение в докладах В. В. Бунака «Распределение групп крови системы АВО в Восточной Европе», А. А. Воронова (Москва) «Распределение групп крови и ряда других наследственно обусловленных факторов у народов Закавказья (по материалам экспедиций 1964—65 и 1967 гг.)» и Г. М. Давыдовой (Москва) «Сравнительная популяционно-генетическая характеристика отдельных селений».

Антропология народов зарубежных стран была представлена группой докладов, посвященных проблемам изучения современного населения Финляндии. К. Ю. Марк (Таллин) дала антропологическую характеристику финно-угров, Г. Л. Хить (Москва) остановилась на дерматоглифике финнов, А. А. Зубов (Москва) сообщил об одонтологических исследованиях, а Г. М. Давыдова — об исследованиях групп крови в Финляндии. Материалом для докладов послужили антропометрические, дерматоглифические, серологические и одонтологические исследования, проведенные в 1967 г. в Финляндии антропологом К. Ю. Марк и этнографом Н. В. Шлыгиной (Москва).

При обсуждении докладов по дерматоглифике туркмен (О. М. Бабаков, Ашхабад), латышей (Р. Я. Денисова, Рига), белорусов (Л. И. Тегако, Минск) и финнов (Г. Л. Хить) встал вопрос о необходимости унификации методики дерматоглифических исследований.

Острую дискуссию вызвал доклад В. И. Кочетковой (Москва) «О структуре мозга «Homo habilis», представившей материалы, основанные на опытном построении макета мозга «Homo habilis».

С большим интересом были выслушаны доклады Н. Н. Мамоновой (Москва) «Об использовании фрагментов длинных костей при изучении древнего населения СССР» и Т. П. Кияткиной (Душанбе) «Кодирование краниологического материала на перфокартах». Было высказано пожелание о публикации доклада Н. Н. Мамоновой. Работу же по кодированию краниологического материала решено продолжить, создав для этого специальную комиссию во главе с Т. П. Кияткиной.

<sup>1</sup> См. статью Ю. В. Арутюняна, написанную на основании этого доклада: «Опыт социально-этнического исследования (По материалам Татарской АССР)», «Сов. этнография», 1968, № 4.

<sup>2</sup> См. статью К. В. Чистова «Фольклор и этнография», напечатанную в этом номере журнала «Сов. этнография».

На секции «Археология и этнография Кавказа» было заслушано 20 докладов по этнографической тематике. Круг проблем, затронутых докладчиками, был весьма широк и разнообразен. Значительная часть докладов касалась ранних форм идеологии и социальных организаций у народов Кавказа. Можно назвать доклады Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми) «Кудепстский языческий алтарь», Э. Л. Коджесау (Майкоп) «О сельской общине у адыгов», Т. А. Чиковани (Тбилиси) «Формы межсоседской взаимопомощи у цалкских урумов» и др.

На секции были также представлены доклады по современности. Г. Н. Джавахишвили (Тбилиси) познакомил членов секции с некоторыми вопросами этнографического изучения рабочих-цементников г. Каспия. А. Е. Панян (Москва) посвятила свой доклад социальной структуре современного армянского села.

Особое внимание привлекли доклады М. А. Агларова (Махачкала) «О путях формирования этнических общностей в Аварии», З. Д. Гаглоевой (Цхинвали), «Осетино-сванские параллели», М. А. Дибирова (Тбилиси) «О канатходстве в Дагестане», Г. Х. Мамбетова (Нальчик) «К истории кабардинских имен» и К. К. Чолокашвили (Тбилиси) «О сходстве и взаимосвязи некоторых элементов грузинской одежды и боевого снаряжения».

Группа докладов по истории материальной культуры народов Кавказа, тематически связанных с «Кавказским историко-этнографическим атласом», была перенесена на специальное совещание по атласу.

На секции поднимался вопрос о возобновлении региональных археолого-этнографических совещаний по истории культуры Кавказа и, в первую очередь, по проблеме «Кавказского историко-этнографического атласа». Обращалось также внимание на необходимость проведения общесоюзного совещания по методике и методологии этногетических исследований. В этом плане в ближайшее время намечено провести специальную научную сессию, посвященную проблеме происхождения народов абхазо-адыгской группы.

На секции «Этнография народов Средней Азии и Казахстана» было заслушано 18 докладов. Основное внимание в них уделялось проблемам изучения современных этнических процессов, народному декоративно-прикладному искусству, а также тематике историко-этнографического атласа «Народы Средней Азии и Казахстана».

Широкий обмен мнениями вызвали доклады Л. Ф. Моногаровой (Москва) «Сближение припамирских народностей с таджиками», Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) «Этнические процессы и семейный быт (по материалам этнографического изучения корейцев Средней Азии и Казахстана)», З. А. Джикиева (Ашхабад) «Материалы по этногенезу туркмен карадашлы и емрели», Э. Г. Гафферберг (Ленинград) «Некоторые итоги анкетного обследования семейного быта белуджей Туркмении», М. В. Сазоновой (Ленинград) «О некоторых традициях в украшениях узбеков Хорезма (по материалам Хорезмской экспедиции АН СССР)», А. О. Оразова (Ашхабад) «Скотоводческие обряды у туркмен долины Сумбара и Чендыра», Б. С. Гамбурга (Ленинград) «К вопросу о традиционной среднеазиатской сельскохозяйственной технике» и Р. Я. Рассудовой (Ленинград) «Значение термина «кош» у земледельцев Узбекистана в XIX в.».

Успешно прошло специальное заседание, посвященное подготовке историко-этнографического атласа «Народы Средней Азии и Казахстана». Оно показало, что этнографы среднеазиатских республик уже активно включились в работу над атласом.

На секции «Этнография народов Сибири» было заслушано 13 докладов. В них рассматривались проблемы этногенеза, общественный строй, материальная и духовная культура народов Сибири в прошлом и настоящем, а также их декоративно-прикладное искусство. Значительная часть докладов была посвящена народам Амура. В. А. Туголуков (Москва) сообщил об этнографических результатах поездки к орочам и удэгейцам, В. А. Тимохин (Новосибирск) — о применении социологических методов в этнографии (на примере экспедиционной работы в низовьях р. Амур), А. В. Смоляк (Москва) дала этнографическую характеристику бикинской группы удэгейцев, Ч. М. Таксами (Ленинград) рассказал о современных праздниках у народов Сахалина.

С особым интересом были выслушаны доклады И. С. Вдовина (Ленинград) «К вопросу об этнической принадлежности ительменов», С. В. Иванова (Ленинград) «Ульские декоративные ковры 20-х годов», Г. И. Пелих (Томск) «Палеосибирские предки селькупов» и А. П. Хлобыстина (Ленинград) «О раскопках на Таймыре». Все они представляли собой исследования, основанные на глубоком изучении полевых материалов.

В прениях, развернувшихся на секции, обращалось внимание на необходимость более широкой публикации этнографических материалов и исследований, в том числе и докладов, прочитанных на отчетно-экспедиционных сессиях. В связи с этим был поднят вопрос об издании «Этнографического ежегодника». Кроме того было внесено предложение о проведении специального совещания, посвященного методике проведения полевых работ.

Секция «Этнография народов Европейской части СССР» была разделена на две подсекции — «Этнография славянских народов» и «Этнография неславянских народов».

В первой подсекции было заслушано 11 докладов по народному искусству, сельскому жилищу и сельским поселениям. Городская тематика была представлена докладами по современной свадебной обрядности, рабочему жилищу и взаимосвязям городского и сельского населения.

Острая дискуссия по вопросу устойчивости этнических признаков развернулась в связи с докладом Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, И. Н. Кучерявенко (Казань) «Формы связи дома с надворными постройками как исторический источник». В докладе, сопровождавшемся показом рисунков, фотографий и карто-схем, прослеживалась эволюция форм связи на территории Среднего Поволжья и ее зависимость от социально-экономических условий, а также влияние местных поволжских народов на культуру и быт русских.

Большой интерес вызвали также доклады Ю. Ф. Лашука (Львов) «Фигурные изображения в украинской керамике (по материалам Львовской области)», И. Я. Богуславской (Ленинград) «Росписи на коробах Городецкого района Горьковской области» и Н. В. Тарановской (Ленинград) «Домовые росписи Верхнетоемского района Архангельской области», содержавшие огромный иллюстративный материал.

Одно заседание подсекции было посвящено обсуждению проблем историко-этнографического атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия». В нем приняли участие этнографы Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии и Молдавии. На заседании был обсужден предварительный проспект атласа.

В работе подсекции «Этнография неславянских народов» участвовали этнографы и искусствоведы Москвы, Ленинграда, республик Советской Прибалтики, Карелии, Мордовии, Башкирии, Калмыкии, Татарии, Коми АССР и ряда городов РСФСР. Они заслушали и обсудили 13 докладов. Шесть из них были посвящены современным этническим процессам у татар, мордвы, эстонцев, латышей, коми и ненцев. Наиболее интересными среди них были доклады И. В. Рябиковой (Ленинград) «Методика этно-социологического изучения населения городов Татарии», М. Н. Губогло (Москва) «Двуязычие и многоязычие как условия и результат этнических процессов» и Р. А. Григорьевой, Л. Н. Терентьевой (Москва) «Определение национальности детей в национальных смешанных семьях (по материалам Латвии и Эстонии)», отличавшиеся новизной методики и самой постановки вопроса. Доклады И. В. Рябиковой и М. Н. Губогло дополняли доклад Ю. В. Арутюняна, прочитанный им на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР. Доклад же Р. А. Григорьевой и Л. Н. Терентьевой, основанный на глубоком изучении материалов паспортных столов милиции, ввел в научный оборот новые, ранее не использовавшиеся источники изучения этнических процессов.

Большой интерес вызвал также доклад Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Н. Н. Кучерявенко, А. Г. Симоновой (Казань) «К вопросу изучения семьи и семейного быта русского сельского населения Среднего Поволжья», отличавшийся актуальностью проблематики и применением современной методики исследования. Казанские этнографы при сборе полевого материала наряду с традиционными этнографическими методами широко использовали анкетирование.

Оживленный обмен мнениями вызвали доклады по народному искусству «К семантике Пермского звериного стиля» Л. С. Грибовой (Сыктывкар) и «Творчество современных мастеров народного искусства Удмуртии, Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа» Н. С. Королевой (Москва).

Как и в других региональных секциях одно заседание здесь было посвящено обсуждению работы над историко-этнографическим атласом.

На заключительном заседании секции, где отмечался высокий научный уровень большинства докладов этого года, был поставлен вопрос о необходимости публикации материалов сессии.

Чрезвычайно интересно проходила работа секции «Фольклор», в которой участвовали фольклористы (словесники и музыковеды) Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, Молдавии, Армении, Грузии, Башкирии, Татарии и ряда городов РСФСР — Калинин, Муром, Омска, Свердловска и Челябинска, а также студенты-филологи МГУ, специализирующиеся по фольклору.

На секции было заслушано 29 докладов. Подавляющее большинство их касалось современного состояния словесного и музыкального фольклора народов СССР. Часть докладов носила теоретический характер. Б. Н. Путилов (Ленинград) рассмотрел современные проблемы сравнительно-исторического изучения фольклора, Р. Р. Гельгардт (Калинин) остановился на лингвистическом аспекте синхронного описания бытующего фольклора, С. И. Дмитриева (Москва) говорила о географическом распространении былин и продемонстрировала составленные ею карты.

Как и в прошлые годы, ряд докладов был посвящен взаимодействию фольклорных традиций разных народов СССР — русской и нерусской сказочной прозы в Баш-

На секции «Археология и этнография Кавказа» было заслушано 20 докладов по этнографической тематике. Круг проблем, затронутых докладчиками, был весьма широк и разнообразен. Значительная часть докладов касалась ранних форм идеологии и социальных организаций у народов Кавказа. Можно назвать доклады Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми) «Кудепстский языческий алтарь», Э. Л. Коджесау (Майкоп) «О сельской общине у адыгов», Т. А. Чиковани (Тбилиси) «Формы межсоседской взаимопомощи у цалкских урумов» и др.

На секции были также представлены доклады по современности. Г. Н. Джавахишвили (Тбилиси) познакомил членов секции с некоторыми вопросами этнографического изучения рабочих-цементников г. Каспия. А. Е. Панян (Москва) посвятила свой доклад социальной структуре современного армянского села.

Особое внимание привлекли доклады М. А. Агларова (Махачкала) «О путях формирования этнических общностей в Аварии», З. Д. Гагловой (Цхинвали), «Осетино-сванские параллели», М. А. Дибирова (Тбилиси) «О канатоходстве в Дагестане», Г. Х. Мамбетова (Нальчик) «К истории кабардинских имен» и К. К. Чолокашвили (Тбилиси) «О сходстве и взаимосвязи некоторых элементов грузинской одежды и боевого снаряжения».

Группа докладов по истории материальной культуры народов Кавказа, тематически связанных с «Кавказским историко-этнографическим атласом», была перенесена на специальное совещание по атласу.

На секции поднимался вопрос о возобновлении региональных археолого-этнографических совещаний по истории культуры Кавказа и, в первую очередь, по проблеме «Кавказского историко-этнографического атласа». Обращалось также внимание на необходимость проведения общесоюзного совещания по методике и методологии этногетических исследований. В этом плане в ближайшее время намечено провести специальную научную сессию, посвященную проблеме происхождения народов абхазо-адыгской группы.

На секции «Этнография народов Средней Азии и Казахстана» было заслушано 18 докладов. Основное внимание в них уделялось проблемам изучения современных этнических процессов, народному декоративно-прикладному искусству, а также тематике историко-этнографического атласа «Народы Средней Азии и Казахстана».

Широкий обмен мнениями вызвали доклады Л. Ф. Моногаровой (Москва) «Сближение припамирских народностей с таджиками», Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) «Этнические процессы и семейный быт (по материалам этнографического изучения корейцев Средней Азии и Казахстана)», З. А. Джикиева (Ашхабад) «Материалы по этногенезу туркмен карадашлы и емрели», Э. Г. Гафферберг (Ленинград) «Некоторые итоги анкетного обследования семейного быта белуджей Туркмении», М. В. Сазоновой (Ленинград) «О некоторых традициях в украшениях узбеков Хорезма (по материалам Хорезмской экспедиции АН СССР)», А. О. Оразова (Ашхабад) «Скотоводческие обряды у туркмен долины Сумбара и Чендыра», Б. С. Гамбурга (Ленинград) «К вопросу о традиционной среднеазиатской сельскохозяйственной технике» и Р. Я. Рассудовой (Ленинград) «Значение термина «кош» у земледельцев Узбекистана в XIX в.».

Успешно прошло специальное заседание, посвященное подготовке историко-этнографического атласа «Народы Средней Азии и Казахстана». Оно показало, что этнографы среднеазиатских республик уже активно включились в работу над атласом.

На секции «Этнография народов Сибири» было заслушано 13 докладов. В них рассматривались проблемы этногенеза, общественный строй, материальная и духовная культура народов Сибири в прошлом и настоящем, а также их декоративно-прикладное искусство. Значительная часть докладов была посвящена народам Амура. В. А. Туголуков (Москва) сообщил об этнографических результатах поездки к орочам и удэгейцам, В. А. Тимохин (Новосибирск) — о применении социологических методов в этнографии (на примере экспедиционной работы в низовьях р. Амур), А. В. Смоляк (Москва) дала этнографическую характеристику бикинской группы удэгейцев, Ч. М. Таксами (Ленинград) рассказал о современных праздниках у народов Сахалина.

С особым интересом были выслушаны доклады И. С. Вдовина (Ленинград) «К вопросу об этнической принадлежности ительменов», С. В. Иванова (Ленинград) «Ульчские декоративные ковры 20-х годов», Г. И. Пелих (Томск) «Палеосибирские предки селькупов» и А. П. Хлобыстина (Ленинград) «О раскопках на Таймыре». Все они представляли собой исследования, основанные на глубоком изучении полевых материалов.

В прениях, развернувшихся на секции, обращалось внимание на необходимость более широкой публикации этнографических материалов и исследований, в том числе и докладов, прочитанных на отчетно-экспедиционных сессиях. В связи с этим был поднят вопрос об издании «Этнографического ежегодника». Кроме того было внесено предложение о проведении специального совещания, посвященного методике проведения полевых работ.

Секция «Этнография народов Европейской части СССР» была разделена на две подсекции — «Этнография славянских народов» и «Этнография неславянских народов».

В первой подсекции было заслушано 11 докладов по народному искусству, сельскому жилищу и сельским поселениям. Городская тематика была представлена докладами по современной свадебной обрядности, рабочему жилищу и взаимосвязям городского и сельского населения.

Острая дискуссия по вопросу устойчивости этнических признаков развернулась в связи с докладом Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Н. Н. Кучерявенко (Казань) «Формы связи дома с надворными постройками как исторический источник». В докладе, сопровождавшемся показом рисунков, фотографий и карто-схем, преследовалась эволюция форм связи на территории Среднего Поволжья и ее зависимость от социально-экономических условий, а также влияние местных поволжских народов на культуру и быт русских.

Большой интерес вызвали также доклады Ю. Ф. Лашука (Львов) «Фигурные изображения в украинской керамике (по материалам Львовской области)», И. Я. Богуславской (Ленинград) «Росписи на коробах Городецкого района Горьковской области» и Н. В. Тарановской (Ленинград) «Домовые росписи Верхнетоемского района Архангельской области», содержавшие огромный иллюстративный материал.

Одно заседание подсекции было посвящено обсуждению проблем историко-этнографического атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия». В нем приняли участие этнографы Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии и Молдавии. На заседании был обсужден предварительный проспект атласа.

В работе подсекции «Этнография неславянских народов» участвовали этнографы и искусствоведы Москвы, Ленинграда, республик Советской Прибалтики, Карелии, Мордовии, Башкирии, Калмыкии, Татарии, Коми АССР и ряда городов РСФСР. Они заслушали и обсудили 13 докладов. Шесть из них были посвящены современным этническим процессам у татар, мордвы, эстонцев, латышей, коми и ненцев. Наиболее интересными среди них были доклады И. В. Рябиковой (Ленинград) «Методика этно-социологического изучения населения городов Татарии», М. Н. Губогло (Москва) «Двуязычие и многоязычие как условия и результат этнических процессов» и Р. А. Григорьевой, Л. Н. Терентьевой (Москва) «Определение национальности детей в национальных смешанных семьях (по материалам Латвии и Эстонии)», отличавшиеся новизной методики и самой постановки вопроса. Доклады И. В. Рябиковой и М. Н. Губогло дополняли доклад Ю. В. Арутюняна, прочитанный им на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР. Доклад же Р. А. Григорьевой и Л. Н. Терентьевой, основанный на глубоком изучении материалов паспортных столов милиции, ввел в научный оборот новые, ранее не использовавшиеся источники изучения этнических процессов.

Большой интерес вызвал также доклад Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Н. Н. Кучерявенко, А. Г. Симоновой (Казань) «К вопросу изучения семьи и семейного быта русского сельского населения Среднего Поволжья», отличавшийся актуальностью проблематики и применением современной методики исследования. Казанские этнографы при сборе полевого материала наряду с традиционными этнографическими методами широко использовали анкетирование.

Оживленный обмен мнениями вызвали доклады по народному искусству «К семантике Пермского звериного стиля» Л. С. Грибовой (Сыктывкар) и «Творчество современных мастеров народного искусства Удмуртии, Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа» Н. С. Королевой (Москва).

Как и в других региональных секциях одно заседание здесь было посвящено обсуждению работы над историко-этнографическим атласом.

На заключительном заседании секции, где отмечался высокий научный уровень большинства докладов этого года, был поставлен вопрос о необходимости публикации материалов сессии.

Чрезвычайно интересно проходила работа секции «Фольклор», в которой участвовали фольклористы (словесники и музыковеды) Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, Молдавии, Армении, Грузии, Башкирии, Татарии и ряда городов РСФСР — Калинин, Муром, Омск, Свердловск и Челябинск, а также студенты-филологи МГУ, специализирующиеся по фольклору.

На секции было заслушано 29 докладов. Подавляющее большинство их касалось современного состояния словесного и музыкального фольклора народов СССР. Часть докладов носила теоретический характер. Б. Н. Путилов (Ленинград) рассмотрел современные проблемы сравнительно-исторического изучения фольклора, Р. Р. Гельгардт (Калинин) остановился на лингвистическом аспекте синхронного описания бытующего фольклора, С. И. Дмитриева (Москва) говорила о географическом распространении былин и продемонстрировала составленные ею карты.

Как и в прошлые годы, ряд докладов был посвящен взаимодействию фольклорных традиций разных народов СССР — русской и нерусской сказочной прозы в Баш-

кирии (Л. Г. Барак, Уфа), русско-украинским песенным связям в Молдавии (Р. А. Богомольная, Кишинев), русско-белорусским песенным связям в Прибалтике (Т. С. Макашина, Москва).

Значительно шире, чем на предшествующих сессиях, были представлены доклады по музыкальному фольклору белорусов (доклады А. С. Лиси и Э. Можейко, Минск), эстонцев (И. Рюйтель, Тарту), грузин (Н. М. Майсурадзе, Тбилиси) и народов Камчатки (И. Бродский, Москва).

Многие доклады были хорошо иллюстрированы диапозитивами, кинофильмами, магнитофонными записями.

В большинстве докладов, основанных на экспедиционных материалах, поднимались вопросы методики собирания фольклора, вызвавшие острую дискуссию. Очень важно, что теперь почти все фольклорные экспедиции ставят перед собою определенные исследовательские задачи: изучение исполнительского мастерства (Н. И. Савушкина, Москва, О. Кыйва, Тарту), сбор материала по определенной тематике (Л. С. Шептаев, Ленинград) или одному жанру (А. В. Гончарова, Калинин); некоторые (В. П. Аникин, Москва, К. Григас, Вильнюс) считают обязательным полный учет всего местного устно-поэтического репертуара. Но во всех случаях обязательной признается механическая запись и фото- и киносъемки. Общую поддержку встретили предложения С. Н. Азбелева (Ленинград) о необходимости улучшения информации об экспедиционной работе и упорядочении фольклорных архивов, хранящихся в различных учреждениях.

На секции также поднимался вопрос об издании сборника статей, посвященного опыту собирательской работы, и о регулярной публикации в журнале «Советская этнография» сообщений об итогах фольклорных экспедиций.

О результатах полевых исследований этнографов рассказывала и выставка экспедиционных материалов, на которой были представлены рисунки, чертежи и фотографии, отражающие традиционную и современную культуру различных народов Советского Союза.

Отчетно-экспедиционная сессия показала, что в исследованиях этнографов по-прежнему значительное место занимают проблемы современных этнических процессов и этнографическое изучение современности. Наряду с этим большое внимание уделяется работе по подготовке региональных историко-этнографических атласов, в связи с чем в ряде республик развернулись исследования по проблемам этногенеза, изучению народной одежды, хозяйства, жилищ и поселений в прошлом и настоящем.

Участниками сессии была отмечена настоятельная необходимость проведения специальных совещаний по методике полевых исследований и возможно более полной публикации материалов отчетно-экспедиционных сессий.

\* \* \*

После окончания отчетно-экспедиционной сессии в Институте этнографии АН СССР были проведены антропологический семинар (с 21 по 25 апреля) и совещание по «Кавказскому историко-этнографическому атласу» (с 22 по 24 апреля).

Антропологический семинар был организован по инициативе отдела антропологии Института этнографии для ознакомления антропологов страны с новыми отраслями антропологической науки и унификации применяющихся методов антропологических исследований. Кроме того, семинар должен был положить начало постоянно действующей системе профессиональных контактов с целью обмена все накапливающейся научной информацией. В работе семинара участвовали 24 человека — сотрудники научно-исследовательских учреждений союзных республик, Ленинградского отделения Института этнографии, Московского государственного университета и ряда педагогических институтов.

Занятия семинара проводились антропологами Института этнографии по следующим разделам: методика дерматоглифических исследований (рук. Г. Л. Хить), методика одонтологических исследований (рук. А. А. Зубов), методы изучения признаков с известной наследственной структурой — методика исследования цветовой слепоты и вкусового теста (рук. И. М. Золотарева), методы обработки серологических материалов (рук. А. А. Воронов). В. В. Бунак прочел участникам семинара лекцию «Методы и принципы антропологического анализа». Занятия семинара сопровождался широким обменом мнений, порой переходившим в острую дискуссию.

При подведении итогов работы семинара было признано целесообразным устраивать подобные встречи антропологов не реже одного раза в два года, приурочив их к московским отчетно-экспедиционным сессиям и продлив время их работы до 10—12 дней.

Совещание по «Кавказскому историко-этнографическому атласу» было создано по инициативе сектора народов Кавказа Института этнографии АН СССР для координации работы над атласом. В нем приняли участие 45 этнографов и музейных работников Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и областей Кавказа.



На совещании были заслушаны 10 докладов и сообщений, посвященных организационным и методическим вопросам и разработке некоторых разделов атласа. В. К. Гарданов (Москва) познакомил присутствующих с очередными задачами работы над атласом. Е. Н. Студенецкая (Ленинград) рассказала об использовании архивных документов при изучении материальной культуры (на материале Северного Кавказа). Присутствовавшие на совещании члены авторского коллектива историко-этнографического атласа «Русские» — М. Г. Рабинович, О. А. Ганцкая (Москва) и Л. М. Сабурова (Ленинград) — поделились опытом своей работы над атласом, уделив особое внимание темам «Поселение и жилище» и «Сельскохозяйственные орудия». Об опыте работы над историко-этнографическим атласом «Народы Прибалтики» сообщил Л. Н. Терентьева.

Особый интерес вызвали доклады по одежде народов Кавказа — Н. Х. Авакян (Ереван) «Особенности народной одежды Арцаха XIX — начала XX в.», Э. Г. Торчинской (Ленинград) «Мужская одежда азербайджанцев XIX — начала XX в. по собранию Государственного музея этнографии народов СССР», А. Г. Трофимовой (Москва) «Обзор музейных коллекций азербайджанской одежды Государственного музея Грузии», а также доклады Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «К изучению форм скотоводства у народов Закавказья (по материалам второй половины XIX — начала XX в.)» и Д. С. Вардумяна (Ереван) «Этапы развития армянского народного жилища в последнем столетии». Все эти доклады будут опубликованы в I томе «Материалов Кавказского историко-этнографического атласа».

Значительное место в работе совещания заняло обсуждение программ, вопросников, списков и бланков карт по разделам «Одежда», «Земледелие», «Скотоводство», «Поселение и жилище». С учетом некоторых замечаний все они были одобрены.

Итогом работы совещания явилось принятие развернутого решения, предусматривающего ряд конкретных мероприятий по активизации работы над «Кавказским историко-этнографическим атласом».

Н. С. Полищук

## НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ»

26—29 марта 1968 г. в Ленинграде состоялась научная конференция на тему «Фольклор и этнография», организованная Институтом этнографии АН СССР (Ленинградское отделение). В ней приняли участие сотрудники гуманитарных институтов Академии наук СССР Ленинграда и Москвы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов (ЛГУ, Пед. института им. Герцена, Института театра, музыки и кинематографии, Ленинградской гос. консерватории, Московского института художественной промышленности) и работники ряда культурно-просветительных организаций Ленинграда (Гос. музея этнографии народов СССР, Гос. Эрмитажа, Всесоюзного географического общества и др.).

Открывая конференцию, и. о. зам. директора Института этнографии АН СССР Л. М. Сабурова в кратком вступительном слове подчеркнула важность и необходимость объединения усилий ученых разных специальностей для решения больших и сложных проблем советской этнографии и фольклористики и пожелала собравшимся плодотворной работы.

На конференции было прочитано 36 докладов. Значительная часть их была посвящена вопросам, связанным с взаимоотношением фольклора и этнографии, с выяснением роли и места фольклористики в системе этнографических знаний. Особому рассмотрению подвергся вопрос о способах и методах использования фольклора как этнографического источника в исследованиях по материальной культуре, истории социальных институтов и этногенезу. Актуальные проблемы, стоящие перед современной наукой, докладчики пытались решать, широко привлекая фольклорные, этнографические, лингвистические, археологические и другие данные (как отечественные, так и зарубежные).

С общеметодологическим докладом «Фольклор и этнография» выступил К. В. Чистов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) <sup>1</sup>.

В. Е. Гусев (Ин-т русской литературы АН СССР, Ленинград) в докладе «Фольклористика, этнография и современная художественная культура», охарактеризовав состояние проблемы, выделил два пласта современной художественной культуры — сохраняемые и обновляемые традиции и новые явления. Он подчеркнул, что необходимо определить не только общность, но и различия задач, стоящих перед этнографами и фольклористами. В отличие от этнографии, которая изучает весь со-

<sup>1</sup> См. напечатанную в этом номере журнала статью К. В. Чистова «Фольклор и этнография», написанную на основании доклада

кирии (Л. Г. Бараг, Уфа), русско-украинским песенным связям в Молдавии (Р. А. Богомольная, Кишинев), русско-белорусским песенным связям в Прибалтике (Т. С. Макашина, Москва).

Значительно шире, чем на предшествующих сессиях, были представлены доклады по музыкальному фольклору белорусов (доклады А. С. Лиси и Э. Можейко, Минск), эстонцев (И. Рюйтель, Тарту), грузин (Н. М. Майсурадзе, Тбилиси) и народов Камчатки (И. Бродский, Москва).

Многие доклады были хорошо иллюстрированы диапозитивами, кинофильмами, магнитофонными записями.

В большинстве докладов, основанных на экспедиционных материалах, поднимались вопросы методики собирания фольклора, вызвавшие острую дискуссию. Очень важно, что теперь почти все фольклорные экспедиции ставят перед собою определенные исследовательские задачи: изучение исполнительского мастерства (Н. И. Савушкина, Москва, О. Кыйва, Тарту), сбор материала по определенной тематике (Л. С. Шептаев, Ленинград) или одному жанру (А. В. Гончарова, Калинин); некоторые (В. П. Аникин, Москва, К. Григас, Вильнюс) считают обязательным полный учет всего местного устно-поэтического репертуара. Но во всех случаях обязательной признается механическая запись и фото- и киносъемки. Общую поддержку встретили предложения С. Н. Азбелева (Ленинград) о необходимости улучшения информации об экспедиционной работе и упорядочении фольклорных архивов, хранящихся в различных учреждениях.

На секции также поднимался вопрос об издании сборника статей, посвященного опыту собирательской работы, и о регулярной публикации в журнале «Советская этнография» сообщений об итогах фольклорных экспедиций.

О результатах полевых исследований этнографов рассказывала и выставка экспедиционных материалов, на которой были представлены рисунки, чертежи и фотографии, отражающие традиционную и современную культуру различных народов Советского Союза.

Отчетно-экспедиционная сессия показала, что в исследованиях этнографов по-прежнему значительное место занимают проблемы современных этнических процессов и этнографическое изучение современности. Наряду с этим большое внимание уделяется работе по подготовке региональных историко-этнографических атласов, в связи с чем в ряде республик развернулись исследования по проблемам этногенеза, изучению народной одежды, хозяйства, жилищ и поселений в прошлом и настоящем.

Участниками сессии была отмечена настоятельная необходимость проведения специальных совещаний по методике полевых исследований и возможно более полной публикации материалов отчетно-экспедиционных сессий.

\* \* \*

После окончания отчетно-экспедиционной сессии в Институте этнографии АН СССР были проведены антропологический семинар (с 21 по 25 апреля) и совещание по «Кавказскому историко-этнографическому атласу» (с 22 по 24 апреля).

Антропологический семинар был организован по инициативе отдела антропологии Института этнографии для ознакомления антропологов страны с новыми отраслями антропологической науки и унификации применяющихся методов антропологических исследований. Кроме того, семинар должен был положить начало постоянно действующей системе профессиональных контактов с целью обмена все накапливающейся научной информацией. В работе семинара участвовали 24 человека — сотрудники научно-исследовательских учреждений союзных республик, Ленинградского отделения Института этнографии, Московского государственного университета и ряда педагогических институтов.

Занятия семинара проводились антропологами Института этнографии по следующим разделам: методика дерматоглифических исследований (рук. Г. Л. Хить), методика одонтологических исследований (рук. А. А. Зубов), методы изучения признаков с известной наследственной структурой — методика исследования цветовой слепоты и вкусового теста (рук. И. М. Золотарева), методы обработки серологических материалов (рук. А. А. Воронов). В. В. Бунак прочел участникам семинара лекцию «Методы и принципы антропологического анализа». Занятия семинара сопровождались широким обменом мнений, порой переходившим в острую дискуссию.

При подведении итогов работы семинара было признано целесообразным устраивать подобные встречи антропологов не реже одного раза в два года, приурочив их к московским отчетно-экспедиционным сессиям и продлив время их работы до 10—12 дней.

Совещание по «Кавказскому историко-этнографическому атласу» было создано по инициативе сектора народов Кавказа Института этнографии АН СССР для координации работы над атласом. В нем приняли участие 45 этнографов и музейных работников Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и областей Кавказа.

На совещании были заслушаны 10 докладов и сообщений, посвященных организационным и методическим вопросам и разработке некоторых разделов атласа. В. К. Гарданов (Москва) познакомил присутствующих с очередными задачами работы над атласом. Е. Н. Студенецкая (Ленинград) рассказала об использовании архивных документов при изучении материальной культуры (на материале Северного Кавказа). Присутствовавшие на совещании члены авторского коллектива историко-этнографического атласа «Русские» — М. Г. Рабинович, О. А. Ганцкая (Москва) и Л. М. Сабурова (Ленинград) — поделились опытом своей работы над атласом, уделив особое внимание темам «Поселение и жилище» и «Сельскохозяйственные орудия». Об опыте работы над историко-этнографическим атласом «Народы Прибалтики» сообщила Л. Н. Терентьева.

Особый интерес вызвали доклады по одежде народов Кавказа — Н. Х. Авакян (Ереван) «Особенности народной одежды Арцаха XIX — начала XX в.», Э. Г. Торчинской (Ленинград) «Мужская одежда азербайджанцев XIX — начала XX в. по собранию Государственного музея этнографии народов СССР», А. Г. Трофимовой (Москва) «Обзор музейных коллекций азербайджанской одежды Государственного музея Грузии», а также доклады Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «К изучению форм скотоводства у народов Закавказья (по материалам второй половины XIX — начала XX в.)» и Д. С. Вардумяна (Ереван) «Этапы развития армянского народного жилища в последнем столетии». Все эти доклады будут опубликованы в I томе «Материалов Кавказского историко-этнографического атласа».

Значительное место в работе совещания заняло обсуждение программ, вопросников, списков и бланков карт по разделам «Одежда», «Земледелие», «Скотоводство», «Поселение и жилище». С учетом некоторых замечаний все они были одобрены.

Итогом работы совещания явилось принятие развернутого решения, предусматривающего ряд конкретных мероприятий по активизации работы над «Кавказским историко-этнографическим атласом».

Н. С. Полищук

## НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ»

26—29 марта 1968 г. в Ленинграде состоялась научная конференция на тему «Фольклор и этнография», организованная Институтом этнографии АН СССР (Ленинградское отделение). В ней приняли участие сотрудники гуманитарных институтов Академии наук СССР Ленинграда и Москвы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов (ЛГУ, Пед. института им. Герцена, Института театра, музыки и кинематографии, Ленинградской гос. консерватории, Московского института художественной промышленности) и работники ряда культурно-просветительных организаций Ленинграда (Гос. музея этнографии народов СССР, Гос. Эрмитажа, Всесоюзного географического общества и др.).

Открывая конференцию, и. о. зам. директора Института этнографии АН СССР Л. М. Сабурова в кратком вступительном слове подчеркнула важность и необходимость объединения усилий ученых разных специальностей для решения больших и сложных проблем советской этнографии и фольклористики и пожелала собравшимся плодотворной работы.

На конференции было прочитано 36 докладов. Значительная часть их была посвящена вопросам, связанным с взаимоотношением фольклора и этнографии, с выяснением роли и места фольклористики в системе этнографических знаний. Особому рассмотрению подвергся вопрос о способах и методах использования фольклора как этнографического источника в исследованиях по материальной культуре, истории социальных институтов и этногенезу. Актуальные проблемы, стоящие перед современной наукой, докладчики пытались решать, широко привлекая фольклорные, этнографические, лингвистические, археологические и другие данные (как отечественные, так и зарубежные).

С общеметодологическим докладом «Фольклор и этнография» выступил К. В. Чистов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград)<sup>1</sup>.

В. Е. Гусев (Ин-т русской литературы АН СССР, Ленинград) в докладе «Фольклористика, этнография и современная художественная культура», охарактеризовав состояние проблемы, выделил два пласта современной художественной культуры — сохраняемые и обновляемые традиции и новые явления. Он подчеркнул, что необходимо определить не только общность, но и различия задач, стоящих перед этнографами и фольклористами. В отличие от этнографии, которая изучает весь со-

<sup>1</sup> См. напечатанную в этом номере журнала статью К. В. Чистова «Фольклор и этнография», написанную на основании доклада

временный художественный быт, фольклористика должна сосредоточить внимание на исследовании специфических процессов, протекающих в коллективном художественном творчестве народа. В заключение докладчик остановился на методике изучения современной художественной культуры и сформулировал некоторые практические задачи в этой области.

Научным принципам выделения фольклорных жанров как необходимой ступени к их историческому изучению были посвящены доклады Е. М. Мелетинского (Ин-т мировой литературы АН СССР, Москва) «Миф и сказка» и В. Я. Проппа (ЛГУ) «Русская кумулятивная сказка».

Практическое различие мифа и сказки, сказал Е. М. Мелетинский, очень важно для фольклористов и этнографов, изучающих архаические формы народного творчества. Автор устанавливает ряд признаков, разграничивающих миф и сказку: А — признаки, выражающие отношение самих исполнителей: 1 — ритуальность — неритуальность, 2 — сакральность — несакральность, 3 — достоверность — выдумка, 4 — конкретно-этнографическая фантастика — условно-поэтическая. Б — признаки, определяющие тематику, героев и время действия: 1 — мифологический тип героя (боги, первопредки, культурные герои) — сказочный герой, 2 — мифическое время действия — сказочно-неопределенное, 3 — наличие или отсутствие этиологизма, 4 — коллективность (судьба космоса, племени и т. п.) — индивидуальная судьба, переживания. В историко-генетическом развитии происходит десакрализация мифа, утрата героем мифологических черт, утрата веры и пр., что знаменует переход мифа в сказку. Синхронически мифы и сказки в пределах «первобытного» фольклора трудноразличимы и в ряде случаев мы имеем дело с синкретизмом мифа — сказки. Такие синкретические образования требуют двойного анализа.

Критически оценивая указатели сказок Томпсона, Аарне и др., В. Я. Пропп отметил, что в основу научной классификации сказок должна быть положена их структура, а не мотив или сюжет. Именно структура кумулятивных сказок прежде всего и позволяет выделить их в самостоятельную жанровую группу. Структурный признак кумулятивной, или «цепной» сказки, типа «Репка», «Теремок», «Мена», дополняется также другими признаками — специфичность содержания, своеобразие стиля и формы исполнения. В настоящее время кумулятивные сказки (особенно из раздела так называемых сказок о животных) почти полностью перешли в детскую аудиторию, тогда как в первобытном обществе они выполняли функции, связанные с производственной деятельностью людей. В заключение В. Я. Пропп сообщил, что он закончил каталог русских кумулятивных сказок.

К. Д. Лаушкин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Баба-Яга и одноногие боги» на основании разнообразных фольклорно-этнографических, археологических и литературных источников пришел к заключению, что Баба-Яга первоначально — славянская богиня смерти, по основному признаку была связана с одноногими и хромоногими мифологическими существами, известными в фольклоре и верованиях многих народов мира. Многие из них ведут свое происхождение от сакрализованной еще в глубокой древности змеи и прошли в направлении антропоморфизации сложную эволюцию, а именно: сверхъестественная змея; человекоподобное существо со змеиным хвостом; одноногое божество; хромое божество; божество, имеющее недостаток в ноге; божество, вполне «очеловеченное», на быструю хромоту которого намекает только миф или ритуал. В приведенной схеме устанавливается лишь логическое развитие образа, историческое же развитие конкретного образа может иметь значительные отклонения от этой схемы. Вывод о змеином происхождении Бабы-Яги согласуется с данными первобытного религиоведения, которому хорошо известен образ змеи как олицетворение смерти.

В докладе «Предания о кладах и их связь с поверьями» В. К. Соколова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) указала, что основа преданий о кладах лежит в древнейших верованиях о могущественных «хозяевах» земных недр. Общность этих верований и обусловила, по мнению докладчика, ту общность преданий, которую мы наблюдаем у всех славянских народов. Другая часть преданий о сокровищах, спрятанных или потерянных в силу каких-либо трагических обстоятельств, связана с конкретными историческими событиями. Они являются уже собственно историческими преданиями, но часто вступают во взаимодействие с поверьями.

О значении музыкальной фольклористики в решении отдельных фольклорно-этнографических проблем говорилось в докладах Ф. А. Рубцова (Ленинградская гос. консерватория) «Музыкальный фольклор и этнография» и И. И. Земцовского (Ин-т театра, музыки и кинематографии, Ленинград) — «Музыка и этногенез».

Наша музыкальная фольклористика, сказал Ф. А. Рубцов, еще не достигла подлинно научного уровня. Правда, она располагает фактами, наблюдениями, но все это пока, к сожалению, не обобщено и не проанализировано. Между тем известно, что музыкальный язык — более глубинная область фольклора, чем сам язык (разговорный и поэтический), ибо он подвергается изменениям значительно медленнее, и потому, отмечали оба докладчика, он очень важен для исследования древнейших пластов фольклора и этнографии.

В докладе «Славянские эпические песни о сватовстве» Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) установил круг повторяющихся элементов (мотивов, ситуаций, образов), которые лежат в основе большинства славянских эпических песен о сватовстве и являются для них сюжетообразующими. Автор сопоставил славянские эпические песни о сватовстве с аналогичными песнями архаической эпик и обнаружил несомненную типологическую преемственность отмеченных элементов. На основании этого он сделал предположение, что былины и юнацкие песни о сватовстве сложились в результате закономерного развития типологически более ранних, славянских же, эпических систем, характер которых может быть восстановлен сравнительным путем. В своем генезисе элементы, составляющие основу эпоса о сватовстве, восходят к бытовым отношениям и архаическим представлениям, соответствующим преимущественно родовому строю. В исторической эпике эти элементы трансформируются, наполняются новым историческим содержанием и дополняются новыми социально-бытовыми мотивами и представлениями.

Р. С. Липец (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Отражение культа тура в эпосе» на основе фольклорно-этнографических и археологических данных отнесла происхождение культа быка не к скотоводческой, а к более ранней стадии развития хозяйства на территории Восточной Европы — охотничьей и проследила отражение в былинах разных этапов этого культа.

Фольклорно-этнографический, археологический и лингвистический материал, собранный в течение ряда лет самими докладчиками, а также живые наблюдения, полученные в полевых условиях, легли в основу докладов по народам Севера, Сибири, Закавказья и Средней Азии.

На ряде убедительных примеров И. С. Вдовин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными» показал значение фольклора для изучения ранней истории народов Севера (коряков, чукчей, эскимосов и др.). Особенно ценными в этом отношении, по мнению докладчика, являются различного рода предания и героические сказания, содержащие весьма обширный исторический и этнографический материал, в значительной своей части вполне надежный и точный.

Мысль И. С. Вдовина о значении фольклора для изучения истории народов Севера и необходимости форсирования его собирания и публикаций прозвучала и в ряде последующих выступлений, в том числе особенно настойчиво в докладе М. Г. Воскобойникова (Пед. ин-т им. Герцена, Ленинград) «Семейно-бытовые обряды в преданиях и устных рассказах эвенков».

В докладе «Этнографические элементы в кетском фольклоре» Е. А. Алексеенко, развивая тезис о тесной взаимосвязи фольклора и этнографии, иллюстрировала его примерами, в которых фольклорные данные выступают как подтверждение и дополнение этнографических или, наоборот, требуют объяснения этнографическим материалом. В некоторых случаях фольклор является уникальным историческим источником. Так, этнографии и истории известны только патриархальные отношения у кетов и, в частности, патрилокальное поселение. Фольклорные же данные позволяют предполагать существование некогда у кетов и матрилокального поселения; для выявления элементов возможных материнских отношений важны данные об особой роли дяди по матери в воспитании ребенка; интересны свидетельства о парном соседском расселении двух групп, связанных взаимобратными отношениями, многоженстве и др.

Л. В. Хомич (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Ненецкие предания о сихиртя» рассказала о наименее известных преданиях, для которых в ненецком языке существуют два термина — «лаханако» (от глагола лаханась — рассказывать) и «ва'ал» (вал). Последний термин не переводится. Ненецкие предания (ва'ал) о сихиртя (сиртя) распространены на всей территории современного расселения ненцев и повествуют о встречах с низкорослыми людьми. В них, видимо, сохранилась память об аборигенном населении тундры до прихода туда из более южных районов предков ненцев, что подтверждается и литературными источниками, а также археологическими материалами, собранными в Ямале и Европейском Севере. Для определения этнической принадлежности сихиртя необходимо продолжать археологические изыскания и сбор преданий. Определенные данные указывают на близость сихиртя с далекими предками саамов.

Доклад И. С. Гурвича (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Якутско-юкагирские предания об оспе (к вопросу о формировании демонологических представлений)» вызвал живой интерес новизной постановки вопроса. Оспа в Якутию, отметил докладчик, была занесена в XVII в. и произвела в этой стране величайшие опустошения. Предания об оспе были зарегистрированы рядом собирателей, в том числе и автором доклада. Анализ якутских и юкагирских преданий об оспе убеждает в том, что образ духа оспы (блуждающей русской женщины в ярком сарафане) и умиловительные обряды (угощение духа оспы) заимствованы от русских переселенцев. В новой этнической среде представления об оспе пополнились рядом своеобразных местных деталей. В преданиях повествуется о неудачной борьбе шаманов с оспой (так, объясняется, почему оспа выкосила целые роды), почему оспа не затронула некоторые районы

Севера (оспа отморозила себе ногу), почему остались живыми отдельные лица (они помогли оспе передвигаться) и т. д. Образ духа оспы вошел в систему демонологических образов якутов и юкагиров. Умилостивительные обряды, продельвавшиеся коренным населением во время эпидемий оспы, показывают, что население верило в реальность преданий об оспе.

Д. А. Сергеев (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморских археологических находках (I—V вв. н. э.)» напомнил о результатах раскопок в 1967 г. Эквенского могильника № 154 на Чукотке, в котором среди других вещей были найдены деревянная маска с глазами и зубами, сделанными из моржового клыка, и орнаментированный крок из того же материала, выполненный в виде антропоморфной скульптуры сложной композиции, изображающей в одном ракурсе моржуху с моржом на спине, а в другом — женщину. Скульптура выполнена так, что одни и те же детали ее служат для изображения частей тела либо животного, либо человека. Этнографические и фольклорные источники помогли раскрыть назначение впервые найденной маски и связь между сюжетом антропоморфной фигуры (женщина — моржиха) и легендой о женщине-моржихе, известной по ареалу распространения эскимосской культуры от Чукотки до Гренландии включительно. Таким образом, фольклорные и этнографические источники в ряде случаев объясняют археологические материалы, а археологические памятники, в свою очередь, в какой-то степени позволяют поставить вопрос о датировке отдельных сюжетов дошедших до нас легенд.

Г. М. Василевич (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Этнонимы в фольклоре» на примере трех этнонимов (нгалеондри, манги и торчан), являющихся синонимами слов «медведь», «предок», фигурирующих в разных жанрах фольклора тунгусов (эвенков, эвенов, негидальцев), а также в шаманстве всех тунгусо-маньчжуров (манги), достаточно убедительно показала, что эти этнонимы являются названиями древних групп населения, вошедших в состав тунгусов в разное время; Г. М. Василевич выявила причины появления синонима слова «медведь» и углубила понимание культа медведя у тунгусов.

В. И. Цинциус (Ин-т языкознания АН СССР, Ленинград) в докладе «Негидальский вариант сказаний восточных тунгусов (эвенков и эвенов)» проанализировала один из наиболее полных вариантов тунгусского сказания об охотнике Омусликоне-богатыре и его сыне Хоронгучане-богатыре, записанный в 1927 г., и пришла к заключению, что сказание это представляет значительный интерес не только с фольклорной, но и с этнографической стороны. В нем ярко вырисовывается роль старшего брата при заключении брака и экзогамность брака (представители Средней земли — пешие охотники — женятся на представительницах Верхней земли — сестрах оленеводов).

Трудно переоценить значение фольклора для изучения исторического прошлого, подчеркнул в докладе «Кабардинский фольклор и средневековая история восточной Европы» Л. И. Лавров (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград). В то же время докладчик подверг критическому разбору широко распространенную гипотезу Ш. Б. Ногмова (первая половина XIX в.) о будто бы исключительной сохранности исторического фольклора кабардинцев как ценнейшего источника для средневековой истории Кавказа и Восточной Европы. Л. И. Лавров на конкретных примерах показал, насколько ошибаются те этнографы, историки, археологи, фольклористы и историки литературы, которые в этом вопросе до сих пор слепо следуют за Ш. Б. Ногмовым.

М. Б. Руденко (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) доклад «Похоронные песни курдов-езидов Закавказья» построила на материале, который ей удалось записать от курдов-езидов, выходцев из Турции. Всего она записала 100 похоронных песен, делавшихся на мужской и женский циклы. В отличие от женского цикла, цикл мужских песен наряду с лирическими мотивами содержит героико-эпические и в некоторой своей части связан с обрядом «коталь» (ye gerandine). Есть особая группа песен, оплакивающих умерших на чужбине. Исполняемые только при погребальных обрядах (не хором, а в одиночке), похоронные песни курдов-езидов содержат богатый материал, связанный не только с погребальными, но и с другими обрядами и обычаями и вообще со многими сторонами материальной и духовной жизни этого народа.

Н. А. Кисляков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Об одном древнем обычае в преданиях и в фольклоре таджиков (обречение стариков на гибель)» указал, что среди горных таджиков, особенно на Памире, были распространены предания о стариках, которых относили на определенное место в горах и оставляли на верную смерть. Предания гласят, что этот обычай соблюдался до тех пор, пока невольные убийцы не осознали, что со временем и им грозит такая же участь и на практике не убедились в мудрости старых людей. Рассмотрев в сравнительном плане большой материал, автор пришел к выводу, что у таджиков указанное предание могло явиться отголоском некогда существовавшего обычая. Дальнейшую эволюцию предания как фольклорного жанра автор видит в том, что оно обрастает морализующими, нравоучительными элементами и тем самым принимает иной оттенок, характерный для притч или басен.

А. З. Розенфельд (ЛГУ) в докладе «Свадебный фольклор припамирских таджиков» осветила малоизученный свадебный фольклор припамирских таджиков, распространенный главным образом на Вандже и Бадахшане (Горно-Бадахшанская автономная обл. Таджикской ССР) и привела ряд образцов богатого бадахшанского свадебного фольклора: собственно свадебные обряды и песни, рубаи — четверостишья, сопровождаемые «свадебным» рефреном, традиционная свадебная песня — бадахшанская версия известного в литературах Ближнего Востока сюжета «Юсуф и Зулейха», театрализованная игра с песней «мағулзабй». Весь свадебный фольклор, заключила А. З. Розенфельд, исполняется только мужчинами под аккомпанемент рубаба или бубна (даф).

Доклад «Фольклор Вахана (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР)» И. М. Стеблин-Каменский (ЛГУ) сделал на основании материалов, собранных им осенью 1967 г. Автор пришел к выводу, что характерной чертой ваханского фольклора является двуязычие. Таджикоязычный фольклор Вахана — часть общего для всех памирских народностей бадахшанско-таджикского фольклора. Ваханоязычный прозаический фольклор является местным вариантом бадахшанского фольклора. Только поэтический ваханоязычный фольклор резко отличается от фольклора других памирских народов.

Конференция заслушала десять докладов, посвященных фольклору и этнографии отдельных народов Африки, Южной Америки и стран зарубежного Востока.

Доклад Д. А. Ольдерогге был посвящен вопросу изучения эпоса народов Африки. Докладчик отметил, что специалисты, изучающие народное творчество, обращают главное внимание на публикацию и исследование сказки, отчасти на мифологию, а эпос остается малоизученным. Поэтому до сих пор в литературе по африканистике высказывается мнение, что эпос чужд народам Африки, а характерным видом устного творчества является сказка: сказки о животных, волшебные сказки, а также пословицы и поговорки. Докладчик указал на существование героического эпоса у народов Западного Судана — сонинке, манинка, бамана и других народов манде, у сонгаев, а также у сорко. Эти сказания имеют много общего между собой и, несомненно, связаны с культурой народов древнего Востока и Северной Африки. В них встречаются отражения культурных традиций древнего Египта и Месопотамии. Иной характер имеют эпические циклы народов тропического леса. Наиболее известный среди них эпос народа монго-кунду о Лианже и его сестре Нсонге. Близок к нему по своему характеру Мвет — сказание, записанное А. Пелпером у народа фанг. Наконец, особый характер имеют эпические сказания бушонго и баньяруанда. Эпические сказания этих народов связаны с дворцовым ритуалом и возникли из хвалебных песен, исполнявшихся певцами при дворах вождей. Особую группу составляют предания суахили. Наряду с произведениями арабского происхождения среди них имеются исконно африканские. Таково, например, предание о Лионго, эпическом герое древних народов Восточной Африки.

В. И. Мисюгин (ЛГУ) в докладе «Сказание о Лионго Фумо» проанализировал один из замечательных памятников суахилийского эпоса домусульманской эпохи. В варианте сказания о Лионго Фумо, записанном Стиром в 1870 г., он указал на детали, свидетельствующие о глубокой древности этой легенды и позволяющие предположить, что в ней нашли отражение постепенно менявшиеся обычаи и правовые нормы, связанные с домусульманским культом духов воды и с жрецами-хранителями этого культа. На основании данных языка суахили, сказал докладчик, можно сделать предположение, что имя собственное Лионго Фумо могло быть и титулом верховного представителя домусульманского суахилийского общества. Возможно, что этого верховного жреца, одновременно являвшегося и политическим руководителем общества, по истечении какого-то срока убивали по особому ритуалу уколом медной иглы в пупок. Есть ли основания предполагать, что этот ритуал совершал наследник титула из возрастной группы родственников, объединяемых термином «ндугу». Стировская запись легенды, вероятно, также отражает и некоторые общественные явления времени разрушения обычая убийства царя-жреца, или детали процесса разделения функций религиозного и политического главы суахилийского общества до распространения ислама.

В докладе Т. Л. Тютрюмовой (ЛГУ) «Эфиопская сказка как этнографический источник» значительное внимание уделено общей характеристике эфиопской сказочной традиции. При всей фантастичности эфиопских сказок и сюжетном сходстве их со сказками других народов, в них довольно рельефно выступают реальные черты прошлой и настоящей жизни страны, отражающие своеобразие этнического состава ее населения, его психологический склад, занятия, национальные обряды, обычаи и т. п.

А. Д. Дридзе (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Африканские мотивы в фольклоре Ямайки» показал, что в определенных условиях фольклор оказывается более устойчивым, чем сам язык. Известно, говорит докладчик, что основная часть населения Ямайки — потомки рабов, вывезенных из Африки с XVI по начало XIX в. В их устном творчестве заметное место до сих пор принадлежит африканским сюжетам и мотивам, хотя знание африканских языков утрачивалось, как

правило, уже во втором поколении. Анализ материала приводит А. Д. Дрицко к выводу, что в ямайской сказке (особенно в волшебной) африканские мотивы преобладают до сих пор. Здесь фигурируют такие характерные для западноафриканского фольклора герои, как паук Энэнси и сопутствующие ему персонажи, действуют звери, которые на Ямайке не водятся. В пословицах, поговорках, загадках связь с африканским фольклором слабее, хотя и тут можно найти немало африканских аналогий. В песенном творчестве (речь идет лишь о текстах) африканские мотивы почти не представлены.

В докладе Р. В. Кинжалова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Песни из Цитбальче как этнографический источник» был охарактеризован недавно найденный сборник поэтических произведений майя, составленный на Юкатане в 1440 г. — первые образцы майяской поэзии, дошедшие до нас. Среди них есть гимны божествам, обрядовые песни и любовная лирика. Все они дают новые ценные сведения по этнографии юкатанских майя XIV—XV вв. В качестве примера докладчик подробно разобрал две песни сборника, относящихся к обряду «школомче»; содержащиеся в них данные позволяют совершенно по-иному понять последовательность церемоний «школомче» и их цель.

Е. В. Ревуненкова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в основу доклада «Фольклорный компонент в малайских исторических хрониках» положила «Малайскую летопись» — самый известный литературный памятник Малайи XIV—XV вв., в котором изображение исторических событий как отдаленного прошлого, так и средневековья, в значительной мере фольклоризировано и преломляется в виде легенд, преданий, мифов и сказок. Мифологические и сказочные сюжеты «Малайской летописи» имеют большое типологическое сходство и широкие аналогии с сюжетами мирового фольклора. Имеющиеся в средневековом произведении мифологические реликты дают возможность в главных чертах реконструировать древнемалайскую мифологию. Более глубокий анализ некоторых легенд позволяет выявить в них архаичные и более поздние мотивы, местные и заимствованные образы и сюжеты, прослеживается и особый стилистический пласт, восходящий к ранней эпической традиции. На основе сюжетно-стилистического анализа «Малайской летописи» и подобных ей произведений можно заключить, что они приближаются к историческим эпическим произведениям.

Исходя из того, что рапануйские петроглифы являются своеобразными иллюстрациями к версиям фольклорных памятников рапануйцев, И. К. Федорова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «О связи петроглифов о-ва Пасхи с рапануйским фольклором» сделала попытку объяснить смысл некоторых из них. В докладе анализируются наскальные рисунки человеческих личин, человекоподобных существ с клювом фрегата и пр. Наскальные изображения церемониальных весел, лодок, тунцов, черепах, лангуста, обнаруженные в разных местах острова, автор связывает с различными эпизодами и персонажами экзотерических версий мифов и легенд. В докладе дано толкование непонятных мест фольклорных версий и этимология ряда терминов. Рапануйское иероглифическое письмо, по мнению докладчика, возникло на основе петроглифов о-ва Пасхи, весьма сходных с наскальными изображениями, обнаруженными в других частях Океании.

В. Г. Трисман (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Колонизация в фольклоре индонезийцев» относит возникновение и распространение легенд о первых колонизаторах в Индонезии к началу XVII в. В них повествуется о захвате обманным путем — сначала португальцами, затем голландцами — земельных участков, о жадности чужеземцев к золоту и драгоценным камням. В древнейших рассказах среди традиционных враждебных персонажей (великанов и др.) появляются европейцы, например белый король — чудовище гигантских размеров, которого в сражении убивает волшебным оружием герой Анггун. Замечательная сатира на колонизаторов (губернаторов, представителей Ост-Индской компании и пр.) содержится в таких произведениях, как поэма о голландской компании (2400 песен), яванская поэма «Барон Сакендер» (723 песни), легенда о происхождении голландцев от собаки и отверженного князя и др. Резко отрицательное отношение к колонизаторам индонезийский народ выразил также в многочисленных пословицах и поговорках.

Ю. М. Осипов (ЛГУ) доклад «Яванская легенда на литературной почве Юго-Восточной Азии» посвятил сказанию о Панджи Ину Картапати, которое в устной форме родилось на Яве и оставило значительный след в литературе и театральном искусстве Камбоджи, Сиам, Бирмы. Автор делает попытку проследить путь распространения легенды в странах Индокитая и выяснить, в какой именно форме яванский фольклорный сюжет оказался на почве той или иной литературы. Распространение и использование данного сюжета свидетельствует о тесных связях между литературами различных народов Юго-Восточной Азии, в частности между малайской, сиамской и бирманской.

Р. Ф. Итс (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Фольклор народов Южного Китая в связи с этническими проблемами» подчеркнул, что в отличие от ханьского фольклора, где до наших дней не сохранилось крупных эпических полотен, фольклор ицзу, чжуан и мяо представлен замечательными эпическими памятниками.



К ним относятся сказание аси (этнографической группы народа ицзу) о «Начале мира» (Сэцзи), поэма сани (также одно из подразделений ицзу) «Ашма», эпос ицзу «Песня колена бамбука» (Мэйгэ), насчитывающий несколько десятков тысяч строк, эпическое сказание чжуан «Плещ из перьев ста птиц» (в обработке чжуанца Вэй Цилиня) и легенда «Мале идет за солнцем». Наряду с ними несомненный научный интерес представляют также обрядовые песни и легенды мяо этногенетического характера типа «Легенда о переселении дахуамяо с дочерью хозяина». Подобные фольклорные произведения народов Южного Китая с содержащимися в них прямыми топонимическими и этногенетическими понятиями являются ценным историческим источником при решении этнических проблем. Ценность этих памятников для этнографов и фольклористов была бы несомненно выше, если бы при публикации в Китае многие из них не подвергались произвольной текстологической и семантической обработке, известной в современной китайской фольклористике под термином «чжэнли» (исправление и упорядочение). К счастью, «Ашма», «Сэцзи» и тексты мяосского фольклора дошли до нас в подлинной записи.

Исторнографическая тема была представлена на конференции тремя докладами: И. М. Колеснической (ЛГУ) «Фольклорно-этнографические работы А. Н. Пыпина 1850—1860 гг.», Н. В. Новиков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Белорусские корреспонденты П. В. Шейна», В. А. Новикова (ЛГУ) «Современное изучение фольклора в Бенгалии».

В обсуждении докладов приняли участие: Д. А. Ольдерогге, В. Е. Гусев, М. Г. Воскобойников, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов, В. К. Соколова, К. В. Чистов, И. И. Земцовский, И. С. Гурвич, К. Д. Лаушкин, Р. С. Липец, Е. П. Орлова.

В принятом решении отмечено, что конференция способствовала научному сближению фольклористов и этнографов и позволила обсудить актуальные фольклорно-этнографические проблемы. Было высказано пожелание систематически проводить научные заседания и совещания по вопросам, представляющим общий интерес для фольклористов и этнографов, усилить исследования фольклористических проблем и фольклористических аспектов этнографической проблематики в Институте этнографии АН СССР.

Н. В. Новиков

## МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ ЕВРОПЫ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

12—15 марта 1968 г. в Бонне (ФРГ) происходила «Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран», в которой приняли участие представители этнографов СССР — авторы настоящего сообщения. Это была вторая конференция по данному вопросу: первая состоялась 7—10 февраля 1966 г. в Загребе (Югославия) и оба советских делегата также принимали в ней участие<sup>1</sup>. Вторая конференция была организована Институтом немецкого атласа народоведения, во главе которого стоит проф. Матиас Цендер, известный немецкий этнограф и активный участник многолетней работы по изданию Немецкого атласа народоведения.

Конференция была подготовлена и проведена очень хорошо. Организаторы заранее разослали во все страны Европы вопросники для составления трех пробных карт будущего общеевропейского атласа (как это было решено на Загребской конференции): карты распространения типов пахотных орудий, способов молотбы и обычая зажигания ритуального огня. Привезенные из разных стран материалы по этим картам (а также изданные национальные атласы) были выставлены для обозрения и обсуждения.

На конференции присутствовало свыше 40 делегатов от 21 европейской страны (на Загребской конференции — 35 делегатов от 23 стран). Отсутствовали представители Италии, ГДР, Греции, Польши, Исландии, Испании, Албании. Большая часть делегатов конференции привезла с собой письменные сообщения-справки о ходе работы над атласами в соответствующей стране. Согласно этим сообщениям, работа по составлению национальных историко-этнографических атласов значительно расширилась в последние годы почти во всех странах Восточной и Центральной Европы. Особенно успешно он идет в Югославии, Польше, Венгрии, Австрии, Швейцарии.

<sup>1</sup> См. С. И. Брук и С. А. Токарев, Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5. В статье изложены общие задачи, принципы этнографического картографирования и, вкратце, история подготовки отдельных национальных атласов в европейских странах и общеевропейского этнографического атласа.

Так например, в Югославии, где работа ведется по-прежнему под общим руководством проф. Бранимира Братанича, закончены печатание и рассылка четырех выпусков обширного вопросника, включающего 157 тем по материальной и духовной культуре (каждый выпуск на четырех основных языках Югославии), и из многих пунктов страны уже получены ответы на первые две серии вопросов.

В Австрии за истекшее двухлетие подготовлен — под руководством проф. Рихарда Вольфрама и д-ра Ингрид Кречмер — 3-й выпуск этнографического атласа, состоящий из 20 карт (по различным темам материальной и духовной культуры). Печатание этого выпуска должно быть закончено в 1968 г., а комментария к нему — в первом квартале 1969 г.

В Швейцарии продолжается подготовка и издание отдельных выпусков этнографического атласа. Эта работа была начата еще в 1937 г. под руководством Пауля Гейгера и Рихарда Вейсса, сейчас ею руководят проф. Арнольд Нидерер и д-р Вальтер Эшер. Очередной выпуск посвящается главным образом темам народных обычаев, касающихся общинного землепользования, наследования имущества, купли-продажи земли и скота — темы в высшей степени интересные. Следующий выпуск будет посвящен фольклорным сюжетам (легендам, сказкам, поверьям).

Капитальные исследования ведутся в Венгрии. Венгерские этнографы не торопятся с публикацией карт, но готовят их огромное количество — около 1500. Руководят работой Иенё Барабаш, Бела Гунда, Лайош Сольноки и др. Большая часть составляемых карт рассматривается как экспериментальные и для публикации могут быть отобраны лишь около одной трети их. Некоторые из подготовленных карт, впрочем, уже публиковались в журнальных статьях и других изданиях.

Помимо работы по национальным атласам, в названных странах, как и во многих других, идет подготовка — об этом уже говорилось — к созданию общеевропейского атласа.

К сожалению, несмотря на большие усилия Международной комиссии по атласам, до сих пор не удалось развернуть картографические исследования в Испании и Франции. Не ведутся они также в Исландии, слабо поставлены в Великобритании (кроме Шотландии).

Последние 2—3 года выдвинули на одно из первых мест в Европе (если не на первое) труды советских ученых. Советские делегаты смогли привезти в Бонн несколько экземпляров вышедшего в самом конце 1967 г. историко-этнографического атласа «Русские»<sup>2</sup> — капитального труда советских этнографов, посвященного характеристике важнейших элементов традиционной культуры крупнейшего народа нашей страны. По мнению всех участников конференции, атлас «Русские» по богатству содержания, широте охвата, методике составления и, что самое главное, по наличию обобщающих материалов не имеет себе равных в мире. Нами было также сообщено о большом размахе работ в научных учреждениях всех союзных республик, где по типу русского атласа составляются региональные историко-этнографические атласы: Прибалтики; Украины, Молдавии и Белоруссии; Кавказа; Средней Азии и Казахстана. Региональные атласы подготавливаются по еще более обширной программе, кроме того, они будут посвящены не только характеристике традиционной культуры на начало XX в., но и ее современному состоянию.

Программа конференции была рассчитана на трехдневную работу (5 заседаний) и включала 6 докладов: П. Лезера (США) — о значении этнологических атласов для исторической науки; Б. Братанича (Югославия) — о типах пахотных орудий в Европе; Г. Вигельмана (ФРГ) — о новых данных к немецкому этнографическому атласу; А. Нидерера (Швейцария) — об общинном труде в Средиземноморских странах; М. Цендера (ФРГ) — об обычае зажигания ритуального огня; Ж. Диаша (Португалия) — о способах молотбы на Пиренейском полуострове. Перед началом работ конференции было прослушано краткое сообщение Б. Братанича, посвященное памяти умершего незадолго до конференции многолетнего председателя Постоянной международной комиссии по этнографическим атласам и руководителя других европейских этнографических обществ профессора Сигурда Эриксона (Швеция). На последних двух заседаниях обсуждались доклады и представленные картографические материалы, а также организационные вопросы. Советские делегаты приняли участие в этих обсуждениях.

Помимо общих заседаний конференции, было три рабочих заседания Постоянной международной комиссии (в них участвовал член комиссии С. И. Брук).

Практические рекомендации конференции сводились к следующему. Было решено подготовить к следующей конференции еще три подобных карты на темы: орудия уборки зерновых, материал и способы возведения стен жилых сельских домов в постоянных поселениях и зимние святочно-новогодние обряды (рождественское полено и рождественская зелень — *Weihnachtsklotz*, *Weihnachtsgrün*). Приняты решения относительно

<sup>2</sup> «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX века)». Под редакцией В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера (ответственный редактор), М. Г. Рабиновича. М., 1967.

но привлечения к работе этнографов тех стран (Франции, Испании и др.), которые пока не участвуют активно в общей работе.

Предварительному обсуждению подвергся рекомендательный список тем для национальных атласов, разработанный Постоянной международной комиссией по атласам в сентябре 1967 г. в Бонне. Этот список содержит 53 темы по различным элементам хозяйства и традиционной культуры — земледелию и животноводству, поселениям и жилищам, пище и питью, одежде и обработке текстиля, сельскому транспорту, социальным отношениям, народным обычаям жизненного цикла, календарным обрядам, народным верованиям (перечень тем см. в конце сообщения). В ходе дискуссии было выделено 8 тем, по которым имеется возможность в ближайшей перспективе сотрудничать в общеевропейском масштабе (косьба травы; типы животноводства; виды колыбелей; жир, употребляемый для приготовления кушаний; питье во время обеда; способы переноса грузов людьми; способы упряжки волов; порядок наследования). При выборе этих тем участники конференции руководствовались не только их важностью, но и наличием материалов в разных странах и возможностью их обработки и сводки в общеевропейское время.

Устроители конференции организовали для ее участников две экскурсии: для осмотра нового этнографического музея на открытом воздухе (близ дер. Коммерн, в 40 км от Бонна) и для осмотра древностей г. Аахена. Первая экскурсия представляла большой интерес: музей Коммерна, основанный в 1958 г. и открытый для публики в 1961 г., задуман как собрание старинных народных построек со всем интерьером и утварью; по принятому плану в музее должны быть расположены в естественном сочетании четыре комплекса традиционных построек из четырех районов Рейнской области; из них пока закончена постройка двух комплексов (районы Эйфель — Кёльн — Бонн и Вестервальд — Миттельрейн — Хунсрюк), остальные предполагается перевезти и собрать в ближайшие годы. Судя по готовой части, музей этот создается по строго научным методам — сходно с музеем «Бривдабас» близ Риги, в отличие от знаменитого «Скансен» (Стокгольм), где научные цели сочетаются с коммерческими. Музей Коммерна, несмотря на то, что строительство его еще далеко не завершено, посещает до 150 тыс. человек в год, что дает значительные средства для дальнейших работ. Опыт его организации может быть использован у нас, где планируется создание ряда этнографических музеев на открытом воздухе.

Вторая экскурсия, занимавшая целый день (после окончания работы конференции), была менее связана с этнографическими наблюдениями. Целью ее был осмотр знаменитого собора в г. Аахене (95 км от Бонна), древней столицы Карла Великого. Собор этот, строительство которого началось еще при Карле (IX в.), впоследствии перестраивался и расширялся вплоть до XIX в. По дороге (туда и обратно) нам рассказывали о добыче бурого угля и предпринимаемых в связи с этим переселениях деревень. Одну из этих деревень, предназначенных на снос, мы осмотрели, видели старые «фахверковые» постройки. Все же и эта экскурсия дала хороший познавательный материал.

Общие итоги проведенной конференции не сводятся к одним лишь организационным и техническим решениям по поводу ближайших этапов работы по подготовке атласа. Ее значение шире. В высшей степени полезно то, что на конкретной практической задаче объединяются и сплачиваются прогрессивные научные силы разных стран Европы. Хочется подчеркнуть, что работа конференции проходила в атмосфере дружеского сотрудничества, желания делать общее дело. В этом смысле конференция была удачным продолжением начатого два года назад в Загребе большого международного дела. Несмотря на наличие идеологических разногласий между нами и многими западными учеными, придерживающимися идеалистических или эклектических взглядов, наметилась очевидная возможность сотрудничества по определенным научным объектам — в данном случае по совместной работе над общеевропейским этнографическим атласом.

Следующую конференцию решено созвать в начале сентября 1969 г. Представитель Финляндии проф. Кустаа Вилкуна предложил провести ее в Хельсинки, что было горячо одобрено всеми присутствующими.

Было бы желательно одну из последующих конференций (которые, очевидно, будут повторяться периодически) провести в Москве, что отвечало бы единодушному желанию западноевропейских этнографов побывать в СССР и закрепить сотрудничество с советскими учеными. Это несомненно повело бы и к дальнейшему повышению международного престижа советской науки. Такую конференцию можно было бы приурочить к окончанию в нашей стране первых выпусков региональных атласов.

\* \* \*

В большинстве стран Европы работа над национальными атласами и общеевропейским атласом идет параллельно. Намечаемые Международной комиссией пробные карты для общеевропейского атласа обычно готовятся для первоочередных выпусков национальных атласов. Это совпадение объясняется тем обстоятельством, что отдельные выпуски национальных атласов, как правило, готовятся не по тематическому признаку, а по случайно выбранным элементам из различных разделов материальной и

духовной культуры в зависимости от наличия материала или специализации ученых, участвующих в составлении атласов<sup>3</sup>.

Совсем по-иному строятся атласы в Советском Союзе. Здесь ведутся исследования по трем разделам — хозяйству, жилищу и одежде и атласы издаются законченными тематическими выпусками. К сожалению, региональные атласы составляются не по всем народам Европейской части СССР (пока не начаты картографические исследования по народам Поволжья и Европейского Севера). В связи со всем этим работа по региональным атласам не совпадает полностью с работой над общеевропейским атласом.

В отличие от региональных атласов, готовящихся большими коллективами исследователей, пробные карты общеевропейского атласа составляются экспертным путем.

Поэтому в первоначальной работе по общеевропейскому атласу принимают участие лишь отдельные специалисты (главным образом руководители тем) из разных союзных республик. Так, в составлении пробных карт по пахотным орудиям и орудиям молотбы приняли участие Л. Х. Феоктистова, Т. Д. Филимонова (Москва), И. А. Лейнасаре (Латвийская ССР), П. В. Дундулене (Литовская ССР), Л. И. Минько, Л. А. Молчанова (БССР), В. Ф. Горленко (УССР), Н. А. Демченко (Молдавская ССР); по территории Европейской части РСФСР в основу взяты опубликованные карты историко-этнографического атласа «Русские». Карту по ритуальным огням составил С. А. Токарев.

В дальнейшем с увеличением объема работ по составлению Европейского историко-этнографического атласа круг лиц, принимающих участие в его составлении, будет расширен, в первую очередь за счет ученых союзных республик Европейской части СССР, включая Закавказские республики (первые три пробные карты не охватили территорию Кавказа).

**Приложение:** Рекомендательный список тем для национальных атласов и этнографического атласа Европы и сопредельных с ней стран, предложенный Международной комиссией.

I. Земледелие и животноводство: 1. Пахотные орудия и пахота (виды пахотных орудий, основные признаки конструкции пахотных орудий, виды пахоты). 2. Ручные орудия для обработки земли (наряду с пахотными орудиями — без плугов). 3. Размеленные глыбы земли (ручные орудия, бороны, валки). 4. Косы и уборка сена. 5. Уборка злаков. 6. Сокосные злаки до молотбы, сушка (риги). 7. Молотба и веяние. 8. Хранение обмолоченного зерна, формы амбаров. 9. Виноградарство. 10. Типы животноводства и пастушества. 11. Содержание домашних животных на пастбище. 12. Пчеловодство (колоты, улы).

II. Поселения и жилище: 13. Границы полей, огораживание полей, пастбищ, лесов, садов и другие заборы. 14. Формы поселений. 15. Расположение жилых и хозяйственных построек в усадьбе (связь и расположение строений). 16. Отдельные постройки, жилой дом (строительный материал, строительная техника, форма и материал крыши, план и эскиз жилого дома). 17. Место очага в доме и некоторые (избранные) детали бытового использования помещений. 18. Колыбели. 19. Хранение муки.

III. Пища и питье: 20. Хлеб, печенье, каши. 21. Еда (время, меню, особенно утренная еда). 22. Масло, сыр, другие молочные продукты. 23. Консервирование мяса (домашний убой скота, виды забиваемых животных, время убоя, колбасы, приправы). 24. Питье (во время еды).

IV. Одежда, обработка текстиля: 25. Мужская и женская основная одежда (основные части и покрой рубашки). 26. Обувь, обычай ходить босыми. 27. Прядение (прялки, веретена, самопрялки). 28. Ткацкий станок.

V. Сельский транспорт: 29. Телеги, тачки, сани, волокуши. 30. Перенос тяжестей людьми и на животных. 31. Воловья упряжка. 32. Конская упряжка.

VI. Социальные отношения: 33. Распределение работы по полу. 34. Женские привилегии, женские праздники. 35. Порядок наследования. 36. Сроки смены прислуги и пастухов, платы налогов и аренды, виды вознаграждения за аренду.

VII. Народные обычаи жизненного цикла: 37. Свадебные обряды. 38. Родильные обряды. 39. Похоронные обряды. 40. Памятники и другие знаки на могилах. 41. Поминки и поминальные дни (место, время, кушанья, обычаи).

VIII. Календарные обряды: 42. Зимние шествия. 43. Прочие зимние обряды. 44. Новогодний огонь. 45. Весенние шествия (от дня Лотаря до Троицы). 46. Пасхальные яйца. 47. Жатвенные обряды. 48. Святые — покровители домашних животных и погоды.

IX. Народные верования: 49. Кошмары, вампиры, оборотни. 50. Женские призраки и женские образы из преданий, связанные с определенным днем и местом. 51. Великаны, карлики, феи, лесные духи, полуденница. 52. Счастливые и несчастные дни недели. 53. Народные названия самых известных созвездий.

**С. И. Брук, С. А. Токарев**

<sup>3</sup> Типичным примером может служить первый выпуск Швейцарского этнографического атласа (P. Geiger, P. Weiss, Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil I, Zürich, 1951), где помещены карты о курении, одежде, сельскохозяйственном труде и орудиях, земельном праве, играх, приветствиях, празднествах, танцах и т. д.



## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

### ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУБИНСКИМИ УЧЕНЫМИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБЫ

История изучения коренного населения Кубы учеными этой страны заслуживает внимания по нескольким причинам. Куба — самый большой остров, расположенный между двумя Америками, и исследование его коренных обитателей помогает не только лучшему пониманию прошлого других островов этого района, но и прилежащих областей Северной и Южной Америки. Кроме того, работы кубинских ученых получили широкое признание и оказали влияние на формирование представлений об индейцах Антильских островов у ученых других стран. Кубинская литература по индейцам острова очень обширна. Здесь будут упомянуты только те работы, которые содержали или новые для своего времени концепции, или новые материалы<sup>1</sup>.

Когда на Кубе индейцами стали заниматься ученые, коренного населения там уже не осталось<sup>2</sup>. Основные материалы для изучения индейцев острова поэтому дают археология и антропология. Важнейшим источником являются также свидетельства первых европейцев.

Испанские власти всеми мерами сдерживали в колониях интерес к их прошлому. Ряд законов, с 1560 по 1805 г., запрещал вовсе или ограничивал печатание и распространение книг в Новом Свете, в которых говорилось бы об «Индиях»<sup>3</sup>.

В кубинской печати только с 40-х годов XIX в. начали появляться заметки об отдельных находках древностей, да и то лишь чисто информационного характера<sup>4</sup>. Интерес к прошлому в это время был вызван нарастающей борьбой за национальную независимость. Для кубинских патриотов индеец стал символом этой борьбы. В литературе возникло целое направление, получившее название «сибонезма» по имени коренных обитателей острова. Первые археологические работы на Кубе связаны с именем испанца Родригеса Феррера<sup>5</sup>. Появились и кубинские исследователи древностей острова: Андрес Поэй, крупный натуралист Фелипе Поэй.

Одновременно с первыми заметками по археологии Кубы появляются и первые лингвистические работы. Одно время предполагалось, что язык индейцев Кубы родствен языку майя Юкатана, но после работ А. Бачийера стало преобладать мнение, что предков индейцев Антильских и Багамских островов следует искать в Южной Америке, среди аравакских племен<sup>6</sup>.

Большое значение для изучения индейцев острова имело создание на Кубе в 1877 г. Антропологического общества (*Sociedad antropológica de la isla de Cuba*). Активнейшее участие в этом принял Л. Монтанз, впоследствии сыгравший значительную роль в развитии антропологических исследований на Кубе. А. Бачийер и Ф. Поэй также стали членами общества. Наряду с исследованием негритянского населения на Антильских островах в Обществе обсуждались вопросы, связанные с изучением аборигенов Кубы,

<sup>1</sup> Подробно с литературой по данной теме можно ознакомиться в следующих книгах: M. R. Harrington, *Cuba before Columbus*, v. 1—2, New York, 1921; F. Ortiz, *Historia de la arqueología indocubana*, La Habana, 1936; I. Rouse, *Archeology of Maniabon Hills, Cuba*, «Yale University publications in Anthropology», № 26, New Haven, 1942; E. T. Bailey, E. Reу. *Prehistoria de Cuba*, La Habana, 1966.

<sup>2</sup> Точка зрения некоторых советских ученых о том, что на Кубе сохранились местные индейцы, весьма спорна.

<sup>3</sup> F. Ortiz, Указ. раб., стр. 31, 32.

<sup>4</sup> F. Ortiz, Указ. раб., гл. III.

<sup>5</sup> M. Rodríguez Ferrer, *Naturaleza y civilización de la grandiosa isla de Cuba*, Madrid, 1876. Книга вышла через 30 лет после посещения автором Кубы.

<sup>6</sup> A. Bachiller у Morales, *Cuba primitiva*, La Habana, 1883. Работа имеет большую библиографическую сводку по Кубе, Антилам и Америкам.

происхождением их культуры. Из работ самого Монтанэ наиболее известны его находки в пещере Бока де Пуриаль, где им были обнаружены несколько недеформированных черепов вместе с костными остатками агуты, рыб, птиц, а также каменным инвентарем (плоские ступы, песты, отбойники) <sup>7</sup>. В то время для Кубы это был совершенно новый материал. Кроме названных выше лиц, изучением индейцев Кубы в конце XIX в. занимались Ф. Химено, Х. И. Армас, Х. Монтальво, Антонио Местре, Хосе Местре и другие <sup>8</sup>. Антропологическое общество просуществовало до 1895 г.

Общие представления относительно коренного местного населения, господствовавшие среди кубинских ученых в конце XIX в., сводились к следующему: индейцы Кубы, которых называли «сибонеями», были частью «таинов» — индейцев других Антильских островов и имели одинаковые по всему острову обычаи, кроме некоторых мест, где проживали более отсталые обитатели Кубы, такие как «гуанакабибы» мыса Сан Антонио на западе острова <sup>9</sup>. Эти представления продолжали господствовать и в первые два десятилетия XX в., хотя уже в 1904 г. в США была опубликована работа американского ученого У. Фьюкса, который выделил три культуры индейцев Кубы: самая древняя — культура обитателей пещер; более высокая — культура прибрежных рыбаков, родственная культуре обитателей пещер; земледельческая культура восточной части Кубы <sup>10</sup>. Однако сам автор признавал археологически недостаточно подтвержденным существование наиболее примитивной культуры.

После завоевания Кубой независимости начинается новый период в истории изучения индейцев. В 1913 г. кубинским инженером Х. Коскуюэлой в районе Сьенага де Сапата были обнаружены и частично обследованы несколько холмов искусственного происхождения. Позже раскопки были продолжены Л. Мотанэ. Холм Гуаябо-Бланко имел округлую форму (27—37 м в диаметре), высота его была полтора метра. В нем прослеживалось несколько слоев раковин, перемежавшихся со слоями земли, где были найдены человеческие скелеты, кости грызунов, птиц, рыб, предметы из камня и раковин, осколки кремня <sup>11</sup>. Следует отметить, что Коскуюэла первым из кубинцев обратил внимание на стратиграфию раскапываемого памятника.

Находки в Сьенага де Сапата и собственные работы на Кубе в 1915 и 1919 гг. позволили американскому ученому М. Харрингтону наконец убедительно обосновать существование двух разных индейских культур на Кубе. По мнению Харрингтона, сибонеи когда-то занимали весь остров, а более поздние пришельцы — таины — к приходу европейцев жили только в восточной части острова. Сибонеи, основой питания которых были рыба и черепашки, населяли пещеры побережья, земледельцы-таины селились на возвышенностях. Гуанакатабеев, упоминавшихся в письменных источниках, Харрингтон считал одной из групп сибонеев <sup>12</sup>.

Харрингтоном были составлены таблицы культурных достижений обеих групп. К культуре сибонеев он относит: долото из раковины <sup>13</sup>, каменные молоты, каменные ступки, сосуды из раковин, грубые подвески из камня или раковин. В отличие от таинов, сибонеи не практиковали искусственную деформацию головы. Для культуры таинов характерны лепесткообразные полированные каменные топоры, хорошо выполненные каменные песты, полировальные камни, глиняные сосуды, многочисленные украшения из камня и раковин, костяные лопатки для вызывания тошноты, особые деревянные скамеечки. Таины искусственно деформировали голову <sup>14</sup>. Лингвистические и культурные данные, считает Харрингтон, указывают на южноамериканское происхождение таинов, а археологические находки во Флориде, сходные с сибонейскими Кубы (предметы из раковин — долота, топоры, сосуды, грубые бусины), говорят о возможном происхождении сибонеев отсюда <sup>15</sup>.

<sup>7</sup> L. Montané, *L'Homme fossile cubain, Estudio presentado al segundo Congreso Científico Panamericano, Washington, 1915—1916, Separata, Washington, 1917*. Именно эти находки позволили Америке выделить «Номо Cubensis».

<sup>8</sup> J. Armas, *La fábula de los caribes*, La Habana, 1884; F. Jimeno, *Período prehistórico cubano*, «Revista de Cuba», t. VII, La Habana, 1880; J. Mestres, *Una raza prehistórica de Norte América*, La Habana, 1884; J. Montalvo, *Deformaciones artificiales de cráneo*, «Revista de Cuba», t. XVI, La Habana, 1884; C. de la Torre, *Historia de los indios en Cuba*, в кн. «Manual o guía para los exámenes de maestros cubanos», La Habana, 1901.

<sup>9</sup> F. Ortiz, Указ. раб., стр. 101. Названия для обозначения групп индейцев брались из сообщений первых историков Америки.

<sup>10</sup> J. W. Fewkes, *Prehistoric culture of Cuba*, «American Anthropologist», 1904, v. 6, № 5.

<sup>11</sup> J. Cosculluela, *Cuatro años en la Ciénaga de Zapata*, La Habana, 1965, p. 64, 96, 98 (изд. второе).

<sup>12</sup> M. R. Harrington, Указ. раб., т. 2, стр. 382, 410—412.

<sup>13</sup> Харрингтон первый определил истинное назначение этого предмета, который раньше называли «ложкой». Но все же не совсем ясно его применение и поэтому лучше называть его испанским термином «губия» — gubia.

<sup>14</sup> M. R. Harrington, Указ. раб., т. 2, стр. 385—389, табл. CVIII.

<sup>15</sup> Там же, стр. 423, 424.

На Кубе книга Харрингтона была принята одобрительно, и почти 20 лет деление индейцев острова на две группы оставалось незбылемым.

Первым кубинским автором, отказавшимся от названия «сибоней» для всего коренного населения Кубы, был Х. Коскуюэла. Если в книге о Сьенага де Сапата Коскуюэла еще довольно неопределенно говорит о различных группах индейцев на Кубе, то после выхода книги Харрингтона сибонейми он стал называть только наиболее примитивных обитателей Кубы. Коскуюэла считал, что сибоней пришли на Кубу с берегов Флориды, 6—12 тысяч лет назад. Но в отличие от Харрингтона он полагал, что тайны к приходу европейцев расселились по всему острову<sup>16</sup>. Мнение о том, что тайны занимали весь остров, защищал впоследствии только кубинский археолог Гарсия Вальдес<sup>17</sup>, поскольку в своих последних работах Коскуюэла отказался от этой точки зрения.

В это же время внимание кубинских ученых по-прежнему привлекают письменные источники. Тот же Коскуюэла обращает внимание исследователей на тенденциозность и путаницу в хрониках завоевания Америки и, в частности, Кубы<sup>18</sup>. На свидетельствах, почерпнутых из трудов Лас Касаса, Овьедо и Мартира и из архивов Кубы, была написана небольшая, очень интересная книга А. Эското об индейцах макурихес на Кубе<sup>19</sup>. Однако специальных работ источниковедческого характера в это время, как, впрочем, и позже на Кубе написано не было.

Для этого периода характерны раскопки, проводившиеся частными лицами — коллекционерами древностей. Коллекционирование стало развиваться в начале XX в. и преимущественно в восточных районах Кубы, где остатки более высокой индейской культуры давали и более привлекательные для любителей находки. Некоторые из этих любителей устраивали у себя дома настоящие музеи. Самым большим и лучше других организованным был музей «Гарсия Ферия», создававшийся в течение полувека в г. Ольгин школьным учителем Гарсия Ферия и его сыном Гарсия Кастаньеда<sup>20</sup>. Коллекционеры вели раскопки самостоятельно или просто скупали интересные предметы. Это способствовало развитию среди местного населения своего рода промысла по поискам индейских древностей и привело к появлению подделок, производством которых занимались целые семьи<sup>21</sup>.

С середины 1930-х годов намечается начало следующего этапа в истории изучения коренного населения, основной чертой которого явился пересмотр схемы Харрингтона. Возрастает профессиональный уровень работ по изучению прошлого индейцев.

В 1934 г. в университете Гаваны вводится курс «американской антропологии», включавший в себя раздел «Индейцы Кубы и Антиль». В 1937 г. создается Археологическая комиссия, которой выплачивалась государственная субсидия для издания журнала и проведения раскопок<sup>22</sup>. Журнал начал выходить с 1938 г., в нем печатались сообщения о научной жизни в стране и за рубежом, а иногда и довольно крупные работы. В 1941 г. комиссия была переименована в Хунту, а с 1942 г. в ее составе уже работало три секции: «Археология аборигенов», «Исторические монументы и колонизаторская археология» и «Кубинская этнология»<sup>23</sup>.

Деление индейских культур, предложенное Харрингтоном, впервые было взято под сомнение Ф. Пичардо Мойя. В 1934 г., после раскопок на юге провинции Камагуэй, Пичардо Мойя предположил существование там культуры, не сходной с известными культурами «сибоней» и «таино». Стремясь согласовать новые археологические материалы с названиями индейцев Кубы у Лас Касаса, Пичардо назвал самую примитивную культуру «гуанатаабей», выделенную им новую культуру он предпочел назвать «сибоней», сохранив для земледельческой культуры название «таино»<sup>24</sup>. Взгляды Пичардо первоначально никем из кубинских ученых не разделялись, и в 1936—1937 гг. в Гаване были опубликованы две книги, авторы которых Ф. Ортис и Р. Аскарате Роселла еще следовали схеме Харрингтона.

Книга Ф. Ортиса «История археологии индейцев Кубы»<sup>25</sup> вышла вместе с переводом книги Харрингтона. Работа Ортиса — это солидный источниковедческий труд, анализирующий литературу об индейцах не только Кубы, но и других Антильских островов. Особо следует отметить, что целая глава в книге посвящена постановке основных проблем кубинской археологии (время заселения Кубы, происхождение различных групп

<sup>16</sup> J. Cosculluela, *Nuestro pasado ciboney*, La Habana, 1925; его же. *El territorio cubano como vínculo de unión a través de los tiempos*. La Habana, 1927.

<sup>17</sup> P. García Valdés, *La civilización taína en Pinar del Río*, La Habana, 1930.

<sup>18</sup> J. Cosculluela, *Nuestro pasado ciboney*, p. 11.

<sup>19</sup> A. Escoto, *Los indios Macuriges en Haití y Cuba*, Matanzas, 1924.

<sup>20</sup> I. Rouse, *Указ. раб.*, стр. 45—48.

<sup>21</sup> Там же, стр. 44, 45.

<sup>22</sup> «*Revista de Arqueología y Etnología*», La Habana, 1957, Número especial, *Legislación*, p. 27 (далее «*Revista...*»).

<sup>23</sup> Там же, стр. 36, 37.

<sup>24</sup> F. Pichardo Moya, *Zonas indoeuropeas en Camagüey*, «*Revista...*», 1939, № 1.

<sup>25</sup> F. Ortiz, *Указ. раб.*

индейцев и т. д.). Ортис считал неотложной задачей изучение социальной жизни индейцев, которое могло бы быть основано на письменных свидетельствах, а также данных сравнительной лингвистики, археологии и этнографии<sup>26</sup>. К книге было приложено шесть, по числу провинций, археологических карт Кубы, составленных автором совместно с инженером и любителем-археологом Серетом.

Книга историка Р. Аскарате Роселла<sup>27</sup> состоит из трех частей: «Доколумбова эпоха», «Пивилизация кубинских таино» и (занимающей ровно половину работы) «Конкиста». Книга основана на сведениях из Лас Касаса, Овьедо, Гомары и других историков Индии. В ней есть небольшие главы о религии, семье, социальной жизни кубинских таинов. Недостаток ее — в отсутствии точных ссылок на источники.

Некоторые археологические находки последующих лет заставили ученых Кубы вновь обратиться к вопросу о числе археологических культур и их соответствии индейским группам, упоминаемым в источниках. В конце декабря 1937 г. и начале января следующего года на острове Пинос были обследованы пещерные росписи. Встал вопрос о том, какой культуре принадлежали рисунки<sup>28</sup>. Исследователей смущало противоречие между найденными там сибонейским инвентарем и росписью, которая, казалось, принадлежала более высокой культуре. Большинство рисунков представляло собой серии концентрических кругов. Центральный рисунок состоял из 56 кругов, поочередно красных и черных. Поверх основного рисунка разбросаны более мелкие красно-черные концентрические круги и нарисована фигура, напоминающая стрелу. Сравним роспись пещеры с рисунками, известными на других Антильских островах, и с орнаментами керамики Кубы, Р. Эррера решил, что они относятся к культуре таино. Среди находок Эррера выделил, кроме уже известных губий и чаш, еще три типа изделий из раковин: ложку, блюдо и острие (pico de mano)<sup>29</sup>.

Находки в других местах также не укладывались в прежнюю схему. И к началу 1940-х годов большинство кубинских ученых уже признавало классификацию индейцев острова по Харрингтону устаревшей.

На I Национальном конгрессе историков (октябрь 1942 г.) и на I Межамериканском конгрессе историков (Congreso Histórico Municipal Interamericano), проходившем в Гаване несколько позже, были представлены доклады, уже отражавшие новую точку зрения.

В докладе Коскуэлы подводились итоги исследований последних лет. Из сообщений хронистов (преимущественно Лас Касаса и Мартира), по мнению Коскуэлы, можно сделать вывод о наличии трех различных групп индейцев на Кубе ко времени прихода европейцев: 1) примитивные гуанахатабен на полуострове Гуанакабисес. 2) земледельцы-таины восточной части острова; 3) сибонеи, сходные по культуре с индейцами Лукайских островов<sup>30</sup>. Коскуэла сопоставил свидетельства об этих трех группах с археологическими находками. Исторически известных гуанахатабеев Коскуэла отождествил с создателями культуры Гуабо Бланко, которых до этого времени называли «сибонейми». Коскуэла по-прежнему считал, что эта культура происходит с севера<sup>31</sup>. Упоминаемых в источниках сибонеев Коскуэла рассматривал как группу, родственную южноамериканским аравакам; археологически им соответствует культура «субтаинов», упоминаемая Харрингтоном. Для этой культуры характерны зачатки земледелия и примитивная керамика. В отличие от прибрежных собирателей-гуанахатабеев, сибонеи были преимущественно рыболовами<sup>32</sup>. Коскуэла полагает, что развитую культуру таино нельзя называть кубинской, так как таины пришли сюда незадолго до появления европейцев<sup>33</sup>. Интересна в этой работе попытка соотнести отдельные топонимы с определенными группами индейцев.

В докладе Р. Эрреры говорилось, что увеличивающееся число находок каменных шаров и кинжалов вызывает необходимость выделить самостоятельную культуру, характеризующуюся этими предметами<sup>34</sup>. Интересны находки в одной из пещер на островах,

<sup>26</sup> F. Ortiz, Указ. раб., стр. 268, 271—277.

<sup>27</sup> R. Azcarate Rosell, Historia de los indios de Cuba, La Habana, 1937.

<sup>28</sup> R. Herrera Fritot, Las pinturas rupestres y el ajuar ciboney de Punta del Este, Isla de Pinos, «Revista...», 1938, № 2; «Discusión sobre el posible origen de las pictografías de Punta del Este»; «Memorias de la Sociedad Cubana de Historia Natural», La Habana, 1939, v. 13, № 5; F. Royo Guardia, El misterio secular de la cueva de Punta del Este, «Memorias de la Sociedad Cubana de Historia Natural», La Habana, 1939, v. 13, № 5.

<sup>29</sup> R. Herrera Fritot, Las pinturas rupestres, p. 47—55, 59.

<sup>30</sup> J. Cosculluela, Puntos fundamentales de la prehistoria de Cuba, «Primer Congreso Histórico Municipal Interamericano, octubre 23—28, 1942. Actas y Documentos» (далее: «Primer Congreso Municipal...»), La Habana, 1943, стр. 209, 210.

<sup>31</sup> Там же, стр. 211—213.

<sup>32</sup> Там же, стр. 220, 232.

<sup>33</sup> Там же, стр. 222.

<sup>34</sup> R. Herrera Fritot, Las bolas y las dagas líticas, «Primer Congreso Municipal...».



прилежащих с севера к провинции Лас Вильяс (малая пещера острова Салина). В этой пещере большие сосуды из раковин и широкие губии, типичные для культуры гуанахатабей, были найдены на поверхности. Там же были открыты 13 детских погребений. Рядом с костяками обнаружены каменные шары, размеры которых соответствовали возрасту погребенного. Самый маленький шар диаметром 10 мм был найден около скелета годовалого ребенка. В центре пещеры находилось погребение с самым великолепным шаром и двумя кинжалами. Несмотря на плохое состояние черепов, по мнению Эрреры, можно утверждать, что они не были искусственно деформированы<sup>35</sup>. Эррера полагал, что, судя по находкам из других мест эта культура была распространена по всему острову, и предложил условно назвать ее «культурой каменных шаров». Эти шары, по его мнению, предназначались специально для похоронного обряда<sup>36</sup>. Эррера считал, что «культура каменных шаров» южноамериканского происхождения распространилась по всем Большим Антильским островам; основанием для последнего допущения послужили раскопки И. Роуза на Гаити, где была открыта сходная культура Коури.

Одновременно с кубинскими учеными американские исследователи также приходят к выводу о необходимости пересмотра схемы Харрингтона. После раскопок на Кубе в 1941 г. И. Роуз предложил свою классификацию. Создателей наиболее примитивной культуры Кубы Роуз называл сибонейми, но разделил эту культуру на два типа: Гуаябо Бланко и Кайо Редондо (раскопки на Кайо Редондо производил К. Озгуд<sup>37</sup>). Большая часть исследования Роуза была посвящена культуре первых земледельцев Кубы, которую он называет субтаинской (в отличие от более развитой таинской). После работ Роуза это название утвердилось в научной литературе.

На уже упоминавшемся конгрессе историков была предпринята попытка унификации схемы археологических культур Кубы и принято соответствующее решение<sup>38</sup>, но предложенная унификация не удовлетворила многих ученых. Одни из них продолжали придерживаться своих прежних взглядов в вопросе о числе археологических культур и этнических групп индейцев и времени их существования. Другие несколько изменили свои представления под влиянием работ Роуза и пользовались его классификацией. Одни и те же названия (гуанахатабей в различных вариантах написания, сибоней и таино) у каждого автора обозначали свою культуру, не совпадающую с культурами, выделенными другими археологами.

Неупорядоченность в терминологии затрудняет чтение литературы по индейцам Кубы, особенно при первом знакомстве. Это было ясно и самим кубинским ученым, о чем свидетельствует решение конгресса историков в 1947 г., рекомендовавшее Хунте созыв совещания по вопросу классификации индейских культур Кубы<sup>39</sup>. В 1951 г. на Совещании археологов Карибской зоны в Гаване, созданном по инициативе кубинцев, где присутствовали известные специалисты из многих стран, одним из предметов обсуждения были «названия доиспанских культур Кубы». Совещание приняло решение археологических культур аборигенов Кубы на три комплекса (I, II, III): первый характеризовался преимущественным использованием предметов из раковин во всех сферах деятельности, второй — каменными орудиями, для третьего были характерны керамика, земледелие и обычай искусственной деформации черепа<sup>40</sup>. О возможных соответствиях трех названных археологических культур определенным этническим группам, упоминаемым в письменных источниках, вообще ничего не говорилось.

Как и после решений конгресса 1942 г., принятой терминологии никто долго не придерживался. Вот некоторые работы, характерные для этого времени.

В книге Ф. Ортиса «Четыре индейские культуры Кубы»<sup>41</sup> наиболее примитивные культуры аборигенов разделяются на две самостоятельные: культуры из района Гуаябо Бланко, называемую изобретенным им термином «ауанабей», и культуру «гуанахатабей», представленную раскопками Озгуда на Кайо Редондо. Впрочем, Ортис допускает, что если в районе, где находился холм Гуаябо Бланко, будут найдены каменные шары и кинжалы, то две культуры можно будет считать одной<sup>42</sup>. К среднему этапу Ортис относит культуру ранних земледельцев, которая у Роуза носит имя «субтаино», а у Кескуэлы «сибоней». Ортис тоже называет ее «сибоней» и к характерным ее признакам относит полированные шары (в отличие от грубых на Кайо Редондо), типичные каменные кинжалы, керамику и пр. Относительно культуры таинов Ортис не пред-

<sup>35</sup> Там же, стр. 260—265.

<sup>36</sup> Там же, стр. 267—268.

<sup>37</sup> C. Osgood. The Ciboney culture of Cayo Redondo. Cuba, «Yale University Publications in Anthropology», № 25, New Haven, 1942.

<sup>38</sup> «Primer Congreso Municipal...», стр. 136.

<sup>39</sup> O. Morales Patiño. Arqueología cubana, 1947, «Revista...», 1948, № 6—7, стр. 24.

<sup>40</sup> Reunión en Mesa Redonda de Arqueología del Caribe. Actas y Trabajos, La Habana, 1951, p. 99—108.

<sup>41</sup> F. Ortiz, Las cuatro culturas indias de Cuba, La Habana, 1943.

<sup>42</sup> Там же, стр. 104, 105.

лагает ничего нового. Одна глава в книге Ортиса посвящена индейцам острова Пинос. Интересно, что уже упоминавшиеся выше рисунки в пещерах интерпретируются им как календарь<sup>43</sup>. Ортис полагал, что рисунки и найденные там же предметы относятся к разным культурам (рисунки сибонейские, предметы гуанатаабейские)<sup>44</sup>.

Проблемам происхождения индейцев Кубы и их связям в доевропейский период посвящались и книга Пичардо Мойя<sup>45</sup>. Он считал, что «гуанатаабен», самые примитивные обитатели острова, жители пещер, могли прийти на Кубу с северного или южного материка. В отличие от Роуза, считавшего находки типа Гуаябо Бланко и Кайо Редондо только вариантами одной культуры, Пичардо думает, что культура «сибоней» (соответствующая «Сибоней Кайо Редондо» Роуза) этнически отлична от предшествующей ей культуры «гуанатаабей» («Сибоней Гуаябо Бланко» Роуза) и определенно происходит из Южной Америки<sup>46</sup>. Пичардо не считает обоснованным мнение Роуза о двух земледельческих культурах на Кубе<sup>47</sup>.

Полевые работы других ученых в последующее время не способствовали выработке единого мнения.

Так, в 1948 г. велись раскопки на берегу залива Кочинос. В огромной раковинной куче, растянувшейся на сотни метров, шириной 15—20 м и толщиной 60—90 см, были обнаружены губии, ложки, сосуды и блюда из раковин и вместе с ними каменные кинжалы, каменный топор и песты из красного базальта. Следовательно, в одном памятник были найдены предметы, которые до сих пор относили к разным фазам одной культуры (Роуз) или к самостоятельным культурам (Пичардо Мойя). Кроме того, неподалеку был обследован могильный холм, «типичный для этой зоны», как пишут авторы. В нем, по сообщению местных жителей, были найдены полированные каменные шары разных размеров<sup>48</sup>. К сожалению, судить о стратиграфии раковинной кучи невозможно.

В 1951 г. археолог-любитель Б. Утсет опубликовал результаты очень интересных раскопок в юго-западной части провинции Ориенте. В двух из исследованных насыпей культуры сибоней (комплекса II, по тогдашней терминологии) была найдена керамика внутри насыпей. Впервые на стоянках сибонеев (комплекс II) были найдены испанские предметы, а также каменные кольца, «чашки» и «ложки»<sup>49</sup>.

С совершенно оригинальными соображениями выступил в том же году Эрнесто Табио. Ряд фактов — находки костных остатков вымерших ленивцев только с предметами, соответствующими комплексу II; большой процент (73%) случаев, когда костные остатки людей из этого комплекса были найдены во фрагментарном состоянии; более архаичные по своему строению черепа из Пуриаль и Сороа (комплекс II), — заставили Табио предположить, что комплекс II более древний, чем I<sup>50</sup>.

Таким образом, вопрос о классификации археологических культур Кубы и их соотношении с упоминаемыми в ранних испанских хрониках индейскими народами продолжал оставаться открытым.

Новую тему в 40-х годах в археологию внесла статья Моралеса Патиньо и Переса Асеведо об испано-индейской «транскультурации»<sup>51</sup>, т. е. взаимовлиянии испанской и индейской культур. В эти же годы продолжались исследования отдельных сторон культуры индейцев и разработка общих вопросов<sup>52</sup>.

В конце 50-х годов Хунта археологии и этнологии снизила свою активность. Перестал выходить после 1952 г. журнал (лишь в 1957 г. был выпущен специальный номер, содержащий законодательные акты, касающиеся археологии, охраны памятников культуры и пр.). Из новых имен, появившихся в это время, можно отметить Альвареса

<sup>43</sup> F. Ortiz, *Les cuatro culturas indias de Cuba*, стр. 125, 126.

<sup>44</sup> Там же, стр. 133—135. Следует заметить, однако, что инструментарий, найденный в пещере, больше соответствует ортисовской культуре «ауанабей», чем «гуанатаабей», так как там не были найдены ни шары, ни кинжалы.

<sup>45</sup> F. Pichardo Moyá, *Caverna, costa y meseta*, La Habana, 1945.

<sup>46</sup> Там же, стр. 24, 72.

<sup>47</sup> Там же, стр. 23—90, 92, 93.

<sup>48</sup> O. Morales Patiño, *Arqueología cubana*, 1948, «Revista...», 1949, № 8, стр. 5, 9 и фотографии на стр. 9, 23, 31.

<sup>49</sup> B. Uiset, *Exploraciones arqueológicas en la región sur de Oriente*, «Revista...», 1951, № 13—14, стр. 100, 101, 109, 111, 112.

<sup>50</sup> E. Tabío, *La cultura más primitiva de Cuba precolombina*, «Revista...», 1951, № 13—14.

<sup>51</sup> Термин, употребляемый кубинскими учеными вместо термина «аккультурация». O. Morales Patiño y R. Pérez Acevedo, *El período de transculturación indio-hispánico*. «Revista...», 1946, № 1.

<sup>52</sup> O. Morales Patiño, *La mítica indoantillana del tabaco*, «Revista...», 1946, № 1; J. Cosculluela, *Sincronismo de las culturas indo — antillanas*, «Revista...», 1946, № 1; F. Ortiz, *La música y los areitos de los indios de Cuba*, «Revista...», 1948, № 6—7.

Конде, произведившего раскопки в провинции Лас Вильяс<sup>53</sup>, М. Риверо де ла Ка́йе и А. Нуньеса Хименеса из университета города Санта-Клара, исследовавших некоторые памятники в Лас Вильяс и Камагуэе<sup>54</sup>. Нельзя не упомянуть и имени Р. Переса де Асеведо, утверждавшего, что культура арханчного периода II (так он называет комплекс II) пришла на Кубу с востока через Атлантику и явилась чуть ли не началом высоких американских цивилизаций<sup>55</sup>.

Некоторое время после революции Хунта археологии и этнологии продолжала существовать и выпустила два номера журнала (1960 и 1961 гг.) Реорганизация Хунты началась в 1961 г., когда был создан Национальный Институт этнологии и фольклора. В феврале 1962 г. была учреждена Национальная Комиссия Академии наук, частью которой стал Департамент антропологии, состоящий из двух секций: археологии и антропологии. С 1962 г. департамент начал стратиграфические раскопки, сначала в Камагуэе, а позже, в 1963 г., на юго-западе Ориенте и в районе Банес той же провинции<sup>56</sup>.

В 1964 г. выходят первые публикации Департамента, где в сущности еще излагаются результаты работ, проведенных в дореволюционное время<sup>57</sup>. Первые результаты раскопок, проведенных самим Департаментом, были опубликованы в 1966 г. Новым для кубинских археологов была тщательная обработка керамического материала. В Аройо дель Пало (муниципалитет Маяри, провинция Ориенте) была собрана керамика, которая оказалась самой древней на Кубе<sup>58</sup>. Здесь же, впервые на Кубе, была найдена керамика со следами раскраски, правда, весьма несложной<sup>59</sup>. Хотя было обнаружено около четырех с половиной тысяч черепков сосудов, среди них не было встречено ни одного булена (*buena*) — род глиняной скоророды, без высоких краев, для приготовления лепешек из маниоки, характерен для керамических культур Антильских островов<sup>60</sup>). Остальной же материал, найденный в Аройо дель Пало, соответствовал культуре сибиной Ка́йо Редондо (по терминологии Роуза, которой следуют авторы). Такое совмещение характеристик некерамических и керамических культур было обнаружено и в некоторых других местах на Кубе. На основании этого авторы считают возможным выделить новую культурную группу, вероятно, по их мнению, предшествовавшую субгаианам — ранним земледельцам<sup>61</sup>.

В том же 1966 г. Департаментом была опубликована книга «Prehistoria de Cuba», авторы которой Э. Таби́о и Э. Рей также придерживаются в основном схемы Роуза в классификации индейских культур: докерамическая культура двух типов — Гуаябо Бланко и Ка́йо Редондо; керамическая культура, возможно, с зачаточным земледелием, найденная в Маяри; две керамических, земледельческих культуры — субгаино и таино<sup>62</sup>. Каждая культура описана отдельно под двумя рубриками: археология и палеоэтнография. В последнюю включены такие вопросы, как производительные силы, орудия производства, экономическая деятельность, производственные отношения и т. п.

Кроме Департамента антропологии Академии наук, историей коренного населения Кубы занимаются в настоящее время (правда, в меньших масштабах, чем в Академии) в университетах Гаваны и Сантьяго, где имеются антропологические музеи. Музей Гаванского университета был образован еще в 1903 г. профессором Л. Монтанэ и носит его имя. Директором Департамента антропологии Гаванского университета является М. Риверо де ла Ка́йе<sup>63</sup>. В октябре 1966 г. в Гаване торжественно отмечалось 400-летие со дня смерти Бартоломе де Лас Касаса. Был организован семинар, на котором в нескольких докладах речь шла об индейцах Кубы.

Резюмируя все изложенное, историю изучения индейцев на Кубе можно разделить на несколько периодов. Время до образования в 1877 г. Антропологического общества

<sup>53</sup> J. Alvarez Conde, Fomento: nuevo centro de hallazgos arqueológicos indígenas, La Habana, 1949; Las cavernas funerarias de cayo «La Aguada», La Habana, 1952; Arqueología indocubana, La Habana, 1956.

<sup>54</sup> M. Rivero de la Calle y A. Núñez Jiménez, Excursiones arqueológicas a Camagüey, 1958; M. Rivero de la Calle, Caguas: nueva zona arqueológica de Cuba, Santa Clara, 1960.

<sup>55</sup> R. Pérez de Acevedo, Arcaico II Cubano, La Habana, 1957.

<sup>56</sup> E. Tabío y E. Rey, Prehistoria de Cuba, La Habana, 1966, p. 62, 134.

<sup>57</sup> J. Guarachy R. Payarés, Excavación en el caney del Castillo. La Habana, 1964; R. Herrera Fritot, Estudio de las hachas antillanas, La Habana, 1964.

<sup>58</sup> По косвенным подсчетам 750—850 гг. н. э.; радиоуглеродные даты дали 760±60 и 970±80 до настоящего времени, см. E. Tabío y J. Guarach, Excavaciones en Arroyo del Palo, La Habana, 1966, стр. 75—77.

<sup>59</sup> Там же, стр. 49.

<sup>60</sup> Там же, стр. 30.

<sup>61</sup> E. Tabío y J. Guarach, Указ. раб., стр. 69—71, 78.

<sup>62</sup> E. Tabío y E. Rey, Указ. раб., стр. 10.

<sup>63</sup> На русском языке есть статья М. Риверо де ла Ка́йе об индейцах Кубы в сб. «Куба», М., 1961.

отмечено малым количеством исследовательских работ. Деятельность членов Общества несомненно усилила тот интерес к прошлому своей страны среди кубинской интеллигенции, который возник в связи с борьбой за независимость. Завоевание государственной независимости отразилось и на изучении коренного населения. Прежде всего акгивизировался интерес к прошлому среди более широких слоев населения, о чем свидетельствует рост числа любителей-археологов и коллекционеров индейских древностей. С начала XX в. на Кубе усилилось влияние американской антропологии: на Кубе появлялись экспедиции ученых США, большим авторитетом пользовались труды американских ученых, особенно Фьюкса и Харрингтона. Началом следующего этапа можно считать середину 30-х годов нашего века. Новые полевые материалы требовали пересмотра общих вопросов, связанных с периодизацией и классификацией индейских цивилизаций на Кубе. О серьезном сдвиге в изучении аборигенов свидетельствует, по моему мнению, образование Археологической комиссии в 1937 г. и введение, несколько ранее (в 1934 г.), университетского курса по археологии и этнографии индейцев Кубы и других Антильских островов. В свою очередь, пересмотр прежних положений потребовал расширения и более тщательного проведения раскопок, что и характерно для конца 40-х годов. После начала 50-х годов наступает некоторый спад в деятельности Хунты археологии и этнологии. Начало новому периоду — периоду переосмысления истории коренного населения Кубы с марксистских позиций — положило появление книги Э. Табио и Э. Рей. Но этот процесс только начинается, и подробная характеристика его не представляется возможной.

Э. Г. Александренков

## ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

*Основы этнографии.* Учебное пособие. Под ред. С. А. Токарева, М., 1968, 359 стр.

Подготовленное кафедрой этнографии Исторического факультета МГУ учебное пособие «Основы этнографии»<sup>1</sup> по сути дела является первым советским учебником этнографии. До этого студентам-историкам приходилось пользоваться вышедшими томами пятитомника «Очерки общей этнографии», объем которых уже превысил сотню авторских листов. Правда, в 1965 г. Ростовским университетом была издана книга Ю. В. Кышенко «История первобытного общества и основы этнографии»; однако это учебное пособие нельзя считать полноценным хотя бы уже потому, что в его этнографической части рассматриваются только народы Австралии, Океании, Америки и Африки и полностью опущены народы Азии и Европы. Ясно, что при таких обстоятельствах выход в свет рецензируемой книги является крупным событием в жизни исторических факультетов, а вместе с тем и заметным достижением советской этнографической науки.

«Основы этнографии» состоят из введения и двух частей, посвященных народам зарубежных стран и народам СССР. Таким образом, авторы поставили перед собой нелегкую задачу уместить в сравнительно небольшом объеме учебника этнографическую характеристику народов мира или по крайней мере важнейшие сведения о большей части народов. Эта задача до известной степени облегчалась существованием изданных Институтом этнографии АН СССР многотомной серии «Народы мира» и уже упомянутой серии «Очерки общей этнографии». Однако эту степень не следует переоценивать. Иной объем потребовал принципиально новых методов композиции; многие главы должны были быть обновлены; наконец, в ряде случаев авторы учебника развивают новые, отличные от представленных в названных ранее изданиях взгляды.

Большой интерес вызывает вводный раздел учебника, написанный С. А. Токаревым. Разделяя мнение подавляющего большинства советских ученых, он определяет этнографию как историческую науку, изучающую быт и культуру народов, причем очень четко и в самой доступной форме дефинирует все эти понятия или их наиболее существенные признаки. В то же время автор удачно уточняет некоторые прежние определения этнографии, специально подчеркивая, что объектом этнографического изучения являются не только этнические особенности, но и сходные черты в быту и культуре народов, так как без этого невозможно выявить общие закономерности развития. Не вызывает возражений также очерченный автором круг основных этнографических проблем: изучение этнического состава населения отдельных стран и всего мира, этногенез и этническая история, изучение общинно-родового строя, изучение ценного наследия исторически сложившихся национальных культур, изучение современного социалистического быта, изучение современных этнических процессов. Далее во введении характе-

<sup>1</sup> Авторский коллектив: В. М. Бахта, Г. Г. Громов, К. И. Козлова, Л. П. Лашук, Г. Е. Марков, С. П. Поляков, С. А. Токарев.

ризуются существующие классификации народов (географическая, лингвистическая, хозяйственно-культурная и др.) и дается краткий, но содержательный очерк развития этнографических знаний.

Надо особенно приветствовать то обстоятельство, что, знакомя читателя с самыми основами науки, автор сумел показать сложность и дискуссионность некоторых ее нерешенных проблем. Так, он останавливается на различных пониманиях предмета этнографии, правильно ограничивая здесь идеологические разногласия от чисто научных споров, говорит о спорах, связанных с реконструкцией первобытности на основе пережиточных явлений в быту современных остальных племен. Можно пожалеть, что автор не последовал этому правилу и в некоторых других случаях. Думается, например, что надо было сказать об основных разногласиях в вопросе о понятии этнической общности и ее исторических типах. Нескольким односторонне характеризуется генезис степного кочевого скотоводства: автор говорит о непосредственном переходе от охоты к скотоводству и совершенно оставляет в стороне другую точку зрения, согласно которой кочевому скотоводству степной зоны предшествовали оседлое земледелие и комплексное полуоседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство.

В разделе есть отдельные неточности и пробелы. География в целом не принадлежит к числу естественных наук (стр. 12): она состоит из физической географии (естественная наука) и экономической географии (общественная наука), причем этнография связана не с естественной, а с общественной частью географии. В подразделе «Классификация народов» следовало бы наряду с лингвистической классификацией отметить разработанную советскими этнографами не вполне совпадающую с ней этнолингвистическую классификацию; в подразделе «Краткий очерк развития этнографических знаний» — дать оценку не только старым, но и новейшим течениям в зарубежной этнографии — структурализму, неозволюционизму, культурному релятивизму.

Все это, однако — малосущественные недочеты. Более важным представляется другое — отсутствие в теоретической части учебника хотя бы основных сведений о типологии элементов культуры. В самом деле, этнографическая грамотность предполагает знакомство, например, с типами жилища, формами семьи, жанрами народного устно-поэтического творчества и т. д. Разумеется, сколько-нибудь детальная характеристика элементов культуры может быть дана только в специальных курсах, но какие-то общие сведения о них должны были, на наш взгляд, найти отражение уже в «Основах этнографии», хотя бы для этого и пришлось расширить объем книги на 1—2 листа.

Этнографическая характеристика народов мира в обоих основных разделах книги дана по крупным историко-этнографическим регионам с последующим территориальным, этническим или тематическим подразделением. При этом композиция и соответствующая ей рубрикация не являются жесткими: в одних главах тематическая рубрикация подчинена этнической, в других главах народы и их культура характеризуются внутри тематических рубрик. В большинстве случаев такое построение учебника оправдано теми или иными объективными причинами: особенностями исторического развития или этнического состава, степенью этнографической изученности, различиями в методике описания высокоразвитых и отставших в своем развитии народов. Однако в некоторых случаях разноречивость в рубрикации остается непонятным. Почему, например, общие сведения о народах в одних главах («Народы Сибири») возведены, а в других («Восточнославянские народы») не возведены в ранг параграфа или почему в главе «Народы Средней Азии и Казахстана» сведения о хозяйстве, материальной культуре и т. д. выделены в особые параграфы, а в главе «Народы Кавказа» при том же объеме не выделены?

Что касается существа этнографической характеристики народов мира, то, на наш взгляд, авторы в основном успешно справились со своей задачей. В учебнике даны важнейшие сведения о народах — их расселении, численности, антропологической и лингвистической принадлежности, этногенезе и этнической истории, хозяйстве, материальной, социальной и духовной культуре. В главах, посвященных народам зарубежных стран, как правило, уделено внимание современному положению коренного населения колонизованных европейцами континентов, росту национально-освободительного движения, успехам народов, завоевавших национальную независимость. В главах о народах СССР настолько, насколько это позволили размеры учебника, показано социалистическое переустройство культуры и быта. Удачна суммарная характеристика культурно-бытовых особенностей народов Зарубежной Европы. Правда, тем заметнее отсутствие собственно этнографических данных о других высокоразвитых народах зарубежных стран, в особенности североамериканцах, англо- и франко-канадцах, англо-австралийцах.

Понятно, что в книге, посвященной практически всем народам мира и к тому же написанной сравнительно небольшим авторским коллективом, трудно было избежать не только пробелов, но и отдельных неточностей и неясностей.

В главе о народах Америки очень неопределенно указывается, что у эскимосов «племенные связи существовали, но были слабы» (стр. 84). Вопрос именно в том, существовали ли вообще у эскимосов племена, можно ли считать племенами территориальные группировки эскимосов, различающиеся своими названиями, диалектами, особен-

ностями культуры и т. п., или нет? На стр. 46 о племенах австралийцев сказано ясно: отмечается существование племен, перечисляются признаки племени, но констатируется отсутствие постоянных форм племенной организации.

В главе о народах Африки арабы и берберы правильно отнесены к средиземноморской расе, но некоторые из приводимых для ее характеристики признаков, в частности выпуклый нос (стр. 125), верны для арабского и неверны для берберского варианта этнорасы. В той же главе арабское «Магриб» («Запад») неправильно переведено «Остров Запада» (стр. 131). Здесь же неточны сведения о матрилинейном наследии имущества у туарегов Сахары (стр. 138): в действительности у них по линии матери наследовался общественный ранг, а имущество передавалось по линии отца.

В разделе о народах Передней Азии мусульманское право (шариат) смешано с лигиозным правом (стр. 172); состоящие из многих племен группы аназа и шамы именуются «племенами» (стр. 173—174); применительно к мусульманским странам правомерно употреблять термин «церковь» (стр. 176).

В главе «Народы Зарубежной Европы» (стр. 227) правильно отмечается, что сами англичане, так и большинство шотландцев говорят на английском языке, входящем в германскую группу языков. Указывается, что лишь часть шотландцев — гэлы сохранили свой древний кельтский язык. Однако о двуязычии ирландцев, значительная часть которых тоже говорит по-английски, не упоминается (там же).

В главе «Восточно-славянские народы» термин «союзы племен» без всякой аргументации прилагается к летописным племенам восточных славян (стр. 256). Это положение следовало бы обосновать. Славяне все же стояли на весьма различных ступенях исторического развития. Да и сами летописные племена, вероятно, представляли объединения разного происхождения и характера.

В главе «Народы Кавказа» смешаны адыгейцы (народ) и адыги (группа народ, включающая адыгейцев, черкесов и кабардинцев) (стр. 291, 292, 309); здесь же неточно говорится об адыгстве как о передаче на воспитание только мальчиков (стр. 30). На самом деле на воспитание отдавались и девочки, но эта практика исчезла несколько раньше.

Переходя к народам Сибири, отметим, что долганы живут не только в бассейне Хатанги (стр. 333), но и Пясины. Среди северных якутов были и очень крупные оленеводы, а не только владельцы небольших оленьих стад (стр. 342). Нганасаны — потомки палеоазиатов, насельников по крайней мере всего пространства тундры и лесотундры между Нижним Енисеем и Хатангой, а не только района между Енисейским заливом и Пясиной (стр. 341). Вряд ли общественный строй нивхов можно считать наиболее типичным примером патриархально-родового строя в Сибири (стр. 346). Два носителя крупных народа Сибири — хакасы и шорцы лишь упомянуты (стр. 33). Следовало бы дать их краткую характеристику наряду с алтайцами и тувинцами. В частности, следовало бы осветить проблему участия енисейских киргизов в происхождении хакасов. В главе о народах Сибири многократно говорится об охоте как о важном источнике существования этих народов, особенно в прошлом. Но ни разу не названы объекты сухопутной охоты. Следовало бы, конечно, упомянуть об охоте на дикого северного оленя, с которой тесно связана культура древних обитателей Севера Азии, об охоте на лося в лесной зоне, а из пушных зверей назвать песца, белку, лису, соболя (запасы которого восстановлены за годы Советской власти) и как новый объект охоты акклиматизированную в Сибири советскими охотоведами ондатру.

Достоинством рецензируемой книги являются включенные в нее этнографические карты, позволяющие даже неспециалисту легко ориентироваться в расселении основных народов и лингвистических общностей земного шара. Но тем более досадно отсутствие иллюстраций, столь необходимых для каждого этнографического труда данного типа. Даже очень тщательное описание не может заменить соответствующую схему, рисунок или чертеж. Особенно важно это в отношении материальной культуры. Только при наличии хороших иллюстраций и планов рядовой читатель сможет полностью уяснить себе разницу между франконскими и саксонскими домами, между вигмом и типом, между северо- и южно-великорусскими домами, между чумом и ярангой и т. д.

Нужны также иллюстрации, показывающие трудовые процессы, национальную одежду, быт и т. п. разных народов, описываемых в книге.

Поскольку в учебном пособии значительное внимание уделено антропологическому составу населения, очень желательны и портреты характерных представителей основных расовых типов, упомянутых в тексте.

Заметный недочет многих глав учебника — устарелость демографических данных. Отчасти это объясняется тем, что книга очень долго, почти полтора года, находилась в наборе. Но заслуживают упрека и авторы. Учебник был сдан в набор в августе 1966 г., между тем уже в середине 1965 г. население Африки составляло не 280 млн (стр. 125), а 292 млн, население Зарубежной Европы — не 421 млн (стр. 227), а 446 млн. Численность туземцев уже в 1963 г. оценивалась не в 22,5 млн (стр. 162), а в 25,7 млн, население Афганистана — не в 13,8 млн (стр. 163), а в 14,9 млн, население Ливана — не в 1 млн (стр. 163), а в 2,3 млн и т. д. Вообще демографические сведения приводятся в раз-

личных главах учебника несколько бессистемно: в одних случаях по данным переписи, в других — по оценке, иногда последней, иногда давней.

В целом же можно констатировать, что широкий советский читатель получил хорошую книгу, в сжатой форме знакомящую его с основами этнографии, а студенты, изучающие этнографию, имеют теперь полезное учебное пособие, в котором они давно нуждались. Отмеченные небольшие недостатки, которые авторам следует устранить при повторном издании, разумеется не снижают общей ценности книги, выход в свет которой следует лишь приветствовать. Тираж издания (14 тыс.), конечно, явно недостаточен.

**Б. О. Долгих, А. И. Першиц**

*«The Journals of captain James Cook on his voyages of discovery. The voyage of the resolution and discovery, 1776—1780. Edited by J. C. Beaglehole», pt. I—I, Cambridge, 1967 («Hakluyt Society», Extra-Series, XXXVI).*

С начала 1950-х гг. видный новозеландский географ Дж. Биглехол ведет работу по переизданию материалов кругосветных экспедиций капитана Джемса Кука. Впрочем, лишь сугубо условно труды, выходящие под редакцией Дж. Биглехола, можно назвать переизданиями. По существу речь должна идти о публикациях огромной научной значимости, поскольку в ходе кропотливых изысканий Дж. Биглехола всякий раз издаются подлинные, очищенные от искажений, пропусков и произвольных добавлений дневники великого мореплавателя; кроме того, восстановленные тексты дневников Дж. Кука сопровождаются ценными приложениями — записями непосредственных участников плаваний, списками судовых команд, реестрами важнейших документов, относящихся к данной экспедиции, основательными комментариями и обширными вводными статьями.

Как известно, первые два биглехоловских переиздания — материалы первой и второй экспедиций Дж. Кука — со значительными, правда, сокращениями были опубликованы в русском переводе<sup>1</sup>.

Недавно в Советский Союз поступили материалы третьего, последнего, путешествия Дж. Кука, изданные в 1967 г. в Кембридже.

Учитывая, что главной целью этого путешествия были поиски северо-западного прохода и что корабли Кука в ходе экспедиции обошли моря, омывающие Аляску, Камчатку и Чукотский полуостров, можно с полным основанием утверждать, что именно это плавание Дж. Кука представляет наибольший интерес для советских географов, этнографов и историков. До последнего времени основным источником информации о третьем путешествии было вышедшее в 1784 г. английское издание дневников Дж. Кука и лейтенанта Дж. Кинга, в подневных записях которого отражен последний этап кругосветного плавания (февраль 1779 — сентябрь 1780 г.).

Кроме того, в 1781—1789 гг. были опубликованы сообщения о третьей экспедиции Дж. Кука некоторых ее участников — лейтенанта Дж. Рикмана, немца волонтера Г. Циммермана, помощника хирурга на «Дискавери» У. Эллиса, астронома У. Бейли и сержанта морской пехоты Дж. Ледьярда. В 1786 г. помощник хирурга на «Резолюшн» Д. Самвелл опубликовал свой рассказ о гибели Дж. Кука, который в значительной мере дополнил принятую в издании 1784 г. версию Дж. Кинга. Этим кругом источников, однако, отнюдь не ограничиваются материалы, в которых содержатся сведения о третьем путешествии Дж. Кука. Большинство этих материалов оставалось неизвестным исследователям, и велика заслуга Дж. Биглехола, который извлек их из «архивной пыли». Дж. Биглехол просмотрел подлинные записи всех участников экспедиции и включил в свое издание фрагменты из неопубликованных дневников Ч. Клерка — преемника Дж. Кука, лейтенантов Дж. Кинга, Дж. Барни и Дж. Уильямсона, хирурга У. Андерсена, Д. Самвелла и штурмана Т. Эдгара.

Дж. Биглехол восстановил подлинный текст дневников Дж. Кука, которые, как он это показал, по своему произволу переработал редактор издания 1784 г. каноник Дж. Дуглас. Последний не только «выправил» стиль дневников, но и дополнил их вставками из записей других участников экспедиции. Более того, как выяснил Дж. Биглехол, этот не в меру предприимчивый редактор, «обогастил» дневники Дж. Кука не только своими собственными дополнениями, но и разделом, автором которого оказался адмирал Дж. Форбс, никакого отношения к экспедиции не имевший.

Рецензируемое издание, помимо очищенного от дугласовской правки текста дневников Дж. Кука и Дж. Кинга и обширных извлечений из записок Ч. Клерка,

<sup>1</sup> «Первое кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание на «Индевре» в 1768—1771 гг.», М., 1960; «Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание к южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг.», М., 1964.

Дж. Барни, Дж. Уильямсона, У. Андерсена, Д. Самвелла и Т. Эдгара, содержит обстоятельную вводную статью и многочисленные примечания Дж. Биглехола, а также списки экипажей «Резолюши» и «Дискавери» и перечень важнейших документов, относящихся к этой экспедиции. Общий объем этой двухтомной публикации превышает 110 печатных листов. Чрезвычайно ценны иллюстративные материалы — рисунки художника экспедиции Дж. Вебера, хирурга У. Эллisa и плотника Дж. Клевели. Значительная их часть воспроизводится впервые.

Третье путешествие Дж. Кука дало бесценную информацию о народах Океании, северо-западного побережья Северной Америки, Алеутских островов и Чукотки. В особенности важны этнографические данные спутников Дж. Кука о Гавайских островах, поскольку архипелаг этот был открыт в ходе последней экспедиции Дж. Кука, и участники ее были первыми европейцами, вступившими в контакт с местными жителями.

В силу этого, на протяжении 185 лет этнографы неизменно обращались к материалам третьего путешествия Дж. Кука, материалам, как ныне выяснилось, весьма неполным и весьма дефектным. Естественно, что выход в свет нового издания документов третьего путешествия явился выдающимся событием, значение которого несомненно будет оценено положительно и советскими этнографами.

Впервые опубликованные этнографические данные, содержащиеся в извлечениях из дневников У. Андерсена, Д. Самвелла, Ч. Клерка, Дж. Кинга, Т. Эдгара, несут обильную информацию о материальной культуре, обычаях, религии и общественном строе тонганцев, таитян, гавайцев, индейцев северо-западной Америки, эскимосов, алеутов и чукчей.

В рамках настоящей рецензии невозможно дать исчерпывающую оценку этой «дополнительной» информации. Отметим лишь наиболее существенные сведения, которые касаются основных ареалов тихоокеанского бассейна, посещенных третьей экспедицией Дж. Кука.

*Острова Тонга.* Весьма большой интерес представляет описание этих островов У. Андерсеном. В издании 1784 г. часть его данных была, как правило, без ссылки на источник, включена в дневники Дж. Кука. В новом издании тонганский раздел дневника У. Андерсена с полным основанием может быть назван введением в этнографию островов Тонга. Его описания как бы предваряют «репортаж» английского моряка Маринера, который посетил этот архипелаг тридцать лет спустя. У. Андерсен приводит сведения о растительном и животном мире островов (и в частности о флоре и фауне северной группы, впервые открытой в третьем плавании Дж. Кука), о способах обработки земли, приемах рыболовства, одиночных и двойных каноэ различных типов, о жилищах, утвари, одежде, оружии, украшениях, развлечениях и зрелищах, культовых сооружениях, погребальных и жертвенных церемониях, медицинских познаниях. Ценны замечания У. Андерсена о языке тонганцев и лингвистических связях этого архипелага с Новой Зеландией и островами Общества.

Параллельное, в основном более сжатое описание островов Тонга и их обитателей дает Д. Самвелл, приводящий интересные данные о тонганских орудиях труда, местных изделиях и т. д.

*Гавайские острова.* Как известно, записи Дж. Кука обрываются за месяц до его гибели в связи с чем в его дневнике сравнительно мало места уделено описаниям острова Гавайи, открытого при повторном посещении Гавайского архипелага. В старом издании этот пробел в известной степени восполняли данные наблюдений Дж. Кинга.

В рецензируемом издании появился новый источник ценнейшей информации — гавайские записи Д. Самвелла. В основном они велись в январе — феврале 1779 г. во время стоянки кораблей на острове Гавайи, и представляют собой подробное (80 стр.) описание местного населения. Д. Самвелла в меньшей мере, чем Дж. Кука и Дж. Кинга, интересовали особенности общественного уклада гавайцев и система управления, существовавшая на островах этого архипелага. Но зато очень подробно он описал занятия островитян, предметы их материальной культуры, их одежду, дома, хозяйственную утварь. Очень ценно, в частности, описание видов одежды (набренные повязки *мало*, женские одеяния *пау*, украшенные пичьими перьями накидки *аху-ула*, головные уборы *махуоле*), а также циновки, изделий из перьев, различных гавайских кушаний и напитков, в частности *кавы*.

Детально характеризует Д. Самвелл гавайские религиозные церемонии, жертвоприношения, типы храмовых сооружений. Интересны описания приемов рыбной ловли, торговли (меновых операций) и транспортных средств. Пожалуй, именно у Д. Самвелла наиболее четко описывается оснастка гавайских лодок.

Острову Гавайи посвящена также выдержка из дневника Ч. Клерка, которая датируется январем 1779 г.; в ней приведен перечень деревьев, трав и культурных растений этого острова, причем все эти гавайские разновидности идентифицированы Дж. Биглехолом.

*Северо-западное побережье Северной Америки.* Дж. Кук и его спутники описали индейцев в трех пунктах северо-западного побережья Северной Америки: в заливах Нутка, Принца Вильяма и Кука. В первом случае имели место контакты с индейцами



вакашами (подгруппа нутка), во втором и третьем — с различными племенами группы танаина.

Существенные этнографические сведения, во многом дополняющие данные Дж. Кука, содержатся в дневнике Д. Самвелла и ранее не опубликованных фрагментах дневников Дж. Кинга. Эти материалы охватывают все стороны хозяйственного уклада вакашей и тлинкитов. Особенно ценны описания индейских рыболовных промыслов, местных жилищ, орудий труда, одежды, оружия, пищи, сношений с соседними племенами. Любопытно, что как Д. Самвелл, так и Дж. Кинг обратили внимание на черты внешнего сходства некоторых видов вакашской одежды и оружия с одеждой и оружием новозеландских маори.

*Алеутские острова.* Параллельные описания обитателей этих островов имеются у Д. Самвелла и Т. Эдгара, причем приводимые ими данные представляют исключительный интерес для истории русских открытий на рубежах Азии и Америки. Известно, что Дж. Кук, подробно рассказывая о своей встрече с Герасимом Измайловым на Уналашке, лишь бегло упомянул о характере русского поселения на этом острове. Более полные сведения содержались в записках Д. Ледьярда, но по объему информации их превосходят сообщения Д. Самвелла и Т. Эдгара. Они характеризуют большой общий дом русских поселенцев, их склады, особенности быта и взаимоотношений с алеутами. В этих же сообщениях читатель найдет детальное описание коренных жителей Алеутских островов, а у Д. Самвелла и интересные подробности, касающиеся одежды алеутов (в частности алеутских *камлеек*), их головных уборов и особенностей их морских промыслов.

В целом, как очищенные от всевозможных искажений записи Дж. Кука, так и дневники его спутников, позволяют по достоинству оценить значение третьего путешествия Кука. Впервые ставшие доступными этнографические материалы У. Андерсена, Дж. Кинга, Д. Самвелла и Т. Эдгара значительно дополняют ту информацию, которая содержалась в весьма неполном первом английском издании 1784 г.

Вступительная статья Дж. Биглехола дает отчетливое представление о ходе экспедиции и ее главных достижениях. К сожалению, однако, автор, затрагивая круг вопросов, связанных с плаванием Дж. Кука в северной части Тихого океана, совершенно не использует работы русских исследователей и весьма бегло описывает русские открытия на рубежах Азии и Америки в конце XVII и в XVIII в. В силу этого раздел, посвященный плаванию Дж. Кука и Ч. Клерка в северной половине Тихого океана, имеет меньшую научную ценность, чем та часть вводной статьи, где речь идет о посещении кораблями экспедиции островов Тонга и Общества и об открытии Гавайского архипелага.

Представляется весьма желательным русский перевод материалов третьего путешествия Дж. Кука. С выходом в свет русского издания дневников этой экспедиции, широкие круги советских читателей и советские специалисты — географы и этнографы — будут располагать всей серией трудов замечательного английского мореплавателя.

Я. М. Свет

## НАРОДЫ СССР

В. Е. Носов. *Социально-экономическое развитие народов Енисейского Крайнего Севера*. М., 1967, 184 стр.

Книга В. Е. Носова посвящена большой и важной теме. Достаточно отметить, что письменная история народов Енисейского края, весьма различных по своему хозяйственному укладу, быту и культуре, охватывает почти четыре столетия. Во введении автор сужает тему, определяя предмет своего исследования опыт социалистического строительства на Енисейском Крайнем Севере, а целью его — показ влияния крупнейшего промышленного центра Заполярья — Норильска, на развитие малых народностей Севера.

Рецензируемая работа построена следующим образом: введение, четыре главы: «Из истории освоения Таймыра», «Октябрьская социалистическая революция и построение фундамента социализма на Енисейском Крайнем Севере (1917—1937 гг.)», «Таймыр в период дальнейшего развития социализма (1938—1958 гг.)», «Енисейский Крайний Север в период развернутого строительства коммунизма (1958—1965 гг.)» и приложение — список литературы и хронологический перечень событий на Енисейском Крайнем Севере.

В. Е. Носов привел много материала для освещения процесса превращения одной из наиболее отсталых областей царской России в развитый промышленный район Советской страны. Значительное место в работе отведено Норильскому горнометаллургическому комбинату как наиболее крупному промышленному предприятию Севера. Автор рассматривает деятельность комбината на протяжении всей истории его существования. Он касается и таких важных вопросов, как создание национального округа, советское и партийное строительство на Енисейском Севере, обеспечение коренного населения продовольствием и промышленными товарами, развитие школьной и медицинской сети. В книге перечисляются мероприятия советского правительства, направленные на дальнейшее развитие Севера Красноярского края. Ничего существенно нового в этих разделах по сравнению с ранее опубликованными данными нет. Однако в книге содержится определенный познавательный материал.

Отмечая достоинства работы, нельзя умолчать о ряде ее существенных недостатков. Несмотря на то, что В. Е. Носов посвящает свою книгу народам Енисейского Севера, он не сообщает о них даже самых необходимых сведений. Он не использует ни данных переписи 1926—1927 гг., ни переписи 1959 г., не приводит численности каждой отдельной народности, ничего не говорит о расселении их в пределах Таймырского долгано-ненецкого национального округа. В. Е. Носов не объясняет, что полное название округа происходит от названий двух крупнейших народов Енисейского Крайнего Севера — долган и ненцев. Если энцев — около 350 человек, нганасан — около 700, то долган — около 4 тысяч, а ненцев — около 1,5 тысяч человек.

В книге нет данных об особенностях хозяйства и культуры этих народностей, обойден и вопрос о взаимоотношениях между ними в прошлом и настоящем, не освещены этнические процессы.

Названия народов написаны неправильно: вместо нганасаны и долганы — нганасане и долгане, вместо нганасан — нганасанин (стр. 7, 8, 44), а на странице 117 напечатано вместо «селькупов» — «селькунов».

Основную тему книги — влияние Норильска на малые народы Севера — необходимо было бы рассмотреть подробнее. В. Е. Носов отводит этому всего четыре страницы, но и они заполнены фактами частного характера.

Стоило сообщить, есть ли в числе рабочих Норильского комбината представители малых народностей, какое влияние оказала промышленность на развитие промыслового хозяйства, на жилищное строительство в тундре и т. д.

Работа изобилует ошибками самого разнообразного характера. Вот некоторые из них.

Автор пишет, что ненцы поселились на Таймыре уже в XVII в. (стр. 8), хотя этот народ стал постоянно жить в пределах современного Таймырского долгано-ненецкого округа лишь с XVIII в.

Энцы причислены В. Е. Носовым к тунгусской языковой группе, хотя они являются по языку самодийцами (стр. 8).

Экспедиция князя Милона Шаховского и Даниила Хрипунова была разгромлена не эвенками (стр. 11), а ненцами. Ведь достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что эвенки вообще не могли жить в бассейне Таза г. 1600 г. Неверно дается В. Е. Носовым и дата основания Дудинки (стр. 16). В «Дополнениях к актам историческим» мы находим документ, из которого явствует, что начало строительства этого русского поселения служилыми людьми следует отнести скорее всего к осени 1666 г.<sup>1</sup> Это, впрочем, не означает, что раньше там вообще не было русского населения. События, описываемые автором на стр. 43—44 и 127, в 1926 и 1931 гг. в указанном районе не отмечены. Артель «Труженик» в Потапове была создана не в 1929 г., а в 1932 г.<sup>2</sup> (стр. 49).

Следует также указать на одну существенную ошибку (в вопросе установления Советской власти на Таймыре), которая произошла из-за некритического использования автором материалов по этой теме, приведенных в брошюре Д. З. Соболева<sup>3</sup>.

По Д. З. Соболеву и В. Е. Носову выходит, что Советская власть в Дудинке была установлена в январе 1920 г. с помощью прибывших из Архангельска коммунистов М. М. Максимова, В. М. Яконова и Н. А. Сошкина. В действительности это событие произошло несколько иначе. 10 января 1920 г., после получения известия о взятии частями Красной Армии Красноярска, на совместном заседании служащих союза кооперативов и личного состава радиостанции «Дудинка» было принято решение об образовании Комитета общественной безопасности в составе 5 человек (Дьяконова, Шошкина, Петрачука, Покровского, Шунько) и двух кандидатов. Комитет объявил себя органом Советской власти и принял решение о разоружении местной колчаковской милиции. Вскоре Комитет общественной безопасности был преобразован во

<sup>1</sup> «Дополнение к актам историческим, изданным археографической комиссией», т. V, СПб., 1853, стр. 160—161.

<sup>2</sup> «Сибирский этнографический сборник», вып. V, М., 1963, стр. 51.

<sup>3</sup> Д. З. С о б о л е в, Преображенный Таймыр, Красноярск, 1960.

Временный Революционный Комитет, а в апреле 1920 г. на общем собрании граждан села Дудинка был избран районный исполнительный комитет, ставший первым политическим органом Советской власти на Енисейском Севере. В его состав вошли Н. А. Машинин, Н. А. Иванов, П. П. Шатин (в качестве членов), и А. М. Авраменок, К. И. Нестеров, С. Голубчиков (в качестве кандидатов)<sup>4</sup>. Как мы видим, в этом списке нет ни одной фамилии из названных В. Е. Носовым.

Описывая хозяйственную деятельность народов Крайнего Севера в разные периоды истории, автор забывает упомянуть, то рыболовство (стр. 53), то охоту (стр. 116—117). На стр. 44 в одном из перечислений малых народов Севера почему-то выпущены нганасаны. На стр. 100 мы узнаем о том, что «...долгане, нганасане, ненцы, эвенки вплотную занялись выращиванием овощей». Вряд ли возможно говорить, что перечисленные народы занялись овощеводством «вплотную», поскольку оно остается и сейчас подсобной отраслью хозяйства. Непонятно также, по какой причине не названы энцы: то ли, как в первом случае, по забывчивости автора, то ли потому, что они не занимались выращиванием овощей.

На стр. 124 мы читаем: «Во всех колхозах созданы молочно-товарные фермы»; на той же странице двумя абзацами ниже: «Теперь почти во всех колхозах созданы молочно-товарные фермы». Если молочно-товарные фермы были не во всех колхозах, то надо было конкретно указать, в каких они были. Автор не прав, утверждая, что молоко выдается колхозникам. Ведь в колхозах существует денежная оплата труда, и молоко не выдается, а покупается колхозниками. Можно возразить и по поводу того, как подано сообщение о выведении колхозниками новых пород домашних животных (стр. 124), хотя бы уже потому, что об этом сказано походя, одной общей фразой, которая не подкреплена никакими конкретными примерами («Колхозники выращивают телят, выводят новые разновидности пород, более приспособленных к условиям Заполярья»).

Что касается географических названий и имен, упоминаемых в книге, то они приводятся с чрезвычайноыми искажениями.

Ошибки встречаются и в определении национальностей, упоминаемых в книге деятелей из коренных жителей Таймыра: П. Болин — не ненец, а энец, А. Силкин — не нганасан, а тоже энец (стр. 43). Вместо имен Манчо Лырмин, Ляхо Вэнго и Борис Батагай, Порбин, Необутов, Максим Хутокогир, мы читаем Манго Лырмин, Вэнго Ляхо, Борис Батагей (стр. 106), Торбин, Небутов (стр. 127), Максим Хутоко (стр. 91). Конечно, совершенно недопустима такая перестановка имени и фамилии, какую мы видим в отношении Ляхо Вэнго, потому что неискушенный читатель вряд ли поймет, что Вэнго — это фамилия, а Ляхо имя, тем более, что имена и фамилии до и после него написаны в другой последовательности. Такую же перестановку имени и фамилии мы встречаем на стр. 117.

Под названием Хантайский залив на стр. 20 подразумевается, по-видимому, Хатангский залив, а под рекой Дудинкой, впадающей в Пясино у Крестов (стр. 108), подразумевается, конечно, река Дудыпта.

Неоднократно употребляются фамилии без инициалов и имен (стр. 127—Чунанар, стр. 40—Болин), а поскольку эти фамилии распространены, то трудно понять, о ком же идет речь.

Книга пестрит опечатками в написании фамилий и инициалов. Например, на стр. 14 упомянут А. М. Рычков, в библиографии — Н. М. Рычков, действительные же инициалы этнографа — К. М. Рычков. В начале стр. 29 речь идет о купце К. Сотникове, затем значится К. П. Сотников, потом появляется племянник купца К. М. Сотникова — А. П. Сотников, после чего эта фамилия фигурирует вообще без инициалов, из-за чего совершенно невозможно понять, кто же из них имеется в виду.

Часть цифровых данных, например, относительно денежных доходов колхозов и отдельных семей (стр. 121), а также процентного соотношения лова рыбы по районам (стр. 123) не документирована. Это обстоятельство лишает возможности использовать их в других работах.

Стиль книги также оставляет желать много лучшего. Странное впечатление производят такие фразы: «Кочевое оленеводство задерживало отделение умственного труда от физического» (стр. 8), «Немаловажной причиной медленного развития производительных сил Таймыра являлось бездорожье и безлюдье...» (стр. 27), «Необходимо обеспечить пастухов малой транспортной техникой: вездеходы, аэросани на одного-двух человек, самолеты, вертолеты, дирижабли и автолеты» (стр. 154). Как можно относить самолеты, вертолеты и дирижабли к малой транспортной технике? На странице 128 из-за неправильного построения фразы искался смысл написанного. Дмитрий Лапсуй стал радистом, а первым мастером спорта по классической борьбе стал Николай Фальков. И уж раз автор называет национальность Сайво Момде

<sup>4</sup> Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. Р-259, оп. 1, № 49, лл. 2—3, 24. См. также: В. И. Васильев и Ю. Б. Симченко, История социального строительства на Таймыре, газ. «Советский Таймыр», 1966, № 91—94.

(нганасан), то надо было сказать, что Дмитрий Лапсуй — ненец, а Николай Фальков — долган.

Список литературы составлен так, что, исходя из него, невозможно проверить, какие материалы из той или иной книги были использованы автором. Что же касается хронологического перечня, то он, пожалуй, слишком подробен. Некоторые незначительные события можно было бы в него не включать (например, снятие и назначение того или иного директора комбината). Указание страниц в оглавлении не всегда совпадает с нумерацией их в тексте (например, в четвертой главе).

Рецензируемая книга В. Е. Носова — это скорее популярная брошюра, чем научный труд. Автором приводятся лишь отдельные факты и цифры, но ведь сумма примеров не заменяет научного описания и анализа. Данная книга даже как популярная брошюра не может быть рекомендована широкому кругу читателей из-за многочисленных ошибок и опечаток. Написана она явно наспех, небрежно. Много, конечно, зависит от опечаток, но основная часть ошибок остается на совести автора, видимо, мало знакомого с историей и бытом населения, о котором пишет. В целом можно сказать, что в отношении показа социально-экономического развития народов Енисейского Севера В. Е. Носов явно не справился с поставленными перед ним задачами.

**Т. Б. Долгих**

*Осетия глазами русских и иностранных путешественников.* Составление, вводная статья и комментарии Б. А. Калоева. Перевод части текстов И. С. Зевакиной. Орджоникидзе, 1967, 320 стр.

В рецензируемой книге собраны сведения об осетинском народе, извлеченные из сочинений ряда известных дореволюционных авторов.

Книги их давно стали библиографической редкостью, что создавало большие неудобства и трудности для исследователей в области истории и этнографии народов СССР. Поэтому нельзя не признать весьма целесообразным и своевременным предпринятые в последнее время их переиздания в виде сборников сведений об отдельных народах<sup>1</sup>.

Составитель данного сборника Б. А. Калоев снабдил его «Введением», содержащим обзор публикуемых сочинений. К книге приложены также «Комментарии»; в которых автор дает пояснения наиболее устаревшим словам, терминам и отдельным специфическим местам текстов.

Начинается сборник небольшими выдержками из сочинений миссионера Юлиана и путешественника Вильгельма де Рубрука — авторов XIII в. Весь остальной материал относится к XVIII—XIX вв.

Сведения русских и особенно европейцев о Кавказе до XVII в. опирались в основном на античные и византийские источники. В XVII—XIX вв. постоянно ощущаемый интерес к Кавказу в Европе стал особенно сильным. Это был период значительного роста его международного значения как одного из важных пунктов в сложном узле, восточного вопроса. Иностранные политики, коммерсанты, дельцы и пр. почувствовали острую нужду в точных и всесторонних сведениях о народах Кавказа, до сих пор почти таинственных для Европы.

Именно в этот период по инициативе Российской Академии наук многие европейские и русские ученые (И. А. Гюльденшtedт, П. М. Паллас, Я. Рейнегс, Ю. Клапрот и др.) совершили свои научно-разведывательные путешествия по Кавказу. Их интересовало все: этногенез и общественный строй различных племен и народностей Кавказа, внутри- и межплеменные взаимоотношения, общественный быт, язык и история, духовная культура и домашнее хозяйство, ландшафт и природные условия малодоступного края и т. д.

В результате появилось множество работ, всесторонне освещающих жизнь и нравы аборигенов. Многие работы содержат интересные теоретические наблюдения, а собранный в них колоссальный фактический материал делает их ныне во многом незаменимыми.

По богатству фактов, их разнообразию и особенно достоверности публикуемые в сборнике работы неизмеримо превосходят все, что было написано до того об осетинском народе. В них широко использованы античные и византийские письменные источ-

<sup>1</sup> Энергичная работа в этой области ведется в АН Грузинской ССР. Здесь создана специальная «Комиссия по публикации иностранных источников о Грузии», к настоящему времени издавшая около двадцати томов оригинальных текстов с параллельными грузинскими переводами.

ники, привлекаются сочинения армянских и особенно грузинских авторов. Некоторые теоретические заключения, сделанные на основании анализа языковых, этнографических и других данных, не потеряли своей ценности и сегодня; например, открытие Я. Потоцким и Ю. Клапротом сармато-аланского происхождения осетин, общепринятое в исторической науке.

Достоинством сборника является то, что в нем впервые на русском языке публикуются посвященные осетинам страницы из сочинений различных авторов: М. Энгельгардта и Ф. Паррота, Гамба, Ф. Феттера, И. Бларамберга, К. Коха и др. Ими даются интересные сведения об общественном устройстве осетин, их политической и экономической истории в первой половине XIX в., антифеодальной и антиколониальной борьбе осетин и других народов Кавказа, об их духовной и материальной культуре, а также богатые этнографические сведения об обычаях, семейном устройстве, быте, религиозных верованиях, распространенности в Осетии как русского, так и других кавказских языков.

Основная задача ученых-путешественников заключалась в выявлении стратегической ценности кавказского края в связи с обострившимся международным положением в XVIII—XIX вв. «Любопытное, — предписывалось в предложенных Ю. Клапроту «Инструкциях», — всегда должно уступать место полезному и основной целью должно быть лучшее ознакомление с Кавказом» (стр. 105). Осетинские племена занимали важные, со стратегической точки зрения, области Центрального Кавказа, и потому их всестороннему изучению было уделено важное место. Авторы настоятельно требовали от царского правительства вовлечения осетин в орбиту своей политики, не останавливаясь даже перед военными экспедициями. Предварительной мерой для этого должно было быть активное вмешательство во внутренние дела раздираемых межплеменной усобицей различных обществ Осетии. Это могло сделать осетин не только хорошими подданными, но главное — надежной опорой на Северном Кавказе в деле сношений с Грузией (стр. 42, а также: 72, 88, 97, 103, 104, 180 и др.). Последнее обстоятельство являлось важным моментом в мероприятиях царизма на Северном Кавказе. Осетины могли способствовать их успешному осуществлению, так как с грузинами у них были традиционные, почти никогда не прерывающиеся связи.

Однако рецензируемая книга не лишена и некоторых недостатков.

Во «Введении» Б. А. Калоев вполне заслуженно настраивает читателя на критическое отношение к собранным им сведениям. Подчеркивая, что «авторы их нередко выполняли задания царского правительства и его ставленников на местах», Б. А. Калоев неудачно выбрал иллюстрацию для колонизаторской политики царизма: «Отсюда пренебрежительное отношение к горцам, стремление представить их «дикарями» и «разбойниками» (стр. 5).

Дело не в пренебрежительном названии «туземцев»: это была общепринятая терминология европейской этнографической литературы того времени и употреблялась она учеными-путешественниками и наемными царскими или королевскими администраторами в равной мере для большинства неевропейских народов; однако в этих эпитетах, на самом деле оскорбительно звучащих в устах высокомерного европейца, надо видеть и обратную сторону: они содержат общую картину быта многих народов Кавказа, социальное устройство которых пока еще сохраняло существенные пережитки эпохи военной демократии, когда люди, по словам Энгельса, грабеж и насильственное приобретение предпочитали созидательному труду<sup>2</sup>.

Упущением сборника является отсутствие в нем даже упоминания о знаменитом турецком путешественнике XVII в. Эвлия Челеби, авторе многотомной «Книги путешествий». Несмотря на избыток фантазии и частое предпочтение легенды реальным фактам, труд Эвлия Челеби применительно к народам СССР, по словам ученых, очень значителен<sup>3</sup>.

В комментариях к упоминаемым В. де Рубруком лезгам (стр. 17) Б. А. Калоев пишет: «... лезги — древнее и средневековое название дагестанцев. От него позднее произошло грузинское название народов Дагестана — леки» (стр. 299). Если автор думает, что в раннем средневековье (между прочим, Б. А. Калоев не совсем тверд в определении терминов «древний» и «средневековый»). Ср. комментарий 31) не существовало грузинского названия дагестанцев «леки» (мн. ч. лек-ни), то мы могли бы ему указать на наиболее ранние части свода грузинских летописей «Картлис цховреба». Сведения о леках из этого источника современными исследователями приурочиваются к III в. до н. э.<sup>4</sup> Вполне очевидно, что ряд этнических названий, известных нам из античной и средневековой европейской и русской литературы, заимствован у грузин и их предков.

Из других мелких недочетов надо отметить следующие.

Среди комментариев на стр. 301 царь объединенной Восточной Грузии Ираклий II (1720—1798) ошибочно представлен как «создатель единого Грузинского государства»

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. соч., т. II, М., 1955, стр. 296.

<sup>3</sup> См. И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. IV, М., 1957, стр. 629 и др.

<sup>4</sup> См. «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 107.

По какому-то недоразумению в книгу прокрался явно случайный ляпсус: «Танаида — древнее название Каспийского моря» (стр. 299).

Вильгельм де Рубрук был послан французским королем Людовиком IX не в Восточную Европу, как это пишет Б. А. Калоев (стр. 298), а в Монголию с дипломатическим заданием склонить монголов к участию в крестовых походах. По пути он и побывал во многих странах, в том числе и в Грузии, Армении, на Северном Кавказе.

Иногда комментатор теряет чувство меры: в пояснении к географическому названию Хохи даются сведения лингвистического характера, совершенно лишние в данном контексте (стр. 309).

В сборнике иногда встречаются нарушения хронологической последовательности. Например, сочинения Бларамберга, относящиеся к началу 1830-х годов, предшествуют работе М. Энгельгардта и Ф. Паррота, опубликованной в 1815 г.

Эти и некоторые другие недочеты не умаляют положительного значения рецензируемой книги. Она во многом облегчит работу научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей и этнографией не только осетин, но и ряда других народов Кавказа.

Г. В. Цулая

*Belorussische Volksmärchen. Herausgegeben von L. G. Barag. Akademie-Verlag, Berlin, 1966, 648 стр.*

Германская Академия наук (Берлин) опубликовала антологию белорусских народных сказок, составленную известным исследователем и собирателем белорусского фольклора Л. Г. Барагом.

Эта книга продолжает научную публикацию мирового сказочного наследия «*Volksmärchen. Eine internationale Reihe*», осуществляемую в ГДР с 1957 г.

Уже вышедшие в свет сборники венгерских, чешских, немецких сказок были встречены немецкими читателями с большим интересом и быстро раскуплены. Особое внимание знатоков и любителей фольклора в ГДР привлекают публикации восточнославянского сказочного богатства. «*Belorussische Volksmärchen*» — первое капитальное издание белорусских сказок на немецком языке. В книгу вошло более 120 фольклорных текстов. Из них 36 записаны и в большинстве случаев впервые опубликованы самим составителем. В основном же сборник создан на базе дореволюционных работ таких известных фольклористов, как Е. Р. Романов, В. Н. Добровольский, П. В. Шейн, М. Федеровский. Широко использованы также замечательные материалы, собранные и в разное время опубликованные А. К. Сержпутовским. Ряд текстов привлечен составителем и из других изданий.

В книге с большим знанием и вкусом отобраны варианты сказочных сюжетов, отражающих национальную специфику белорусского сказочного репертуара. Здесь представлены героические сказки о богатырях (14 вариантов), волшебные сказки (21 вариант). Бытовые сказки, исключительно многообразные по своей тематике, составляют половину публикуемого материала. Это сказки о панах и помещиках, ксендзах и понах, о глупом черте, новеллистические сказки, сказки социально-новеллистические, сказки о животных. В сборник вошли также легенды космогонического характера и предания об исторических лицах.

Таким образом, в книге раскрываются героические идеалы народа, его представления о природе, о жизни, человеческих и социальных отношениях.

Тексты, помещенные в сборнике, отвечают высоким художественным требованиям. Читатель имеет возможность познакомиться с творчеством таких замечательных мастеров белорусской сказки, как Михайлов, Редкой, Господарев, Макей и др.

Вызывает лишь возражение включение в антологию нескольких нетипичных сказок, записанных составителем и являющихся первыми и единственными публикациями данного сюжета в белорусском фольклоре (№ 39, 47, 74, 89).

Книга завершается большим послесловием Л. Г. Барага, представляющим собой серьезное научное исследование белорусской народной сказки. Послесловие состоит из 7 глав. В первой главе — «Исторический очерк» — автор подчеркивает близость духовной культуры братских восточнославянских народов и рассматривает богатство и своеобразие фольклорных традиций Белоруссии в связи со сложными историческими судьбами страны, являвшейся «связующим звеном между восточными и западными славянами и между славянами и балтийскими народами» (стр. 538).

Следующая глава — «Собирание белорусского фольклора» — содержит высококачественное описание истории собирания и публикации белорусского фольклора, наиболее полное из существующих в настоящее время.

Далее в послесловии рассматриваются различные виды народной прозы Белоруссии: «Волшебные сказки» (глава 3), «Бытовые сказки» (глава 4), «Легенды и сказания» (глава 5).

Наиболее глубоко Л. Г. Бараг анализирует волшебнo-героические сказки о победителе змея, которые, по его мнению, выражают героические идеалы белорусского народа. «В русском фольклоре,— пишет он,— героические образы и сюжеты сконцентрированы в былинах, в украинском фольклоре — в песнях, в думах, в белорусском фольклоре героическое находит свое выражение преимущественно в сказках» (стр. 568).

Однако гипотеза Л. Г. Барага о связи образа Осилка с образами мифических кузнецов, уже известная советскому читателю по его статье «„Асілкі“ белорусских сказок и преданий» (сб. «Русский фольклор. Народная поэзия славян», М.—Л., 1963, гл. VIII), вызывает сомнение. Мотив боя исполинского кузнеца со змеем, которого кузнец побеждает ударами своего огромного молота и впрягает в плуг, и само представление о победителе змея как о кузнеце характерно в восточнославянском фольклоре для сказочной традиции, так же как и описание железного оружия богатыря, в частности железной стрелы. В преданиях же об Осилках-Волотах железо вообще не упоминается. В большинстве преданий исполины не располагают ничем, кроме камней, которыми они перебрасываются, и деревьев, которые они вырывают и на которые опираются. Существуют единичные упоминания о топорницах и топорах Осилков — поленовом<sup>1</sup> и медном<sup>2</sup>. О последнем говорится: «Струменту ў іх пашні ніякага не было. Кажуць, што ў іх быў на ўсіх адзін тапор, ды і той ні жалезны, а якісь медзяны»<sup>3</sup>. В заговоре, записанном П. В. Шейном, Осилко мечет каменную стрелу<sup>4</sup>.

Такое абсолютное исключение железа из практики Осилков в преданиях не может быть случайностью. Оно свидетельствует о глубокой архаичности образа Осилка, отражающего, по-видимому, древнейший этап первобытной культуры.

Осилки белорусских преданий, «орущие» землю<sup>5</sup>, очищающие ее от леса и камней, близки Калеванпойке, которого Е. М. Мелетинский характеризует как культурного героя земледельческих племен<sup>6</sup>. Сходство это определяется решающей ролью земледелия в народном хозяйстве, которая была характерна на определенном историческом этапе как для балтийских (в частности, эстонских), так и для славянских племен.

Концепция Л. Г. Барага о происхождении и развитии героического эпоса в Белоруссии от культовых представлений об исполинах и эпических сказаний о них к былинам и сказкам о богатырях представляется исключительно плодотворной и интересной.

Анализ национального своеобразия белорусских сказок (волшебных и бытовых), данный Л. Г. Барагом, представляет особый интерес и ценность благодаря широкому сопоставлению белорусской сказочной традиции как с русской и украинской, так и с западнославянской.

В двух последних главах послесловия автор рассматривает особенности формы и стиля белорусских сказок, условия их бытования и останавливается на характеристике различных типов рассказчиков.

К сборнику прилагается библиография, список сокращений и обширные примечания к текстам, в которых содержатся указания на источники публикаций, индексы мотивов Аарне — Томпсона и Больте и Поливки (или Аарне — Андреева для сюжетов исключительно восточнославянских). В примечаниях приводятся подробные паспортные данные и перечисляются известные публикации белорусских вариантов данного сюжета.

Антология белорусских сказок составлена продуманно и высококвалифицированно. В ней отражено богатство и своеобразие белорусского сказочного эпоса. Исследовательская же статья и примечания к текстам делают это издание ценным не только для немецких читателей, впервые познакомившихся с белорусским сказочным богатством, но и для советской науки о фольклоре.

С. Н. Плужникова

<sup>1</sup> С. Рачинский, Опыт собрания исторических записок о городе Рославле, Рославль, 1855, стр. 100—101.

<sup>2</sup> «Беларускі эпас», Выд. АН БССР, 1959, стр. 145.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> П. В. Шейн, Материалы для изучения языка и быта русского населения Северо-Западного края, т. I, СПб., 1894, стр. 557—558.

<sup>5</sup> А. К. Сержэ пўтоўскі, Прыхі і забавоны беларусаў-поляшукі, Мінск, 1930, № 2227, стр. 364.

<sup>6</sup> Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963, стр. 155.

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. С. Pradhan. *The political system of the Jats of Northern India*. Bombay, 1966, pp. XVI, 275.

Книга Махеш Чандра Прадхана «Политическая система джатов Северной Индии» представляет собой сокращенный и переработанный вариант его докторской диссертации, защищенной в 1961 г. в Лондонском университете.

Предметом своего исследования М. Ч. Прадхан выбрал актуальную, но все еще слабо разработанную в этнографической литературе проблему соседско-родственных (в условиях Индии — общинно-кастовых) отношений. Проблема изучалась на одной из крупных, сравнительно хорошо локализованных групп джатов — джатов округа Мерат, живущих менее чем в 100 км на северо-восток от Дели. Однако в центре внимания автора деревня Шорон — объект его полевых исследований в течение нескольких лет.

В Индии джатов принято считать особой земледельческой кастой. Но, в отличие от многих других каст, каста джатов этнического происхождения. Джаты сохраняют заметные черты прежней этнической общности, осознают свое родство с другими джатами, помнят исторические предания и обнаруживают этническое самосознание. Эти обстоятельства никем не оспаривались, но и не привлекали к себе должного внимания ученых. Между тем исследование подобных каст и общин могло бы пролить свет на многие особенности общественных отношений и социальной организации народов Северной Индии. Речь идет о том, что наряду с другими кастами, такими как раджпуты, гуджары, ахиры, джаты оказали заметное влияние на этногенетические процессы в Северной Индии, на социальную организацию многих народов и даже играли особую роль в политических судьбах этой части страны. Поэтому судьбы самих джатов, их общественная организация и роль в составе земледельческого населения современной Индии вызывают интерес не только ученых, но и деятелей государственных и общественных организаций на местах.

М. Ч. Прадхану удалось показать под широким углом зрения картину внутриобщинных и межобщинных отношений не только самих джатов, но и всего сельского населения этой важной культурно-исторической области Индии.

На экономическом и демографическом фоне 1-й главы автор во 2-й главе дает общую социальную характеристику деревни Шорон. Шорон — крупная деревня. Ко времени обследования в ней насчитывалось 7270 жителей, принадлежавших к 1143 семьям или хозяйствам. Все население распалось на 29 местных групп разных каст, из которых 12 мусульманских, остальные индусы. В числе мусульманских каст была и группа (98 семей) джатов. Крупные кастовые группы представлены в деревне несколькими родственными подразделениями. В 3-й главе детально рассматриваются отношения родства у самих джатов, отношения между родственными подразделениями разных степеней, брачные нормы, счет происхождения, порядок наследования имущества и т. д.

Из этих глав мы узнаем, насколько сложен социальный состав индийской деревни, как сложна организация даже одной кастовой группы (в данном случае джатов) в деревне и, вместе с тем, насколько организованы все эти традиционные отношения.

Несколько джатских семей, включая и большие, образуют *кхандан*, или младшую родственную группу (*minimal lineage*, по выражению М. Ч. Прадхана). Несколько *кханданов* группируются в *бара кхандан*, т. е. большой *кхандан*, или среднюю родственную группу. Наконец, несколько больших *кханданов* составляют *тхок*, или старшую родственную группу (по терминологии автора — *maximal lineage*) джатов в пределах деревни. В организационном отношении — это самая солидная и представительная родственная группа джатов<sup>1</sup>. Общественное положение джатов связано именно с принадлежностью к определенному *тхоку*. Основная часть джатов, т. е. джаты, исповедующие индуизм, подразделяется в деревне на четыре *тхока*. В составе джатов-мусульман нет никаких родственных подразделений вообще, кроме семей.

Самой крупной родственной единицей джатов остается род, в условиях кастовой организации именуемый *готра*, как называются экзогамные группы в составе высших каст. Все джаты Шорона принадлежали к одному роду Кашьяп, расселившемуся на обширной территории, частично даже за пределами округа Мерат.

Каждая из родственных групп носит имя своего основателя, каждая имеет свой совет — *панчаят*, одного или нескольких старейшин. Должность главы *панчаята* обычно передается по наследству в одной семье, но для этого требуется особая санкция собрания соответствующей родственной группы.

Параллельно с родственной организацией, а точнее вместе с ней, издавна существовали в деревнях соседские группировки населения, в которых ведущую роль играли доминирующие касты, в данном случае джаты. Так, в Шороне было три *патти*, т. е.

<sup>1</sup> М. Ч. Прадхан предпочитает поэтому бара *кхандан* называть *субтхок*.



три части, «стороны» или «конца», по которым распределялось все население деревни. И в пatti ведущая роль принадлежала джатам, но все же это была межкастовая организация внутри деревни. В совет пatti входили и представители других каст. Чаще это были главы местных кастовых группировок разных каст, включая и низшие. Советы пatti были первой инстанцией, рассматривавшей межкастовые конфликты.

Следующей более крупной соседской организацией была сама деревня, т. е. деревенская община в настоящем значении этого слова. Традиционный деревенский совет (панчаят) представлял собой собрание глав и других старейшин из всех трех пatti, из родственных и кастовых групп. Как родственные, так и соседские советы (советы пatti или деревни) имели определенный круг полномочий, определенные прерогативы. Но все же полномочия традиционных деревенских советов до последнего времени были шире, а авторитет выше, чем полномочия и авторитет официальных сельских советов, так называемых *грам панчаятов* и общинных судов — *адалат панчаятов*, введенных особым правительственным актом (1947). Таким образом, даже в организационном отношении деревня представляет собой сложный комплекс родственных, кастовых и родственно-кастовых, т. е. соседских групп. Однако именно переплетение, взаимодействие родственных и соседских связей и отношений превращает все деревенское население в организацию — в общину.

Но на деревне общинная организация не кончается. Четыре — пять соседних деревень составляли *ганванд*, т. е. объединение, совет которого решал междеревенские споры и даже некоторые внутридеревенские дела в порядке апелляции или арбитража. Однако в последние десятилетия инстанция ганванда в общинной организации играла небольшую роль. Гораздо важнее было следующее по размерам общинное объединение — *тхамба*, в которое могло входить и более 20 деревень. Панчаяты этих объединений выполняли те же функции, что и ганванды, но на значительно большей территории.

Самым существенным, активно функционировавшим общинным объединением в части округа Мерат, населенной джатами, был *кхап*. Кхап — это прежде всего территория расселения основной части того или другого джатского рода в этой части страны. В состав кхапов входит разное число деревень (в данном случае от 12 до 84). Большинство кхапов этого округа джатские, но есть и гуджарский, раджпутский и даже брахманский.

Родовой совет того или другого рода и глава его — вождь рода — играют ведущую роль в кхапе, хотя совет кхапа включает и представителей младших соседских подразделений, т. е. тхамб и отдельных деревень, а также старейшин других каст или кастовые панчаяты в полном составе. Дело в том, что малочисленная группа той или другой профессиональной касты обычно не имеет своего совета в каждой деревне и даже в тхамбе. Вот почему кастовые советы (панчаяты) местных подразделений некоторых каст существуют только на уровне кхапа. Поэтому советы кхапа обычно многолюдны и представительны. Занимаются они только общими делами кхапа, конфликтами между тхамбами (реже столкновениями двух деревень) и межкастовыми конфликтами в границах кхапа. С решением советов кхапа считаются не только традиционные, но и официальные органы сельского самоуправления. Заседания совета кхапа не регулярны и созываются по потребности. Возглавляет совет обычно вождь соответствующего рода с титулом чоудри и секретарь, именуемый вазиром. Должности и чоудри, и в особенности, вазира, наследственны в определенных семьях, но всякое новое лицо на этих должностях как бы утверждается советом кхапа, а при серьезных аргументах может быть и отвергнуто. Родословные некоторых вазиров восходят к отдаленным временам. Протоколы и хроники, составленные вазирами, сохранились даже со времени Делийского султаната.

Кхап Балийян когда-то насчитывал в своем составе 84 деревни и до сих пор называется *чаураси* (восемьдесят четыре), хотя на время исследования в нем оставалось 60 деревень, так как другие либо попали в руки заселивших их завоевателей (в данном случае патанов), либо обезлюдели и исчезли в силу разных причин.

Деятельность кхапов так широка, что М. Ч. Прадхан эту организацию считает не просто общинной, но политической. И, действительно, если принять во внимание, что все 18 джатских кхапов в округе Мерат составляют еще одно, и самое крупное объединение джатов и других каст, а именно, так называемый *сарв-кхап*, то автор имеет основание рассматривать эту организацию как политическую. В 4-й главе он дает историю кхапов и сарв-кхапа, а в главах 5-й и 6-й — политическую структуру и приемы общественной деятельности всей общинной организации на разных ее ступенях. Главы 7-я и 8-я посвящены рассмотрению тенденций к изменению всей системы в новых условиях и заключению.

Исследование М. Ч. Прадхана интересно еще и тем, что он как бы проникает в глубь веков, привлекая в ряде случаев подлинный документальный материал за многие столетия, начиная с образования Делийского султаната (начало XIII в.) до падения Могольской империи (XIX в.). Из этих документов мы узнаем, что описанная выше общинная организация у джатов Мерата, в частности тхоки и кхапы, деревня Шорон и кхап Балийян существовали уже во времени первых делийских султанов. Кхапы объединялись для защиты своих интересов, вступали иногда в вооруженную борьбу

даже с делийскими правителями, с завоевателями вроде Тимура или Ахмед Шаха Дуррани, а иногда предоставляли свои войска в помощь тем же делийским султанам на определенных условиях. Объединенный совет кхапов — сарв-кхап функционировал регулярно вплоть до восстания 1857 г. При англичанах его деятельность заглохла на 100 лет, а с 1950 г. возобновилась. С тех пор (до 1963 г.) было проведено три расширенных заседания сарв-кхапа, на которых присутствовали тысячи людей.

В свое время ополчения джатов насчитывали до 40—60 тысяч воинов и представляли собой серьезную силу как в борьбе против делийских правителей, так и в помощь им. Теперь понятно, откуда идут воинские традиции джатов. И важно, что кхапы джатов чутко реагировали и на политические изменения в стране, и на экономические мероприятия правителей до самого последнего времени. Они успешно боролись, например, против попыток могольских правителей взыскивать с них налог джизие (налог на немусульман) или как-то посягать на их земли.

В этой связи следует заметить, что распространенное среди некоторой части историков представление об инертности, рутинности, безразличии деревенских общин в Индии к политическим переменам и внешним событиям, вообще об эгоизме индийского крестьянина, по-видимому, не соответствуют действительности. Материал, приведенный автором, показывает, что джаты и все население, входившее в кхапы, всегда живо и активно реагировали на внешние события. В кхапах и в отдельных деревнях помнят и чтят своих героев еще времен нашествия Тимура и восстания 1857—1859 гг., начавшегося, кстати, с волнений Мератского гарнизона, также состоявшего в значительной части из джатов.

Автор поднял много других интересных проблем, таких, как характер экономических отношений между кастовыми группами по системе *джаджмани*, семейно-брачных отношений в условиях деревенской экзогамии, но главная его задача состояла в анализе организационной стороны внутриобщинных и межобщинных отношений. В итоге его работа о политической системе джатов Северной Индии дает многое для понимания социальных отношений в североиндийской деревне вообще. Автор показал, как глубоко и прочно коренятся традиции общинной организации даже в относительно высокоразвитой в экономическом и культурном отношении среде джатов. Подобные исследования возможны и на примере раджпутов или гуджаров, и результаты их дадут много аналогий.

Нам кажется, что исследование в этом плане «политической системы» брахманов, бархан, кумхаров, чамаров и других профессиональных каст отдельно едва ли могло бы дать столь же полную картину общинных отношений. Значит, основные земледельческие касты этнического происхождения существенно отличаются в социальном отношении от прочих каст.

Работа М. Ч. Прадхана дает интересный и ценный материал. Ни один историк, особенно изучающий индийское средневековье, ни экономист-аграрник, занимающийся Северной Индией, не может игнорировать исследование М. Ч. Прадхана. Приходится считать с тем фактом, что сложная, многоступенчатая, но строгая общественная организация на этнической и кастовой основе существовала в течение многих столетий у земледельческого населения в самом центре аграрной Индии. Из этого обстоятельства можно сделать много выводов, но один из них, кстати не отмеченный автором, сводится к тому, что при таких отношениях в деревне и при такой социальной организации едва ли остается место для феодализма.

Сравнивая книгу М. Ч. Прадхана с вышедшими раньше монографическими описаниями отдельных индийских деревень в системе общинной организации, мы видим, что это исследование в некотором отношении и шире, и глубже. Так, автору удалось охватить организационную структуру общества в диапазоне от семьи до сарв-кхапа, т. е. организации, включающей сотни деревень. А его исторические экскурсы, подкрепленные документальным материалом, свидетельствуют, что джатская община Шорона существует уже много столетий.

М. К. Кудрявцев

## НАРОДЫ АМЕРИКИ

И. Р. Лаврецкий. *Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов*. Изд-во «Наука», М., 1967, 159 стр.

Культура народов Латинской Америки, все активнее выступающих за последние годы на исторической арене, возбуждает живой интерес у советских людей. И если литература, музыка, вообще искусство латиноамериканцев сравнительно хорошо уже знакомы советскому читателю и зрителю, то религиозные верования и ритуалы этих народов до настоящего времени оставались предметом изучения лишь узкого круга ученых-специалистов. А между тем религиозная идеология играет немаловажную роль

в развертывающейся сейчас борьбе развивающихся стран за социальный прогресс; и без знания характеризующих ту или иную народность культов и занимаемого ими места в быту нельзя понять происходящие в данной стране социально-политические процессы. Вот почему работа И. Р. Лаврецкого уже по самой своей теме заполняет существовавший донные пробел в нашем знакомстве с народами той части Латинской Америки, которую называют то Вест-Индией, то Антильским архипелагом. Следует сделать оговорку, что географические границы, указанные в общем заглавии, пожалуй, слишком широки: подзаголовок больше соответствует действительному содержанию книги.

Достоинство рецензируемой книги прежде всего в ее изложении, которое делает книгу доступной широким массам читателей и удовлетворяет запросы различных кругов, интересующихся культурой Антильских островов.

Начав с краткого очерка культов древних обитателей Антилов (индейцы таино и другие), насколько их можно выявить по археологическим данным, автор описывает процесс христианизации немногочисленного сохранившегося индейского населения и ввезенных из Африки рабов.

Крещение, как известно, входило неотъемлемым элементом в систему плантационного рабства. Католическая церковь активно участвовала в колонизации Вест-Индии как на первом ее этапе, так и в более поздний период. С большим знанием истории этого вопроса автор дает краткий очерк позиции и деятельности католического духовенства, а также протестантских церквей и сект на архипелаге на протяжении веков. Однако наибольший интерес среди собранного им материала, несомненно, представляют синкретические культы, которые хотя и различаются в разных антильских странах, но имеют много общего между собой.

Синкретизация культов, т. е. сочетание местных религиозных верований и обрядов с насаждающимися на них элементами привнесенных извне религий, — явление, характерное для всех колониальных и полуколониальных стран. Христианство западных исповеданий, насаждавшееся миссионерами империалистических держав в целях духовного порабощения местного населения, было совершенно чуждо народам Азии, Африки и Латинской Америки и по догматике, и в особенности по своей обрядности. Католическая церковь хорошо осознала это положение и сделала из него далеко идущие практические выводы. Приспособление христианского ритуала к местным культам зашло уже так далеко, что во время недавно состоявшегося Вселенского собора даже под сводами собора святого Петра в Риме раздавались звуки там-тамов. Однако источники, формы синкретизма, его варианты и модификации различаются в отдельных странах и среди разных слоев местного населения.

В антильском синкретизме переплетение и модификация разных элементов характеризуются, в силу ряда исторических причин, исключительной причудливостью.

Хотя индейское население было почти поголовно истреблено, а оставшееся смешалось с европейскими пришельцами и африканцами, тем не менее известные остатки, во всяком случае следы, индейских культов сохранились. Африканские невольники привозили с собой свои традиционные верования и обряды, но жизнь в условиях рабства, стиравшая исконные этнические грани между выходцами из Африки, неизбежно приводила к возникновению смешанных и деформированных культов, лишь частично сходных с существовавшими на африканской родине. Включив в себя следы древнейших местных пластов и соединившись с христианскими наслоениями, верования и ритуалы индейских народностей образовали амальгаму, причудливость которой превосходит всякое воображение. Автор дал яркие зарисовки обрядов отдельных культов, которые тем более впечатляют, что принадлежат перу очевидца.

Умело охарактеризованы в небольшой по объему книжке культы Кубы, Пуэрто-Рико, Гаити, Ямайки, Тринидада и Тобаго, Мартиники и Гваделупы. Многие из описанного вызывает живой интерес в силу своей лежащей на поверхности связи с острыми проблемами современной политической деятельности. Достаточно привести в качестве примера тирана Гаити Дювалье, присвоившего себе репутацию великого жреца, наделенного сверхъестественной силой. Окружающей его банде головорезов народ дал название, заимствованное из местного фольклора: «тонтон-макуты», т. е. оборотни, привидения (стр. 123).

Несмотря на ряд местных отличий, синкретические культы антильцев имеют сходные черты, которые автор объединил в сводной характеристике. Одну из существенных особенностей этих культов он видит в том, что, в отличие от христианско-африканских церквей и сект «Черного континента», антильские культы не носят четко выраженного политического характера, свойственного первым. Автор объясняет это различие тем, что на Антильских островах борьба за независимость развернулась задолго до возникновения синкретических культов (стр. 12), или, вернее, что культы эти возникли в эпоху, далекую от борьбы за независимость. Это, очевидно, главная и основная причина, и ею же, надо полагать, обусловлено объединение в синкретических культах Антилов разных этнических и расовых групп. Однако должны существовать и другие разнообразные причины, приведшие к данному положению. Ведь автор указывает, что «тем не менее, объективно в колониальный период афро-христианские

культы Антильских островов представляли собой форму неосознанного протеста угнетенных негритянских масс против господствующего порядка» (стр. 12).

Как ученый-марксист, И. Р. Лаврецкий освещает собранные им факты религиозных культов, порой почти фантазмагорических, с материалистических позиций, объясняя их происхождение социально-историческими причинами. Поэтому рецензируемая работа может принести пользу в теоретическом отношении ученым и широким кругам читателей Латинской Америки, в первую очередь прогрессивной общественности антильских стран.

Нельзя не отметить и некоторые недочеты, имеющиеся в рецензируемой книге. Прежде всего остается пожалеть о краткости изложения. Было бы полезно расширить его за счет, во-первых, более обстоятельных очерков социально-политической истории описываемых стран, и, во-вторых, за счет более конкретного анализа описываемых культов с точки зрения догматики сект и социального состава верующих. Теоретические определения религиозных явлений подчас недостаточно четки. Автор, например, мало пользуется глубоко разработанной в советском религиоведении категорией фетишизма. В тексте этот термин употребляется редко, а в подписях под иллюстрациями объекты ритуального почитания называются то «символами» (стр. 68—«символы власти Обаталы»), то прямо именуются «богами» (например, стр. 62—«Огун — бог железа»). И в том и в другом случае перед нами фетиши — объекты, наделяемые в фантазии верующих сверхъестественными свойствами, присущими якобы божествам, связанным с этими ритуальными предметами. Как и в Тропической Африке, на Антилах мы встречаем разные стадии олицетворения религиозных образов — от природных или искусственных предметов до антропоморфного облика. К последнему относится, например, бог Шанго — африканский Зевс (стр. 58). В этом случае фетиш божества — обоюдоострый топор — включен в облик бога в виде его головного убора.

В некоторых случаях И. Р. Лаврецкий некритически повторяет определения тех или иных авторов, звучащие довольно путанно. Такова, например, характеристика верований первобытных антильцев, данная М. Риверо: «элементы шаманизма, вера в семи, культ предков, тотемизм» (стр. 20). Но ведь семи, по словам И. Р. Лаврецкого, — «фетиши, изображавшие предков и олицетворявшие их духов» (стр. 15). Иначе говоря, культ семи и есть культ предков. Зооморфные и фитоморфные семи — очевидно, тотемы. Так что характеристика М. Риверо носит тавтологический характер.

В отдельных случаях данные в примечаниях объяснения не всегда точны. В обрядности пятидесятников играет значительную роль глоссолалия: верующие считают, что наделенные «от духа святого» даром особой речи, вещают на «чужих», т. е. на иностранных языках, которые они в обычном состоянии не знают, а вовсе не на «ангельском наречии», как об этом сказано в книге (стр. 68). Секта иеговистов, или, правильнее, «свидетелей Иеговы», как они сами себя называют, основана в 1874 г. реформатским священником Ч. Расселом, а не откололась от адвентистов (стр. 68). Вряд ли удачно переводить местное наименование синкретических культов *espiritistas* как спиритические. Это ведет к двусмысленности, к смешению со спиритизмом.

Встречаются мелкие досадные ошибки, например, на стр. 9 курляндцы (латыши) ошибочно названы курляндцами (эстонцами).

Указанные недочеты незначительны и, надо надеяться, будут учтены в последующей работе автора над этой интересной темой, удачное начало которой положено рецензируемой книгой.

**Б. И. Шаревская**

## НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ СИБИРИ И СЕВЕРА

Айкаров А. Н. Национальные кадры рабочего класса Якутии и становление новых трудовых традиций. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 42—45.

Алексеев В. П. Антропология андроновской культуры. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 22—26 с табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Алексеев В. П. К краниологии азиатских эскимосов. (Материалы к этногенезу). «Зап. Чукотского краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 22—26. Библиогр. в подстроч. примеч.

Алексеев В. П. Некоторые стороны общественной организации древних племен Чукотки и Аляски (по раскопкам в Ипиутке). «Зап. Чукотского краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 11—16. Библиогр. в подстроч. примеч.

Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этногр. очерки. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 262 с. с илл.; 2 л. илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр.: с. 251—259.

Алексеев Е. А. Южносибирские элементы в культуре кетов. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 3.

Аманжолов А. С. Еще раз об иртышской рунической надписи. «Вестн. АН Каз. ССР», 1967, № 9, с. 66—70. Библиогр. в подстроч. примеч.

Андреева Ж. В. Основные итоги изучения жилых комплексов поселения «Синие скалы» (по материалам раскопок 1958—1965 гг.). «Труды Дальневост. филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 18—22.

Антропова В. В. Ительмены, прошлое и современное положение. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 4—5.

Аргудяева Ю. В. К вопросу об истории формирования и современном составе рабочих кадров Темлюйского цементно-шиферного завода Бурятской АССР. «Труды Дальневост. филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 49—53 с табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Арсеньев В. К. Памяти Льва Яковлевича Штернберга. (Этнограф. 1861—1927). Доклад, прочитанный В. К. Арсеньевым в общем собрании членов Владивост. отд-ния Геогр. о-ва 19 мая 1928 г. в г. Владивостоке. «Зап. Примор. филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, 1966, с. 103—106.

Ахназаров Э. Б. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 160—172. Резюме на англ. яз. Библиогр.: 22 назв.

Балдаев С. П. Пережитки шаманства у бурят и меры борьбы с ними. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 3. Улан-Удэ, 1966, с. 23—25.

Балицкий В. Г. Мероприятия партии по формированию национальной интеллигенции на Крайнем Северо-Востоке СССР. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 125—136. Резюме на англ. яз. Библиогр.: 9 назв.

Барадюлин В. А. Уральское бересто (по материалам Пермской и Свердловской областей — вторая половина XIX — начало XX в.). «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 213—236.

Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858—1917 гг.). «Зап. Примор. филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, 1966, с. 63—70. Библиогр.: 11 назв.

Башарин Г. П. Задачи охраны памятников истории и культуры. «Сб. научных статей Якут. респ. краевед. музея», вып. 4, 1966, с. 125—141.

Беликов Л. В. Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора. — В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 80—89. Библиогр. в подстроч. примеч.

Беляева А. В. Древние погребения на Охотском побережье. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 80—84. Резюме на англ. яз.

Береговая Н. А. Древнейшие культурные традиции Американской Арктики и их связи с северо-востоком Сибири (по раскопкам 1955—1964 гг.) «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 85—102. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Березкин И. Г. Ленские равнины Эркэни, Туймада и Энгсели. (О заселении территорий. По археол. данным). «Сб. научных статей Якут. респ. краевед. музея», вып. 4, 1966, с. 199—208 с карт.

Бернштам Т. А. Семужий промысел поморов Зимнего берега Белого моря во второй половине XIX — начале XX в. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 5—7.

Биткеев П. Ц. Научно-методическое совещание по проблемам функционального взаимодействия языков народов Сибири. [Новосибирск. Дек. 1966 г.] «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 147—148.

Биче-оол С. М. Религиозные пережитки среди тувинцев и пути их преодоления. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 43—45.

Бобрикова Л. Ф. Ваули Ненянг. [Нац. герой ненецкого народа]. — В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 146—154.

Болдохонов К. Воспитание трудящихся на революционных, трудовых и боевых традициях. (Из опыта Усть-Ордынской окружной партийной организации). — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 37—39.

Бояршинова З. Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода. «Труды Томского ун-та», т. 190, 1967, с. 3—19.

Браславец К. М. К вопросу о группировке говоров «камчатского наречия». «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 134—135.

Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. «Труды Томского ун-та», т. 190, 1967, с. 20—33.

Бураев И. Д. Новый быт и личные имена бурят. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 78—80.

Буражабз Ф. Т. О военно-революционных традициях Бурятии. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 102—105.

Бурмантов Г. Г. Влияние миграционных процессов на рост населения Красноярского Приангарья. «Уч. зап. Перм. ун-та», № 128, 1966, с. 121—125.

Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 79 с. с илл. (АН СССР. Ин-т археологии). Текст парал. на рус. и франц. яз.

Вайнштейн С. И. Орнамент в народном искусстве тувинцев. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 45—61 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Василевич Г. М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 9—11.

Васильев В. и Симченко Ю. В районах Крайнего Севера. [О развитии и совершенствовании системы нар. образования в тундровых и таежных районах Европ. части СССР и Сибири]. «Нар. образование», 1967, № 6, с. 9—13.

Васильев В. И. Южносамодийские компоненты в составе энцев. — В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 10—14.

Вдовин И. С. Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти. «Сов. этнография», 1967, № 5, с. 78—91 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Векслер В. К вопросу о преодолении пережитков прошлого у нивхов. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 74—76.

Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Сб. статей. Отв. ред. М. Г. Воскобойников. Л., 1967. 225 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Учен. зап. Т. 353).

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., «Наука», 1967. 324 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).

Власова И. В. История заселения верховьев Северной Двины и ее притоков до XVIII века. — В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 15—19.

Войлошников Н. А. Некоторые вопросы географии населения Архангельской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г.). «Уч. зап. Новогор. головного пед. ин-та», т. 6, 1966, с. 82—90 с карт.

Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Сб. статей. Ред. З. Я. Бояршинова. Томск, Изд-во Томского гос. ун-та, 1966. 132 с. с илл.; 2 л. схем (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Уч. зап. № 60).

Вопросы географии Камчатки. Сб. статей. Вып. 5. Отв. ред. В. Н. Виноградов. Петропавловск-Камчатский, Дальневост. кн. изд-во, 1967. 198 с. с илл. (Камчатск. отд-ние Геогр. о-ва СССР). Библиогр. в конце статей.

Вопросы истории Сибири. Сб. статей. Ред. И. М. Разгон и Л. И. Боженко. Вып. 3. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1967. 320 с. со схем. (Труды Томск. гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Т. 190. Серия историч.).

Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1—3. Улан-Удэ, 1966. Вып. 1, 58 с.; вып. 2, 107 с.; вып. 3, 31 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. ин-т обществ. наук).

Воробьева И. А. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке. «Уч. зап. Томск. ун-та», № 59, 1966, с. 101—106.

Воронкова Л. С. Из экспедиционных наблюдений. [О фольклорной экспед. в Краснояр. крае]. — В кн.: Материалы 24-й научно-студенческой конференции Томск. гос. пед. ин-та. 1—15 апреля 1967 г. Томск, 1967, с. 25—27.

Воскобойников М. Г. Великая Отечественная война советского народа в воспоминаниях, устных рассказах и сказках эвенков. — В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 129—145. Библиогр. в подстроч. примеч.

Воскобойников М. Г. Вызванная к жизни Октябрем. Заметки о литературе народов Севера. «Звезда», 1967, № 8, с. 192—200.

Воскобойников М. Г. К. М. Рычков как собиратель эвенкийского фольклора и общественный деятель.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 96—121. Библиогр. в подстроч. примеч.

Воскобойников М. Г. О языках, фольклоре и литературе малых народов Якутии. «Полярная звезда», 1967, № 4, с. 113—119. В огл. авт.: Воскобойников В.

Вэддингтон К. Символический аспект в развитии бурятского жилища.— В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 19—23.

Галданов Ц. Б. Роль культурно-просветительных учреждений Бурятской АССР в пропаганде и внедрении новых обрядов и гражданских праздников.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 88—89.

Гарковик А. В. Новая группа памятников Восточного Приморья (III—II тыс. до н. э.). «Труды Дальневост. филиала СО АН СССР», Серия историч., т. 7, 1967, с. 15—17.

Гарусов И. С. О социальной принадлежности крупного оленевода Северо-Востока накануне коллективизации. «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 52—57.

Гарусов И. С. Переход к оседлости и укрупнение поселков у малых народов Северо-Востока СССР. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 116—124. Резюме на англ. яз. Библиогр.: 11 назв.

Гейц А. Промысловое собаководство Восточной Сибири. «Охота и охотничье хозяйство», 1967, № 10, с. 24—25.

Геллер М. Х. и Скробов В. Д. Пути развития и повышения продуктивности пушного промысла в районах Крайнего Севера. «Проблемы Севера», вып. 11, 1967, с. 20—37. Библиогр.: с. 36—37.

Герасимова К. М. Ламаистский похоронный обряд в Бурятии.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 95—96.

Герасимова К. М. и Соктоева И. И. Народные традиции и современное прикладное искусство Бурятии.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 57—60.

Гольберг М. Я. Еще о сербской балладе на Русском Севере. [К статье Ю. И. Смирнова «Сербская баллада на Русском Севере» в журн. «Сов. славяноведение», 1965, № 6]. «Сов. славяноведение», 1967, № 1, с. 70—71.

Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX. Отв. ред. И. М. Разгон. Новосибирск, «Наука», Сиб. отд-ние, 1967. 412 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).

Грачева Г. Н. О различных традициях в типах погребения ямальских ненцев.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 16—18.

Гребенщиков Г. Большой сибирский дедушка. Из личных встреч с Г. Н. Потаниным. [К биографии путешественника и этнографа]. С предисл. А. Изотова. «Простор», 1967, № 7, с. 74—85.

Гриценко К. Ф. Якутские топонимы в устной употреблении. «Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та», № 24, 1968, с. 126—132.

Гундризер А. Н. Рыбы из поселения Еловка на Оби. [Рыболовство в X—VII вв. до н. э.]. «Уч. зап. Томск. ун-та», № 60, 1966, с. 119—123.

Гурвич И. С. 10 лет деятельности сектора Севера Института этнографии АН СССР. «Проблемы Севера», вып. 11, 1967, с. 258—261. Библиогр.: 5 назв.

Гурвич И. С. Современное состояние традиционных религиозных верований малых народов Севера и пути их преодоления.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 62—64.

Гурвич И. С. Современные этнические процессы у малых народов Севера.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года. М., 1966, с. 33—36. (АН СССР. Отд-ние историч. наук. Ин-т археологии. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Гэсэр. Бурят. героический эпос. Пер. с бурят. С. Липкин. «Байкал», 1967, № 2, с. 70—81; № 3, с. 93—99.

Давыдченко В. и Золотов Д. Елизавета Орлова. [Этнограф]. Штрихи к портрету. «Сиб. огни», 1967, № 9, с. 122—136.

Дарижапова Д. Д. К вопросу об использовании духовного наследия народа в коммунистическом воспитании в национальных школах.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 97—99.

Диков Н. Н. Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке. «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 17—21.

Диков Н. Н. О задачах исторических исследований на севере Дальнего Востока СССР. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 4—14. Резюме на англ. яз. Библиогр.: с. 7—13.

Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 16—31. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Диков Н. Н. Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 годах. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 45—79. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Дмитриев С. К. К вопросу о воспитании трудящихся Якутской АССР на революционных, трудовых и боевых традициях.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 10—11.

Добров В. Население Кольского Севера. Мурманск, Кн. изд-во, 1967. 72 с. с илл. Библиогр.: с. 65—71 (91 назв.).

Долгих Б. О. Образование современных народностей Севера СССР. «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 2—15. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Дорошенко К. Л. К вопросу о преодолении хозяйственной и культурной отсталости нерусских народов Восточной Сибири. (1920—1925 гг.). «Уч. зап. Иркут. пед. ин-та иностр. яз.», вып. 2, 1966, с. 21—38.

Дугаров Д. С. Обновление национальных традиций в песенном творчестве бурят.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 49—50.

Дульзон А. П. Землянка эпохи бронзы на Средней Оби. «Уч. зап. Томск. гос. ун-та», № 60, 1966, с. 52—57. с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1966. 159, 8 с. с илл. (Томский гос. пед. ин-т). Библиогр. обзор.: с. 3—11.

Рец.: Алексеенко Е. А.— «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 170—171.

Дульзон А. П. Кетские тексты. «Уч. зап. Томск. ун-та», № 59, 1966, с. 3—30.

Евдокимов В. С. Амурские эвенки. Благовещенск, Хабар. кн. изд-во, 1967. 16 с.

Библиогр.: с. 15—16.

Евсеева Н. С. Некоторые вопросы современного семейного быта народов Севера Якутии.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 36—39.

Егоров В. Л. Древний стандарт из Хакасско-Минусинской котловины. [II—I вв. до н. э.]. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 250—253.

Еремеев В. А. Преодоление пережитков прошлого в Якутии — важнейшая часть воспитания человека коммунистического общества.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 31—34.

Житников В. Ф. Некоторые слова древнерусского происхождения в топонимике Севера. «Уч. зап. Уральского ун-та», № 49, Серия филол., вып. 3, 1967, с. 55—59.

Заборовская И. В. Этнографические коллекции Якутского краеведческого музея. «Сб. научных статей Якут. респ. краевед. музея», вып. 4, 1966, с. 93—101.

Загорулько В. А. Опыт изучения роли семьи в предупреждении правонарушений детей и подростков.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 54—55.

Захаринская Е. М. Опыт культурно-просветительной работы тувинского Дома народного творчества.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 84—87.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., «Наука», 1967. 212 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии). Библиогр.: с. 195—199.



Зимин А. Г. и Кошелева В. С. Песенный фольклор Нижней Тунгуски.— В кн.: Материалы 24-й научно-студенческой конференции Томск. гос. пед. ин-та. 1—15 апреля 1967 г. Томск, 1967, с. 33—35.

Зимина В. М. Научно-издательская деятельность сибирских музеев. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 112—115.

Иванов О. Н. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на западном побережье Берингова пролива. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 42—44. Резюме на англ. яз.

Исследования по языку и фольклору. Сб. статей. Вып. 2. Отв. ред. В. А. Аврорин. Новосибирск, «Наука», 1967. 331 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).

История, археология и этнография Дальнего Востока. Сб. статей. Отв. ред. Ю. А. Сем. Владивосток, Дальневост. кн. изд-во, 1967. 207 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Дальневост. филиал им. В. Л. Комарова. Труды. Серия историч. Т. 7).

История и культура народов севера Дальнего Востока. Сб. статей. Отв. ред. А. И. Крушанов. М., «Наука», 1967. 218 с. с илл. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ. Вып. 17). Резюме статей на англ. яз. Библиогр. в конце статей.

История Красноярского края. Учеб. пособие по краеведению для учителей истории. Красноярск, кн. изд-во, 1967. 312 с.; 1 отд. л. карт. Авт. глав: П. Н. Павлов, В. А. Степанын, М. Б. Шейнфельд и др. Библиогр. в конце глав.

История Кузбасса. В 3-х ч. Глав. ред. А. П. Окладников. Ч. 1. История Кузбасса с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. История Кузбасса от Великой Октябрьской социалистической революции до начала социалистической индустриализации. Кемерово, Кн. изд-во, 1967. 378 с. с илл. Библиогр.: с. 362—366.

История Тувы. Отв. ред. С. К. Тока. Т. 2. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1966. 480 с. с илл. и карт.; 1 л. карт. (Тувин. НИИ языка, литературы и истории). На тувин. яз.

Каралькин П. И. Этнографические коллекции Феликса Кона. [К истории создания коллекций]. «Сиб. огни», 1967, № 5, с. 143—144.

Клейн М. Ф. Основные даты жизни и творчества В. Г. Тана-Богораза, список его научных работ. «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 69—72. Литература о В. Г. Тана-Богоразе, 15 назв.

Клокова А. С. Тематический обзор фондов Государственного архива Магаданской области. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 210—216. Резюме на англ. яз.

Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века. (1800—1861 гг.). Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 384 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Уч. зап. Т. 356).

Комаров Ф. К. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. Сост. Ф. К. Комаров. М., 1967. 100 с.; 2 отд. л. карт. (Глав. упр. геодезии и картографии М-ва геологии СССР. ЦНИИ геодезии, аэросъемки и картографии). Библиогр.: с. 99—100 (54 назв.).

Комогорцев И. И. Рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 76—82.

Константинов И. В. Раскопки шаманского погребения. (Чурапчинский район Якут. АССР). «Сб. научных статей Якут. респ. краевед. музея», вып. 4, 1966, с. 222—229.

Королева Н. С. Искусство меховой мозаики финно-угорских народов Северного Урала. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 266—284. Библиогр. в подстроч. примеч.

Косова Э. Где живут камасинцы. [Об этногр.-лингвист. экспедиции Уральского ун-та им. Горького в д. Абаалаково Краснояр. края]. «Енисей», 1967, № 3, с. 108—115.

Кошелева В. С. и Луина А. П. Лирические песни новейшей записи (нравственно-эстетическая проблематика).— В кн.: Материалы 24-й научно-студенческой конференции Томского гос. пед. ин-та. 1—15 апреля 1967 г. Томск, 1967, с. 31—33.

Кошелева З. Я. Песня «Угрюм-река».— В кн.: Материалы 24-й научно-студенческой конференции Томского гос. пед. ин-та. 1—15 апреля 1967 г. Томск, 1967, с. 25—27.

Крушанов А. И. Исследование проблемы истории Советского Дальнего Востока. [О науч.-исслед. работе]. «История СССР», 1967, № 4, с. 208—212. Библиогр. в подстроч. примеч.

Крушанов А. И., Сем Ю. А. и Шавкунов Э. В. Итоги исследовательской и научно-организационной работы отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова СО АН СССР за 1965 г. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 3—13.

Крушанов А. И. Выездная научная сессия по проблемам истории Дальнего Востока. Владивосток. Июль 1967 г. «Дальний Восток», 1967, № 5, с. 157—159.

Крушанов А. И. Выездное заседание бюро Отделения истории АН СССР во Владивостоке. [Посвященное 50-летию установления Советской власти на Дальнем Востоке. Июнь 1967 г.]. «Вопросы истории», 1967, № 12, с. 145—153.

Крушанов А. И. О пропаганде революционных боевых и трудовых традиций на Дальнем Востоке и значение этой работы в коммунистическом воспитании населения.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 5—9.

Кузнецов А. С. Волостные архивы Сибири как исторический источник. «Сб. аспирантских работ Иркут. пед. ин-та», вып. 4, 1966, с. 41—46.

Куликов М. И. Основные этапы социально-экономических преобразований у народов Чукотки. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 111—115. Резюме на англ. яз. Библиогр.: 5 назв.

Кунгуров Г. Ф. Очерки кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». (И. А. Гончаров о Сибири и сибиряках). «Уч. зап. Иркут. пед. ин-та», вып. 26, 1966, с. 3—26. Библиогр.: 21 назв.

Куприянова З. Н. Современность в лирических песнях народов Севера.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 122—128. Библиогр. в подстроч. примеч.

Курбатский Г. Н. Новая обрядность в Туве.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 22—23.

Кыздасов Л. Р. О численности древних хакасов IX—XI и в XIII веках. «Уч. зап. Хакас. НИИ яз., литературы и истории», вып. 12, 1966, с. 152—160. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ларькин В. Г. Некоторые данные о развитии малых народов Советского Дальнего Востока на современном этапе.— В кн.: Материалы второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории Советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск, 1967, с. 223—226.

Лебедева А. А. Анкета как этнографический источник. (По материалам сплошного подворного обследования 1897 г. в Забайкалье). «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 99—103.

Леньков В. Д. Предварительные итоги исследования плавильной печи на Шайгинском городище. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 23—25.

Леонид Павлович Потапов. [Этнограф. К 60-летию со дня рождения и 40-летию науч. и обществ. деятельности]. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 9. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 149—154. Список научных трудов Л. П. Потапова, 150 назв.

Леонов Н. И. Александр Федорович Миддендорф. (1815—1894). М., «Наука», 1967. 147 с. с илл.; 1 л. портр. (АН СССР. Научн.-биогр. серия). Основные труды А. Ф. Миддендорфа: с. 142—144 (13 назв.) и библиогр.: с. 145—146.

Леонтьев В. В. Письменность и пути повышения грамотности чукчей. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 192—208. Резюме на англ. яз.

Леонтьев В. В. Современные способы промысла нерпы на северном побережье Чукотского национального округа. «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 34—37.

Лимонов Ю. А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 115—116.

Липинская В. А. Некоторые особенности материальной культуры русского населения Алтайского края. (В связи с характером заселения).— В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 63—65.

Липкин С. «Гэсэр». [О древнем вост. эпосе]. «Азия и Африка сегодня», 1967, № 2, с. 27—28.

Лубсанов Д. Д. О некоторых проблемах изучения обычаев и традиций народов.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 3. Улан-Удэ, 1966, с. 28—29.

Лукин И. И. К истории создания города Магадана. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 141—149. Резюме на англ. яз.

Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов. «Уч. зап. Томск. гос. ун-та», № 60, 1966, с. 108—118 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Лукинский Ф. А. Развитие науки в Сибири и на Дальнем Востоке [накануне Великой Отечественной войны]. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 9. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 92—99.

Лыткин В. Песни и танцы Чукотки. «Сов. музыка», 1966, № 11, с. 95—100.

Майтинская К. Е. Развитие финно-угорского языкознания за 50 лет Советской власти. «Сов. финно-угроведение», т. 3, № 3, 1967, с. 161—167.

Малиновский Л. В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919—1928 гг.). «Труды Томск. ун-та», т. 190, 1967, с. 202—213.

Манжигеев И. А. О процессе отмирания шаманизма у бурят и о методах борьбы с его пережитками. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 69—71.

Маннай-оол М. Х. Древнее изображение горного козла в Туве. [О датировке и классификации наскальных изображений]. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 140—146. Библиогр. в подстроч. примеч.

Матвеев А. К. Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимистических исследований. «Сов. финно-угроведение», т. 3, № 2, 1967, с. 139—151. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1967. 254 с. (М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Сиб. секция Науч. совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской соц. революции»).

Митенова Р. А. Взаимообогащение национальных традиций и их роль в интернациональном воспитании трудящихся Усть-Ордынского Бурятского национального округа. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 47—49.

Митлянская Т. Б. Чукотская резная кость в фондах Музея народного искусства. [Москва]. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 313—335. Библиогр. в подстроч. примеч.

Митыпов Ц. Ц. Пропаганда новых обрядов, обычаев и традиций по радио и телевидению. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 87—88.

Михайлов Т. М. Новое в культуре и быте колхозников Агинского национального округа. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 28—31.

Мичурин Л. Н. О хозяйственном значении диких оленей на Крайнем Севере. «Проблемы Севера», вып. 11, 1967, с. 118—123. Библиогр.: 20 назв.

Музыкальная культура Бурятии. Сб. статей. Отв. ред. В. Ц. Найдаков. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1967. 119 с. с нот. илл. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. филиал. Труды Бурят. ин-та обществ. наук. Вып. 4. Серия искусствоведческая).

Мысовский Н. А. Развитие народных музеев в Восточной Сибири. «Уч. зап. Иркут. пед. ин-та иностр. яз.», вып. 2, 1966, с. 55—78.

Нанайские сказки: Ворон, карась, медведь и лиса. Храбрый Мэргэн. Легенда рода Джаксор. Легенда о роде Гэйкер. Легенда о происхождении рода Гахир (Гахил). Записали Л. И. Сем и Ю. А. Сем. «Зап. Примор. филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, 1966, с. 107—114.

Нефедова С. П. Ясачная политика русского царизма на Чукотке (XVII—XIX века). «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 27—33. Библиогр.: с. 32—33.

Новая жизнь народов Севера. М., «Наука», 1967. 119 с. с илл.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). На 4-й с. авт.: Н. А. Алексеев, В. И. Васильев, И. С. Вдовин и др.

Новая литература по народам Сибири и Севера. [Алф. указатель]. Сост. Р. В. Каменецкая. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 180—186.

Новгородов И. Д. Якутскому музею 75 лет. «Сб. науч. статей Якутского респ. музея», вып. 4, 1966, с. 3—26.

Новикова К. А. Ороки и их устное творчество. — В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 188—197.

Окладников А. П. История Сибири за 50 лет. [Обзор работ]. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 11—20.

Очиров Ц. О. Общественная роль советской печати в формировании новых традиций. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 3. Улан-Удэ, 1966, с. 25—27.

Павленок Л. А. О погребальном обряде Молчановского могильника (VI—VIII вв.). «Труды Томск. ун-та», т. 190, 1967, с. 314—318. Библиогр. в подстроч. примеч.

Паткин С. Вопросы земледелия в Горном Алтае. Горно-Алтайск, Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1967. 63 с. Библиогр.: с. 61—62.

Патачаков К. М. и Таксами Ч. М. Леонид Павлович Потапов. [Этнограф. К 60-летию со дня рождения]. «Уч. зап. Хакас. НИИ яз., литературы и истории», вып. 12, 1966, с. 187—200. Список печатных трудов Л. П. Потапова, с. 192—200.

Пахаев С. День пастуха — новый праздник животноводов Горного Алтая. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 26—27.

Пелих Г. И. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов. «Уч. зап. Томск. гос. ун-та», № 60, 1966, с. 94—107 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Плесовских В. И. Религиозные пережитки, устаревшие бытовые традиции народностей ханты и манси и пути их преоления. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966, с. 34—36.

Плишкина А. А. Об опыте работы некоторых домов культуры и клубов по внедрению новых обычаев и обрядов. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 90—91.

Полевой Б. П. Камчатские берестяные ясачные книги начала XVIII в. «Вопр. географии Камчатки», вып. 4, 1966, с. 124—127.

Полторацкая В. Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве. (По раскопкам С. А. Теплоухова). «Археол. сб. Гос. Эрмитажа», вып. 8, 1966, с. 78—102. Библиогр. в примеч.: с. 100—102.

Попова У. Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 174—181. Резюме на англ. яз.

Посвящение в хлеборобы. Рассказ о новом советском празднике-обряде, проведенном в колхозе «Рассвет» Алар. р-на Иркут. обл. Иркутск, 1967. 12 с. с илл. (Обл. упр. культуры. Иркут. обком ВЛКСМ. Метод. кабинет. Из серии брошюр «Празднуем по-новому»).

Преображенский А. А. К вопросу о миграциях населения на Урале и в Западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. [Выступление на науч. конференции по истории сел. хоз-ва и крестьянства Урала и Зап. Сибири. Июнь 1965 г.]. «Уч. зап. Свердл. ун-та», сб. 38, 1966, с. 72—86.

Преображенский А. А. Материалы по истории Сибири периода феодализма. «Вопросы истории», 1967, № 12, с. 161—170.

Проблемы краеведения. Отв. ред. А. И. Сизиков и Л. Ф. Берсенев. Вып. 2. Материалы к II Забайкальской краеведческой конференции. Чита, Изд-во Забайкальского филиала Геогр. о-ва СССР, 1966. [вып. дан. 1967]. 92 с. (Забайкал. филиал. Геогр. о-ва СССР. Чит. обл. отд-ние Пед. о-ва РСФСР).

Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Экон. и историч. науки. Доклады сессии учен. совета ин-та. Под ред. Н. А. Шилов. Магадан, 1967. 94 с. (Сиб. отд-ние АН СССР. Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ. Вып. 31. 50 лет Октября).

Пубаев Р. Е. Пережитки ламаизма в быту и сознании сельского населения. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 67—69.

Путеводитель по экспозиции Красноярского краев. музея. Красноярск, Кн. изд-во, 1967. 83 с. с илл.

Рабецкая З. И. Проблемы сельского хозяйства в трудах историков Восточной Сибири (1956—1965 гг.). [Обзор]. «Уч. зап. Иркут. пед. ин-та», вып. 30, 1967, с. 98—116. Библиогр.: 50 назв.

Рагимова С. Г., Молчанова О. Т. и Юдина Г. А. Глагольные формы в алтайской топонимии. — В кн.: Материалы 24-й научно-студенческой конференции Томского гос. пед. ин-та. 1—15 апреля 1967 г. Томск, 1967, с. 44—45.

Райзман Д. И. В. Г. Богораз-Тан — революционер, писатель, ученый. [Памяти исследователя культуры народов Северо-Востока Сибири. 1865—1936]. «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 3—10. Библиогр.: 24 назв.

Рандалов Ю. Б. Общественные праздники в бурятских улусах. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 49—53.

Рандалов Ю. Б. Социалистическое преобразование хозяйства, быта и культуры бурятского улуса за годы Советской власти (1917—1961 гг.). Опыт историко-этногр. исследования. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1967. 173 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние, Бурят. филиал. Бурят. ин-т обществ. наук).

Редькин П. К. Научная работа историков Кузбасса. «Вопросы истории», 1967, № 7, с. 149—151. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ретунский В. Ф. К вопросу о создании национальной государственности у народностей Обского Севера. «Уч. зап. Горьк. пед. ин-та», вып. 61. Серия историч., сб. 9, 1966, с. 63—85.

Рубан Б. П. О вручении паспортов в торжественной обстановке.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 3. Улан-Удэ, 1966, с. 14—15.

Рытхэу Ю. Спасенные Октябрем. [О соц.-экон. и культурных преобразованиях в Чукот. нац. окр.]. «Агитатор», 1967, № 21, с. 24—26.

Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX в. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 280 с. с илл.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Санги В. Путешествие в «Стойбище, где гудит ветер». [О хоз. жизни и культуре нивхов о. Сахалин]. «Дружба народов», 1967, № 4, с. 213—231.

Сандалов Б. Д. Сурхарбан — массовый спортивный праздник бурятского народа.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 92—94.

Сатлаев Ф. А. Современная культура и быт кумандинцев Красногорского района Алтайского края.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 50—51.

Сафронов Ф. Г. О дореволюционной якутской письменности. «Полярная звезда», 1967, № 6, с. 117—121.

Секерин В. Новые обряды и обычаи, бытующие в Кабанском районе Бурятской АССР.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 3. Улан-Удэ, 1966, с. 9—14.

Селюкова Т. А. Новые записи произведений устного народного творчества русского нижнеколымского населения (по следам В. Г. Богораза). [С публикацией текстов]. «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 58—68.

Сем Л. И. Основные особенности нижеамурских говоров нанайского языка. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 54—59. Библиогр. в подстроч. примеч.

Сем Ю. А. Амурская экспедиция и малые народы Нижнего Амура. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 33—41 с табл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Сем Ю. А. Влияние русского народа на малые народы Приамурья, Приморья и Сахалина (XIX в.—февраль 1917). «Зап. Примор. филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, 1966, с. 54—62. Библиогр.: 32 назв.

Сем Ю. А. Малые народности южной части русского Дальнего Востока накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Материалы второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск, 1967, с. 191—197.

Сем Ю. А. Приморский филиал Географического общества и этнография народов Дальнего Востока. [Доклад на сессии Примор. филиала Геогр. о-ва СССР в 1965 г.]. «Зап. Примор. филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, 1966, с. 21—28. Библиогр.: 26 назв.

Семенов С. Р. и Телятьев В. В. Лекарственные растения Восточной Сибири. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 218 с. с илл. Библиогр.: с. 214.

«Сибирские огни». Указатель содержания. 1922—1964 гг. Сост. А. Ф. Соустина и А. В. Суворова. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967.

Рец.: Авксентьевская Е. Хороший почин. «Знамя», 1968, кн. 5, с. 253—254.

Сивцев Д. О якутском олонхо. [Об одном из жанров якут. фольклора]. «Полярная звезда», 1967, № 3, с. 111—114. Перед текстом и в огл. авт.: Д. Сивцев-Омоллон. Сигутов П. Т. Население Омска в конце XIX века. «Изв. Омского отд-ния Геогр. о-ва СССР», вып. 8, 1966, с. 31—39 с карт.

Сизых С. Н. Краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны. «Сб. научных статей Якут. респ. краевед. музея», вып. 4, 1966, с. 73—92.

Сизых С. Н. Пропаганда пролетарского интернационализма и советского патриотизма в работе музея. «Сб. научных статей Якут. респ. краевед. музея», вып. 4, 1966, с. 42—50.

Симченко Ю. Б. Религиозные пережитки нганасан и долган и пути их преодоления.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 65—67.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Под ред. В. В. Палагиной. Т. 3. От П до Я. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1967. 249 с. (Том-

ский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева). На обороте тит. л. сост.: В. В. Палагина, О. И. Блинова, М. Н. Яценецкая и др.

Смоляк А. В. О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина. «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 95—102.

Смоляк А. В. Погребальные и поминальные обряды у народов Нижнего Амура и проблемы преодоления религиозных пережитков.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2, Улан-Удэ, 1966, с. 64—65.

Стариков В. С. Маньчжурская разновидность дальневосточного плуга. «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. 23, 1966, с. 5—10.

Старкова Н. К. Культурное строительство в Корякском национальном округе (1957—1964 гг.).— В кн.: Материалы второй дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск, 1967, с. 219—222.

Старкова Н. К. Обувь ительменов. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 42—48. Библиогр. в подстроч. примеч.

Степанов Н. Н. В. Г. Богораз как историк народов Дальнего Востока.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 71—79. Библиогр. в подстроч. примеч.

Степанов Н. Н. Исторический путь малых народов Крайнего Севера.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 3—28. Библиогр. в подстроч. примеч.

Стракач Ю. Б. Массовые народные праздники как средство коммунистического воспитания.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2, Улан-Удэ, 1966, с. 45—47.

Стракач Ю. Б. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Таежные и тундровые районы Сибири. Новосибирск, «Наука», Сиб. отд-ние; 1966. 147 с. с илл. (АН СССР. Сиб. отд-ние).

Сунчугашев Я. И. Новые данные о древнем горном деле и металлургии железа в Хакасско-Минусинской котловине. «Уч. зап. Хакас. НИИ яз., литературы и истории», вып. 12, 1966, с. 161—173. Библиогр. в подстроч. примеч.

Сухотина Л. Г. Формы землепользования, землевладельческие системы и орудия труда в сибирской деревне второй половины XIX в. «Труды Томск. ун-та, т. 190, 1967, с. 58—70.

Таксами Ч. М. Нивхи. (Соврем. хоз-во, культура и быт). [Историко-этногр. исследование]. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 271 с. с илл.; 2 л. схем. и карт. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Рец.: Савельева В. Нивх о нивхах. «Дальний Восток», 1967, № 5, с. 186—188.

Степанов Н. Н. и Сергеев Д. А.— «Сов. этнография», 1967, № 5, с. 189—191.

Таксами Ч. М. Установление Советской власти и организация советов среди нивхов.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 29—49. Библиогр. в подстроч. примеч.

Таханов А. Д. О некоторых новых обычаях и обрядах в Тункинском аймаке Бурятской АССР.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 3, Улан-Удэ, 1966, с. 16—21.

Терещенко Н. М. Слова табу в ненецком языке. «Сов. финно-угроведение», т. 3, № 2, 1967, с. 123—130. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Тимашева Л. Е. Современная чукотско-эскимосская резная кость. Альбом. Магадан, Кн. изд-во, 1967. 22 с. с илл.; 12 л. илл.

Тимашева Л. Е. Чукотско-эскимосский промысел резной кости и пути его развития. «Труды Сев.-Вост. комплексного НИИ», вып. 17, 1967, с. 182—191. Резюме на англ. яз. Библиогр.: 7 назв.

Тимохин В. А. Старое и новое в жизни нанайцев Кондона. «Изв. Сиб. студия АН СССР», 1966, № 9. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 126—133.

Тошчакова Е. М. Изменения в семейном быту у алтайских колхозников в советское время.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 1, Улан-Удэ, 1966, с. 23—26.

Троицкий В. А. Обнаружение развалин древней промысловой избы вблизи Диксона. «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», т. 99, вып. 1, 1967, с. 79—81.

Троицкий С. М. Новейшие исследования по истории Сибири в период феодализма. [Обзор]. «История СССР», 1966, № 6, с. 124—132. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гувинские народные сказки. Изд. 2-е. Кызыл, Тувкиноиздат, 1967. 211 с. На тувин. яз.

Тугутов И. Е. Семейный быт современных бурят.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 53—55.

У историков Сибири. «История СССР», 1967, № 2, с. 220—222.

Уткина Н. Н. К изучению русскими истории тувинского народа за 1921—1944 гг. «Уч. зап. Горьк. пед. ин-та», вып. 61. Серия историч., сб. 9, 1966, с. 120—132.

Ушаков Н. М. и Минеев Н. С. Сельскохозяйственные орудия XIX в. в Курганском музее. [Выступление на науч. конференции по истории сел. хоз-ва и крестьянства Урала и Зап. Сибири. Июнь 1965 г.] «Уч. зап. Свердл. пед. ин-та», сб. 38, 1966, с. 255—258.

Флеров В. С. Научная конференция по истории Сибири, посвященная 50-летию Великого Октября. Томск. Июнь 1967 г. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 149—151.

Флуг К. Тризна на Лангот-Югане. [О древнем ненец. обычае захоронения умерших]. «Наука и религия», 1967, № 6, с. 88—91.

Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Сб. Сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967. 302 с. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. Учен. зап. № 60. Серия филол. Вып. 5).

Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 68—82. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Хилтухин Г. Наша сила — в дружбе и братстве. [Доклад на Науч.-практ. конференции по вопросам преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Улан-Удэ. Ноябрь 1966 г. Напеч. с сокращ.] «Байкал», 1967, № 1, с. 133—136. [К 50-летию Советской власти].

Хитров П. И. К истории крестьянства и земледелия на Урале в период империализма. [Выступление на Науч. конференции по истории сел. хоз-ва и крестьянства Урала и Зап. Сибири. Июнь 1965 г.] «Уч. зап. Свердл. пед. ин-та», сб. 38, 1966, с. 278—286.

Хитынов М. Б. К характеристике изменения численности и структуры семьи у бурят в советский период. «Уч. зап. Бурят. гос. пед. ин-та», вып. 28, 1967, с. 271—280.

Хлобыстина М. Д. К семантике карасукских лапчатых подвесок. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 246—250. Библиогр. в подстроч. примеч.

Хомич Л. В. О современных этнических процессах в Ямало-Ненецком национальном округе.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 61—62.

Хомич Л. В. Октябрьская революция и женщины народностей Севера.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 50—70. Библиогр. в подстроч. примеч.

Цинциус В. И. В. Г. Богораз как исследователь эвенского языка.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 90—95. Библиогр. в подстроч. примеч.

Цыбиков Б. Д. Цагалдан. [Бурятский праздник Нового года].— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 81—84.

Чард Честер С. Некоторые проблемы дбисторической хронологии на Северо-Востоке Азии. Доклад [америк. ученого], прочит. на XI Тихоокеан. науч. конгрессе (Токио. Авг.-сент. 1966 г.). «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 94—99. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч. Пер. С. А. Арутюнова.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчженей Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 26—31 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Шадаев А. Золотое яйцо. Избр. бурят. нар. улигеры и сказки. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1967. 280 с. с илл. На бурят. яз.

Шапалин Б. Ф. 10 лет работы Комиссии по проблемам Севера. (1954—1964 гг.). «Проблемы Севера», вып. 11, 1967, с. 250—257.

Шастина Н. П. Георгий Никитич Румянцев. [Востоковед. 1903—1966. Некролог]. «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, с. 247—248. Список основных работ Г. Н. Румянцева, 19 назв.

Шахматова Л. А. О народонаселении и трудовых ресурсах Сибири. (На материалах Красноярского края). «Вестн. Моск. ун-та». Экономика, 1967, № 6, с. 56—61.

Шерхунаев Р. Рабочий-гэсэрчин. [О бурят. нар. сказителе Б. Е. Жатухаеве]. «Байкал», 1967, № 5, с. 149—152.

Широков Ю. А. Чукотско-эскимосская резная кость в Анадырском музее. (Каталог). «Зап. Чукот. краевед. музея», вып. 4, 1967, с. 38—51 с табл.

Шубин А. С. О религиозных пережитках эвенков севера Бурятской АССР.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 61—62.

Шубин А. С. Современный быт и культура баргузинских «конных» эвенков.— В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 109—111.

Шулунова К. Д. Из опыта работы Улан-Удэнского городского дворца бракосочетаний.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 96—97.

Шульман Н. и Брыкина В. Почему мы так называем... [Происхождение геогр. названий]. Благовещенск, Хабар. кн. изд-во, 1967. 15 с.

Щебенков В. Г. К вопросу о зарубежной историографии истории русского Дальнего Востока. «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР». Серия историч., т. 7, 1967, с. 66—72. Библиогр. в подстроч. примеч.

Щербакова А. М. Из воспоминаний и песен И. К. Тыко Вылки.— В кн.: Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967, с. 155—187.

Эйнгорн И. Д. Религиозные организации против массового колхозного движения в Западной Сибири. «Труды Томск. ун-та», т. 190, 1967, с. 283—294. Библиогр. в подстроч. примеч.

Юракова М. И. Лекарственные растения Томской области.— В кн.: Материалы 24-й научно-студенческой конференции Томск. гос. пед. ин-та. 1—15 апреля 1967 г. Томск, 1967, с. 65—67.

Языки и топонимия Сибири. Сб. статей. 1. Отв. ред. А. П. Дульзон, Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1966. 186 с.; 1 л. схем. (Новосиб. гос. пед. ин-т).

Якутия за 50 лет в цифрах. Стат. сб. Якутск, «Статистика», 1967. 174 с. (Стат. упр. Якут. АССР).

Якутские сказки. В 2-х тт. Т. 2. Изд. подгот. Г. У. Эргис. Якутск, Якуткнигоиздат, 1967. 283 с. (АН СССР. Якут. филиал Сиб. отд-ния. Ин-т яз., литературы и истории). На якут. и рус. яз.

Ястребов Е. В. История названия «Урал». «Изв. АН СССР». Серия геогр., 1967. № 3, с. 96—102. Библиогр.: 21 назв.

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов XIX—XX веков. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1967. 23 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ин-т яз., литературы и истории Якут. филиала Сиб. отд-ния).

Биче-Оол В. Л. Формирование тувинской и якутской социалистических наций в условиях некапиталистического пути развития. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1967. 15 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории советского о-ва).

Гныря Е. С. Духовные интересы рабочей молодежи. (На материалах некоторых предприятий Зап. Сибири). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. Томск, 1967. 23 с. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII в. (По материалам погребений). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Новосибирск, 1967. 22 с. (Новосиб. гос. ун-т).

Кушнарев Е. Г. Первая Камчатская экспедиция 1725—1730 гг. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Л., 1967. 29 с. (Ленингр. отд-ние ин-та истории АН СССР).

Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Томск, 1967. 20 с. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

Нефедова С. П. Культурное строительство на Чукотке (1917—1958 гг.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Л., 1966. 18 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Кафедра истории СССР).

Санжиев Б. С. Исторический опыт КПСС по укреплению содружества и дальнейшему сближению наций в период строительства коммунизма. (По материалам Сибири). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. М., 1967. 54 с. (Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Сенченко И. А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. и до установления Советской власти). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. М., 1966. 46 с. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина). Список работ автора в конце текста.



Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев как идеологи сибирского об-ластничества 2-й половины XIX в. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Томск, 1967. 24 с. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

Суров Ю. П. Лекарственные и плодово-ягодные растения кедровников Северо-Восточного Алтая. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. с.-х. наук. Сверд-ловск, 1967. 28 с. с черт. (Уральский лесотехн. ин-т).

Тарасов И. А. КПСС — организатор социалистического преобразования хозяй-ства малых народностей Севера. (На материале Якут. АССР. 1930—1940 гг.). Авто-реферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Якутск, 1967. 24 с. (Якут. гос. ун-т. Кафедра истории КПСС).

Чемакин А. М. Развитие экономики и культуры народов Обского Севера в 1956—1965 гг. (По материалам Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов Тюмен. обл.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М.—Ханты-Ман-сийск, 1967. 33 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Кафедра истории СССР советского периода).

Шубин А. С. Эвенки севера Бурятской АССР. (Историко-этногр. очерки). Авто-реферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1967. 22 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

---

Вайнштейн С. И. [Рец.]: Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Си-бири. М., «Наука», 1966. 269 с. (Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. 89) «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 171—174.

Васильев В. И. [Рец.]: Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этногр. очерки. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 329 с. с илл. «Сов. этнография», 1967, № 5, с. 192—195.

Зак Л. М. [Рец.]: Новая монография по истории культурного строительства в Си-бири. (Соскин В. Л. Очерки истории культуры в Сибири в годы революции и граждан-ской войны. Новосибирск, 1965). «История СССР», 1967, № 1, с. 178—180.

Копылов А. Н. [Рец.]: Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у яку-тов. XVII в. Якутск. 1966. 423 с. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1967, № 11. Серия обществ., вып. 3, с. 137—139.

Соколова З. [Рец.]: Ямало-Ненецкий национальный округ. (Экономико-геогра-фическая характеристика). М., 1965. 276 с. с илл. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 140—142.

Членова Н. Л. [Рец.]: Труды Тувинской комплексной археоло-этнографической экспедиции. 2. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 357 с. «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 170—174.

**Составитель Р. В. Каменецкая**

## СОДЕРЖАНИЕ

К. В. Чистов (Ленинград). Фольклор и этнография . . . . .	3
Э. К. Васильева (Ленинград). Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (По материалам социологического исследования) . . . . .	13
Э. П. Соколова (Москва). Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских ургов . . . . .	25
Б. П. Алексеев (Москва), Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман (Ленинград), Г. М. Давыдова, В. К. Жомова (Москва). Антропологические исследования на Лене . . . . .	40
В. Н. Басилов (Москва). Некоторые пережитки культа предков у туркмен . . . . .	53
Э. Л. Нитобург (Москва). Субурбанизация и негритянские гетто в США . . . . .	65
<b>Дискуссии и обсуждения</b>	
М. Я. Григнблат (Минск). К происхождению белорусской народности (По поводу теории субстрата) . . . . .	79
А. И. Робакидзе (Тбилиси). Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи) . . . . .	93
<b>Сообщения</b>	
Т. А. Бернштам (Ленинград). Ледокольная зверобойная артель поморов Зимнего берега Белого моря . . . . .	105
Р. Я. Рассудова (Ленинград). Следы общинно-военной организации у узбеков . . . . .	111
А. В. Позднеев (Москва). Народные лирические песни XVIII века . . . . .	117
<b>Поиски, факты, гипотезы</b>	
И. В. Бестужев-Лада (Москва). Развитие представлений о будущем: первые шаги (Презентизм первобытного мышления) . . . . .	123
<b>Хроника</b>	
Б. А. Калоев (Москва). В. К. Гарданов (к 60-летию со дня рождения) . . . . .	134
<b>Научная жизнь</b>	
Н. С. Полищук (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 года . . . . .	137
Н. В. Новиков (Ленинград). Научная конференция «Фольклор и этнография» . . . . .	143
С. И. Брук, С. А. Токарев (Москва). Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран . . . . .	149
<b>Критика и библиография</b>	
<b>Критические статьи и обзоры</b>	
Э. Г. Александренков (Москва). История изучения кубинскими учеными коренного населения Кубы . . . . .	153
<b>Общая этнография</b>	
Б. О. Долгих, А. И. Першиц (Москва). Основы этнографии. Учебное пособие . . . . .	160
Я. М. Свет (Москва). The Journals of Captain James Cook on his voyages of discovery. The voyage of resolution and discovery, 1776—1780 . . . . .	163
<b>Народы СССР</b>	
Т. Б. Долгих (Москва). В. Е. Носов. Социально-экономическое развитие народов Енисейского Крайнего Севера . . . . .	165

Г. В. Чулая (Москва). Осетины глазами русских и иностранных путешественников	168
С. Н. Плужникова (Москва). Belorussische Volksmärchen	170
<b>Народы зарубежной Азии</b>	
М. К. Кудрявцев (Ленинград). М. С. Pradhan. The political system of Jats of Northern India	172
<b>Народы Америки</b>	
Б. И. Шаревская (Москва). И. Р. Лаврецкий. Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов	174
Новая литература по народам Сибири и Севера	176
На первой странице обложки: Девушка-хантыйка в национальной зимней одежде (Ямало-Ненецкий национальный округ)	

3

**SOMMAIRE**

К. V. Tchistov (Léningrad). Folklore et ethnographie	3
E. K. Vassiliéva (Léningrad). Caractères ethnodémographiques de la structure familiale de la population de Kazan en 1967 (d'après les matériaux d'une étude sociologique)	13
Z. P. Sokolova (Moscou). Transformation de l'économie, de la culture et de mode de vie des Ugres de la région d'Obi	25
V. P. Aléxeïév (Moscou), Yu. D. Bénévolénskaya, I. I. Gokhman (Léningrad), G. M. Davydova, V. K. Jomova (Moscou). Recherches anthropologiques dans la région de Léna	40
V. N. Bassilov (Moscou). Quelques survivances du culte des ancêtres chez les Turkmènes	53
E. L. Nitobourg (Moscou). La suburbanisation et les «ghetto» nègres en U. S. A.	65

**Discussions et délibérations**

M. Ya. Grinblat (Minsk). Sur l'origine des Biélorusses (à propos de la théorie dite «du substratum»)	79
A. I. Robakidzé (Tbilissi). Particularités de l'organisation patronymique chez les peuples des monts Caucasiens (du problème de corrélation entre la patronymie, le clan et la famille)	93

**Communications**

T. A. Bernchtam (Léningrad). Une équipe brise-glace des chasseurs Pomores de la Côte d'Hiver de la Mer Blanche	105
R. Ya. Rassoudova (Léningrad). Les traces d'une organisation communautaire militaire chez les Uzbek	111
A. V. Pozdnéiev (Moscou). Chansons lyriques populaires du XVIII-e siècle	117

**Recherches, faits, hypothèses**

I. V. Biestoujev-Lada (Moscou). Evolution des idées sur l'avenir: ses premiers pas (du «présentisme» de la mentalité primitive)	123
---	-----

**Chronique**

B. A. Kaloïév (Moscou). V. K. Gardanov (pour le 60-e anniversaire)	134
--	-----

**Vie scientifique**

N. S. Politchouk (Moscou). Une session consacrée aux résultats des recherches ethnographiques et archéologiques en 1967	137
---	-----

N. V. Novikov (Léningrad). «Folklore et ethnographie» — une conférence scientifique	143
S. I. Brouk, S. A. Tokarev (Moscou). Conférence internationale sur un Atlas ethnographique de l'Europe et des pays avoisinants	149

## Critique et bibliographie

### Articles de critique et apersçus

E. G. Aléxandrénkov (Moscou). Histoire de l'étude de population aborigène de Cuba d'après les recherches des savants cubains	153
--	-----

### Ethnographie générale

B. O. Dolguikh, A. I. Perchits (Moscou). Principes de l'ethnographie (manuel universitaire)	160
Ya. M. Sviét (Moscou). The Journals of captain James Cook on his voyages of discovery. The voyage of the resolution and discovery, 1776—1780	163

### Peuples de l'U.R.S.S.

I. B. Dolguikh (Moscou). V. Ye. Nossov. Evolution socio-économique des population du Nord de la région de Iénisseï	165
G. V. Tsoulaya (Moscou). Les Ossètes vus par les voyageurs russes et étrangers	168
S. N. Ploujnikova (Moscou). Belorussische Volksmärchen	170

### Peuples de l'Asie étrangère

M. K. Koudriaytsev (Léningrad). M. C. Pradhan. The political system of the Jats of Northern India	172
---	-----

### Peuples de l'Amérique

B. I. Charevskaya (Moscou). I. R. Lavretski. Dieux en tropiques. Les cultes religieux des Antilles	174
Nouvelles publications sur les peuples de la Sibérie et du Nord de l'U. R. S. S.	176

*Sur la couverture: Jeune fille khant habillée d'un vêtement national d'hiver (région nationale de Jamalo-Nenets)*

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 11/VII-1968 г. Т-13064 Подписано к печати 3/X-1968 г. Тираж 1990 экз.  
Зак. 5271 Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Усл. печ. л. 16,8 Бум. л. 6 Уч.-изд. листов 19,9

## ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1969 год НА ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»:

«ИСТОРИЯ СССР»	6 номеров в год	Подписная цена за год 7 р. 20 к. Цена одного номера 1 р. 20 к.
«НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ»	6 номеров в год	Подписная цена за год 6 р. Цена одного номера 1 р.
«ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»	4 номера в год	Подписная цена за год 9 р. 60 к. Цена одного номера 2 р. 40 к.
«СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»	4 номера в год	Подписная цена за год 10 р. Цена одного номера 2 р. 50 к.
«СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ»	6 номеров в год	Подписная цена за год 6 р. Цена одного номера 1 р.
«СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»	6 номеров в год	Подписная цена за год 10 р. 80 к. Цена одного номера 1 р. 80 к.
«АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ»	12 номеров в год	Подписная цена за год 3 р. 60 к. Цена одного номера 30 к.
«ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР». СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК	3 номера в год	Подписная цена за год 2 р. 10 к. Цена одного номера 70 к.
«НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»	6 номеров в год	Подписная цена за год 9 р. 60 к. Цена одного номера 1 р. 60 к.
«СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»	12 номеров в год	Подписная цена за год 8 р. 40 к. Цена одного номера 70 к.
«ЭКОНОМИКА И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ»	6 номеров в год	Подписная цена за год 7 р. 50 к. Цена одного номера 1 р. 25 к.

*Подписка на перечисленные журналы принимается без ограничений в пунктах приема подписки «Союзпечать», отделениях связи, городских и районных узлах связи, на почтамтах, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и организациях.*